

ЖИРКОВ Г. В.

**Журналистика России:
от золотого века до трагедии.
1900 – 1918 гг.**

**Ижевск
2014**

УДК 070 (075.8)
ББК 76.003 я73
Ж 732

Печатается по решению Редакционно-издательского совета УдГУ

Рецензенты: д-р филол. н. *А.А. Вахрушев*, доцент кафедры истории и теории журналистики факультета журналистики УдГУ;

д-р ист. н. *А.Н. Кашеваров*, профессор кафедры истории журналистики факультета журналистики С.-ПбГУ

Жирков Г.В.

Ж 732 Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900 – 1918 гг.: Монография. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 382 с.

Книга проф. Г.В. Жиркова посвящена истории Золотого века русской журналистики и периоду Первой мировой войны, которая положила начало трагедии России и завершилась крушением самодержавия. В ней раскрыты сложные условия довоенного и послевоенного цензурного режима; процессы капитализации и политизации журналистики, определившие её особенности, систему, типологию, её информационный диапазон и проблемно-тематический комплекс. В книге рассказывается о первых шагах становления системы средств массовой информации: кинематографа, радиотелеграфа, фотожурналистики; основное внимание уделено периодике, её ведущим изданиям и публицистам В.М. Дорошевичу, Л.Н. Толстому, Иоанну Кронштадтскому, М.О. Меньшикову и др.

Книга рассчитана на всех интересующихся историей России; она может быть использована в качестве учебного пособия для магистрантов и бакалавров, специализирующихся по филологии, истории и журналистике.

ISBN 978-5-4344-0232-3

УДК 070 (075.8)
ББК 76.003 я73

© Г.В. Жирков, 2014

Оглавление

Предисловие.....	5
Глава I. Россия на рубеже столетий: характер эпохи и её процессов.....	13
Глава II. Власть и журналистика.....	37
2.1. Правовое положение печати и попытки власти модернизировать его накануне революции 1905 г... ..	37
2.2. Период явочной свободы печати.....	48
2.3. Борьба власти за восстановление законности в сфере печати.....	54
2.4. Дискуссии о правовом положении печати в условиях обновлённого строя.....	62
Глава III. Система журналистики.....	75
3.1. Факторы развития печати.....	75
3.2. Сеть официальной печати.....	78
3.3. Частная печать России.....	109
3.4. Начало эпохи газет.....	119
Глава IV. Процесс капитализации журналистики.....	131
4.1. Материальная база журналистики.....	131
4.2. Роль рекламы и банков в информационном бизнесе.....	135
4.3. Конкурентная борьба на информационном рынке.....	141
4.4. Эволюция проблемно-тематического комплекса печати.....	146
4.5. Газета «Россия».....	150
4.6. Деловая пресса.....	160
Глава V. Процесс политизации журналистики.....	171
5.1. Создание в России партийной печати.....	171
5.2. Журналистика политической эмиграции.....	174
5.3. «Свободное слово»: 1897 – 1908 гг.	178
5.4. «Русские ведомости».....	184
5.5. Партийная журналистика России.....	192
5.6. Парламентская журналистика.....	209
5.7. Политические письма Л.Н. Толстого.....	214

Глава VI. Духовное слово России.....	234
6.1. Духовная коммуникация и её особенности.....	234
6.2. Журналистика Русской Православной Церкви.....	240
6.3. Определение Святейшего Синода о Л.Н. Толстом	244
6.4. Журналистика и духовный поиск интеллигенции России.....	251
6.5. Отец Иоанн Кронштадтский – духовный публицист.....	265
6.6. Религиозно-общественная журналистика.....	273
Глава VII. Журналистика в период Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.).....	305
7.1. От «народной» войны к народной трагедии.....	305
7.2. «Народная» война.....	307
7.3. Контрпропагандистская деятельность России в годы войны.....	316
7.4. Система контроля за деятельностью печати в России.....	320
7.5. Реорганизация системы журналистики.....	322
7.6. Показ журналистикой патриотического движения общества.....	347
7.7. Борьба за влияние на массы.....	352
7.8. Военные корреспонденты.....	364
Заключение.....	377

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало XX столетия стало итоговым историческим периодом развития журналистики Российской империи. После трагических 1914 – 1920-х годов фактически произошла смена её парадигмы. Журналистика советского периода качественно отличается от неё. Предпринятые ранее исследования печати начала XX в. несут на себе в разной степени отпечаток утвердившегося в советское время одностороннего политизированного подхода к истории; с другой стороны, рассматривают печать в русле литературного процесса, что приводит к определенному искажению реальной картины.

В трудах историков московской школы, возглавляемой Б.И. Есиным, особенно им самим, С.Я. Махониной, С.И. Стыкалиным, история русской журналистики рубежа веков раскрыта наиболее полно. Однако основной специалист по этому периоду истории журналистики С.Я. Махонина в своих работах отдаёт дань преимущественному показу литературного процесса и не раскрывает достаточно полно и точно картину состояния журналистики тех лет.

Существенным дополнением к их работам являются монографии А.Н. Боханова и Э.В. Летенкова, положившие начало более основательному изучению процесса капитализации журналистики. В книге А.Н. Боханова «Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г.» (М., 1984) на большом архивном материале автор исследовал этот процесс, правда, в соответствии с научными реалиями 1980-х гг. – с упором на буржуазность. Но до сих пор монография Боханова – единственная работа, представляющая большой научный интерес по этой теме, наиболее полно раскрывающая суть процесса капитализации журналистики. Э.В. Летенков в монографии «”Литературная промышленность” России конца XIX – начала XX века» (Л., 1988), обратившись к этому же процессу, изучил материально-

техническую базу печати тех лет, показал, как капитализация влияет на творчество журналистов.

Новое слово по истории печати этого времени сказали в монографиях С.В. Смирнов «Легальная печать в годы Первой русской революции» (Л., 1981), А.В. Шевцов «Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века» (СПб., 1997); ростовский историк Е.В. Ахмадулин, две небольшие книги которого посвящены становлению партийной журналистики России: «Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов», «Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов» (Ростов-на-Дону, 2001). Учебное пособие Ахмадулина «История русской журналистики начала XX века» (Ростов н/Д, 2008) наследует увлечённость автора партийными изданиями. Названные труды вносят важный вклад в анализ политического процесса начала XX в. При этом следует отметить, что русская партийная печать в системе журналистики страны тогда не занимала значительного места и не была её влиятельной частью.

Изучение истории журналистики 1900 – 1917 гг. особенно важно: именно в то время закладывались основы журналистики как самостоятельного, оригинального явления культуры, чему способствовали происходившие на том этапе мировые процессы урбанизации цивилизации и массовизации её общественной, социальной жизни (выход к активной жизни масс – толпы); технизации информационного процесса, появление кинематографа. Существенное значение в обособлении журналистики России от литературного процесса, в её самоопределении имели капитализация экономики страны, появление более свободного информационного рынка и политизация общества.

Опора на информационный рынок, потребности массового читателя обеспечивали ранее жизненность так называемого торгового направления литературы, эволюция которого в XIX в. в конечном итоге вела к прощанию журналистики с литературным процессом. По-настоящему это реализуется в начале XX века, так как в России власть долго сдерживала политическое развитие общества, становление информационного рынка. Лишь Пер-

вая русская революция освободила его в значительной степени от опеки государства, что способствовало демократизации информационного процесса, расширению его информационного диапазона, развитию издательской предприимчивости, журналистской творческой инициативы, типологического многообразия, жанровой палитры печати.

Итогом всего этого и стал расцвет русской журналистики в 1908 – 1914 гг. – её золотой век, прерванный Первой мировой войной (1914 – 1918 гг.) – одной из самых кровопролитных войн в истории человечества. *Одной из важнейших её особенностей было её мощное информационное обеспечение.* Экономический кризис мирового сообщества привёл к столкновению интересов большого числа государств. Их правящие круги нашли предлоги, «идеалы», оправдывавшие необходимость войны для данной страны, определявшие якобы справедливый её характер. Впервые на мировом уровне развернулась информационная война, в которой участвовали пропагандистские аппараты всех стран. В этих условиях журналистика, обогатившаяся новыми информационными технологиями – кинематографом, радиотелеграфом, фотожурналистикой, пластинкой с граммофоном, – можно сказать, встала на путь превращения из политической в боевую силу. Постулат известного историка Клаузевица «Война есть продолжение политики, но другими средствами» стал подразумевать и обратное: политика – тоже война, но ведущаяся особыми средствами.

Какие это средства были тогда, даёт представление практика Комитета общественной информации (Committee on Public Information – CPI), учреждённого 13 апреля 1917 г. по приказу президента США сразу после вступления 6 апреля этой страны в войну. «Главной и определяющей чертой деятельности Си-пи-ай, – пришла к выводу историк зарубежной журналистики Е.А. Привалова, – стало комплексное воздействие на аудиторию путём использования печатных (газеты, в том числе и правительственные издания, брошюры, листовки и т.д.), наглядных (кинофильмы, фотографии, плакаты, карикатуры, значки, открытки, художественные выставки и т.д.) и устных (лекторы,

«четырёхминутные ораторы») средств массовой информации. Такого рода эксперимент проводили впервые в истории США».¹

Практика власти тех лет по манипулированию общественным мнением и воздействию на широкую аудиторию наложит отпечаток на всю историю мирового сообщества XX – XXI вв.

О происходивших в тот исторический период процессах существует богатая литература, созданная и участниками пропагандистских операций: Джорж Крил, председатель Комитета общественной информации США «Как мы рекламировали Америку» (1920); В. Николаи, подполковник Управления печати Верховного командования германских вооруженных сил «Осведомительная служба, печать и настроение народа в мировой войне» (1920); Потапов Н.М., русский генерал «Печать и война» (1926); Ф. Блументаль «Буржуазная политработа в мировую войну 1914 – 1918 гг.: Обработка общественного мнения». (1928); Ласвель Гарольд (Lasswell Harold D. – современный перевод фамилии – Лассуэлл) «Техника пропаганды в Мировой войне» (1927) и др.² Можно вспомнить ещё мемуары крупных военачальников разных стран, раскрывших практику ведения этой мировой войны. Её же фактография послужит для теоретических обобщений в трудах «Свобода и новости» (1920) и «Общественное мнение» (1922) дипломату, секретарю «мозгового центра» президента США и капитану военной разведки Уолтеру Липпману,³ активному участнику американской пропаганды.

Из многочисленных воспоминаний и мемуаров о Первой мировой войне для нас имеет наибольший интерес книга М. Лемке «250 дней в царской ставке» (1920), самый цитируемый источник историками журналистики. Книга была переиздана в двух томах в 2003 г., к сожалению, без всякого научного аппарата.⁴ М.К. Лемке – историк, публицист, редактор и цензор периода Первой мировой войны, работавший в Ставке Верховного главнокомандующего, приводит основные цензурные документы тех лет, их проекты, военные приказы, записанные беседы по телеграфу, беседы с военачальниками, телеграммы, публикации периодики. Как опытный к тому времени литератор, он их анализирует и комментирует. Его воспоминания ценны

как воспоминания участника журналистского творческого процесса, в разработке многих документов он участвовал. Но тогда, когда Лемке пишет о редакторах и журналистах, его оценки их деятельности нередко носят субъективный характер и требуют корректировки по другим источникам. Основные документы, использованные в воспоминаниях Лемке, опубликованы в сборнике, составленном О.Д. Минаевой (2003).⁵

Опыт, зафиксированный и обобщённый в названных трудах о Первой мировой войне, был в XX – XXI столетиях существенно усовершенствован и широко использовался властью государств при проведении международной и внутренней политики. Общецивилизационным достоянием становится мощнейший механизм манипулирования общественным мнением и воздействия на общественное сознание, опирающийся на новейшие информационные технологии.

Однако история русской журналистики периода этой войны ещё не выписана. В существующих учебных пособиях по истории журналистики начала XX в. о ней упоминается вскользь. Так, известный исследователь истории журналистики начала XX столетия С.Я. Махонина в своей книге отводит этому времени около 4-х страниц.⁶

Монография проф. А.Ф. Бережного «Русская легальная печать в годы первой мировой войны», вышедшая в издательстве Санкт-Петербургского университета в 1975 г., рецензентом которой мне довелось быть, остаётся по-прежнему единственным исследованием истории журналистики тех лет. Эта книга, по-прежнему цитируемая в разных работах, богатая содержанием и фактографией, несёт на себе отпечаток той эпохи, когда она вышла в свет. Это же касается трудов, в которых разрабатывались вопросы культуры и литературы периода Первой мировой войны: О.В. Цехновицер «Литература и мировая война. 1914 – 1918» (1938), В.П. Вильчинский «Литература 1914 – 1917 годов» (1972), «Летопись литературных событий» (Сост. М.Г. Петрова, 1972) и др.⁷

Большая статья А.С. Федотова «Первая мировая война в русских литературно-художественных альманахах и сборниках

(1914 – 1916)» (1990)⁸ уже свободна от влияния времени и создаёт вполне объективную картину расцвета альманахов в тот исторический период. Это же можно сказать о книгах, вышедших в свет позднее: «Последняя война императорской России» (2002), где помещена статья В.А. Смородиной «Русский военный фоторепортаж на фронтах Первой мировой: особенности развития и персоналии» – единственное произведение на эту тему; Д.В. Гужва «Военная печать русской армии в годы Первой мировой войны» (2009).⁹

Получивший развитие в современной практике постоянно ведущихся локальных войнах такой феномен, как информационная война, активно исследуется политологами, теоретиками и историками.¹⁰ Обзору становления этого феномена посвящена двухтомная монография Н.Л. Волковского «История информационных войн», где идёт речь и о Первой мировой войне.¹¹

100-летний юбилей Первой мировой войны способствовал усилению внимания исследователей к этому историческому периоду. Вышла значительная литература, посвящённая характеру Первой мировой войны, её причинам и истокам, попыткам демифологизировать её историю. Однако изучение истории журналистики 1914 – 1918 гг. на этом этапе ещё только начато. К юбилею вышли в свет сборник, подготовленный и составленный А.Б. Асташовым «Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны», включающий монографию и архивные документы (2012); монография В.Л. Агапова «Перед катастрофой: Россия в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг. в зеркале русского “толстого” журнала» (2014) и др.¹²

В предлагаемой читателю книге история журналистики начала XX в. рассматривается в контексте тех исторических процессов, которые привели журналистику к расцвету, сделали её базой Серебряного века русской культуры, наполнили её историю драмами, а сам этот период стал для неё итоговым.

Примечания

1. Привалова Е.А. «Русский эксперимент»: Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917 – 1920 гг.). М., 2006. С. 26.
2. Creel G. How we advertized America. N. Y. 1920; Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920; Demartial, Georges. La Guerre de 1914. Comment on mobilisa les consciences. Paris, 1922; Потапов Н.М. Печать и война. М., Л., 1926; Блументаль «Буржуазная политраба в мировую войну 1914 – 1918 гг.: Обработка общественного мнения». М., Л., 1928 (В этой книге приведён большой список литературы по её теме, вышедшей на немецком языке); Lasswell, H. Propaganda Technique in World War. N. Y., 1927 и др.
3. Привалова Е.А. «Русский эксперимент»: Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917 – 1920 гг.). М., 2006. С. 14 – 15, 47 – 49 и др.
4. Лемке М. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920; Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914 – 1915. Минск, 2003. – 448 с.; Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914 – 1915. Минск, 2003. – 672 с. В дальнейшем при цитировании двух томов 2003 г. будет указываться: Лемке М.К. Указ соч. 1914 – 1915.
5. Русская журналистика в документах: История надзора / Сост. О.Д. Минаяева. – М., 2003.
6. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Уч. пос. – М.: Флинта: Наука, 2002. С. 33 – 36.
7. Цехновицер О.В. Литература и мировая война. 1914 – 1918. М., 1938; Вильчинский В.П. Литература 1914 – 1917 годов // Судьбы русского реализма начала XX века. Л.: Наука, 1972. С. 228 – 278; Русская литература конца XIX – начала XX в. 1908 – 1917. М., 1972. С. 591 – 686; Рогожин Н.П. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1912 – 1917 гг. М., 1958 и др.
8. Федотов А.С. Первая мировая война в русских литературно-художественных альманахах и сборниках (1914 – 1916) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – начала XX в. Сб. науч. трудов. Вып. II. М., 1990. С. 259 – 294.
9. Смородина В.А. Русский военный фоторепортаж на фронтах Первой мировой: особенности развития и персоналии // Последняя война императорской России. Сб. ст. М., 2002. С. 115 – 135; Гужва Д.В. Военная печать русской армии в годы Первой мировой войны. Новосибирск, 2009.
10. Грешневиков А.Н. Информационная война. М., 1999; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 1999; Модестов С.А. Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции. М., 1999; Почепцов Г.Г. Информа-

- онные войны. Киев. 2000; Попов В.Д. Тайны информационной политики: социальный психоанализ информационных процессов. М., 2003; Волковский Н.Л. История информационных войн: В 2-х ч. СПб., 2003; Жирков Г.В. Информационная Северная война // Журналистика: Исследования, методология, практика. СПб., 2004 и др.
11. Волковский Н.Л. История информационных войн: В 2-х частях. Ч. 2. СПб., 2003. С. 3 – 128 (Глава XI. Средства информации в Первой мировой войне: механизм контроля и управления).
 12. Асташов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны / Автор, составитель, подготовка к печати. М.: Спецкнига, 2012. – 400 с.; Агапов В.Л. Перед катастрофой: Россия в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг. в зеркале русского «толстого» журнала: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 188 с.

ГЛАВА I. РОССИЯ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ: ХАРАКТЕР ЭПОХИ И ЕЁ ПРОЦЕССОВ

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Чёрный уголь – подземный миссия,
Чёрный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелилась,
И железная вост руда...
То под степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

Александр Блок. Россия // Русское слово. 1913. 25 дек.

Начало XX века для России знаменательно мощным экономическим развитием, становлением капитализма, рыночных отношений, коммуникаций, журналистики. Продукция предприятий с 1890-х годов к 1913 г. выросла в 4 раза, производства чугуна и добычи угля – в 5,5 раза, доходов страны и населения увеличились соответственно на 19,1 и 17,1 процентов. Интенсивно развивалась бумажная промышленность и полиграфическое производство. К началу века в стране было более 200 писчебумажных фабрик, около 800 типографий и словолитен. К 1913 г. соответственно – 300 фабрик и заводов, 1000 типографий и словолитен.¹ Становление полиграфии представлено в следующей таблице:²

Год	1900	1905	1905	1905	1913
Число предприятий	204	221	287	354	373
% к 1900 г.	100	108	141	173,5	183

Россия по-прежнему оставалась аграрной страной, занимая в связи с этим в мировой экономике особое место. В землевладении значительные площади принадлежали государству: в Европейской части (в 1905 г.) – 35 %, в Сибири – почти вся земля, кроме 1 млн. десятин частного сектора. В 1909 – 1910 гг. на долю России приходилось 26 % мирового вывоза хлеба.³ Улучшение экономической ситуации в стране, рост доходов привели к поразительному увеличению населения страны после реформ 1860-х гг.: за полстолетия оно удвоилось: с 70 до 167 млн. чел. в 1914 г.⁴

Россия на всех парусах двигалась в ряды наиболее развитых стран мира. Темпы развития экономики в 1890-е годы составляли в Англии – 18 %, США – 50, Германии – 72, России – 190 %. Уже к 1905 г. в стране появляются мощные производственно-финансовые объединения для продажи изделий русских металлургических заводов, синдикаты добычи полезных ископаемых и их продажи («Продамет» – 45 % всего производства; «Продуголь» и др.). В 1914 г. уже действовало 2198 акционерных компаний с основным капиталом 3965 млн. рублей, в том числе 587 млн. руб. по иностранным обществам.⁵ В столице создаются двусторонние торговые палаты: Русско-английская, Русско-французская, Русско-итальянская, Славянская, Русско-японское общество и др. Они вели многоплановую деятельность, регламентировавшуюся уставами, – от изучения рынков сбыта, организации банков до страхования грузов. Самой большой среди них к 1917 г. была Русско-английская палата, имевшая 1478 членов в России и Великобритании.⁶ В это же время складывается банковская система, строятся железнодорожные магистрали по Сибири и на Север (Мурманск), бурно растут города. Их население выросло в три раза. В 1900 г. в Санкт-Петербурге проживало 1 505 200 жителей, Москве – 1 359 886 (для сравнения: в наиболее населенном Нью-Йорке – 3 473 000). Развитие городов вело и к расширению печатной базы страны. Вот данные статистики об этом.⁷

Динамика роста числа городов, где печатались книги

Год	1895	1910	1911	1912	1914
Число городов	172	375	417	434	454

Существенное значение в функционировании такого огромного по протяженности, размеру территории государства всегда имел *географический фактор*. К 1 января 1916 г. в стране насчитывалось 184 млн. человек; на 1 версту приходилось 9 человек; для сравнения: в США – 12, Франции – 82,4, Германии – 128; Англии – 158. Империя в начале XX в. делилась на 99 частей: 78 губерний и 21 область (и 2 округа).⁸ Географический фактор предопределял особенности управления страной, развитие и состояние её информационного пространства, журналистики, связывающей и объединяющей это пространство, роль в ней официальной печати.

В результате процесса урбанизации, научно-технического прогресса складывается новое человеческое сообщество, живущее конгломератами на небольшом земном пространстве, тесно связанное местом обитания и особенностями его ноосферы. Эти обстоятельства и определили XX столетие как век толпы, становления цивилизации массовой культуры. Человек в таком сообществе находится под её магическим воздействием. Французский поэт Эмиль Верхарн в 1899 г. пророчливо и образно сказал об этом:

В городах из сумрака и черни,
Где цветут безумные огни;
В городах, где мечутся, беснуясь,
Как в котле – трагические толпы;
В городах, внезапно потрясённых
Мятежом иль паникой, во мне
Вдруг прорвавшись, блещет и ликует
Утысячерённая душа...

(Перевод М. Волошина, 1919).

Уже тогда учёные разных стран заметили это новое состояние человечества и в ряде трудов исследовали его особенности: Гюстав Ле Бон (1841 – 1931) «Психология народов

и масс» (СПб., 1896. Вышла во Франции как «Психология толп» в 1895 г.), «Психология социализма» (СПб., 1908); Габриэль Тард (1843 – 1904) «Публика и толпа» (СПб. 1899), «Законы подражания» (М., 1892), «Общественное мнение и разговор» (М., 1902); позднее – Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, З. Фрейд, К.Г. Юнг и др.⁹ Характерной чертой толп, по Г. Ле Бону, пришедшему к выводу о наличии «души толпы», является слияние индивидов в единый разум и чувство, когда каждый увлечён массой и стремится слиться с нею. Г. Тард сосредотачивает внимание на гипнотической модели влияния на толпу. К.Г. Юнг пишет о том, что люди в толпе превращаются в обезличенную массу и становятся податливыми для пропагандистского воздействия. Х. Ортега-и-Гассет считает пагубными для мировой культуры «восстания масс»: «Человек массы – господство ничем не связанных вожделений»¹⁰ и т.д.

Таким образом, можно констатировать новое состояние аудитории журналистики в начале XX в., что необходимо учитывать, говоря о массовых коммуникациях России того периода. В её социально-демографической структуре происходили значительные изменения. Поскольку эта структура соотносится с типологией журналистики, то и последняя также существенно модернизируется.¹¹ Качественная характеристика потенциальной аудитории печати представлена в следующей таблице, составленной по данным первой общероссийской переписи 1897 г.:

крестьяне	60 % (3/5)
рабочие с семьями	20 % (1/5)
владельцы небольших предприятий, сельская буржуазия, интеллигенция, чиновники	18 % (1/5)
крупная буржуазия, помещики, высшая бюрократия	~ 2 %
грамотные	27 %
грамотные в Петербурге*	59,2 %,
грамотные в Москве	46,8 %

*Данные о грамотности в столицах относятся к 1900 г.¹²

Основных потенциальных потребителей периодики, грубо и округлённо, было около 20 процентов, включавших владель-

цев предприятий, буржуазию, чиновников, интеллигенцию, помещиков. Намечалась тяга к чтению рабочих. Но даже в 1907 г. Россия тратила за год на образование каждого всего лишь 37,6 коп. К примеру, Новая Зеландия расходовала на одного человека в 1903г. 7 руб. 22 коп.¹³ Таким образом, наличие в столицах большого числа грамотных становилось базой для более активного развития в них печати по сравнению с провинциальными городами. Однако горожан, более активных читателей прессы, в России было лишь 13,9 % всего населения, в то время как в США 46,3 %, а в Англии, Германии еще больше.¹⁴ Рассеянность населения по огромной территории России в то время и то, что только одну пятую его можно рассматривать как потенциальных читателей газет и журналов, – всё это говорит о неразвитости массовой аудитории в стране.

Особо необходимо учитывать то, что Россия была многонациональным государством. По первой переписи национальная принадлежность не определялась, но среди вопросов был вопрос о родном языке. Оказалось, родным русский был у 55 400 тыс. чел. Это составляло 47 % всего населения. Кроме того, многие представители других наций считали русский родным (ижора, часть евреев и др.). Однако, по данным Всеобщего на 1916 год русского календаря (М., 1915), русские в государстве составляли 65,5 %, турецко-татарские народы – 10,6, поляки – 6,2, финны – 4,5, евреи – 3,9, литовцы и латыши – 2,4, др. – 6,9 %. Характеристика национального среза страны показывает, что в ней есть условия для развития национальной журналистики.

Российское общество составляли представители разных конфессий: на 1916 г. в нём было около 70 % православных (87,3 млн. человек), 10,83 % – магометан, 8,91 – католиков, 4,85 – протестантов, 0,6 армяно-григориан, 0,5 % – прочих.¹⁵ Традиционно Россию считали страной Православия. Важную роль в её жизни всегда имела Русская Православная Церковь (РПЦ), на которую опиралась власть. В 1905 г. в стране насчитывалось духовенства – 103 437 человек белого, 20 199 человек чёрного, 53 546 православных церквей (на 1912 г.), 267 мужских и 208 женских монастырей, пустынь и общин. У

Церкви было 4 духовных академии – Петербургская, Московская, Киевская и Казанская; 57 семинарий с 19 348 учащимися, 184 мужских духовных училища, сеть массовых народных школ – церковноприходских, учительских и школ грамоты.¹⁶ Кроме того, в России были тысячи служителей других религий. Русская пражурналистика, духовная коммуникация и духовная публицистика Русской Православной Церкви являлись органической частью коммуникативной культуры России.¹⁷ Это предопределяло существование влиятельной духовной печати в системе русской журналистики.

Российскому обществу рубежа веков, как и всей цивилизации, была характерна активизация процессов миграции населения: из деревни в город, из России в другие страны. «Городская инфраструктура оказалась не готова к наплыву разорившихся крестьян, обнищавших обитателей имперских окраин и неквалифицированных иммигрантов, – пишет проф. Стохастического Центра Билефельд-Бонн Дм. Волченков (Германия). – Города впали в состояние упадка: их жители страдали от безработицы и ежечасно усиливавшейся бедности... В результате более 60 млн. европейцев были вынуждены покинуть Европу в поисках лучшей доли за океаном...».¹⁸

В 1906 – 1910 гг. из России в США выехало и поселилось там 950 284 человека, в том числе: евреев – 44,1 %, поляков – 27,2 %, русских – 4,7 %. К 1915 г. в США проживало иммигрировавших из России 3048 000 человек. В начале XX века в Канаде насчитывалось только духоборов, уехавших из нашей страны по религиозным мотивам, 8 тысяч. К 1917 г. в разных европейских странах насчитывалось более 6 тысяч политэмигрантов из России. По количеству переселившихся тогда в ряду других стран Россия занимала третье место после Италии и Австро-Венгрии.¹⁹

Следует заметить, что вообще исходным и основным моментом истории XX века является **усиление миграционных процессов в социальной структуре общества, движение масс к социальной жизни, активизация их во всех её сферах.** Следствием этого стало возникновение жгучей потребности

организации и управления этим движением масс. На её удовлетворение была направлена вся интеллектуальная человеческая энергия – мысль, организационные усилия, технические и материальные достижения. Вырабатывались новые доктрины и учения, с помощью которых человечество пытается организовать социальную среду по-новому: теории демократии и либерализма, марксизм, ленинизм, сталинизм, фашизм, голлизм и т.д. На практике происходит политизация жизни общества, крушение монархий и появление республик разного типа. Так, в 1914 г. в Европе было лишь три республики и 17 монархий, а в 1918 г. их число сравнялось.

Независимо от форм государственности продолжается уже на новом уровне становление всесильных и гибких в своём приспособлении бюрократических аппаратов управления обществом. Имеющие истоки в прежних режимах эти аппараты с целью укрепления своего господства умело эксплуатируют монархические потенции народов через диктаторские режимы, которые только и были способны на какое-то время держать в узде стихийное движение масс в целом ряде регионов мира (Германия, Испания, СССР, Франция и др.). Вот почему диктаторы – это нерадивые и нелюбимые дети XX столетия, их пришествие на этом витке истории обусловлено Временем. Управление Россией в этот исторический период развивалось в общем русле закономерностей цивилизации. Его модернизация началась Первой русской революцией 1905 – 1907 гг.

Произошедшие изменения в жизни России способствовали усилению рыночного, социально-политического и культурного взаимодействия людей, и в связи с этим их коммуникативных потребностей. С другой стороны, было нарушено установившееся относительное равновесие как в мире, так и в отдельном государстве. Проблемы перераспределения богатств, территорий, собственности; конкуренции; организации социальной жизни общества порождают противоречия, особенно глубокие там, где общество, как в России, отличалось архаичными управленческими структурами, с трудом подвергавшимися модернизации.

На рубеж веков приходится **период правления Николая II Александровича** (1868 – 1918). Его начало ознаменовалось трагическим событием – Ходынкой, когда во время подготовки празднеств по случаю коронации Николая II, в ясную весеннюю ночь с 17 на 18 мая 1896 г. погибло и было изувечено свыше двух тысяч человек. В народе нового царя окрестили «кровавым». На его долю досталось сложное для управления огромной страной время. В начале XX века разразился общемировой экономический кризис, который сказался на и без того бедственном положении широкого населения страны. В 1901 г. в стране произошло 164 забастовки, в которых участвовало 32 тыс. человек, в 1903 г. – 550 забастовок, охвативших уже около 87 тыс. Одновременно начались волнения среди студентов (1901 г.) и восстания в деревне: в 1902 г. на Юге России – в Полтавской и Харьковской губерниях – развернулась настоящая война: крестьяне сжигали помещичьи имения, захватывали хлеб, оказывали сопротивление полиции и войскам. И забастовки, и волнения крестьян жестоко подавлялись – вплоть до применения расстрелов и порки сельского населения.

Мировой кризис вёл к обострениям и на международной арене. В этот период значительно активизировалась на Дальнем Востоке экспансия Японской империи, что привело её к столкновению с российскими интересами в Восточной Азии. Борьба за влияние в этом регионе вылилась в проигранную Россией войну. 8 февраля 1904 г. японский флот напал на русскую эскадру у Порт-Артура. 10 февраля появился царский манифест об объявлении войны Японии.

Японская сторона, выступавшая в качестве агрессора, была хорошо подготовлена к войне. В стране процветал культ армии. Он подогревал милитаристские настроения в японском обществе. Россия же не была готова к этой войне. Её руководство недооценивало силы противника, не успело мобилизовать собственные силы. Военное командование не смогло выполнить свои задачи: армия и флот несли поражение за поражением.

6 сентября 1905 г. был заключён, как считают историки, удачный в той ситуации Портсмутский мир, по которому Россия потеряла Порт-Артур, половину острова Сахалин, ушла из Маньчжурии, Корея была отнесена в сферу влияния Японии и др. Страна осталась без Тихоокеанского флота и без выхода в Тихий океан.²⁰

Крупный сановник, дипломат, сыгравший ключевую роль в заключении Портсмутского мира, успешный министр финансов (1892 – 1903 гг.) и председатель Совета министров царского правительства (1905 – 1906 гг.), граф Сергей Юльевич Витте (1849 – 1915) так характеризует в известных мемуарах этот исторический момент: «Началось ужасное время. Несчастнейшая из несчастнейших войн, затем как ближайшее последствие – революция, давно подготовленная ... полицейско-дворцово-камарильным режимом. Затем революция перешла в анархию. Что Бог сулит нам далее? Во всяком случае, ещё много придётся нам пережить. Жаль царя. Жаль России. Сердце и душа исстрадались, и покуда нет просвета. Бедный и несчастный государь! Что он получил и что оставит? И ведь хороший и неглупый человек, но безвольный, и на этой черте его характера развились его государственные пороки, т.е. пороки как правителя, да ещё такого самодержавного и неограниченного. Бог и Я».²¹

Слова Витте, определяющие сложившийся режим как полицейско-дворцово-камарильный, отражали не только настроение интеллигенции, но и всего общества. В народе созрел взрыв. Это понимали многие, но царь и его ближайшие помощники не находили в себе смелости предпринять какие-либо реальные шаги для того, чтобы предотвратить выступление масс. Структура управления обществом была традиционно монархической, никакие модернизации её не признавались. Л.Н. Толстой писал с беспокойством: «Просвещение, освещая сознание людей, идёт вперёд, нельзя остановить его, а **формы жизни у нас в России идут назад, и трудно себе представить, как и чем можно изменить это**»²² (Подчёркнуто нами. – Г.Ж.). «Россия переросла форму существующего строя, – подчёркивал

Витте в докладе Николаю II. – Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы».²³ Самодержавный режим России даже к этому времени не воспринял европейский опыт организации социально-политической жизни общества с помощью партий. Это послужило их стихийному созданию, обострению политической атмосферы в стране, развитию конфликтности, противостоянию социальных слоёв общества и в конечном итоге – одной из причин революций этой эпохи.

Для сохранения статуса-кво представители самодержавия искали всякого рода обходные пути и пытались сами организовать наиболее явных своих сторонников и поддержать их борьбу с «революционерами»; установить особые отношения с рабочими. От этой политики берут истоки два своеобразных, провокационного типа социальных явления тех лет: чёрная сотня, начало которой положил шеф политического сыска, директор Департамента полиции, с 1902 г. министр внутренних дел В.К. Плеве (1846 – 1904), и зубатовщина, инициатором которой был начальник московского охранного отделения с 1896 г., полковник С.В. Зубатов (1864 – 1917).

Приведём самохарактеристику первого явления его представителями из газеты «Русское знамя» (1906, № 176): «В настоящее время патриот-народник есть черносотенец. Русский патриотизм и есть черносотенство... Черносотенец и есть земляк всей чёрной сырой родной русской земли-матери». Редакция приводила строки «неизвестного» стихотворца:

Кто молитву творя,
Чтит народ и Царя,
В ком ни сердце, ни ум не шатается,
Кто под градом клевет
Русь спасает от бед,
Черносотенцем тот называется.

С.В. Зубатов, осознав то, что правительство должно решать рабочий вопрос, создал с этой целью особую программу и ставил задачу – «вырвать из-под ног» революционера «самую почву»: «урегулировать рабочее движение, дифференцировать различные его проявления и определить, с чем нужно бороться и

что нужно только направлять».²⁴ И чёрная сотня, и зубатовщина, хотя действительно и поддерживали самодержавие, но больше компрометировали его.

Однако процесс образования партийных движений, затем партий шёл. Именно массовым появлением партий открывается политическая история России XX столетия. Уже в конце XIX в. большинство этих оппозиционных сил работало в подполье и за границей. Они активно настраивали массы против самодержавия. Многие политические деятели вынуждены были покинуть страну. Оказавшись в эмиграции, они с помощью создаваемых печатных органов формировали сначала круг своих сторонников, затем партию. На рубеже веков были организованы наиболее радикальные партии: в 1901 г. – социалисты-революционеры (эсеры), сосредоточившие агитацию среди крестьян; в 1898 г., реально в 1903 г. – социал-демократы (РСДРП), которые вели агитацию среди рабочих. Русская зарубежная журналистика способствовала убыстрению образования партий в России. Как только в 1905 г. разразилась революция, так почти сразу же произошло их оформление. За короткий период – годы двух русских революций (1905 – 1920) в стране возникло столько партий, сколько не имело ни одно государство мира. В России их насчитывалось к 1906 г. – до 50, к 1917 г. – более 70, к 1920 г. – около 90 (с начала века и включая национальные).²⁵

В этот период всё больший интерес к политике стал наблюдаться и среди духовенства, обеспокоенного судьбой страны и монарха. Начало открытого проявления этого интереса положил священник Георгий Аполлонович Гапон (1870 – 1906), имевший связи с С.В. Зубатовым и получавший от него финансовую поддержку своей деятельности. Гапон организует в 1903 г. Собрание фабрично-заводских рабочих Петербурга, которое открыло 11 отделений в разных районах столицы и насчитывало около 9 тысяч человек. Священник становится его признанным лидером. Он стремится придать деятельности Собрания религиозно-нравственный и культурно-просветительский уклон. Одновременно оно стало представлять собой и

большую профессиональную силу, защищавшую интересы рабочих.

Стечение целого ряда существенных обстоятельств и важных событий: поражения в войне с Японией; ухудшение положения рабочих, их забастовки, 13 декабря 1904 г. мощная всеобщая стачка в Баку; убийство В.К. Плеве, приход на его место П.Д. Святополка-Мирского, провозгласившего «эпоху доверия» между правительством и обществом; петиционная земская кампания, когда на высочайшее имя посылались десятки прошений о введении в стране представительного образа правления; наконец, увольнение с работы 4 участников Собрания и ответная забастовка Путиловского завода – всё это привело к попытке столичного пролетариата, как писал Гапон 8 января 1905 г. Николаю II, представить царю «свои нужды и нужды всего русского народа».²⁶

Гапон, используя опыт земской кампании, решил устроить манифестацию с подачей царю-батюшке от имени рабочих петиции, начинавшейся словами «Государь! Воззри на наши страдания» и содержавшей требование Учредительного собрания. У власти был определённый резерв времени, чтобы действовать. Но она бездействовала. Если радикалы имели конкретную программу по рабочему вопросу, то власть таковой не имела, явно недооценивая возможные коллективные действия пролетариата.

Шествие к Зимнему дворцу почти 20 тысяч рабочих с женами и детьми, нёсших иконы, портрет Николая II, хоругви, началось 9 января и имело сугубо мирный характер, о чём знал и царь, и полиция. Оно было встречено нагайками и пулями, под которыми погибло более тысячи человек и было изувечено ещё свыше двух тысяч. Потрясённый расправой, чуть не погибший Гапон публично проклял царя. «В ореоле пастырского гнева, с пастырскими проклятиями на устах, Гапон, по выражению Троцкого, представлялся фигурой почти библейского стиля».²⁷ На другой день в рабочих предместьях столицы уже пели:

Побеждённый на Востоке,
Победитель на Руси, –

Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови!²⁸

«Правительственный вестник» признал 10 января: «Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади. На 4-й линии Васильевского острова толпа устроила из проволок и досок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, причем из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы. У городских толпа отнимала шашки и вооружалась ими...»

9 января вошло в историю как кровавое воскресенье. Оно послужило толчком к Первой русской революции (1905 – 1907). Народ вышел из повиновения власти. И царю пришлось уже в экстремальных условиях решать давно назревшие проблемы. Как показывает его речь перед 34 представителями рабочих различных заводов и фабрик столицы, приглашённых во дворец на приём 19 января, Николай II не совсем понял, что произошло 9 января: «Мятежною толпою заявлять Мне о своих нуждах – преступно. В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы всё возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд».²⁹ Царь простил вину мятежных рабочих.

Революция заставила самодержца пойти на уступки и демократизировать в той или иной степени само правление и жизнь общества. 17 октября выходит в свет **Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка**, написанный С.Ю. Витте,³⁰ во многом определивший внутреннюю политику страны и идейную борьбу последующих лет. В связи с этим приводим полностью его основные положения:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и
3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.³¹

Фактически Манифест сверху – от власти даровал те свободы, которые определили конституционный характер Основных государственных законов. Реформы, проведённые на их базе в 1905 – 1907 гг. под влиянием революционного движения, были значительными как по рабочему вопросу, так и в области политических свобод, свободы слова, печати и создания союзов; столыпинская аграрная реформа способствовала освоению богатств Сибири и Дальнего Востока.³² Экономика страны, как уже отмечалось, испытывала подъём. Конечно, эволюция социальной жизни общества протекала в жесткой борьбе между сторонниками старого и нового пути развития страны. Удерживаемое некое сложное равновесие этих сил в мирных условиях было нарушено вступлением России в Первую мировую войну, что определило последующие трагические для государства события.

По Манифесту 17 октября 1905 г. страной наряду с императором стала управлять Государственная Дума. В этом уже было заложено противоречие, которое вело к конфликтности во власти. Культура политического компромисса не была характерна для властных структур России: всё зависело от воли самодержца, что ярко отразилось в борьбе Николая II и сторонников монархии и их оппонентов. Государственная Дума просуществовала и в этих условиях около 12 лет – до падения

самодержавия в 1917 г. Она имела четыре созыва – I (1906, 27 апр. – 9 июля), II (1907, 20 февр. –3 июня), III (1907, 1 ноября – 1912, июнь) и IV (1912, 15 ноября – 1917, 25 февр.).³³

Председатели Государственных Дум

I – Муромцев Сергей Андреевич;

II – Головин Федор Александрович;

III – Хомяков Николай Алексеевич;

с марта 1910 г. –

Гучков Александр Иванович;

с 22 марта 1911 г. –

Родзянко Михаил Владимирович

IV – Родзянко Михаил Владимирович.

Создавшееся положение было использовано всеми политическими силами для организации партий, пытавшихся участвовать в управлении обществом. На политической арене страны действуют Конституционно-демократическая партия (кадеты), Союз русского народа (СРН), Союз 17 октября (октябристы), Палата Михаила Архангела, трудовые народные социалисты (энесы), прогрессисты, трудовики, выходят из подполья эсеры и социал-демократы. Начался процесс политизации России, так долго сдерживавшийся самодержавием. Выборы в Государственную Думу проходили в острой борьбе разных политических сил. Это хорошо отражает состав российского парламента.

Таблица

Партийный состав Государственных Дум России³⁴

Фракции	Число депутатов					
	<i>I ГД</i>	<i>II ГД</i>	<i>III, 1-я сессия</i>	<i>III, 2-я сессия</i>	<i>IV, 1-я сессия</i>	<i>IV, 2-я сессия</i>
<i>Крайне правые</i>	23		91	75	88	86
<i>Правые</i>		22	49	51	64	61
<i>Правый центр:</i>	50		148	120	99	86
<i>Октябр-ты</i>	(16)	32 (43)				

Левый центр:						
Прогрес-ты			25	36	47	42
Кадеты	175	92 (98)	53	53	57	55
Польское коло	32	47	11	11	9	7
Автономис.	28					
Мусульм. группа		31	8	9	6	6
Казак		17				
Польско-литовско-белорус. гр.			7	7	6	6
Левые радикалы:						
Трудовики	97 (110)	101 (104)	14	11	10	10
Социал-демократы	17 (18)	65	9	13	14	12
Эсеры		37				
Народные социал.-ты		16				
Партия мирного обновления	26					
Беспарт.	67 (40)	50	26	23	4	15
Независим.	100					
Смешанные						13

Активная общественная жизнь толкала управление к осознанию и выявлению управленческих, организаторских и манипулятивных функций журналистики, способствовала её политизации. Если мы обратимся к опыту русской журналистики XIX века, то увидим, что она во многом – литературное явление, в ней господствуют литературные журналы, литераторы и критики. Сам термин «журналистика» (от типа издания) носит литературный оттенок. В новом столетии происходит обособление журналистики от литературного процесса и её бракосочетание с политикой. В процессе организации партий и партийных группировок, в ходе выборов в Думу и борьбы вокруг её законодательных инициатив возникла

острая необходимость в собственной печати. В журналистском творческом процессе стали господствовать новые силы: политики, капиталисты, манипуляторы.

Появлению этих сил на уровне управления обществом способствовало и развитие ноосферы Земли. К XX в. материально-технические накопления цивилизации достигают такого уровня, что можно говорить о *первом революционном этапе технизации мирового информационного процесса*, влияющего на всё состояние человеческого сообщества. Прогресс в издательском, типографском, полиграфическом производстве, в визуализации информационного процесса, в информационных технологиях вообще к началу этого столетия приводят журналистику к новому качественному состоянию: начинает складываться система средств массовой информации (СМИ) и средств массового общения (СМО), (средств массовой коммуникации – СМК).

С 1830-х гг. человечество постепенно осваивает телеграф, который революционизировал систему распространения, сбора и обмена информации в обществе. Создание специальных информационных агентств существенно повлияло на характер журналистики, её проблемно-тематический комплекс и диапазон информации. К 1900 г. в мире функционировало 15 национальных телеграфных агентств: Гавас (Париж, с 1835 г.), Вольф (Берлин, с 1849 г.), Рейтер (Лондон, с 1851 г.), Русское телеграфное агентство (С.-Петербург, с 1866 г.). При более свободном информационном рынке происходит более быстрое информационно-коммерческое освоение телеграфа.

В России становление телеграфа как связи шло быстрыми темпами, но что касается информационных агентств, то их развитие было взято властью под неусыпный контроль. В связи с этим информационное пространство стало ареной распространения влияния немецкого агентства Вольфа, что впоследствии осложнило выход на мировую арену отечественного агентства. В 1894 г. в Петербурге было создано Российское телеграфное агентство, в 1902 г. – Торгово-телеграфное агентство, преобразованное в 1904 г. в Санкт-Петербургское телеграфное

агентство. Наконец, в 1909 г. император Николай II утвердил «Положение Совета Министров о Санкт-Петербургском телеграфном агентстве». С 1912 г. оно стало Петербургским телеграфным агентством при Совете Министров. ПТА имело более 200 корреспондентов в России и за рубежом.

Решительный шаг в совершенствовании печатания со времён изобретения печатного стана И. Гутенбергом (1454 г. – середина XV в.) сделал в 1887 г. немецкий изобретатель, работавший в США, О. Мергенталлер, запатентовавший машину, которая ускорила наборный процесс почти в 5 раз. Она затем станет широко известна как линотип.³⁵

Изобретённый ещё в 1877 г. Эдиссоном фонограф, названный сначала говорящей машиной, становится родоначальником граммофона. С 1900 г. по 1907 г. в России было продано полмиллиона граммофонов. Было налажено производство до 20 млн. дисков ежегодно.³⁶ Пластинки как носители информации выполняли функции СМИ. Они содержали не только музыку, пенье, но и несли общественно-полезную информацию, обучали языку.

В России в конце XIX века шёл процесс накопления знаний, нацеленных на передачу изображения на расстояние. В 1880 г. русский физик П.И. Бахметьев предложил передавать изображение по проводам с помощью быстро чередующихся электрических сигналов, используя способность человеческого глаза сохранять мгновенное световое раздражение (на этой способности будут основаны и кино, и телевидение). Но такой метод тогда был крайне сложен, он требовал применения механических частей (вращающихся дисков с отверстиями), а изображение получалось грубым.³⁷

В 1890 г. Алексей Николаевич Слухаевский проводил опыты, которые получили обобщение в его брошюре «Телеоптикон: Электрическая передача видения» (Петербург. 1902 г.). В феврале 1900 г. в Обществе ревнителей военных знаний был заслушан доклад капитана гвардейской артиллерии, радиоинженера Константина Дмитриевича Перского «О теле-визировании, то есть о способах, дающих при помощи электричества возможность ви-

деть всё находящееся на далёких от нас расстояниях так, как бы видели это собственными глазами». Сам термин «телевидение» был введен в оборот Перским в 1900 г. на научной конференции в Париже.³⁸

С 1897 г. преподаватель Санкт-Петербургского технологического института Борис Львович Розинг вёл опыты по электрической передаче изображений на расстояние. Их итогом было создание электронно-лучевой трубки, запатентованной им в 1907 г. 9 (22) мая 1911 г. Розинг первым в мире сумел передать и принять на электронный телевизор собственной конструкции простейшее изображение, состоящее из четырёх светлых полос на тёмном фоне. К этому периоду относятся попытки передать изображение на расстояние в цвете. В 1907 г. О.А. Адамян (1879 – 1932) получил патент на изобретение аппарата двухцветного телевидения. Он использовал метод последовательной передачи цветowych кадров с помощью механической системы. Цветовое (красно-белое) изображение передавалось по проводам на 600 км.³⁹

24 апреля (7 мая) 1895 г. Александр Степанович Попов продемонстрировал в Петербургском университете систему беспроводной связи, о чём он сообщил в статье, сданной в декабре 1895 г. в редакцию научного «Журнала Русского физико-химического общества» и вышедшей там. В феврале 1896 г. в этом же издании он напечатал схему своего радиоприёмника. В 1897 г. итальянец Маркони получил патент на аппарат электро-связи без проводов и организовал АО «Маркони и К*». В 1900 г. Попов запатентовал в России, Англии, Франции первый в мире детекторный приёмник («телефонный приёмник депеш»), позволявший принимать сигнал на радиоприёмники. В 1903 г. Попов совместно с С.Я. Лившицем продемонстрировал первую в мире радиотелефонную систему связи, предназначенную для передачи речи с использованием телефонного приёмника и искрового передатчика, сигналы которого модулировались голосом.⁴⁰

Главное управление почт и телеграфов в 1909 г. приступило к строительству коммерческих радиостанций. К 1917 г. оно имело в своём распоряжении около 30 радиостанций.

Одновременно военное ведомство страны создало сеть стратегических станций, обеспечивших устойчивую связь центра с окраинами.⁴¹

Мировая техническая мысль к началу века находит решение и в воспроизведении и тиражировании движущегося изобразительного ряда. 7 декабря 1895 г. в Париже братья Люмьер представили чудо – синематограф – кино. Предприниматели сразу же по достоинству оценили этот подарок технической мысли. Уже в 1896 г. кино появляется в России, а в мае этого года прошла съёмка коронационных торжеств в Москве – Николай II венчался на царство. Съёмка вошла в историю как первая в мире киносъёмка события политического характера и вторая как съёмка массового мероприятия (первой была съёмка такого рода Фотографического съезда в Париже в 1896 г.).⁴² В 1896 – 1897 гг. фильм о коронации с разрешения Министерства Императорского двора показывали в Павловском вокзале и других летних театрах. В августе 1898 г. был снят Высочайший выход с Красного крыльца и шествие церковной процессии в Успенский собор Кремля.

Прокат и производство картин быстро росли. В 1903 г. в Москве действовало 2 кинотеатра, а в 1911 г. в Петербурге их было уже 84. На 1916 г. в стране было более 1500 кинематографов, в том числе в Петрограде – 134, Москве – 107; для сравнения – во Франции – 8000, Германии – 2900; Нью-Йорке – 540 кинематографов, в Лондоне – 410, Париже – 260.⁴³ С 1908 г. выходят на экраны страны картина за картиной. В 1912 г. кинематограф охватил все круги общества и проник повсюду. Первый русский кинооператор и фабрикант А.О. Дранков в 1914 г. выпустил до 80 картин. За 1907 – 1914 гг. в России было снято 370 фильмов, исключая хронику и видовые.⁴⁴ Вся эта продукция имела информационное, познавательное, пропагандистское и развлекательное значение, хотя в ней уже на том уровне пробивалась и эстетическая функция будущего киноискусства. Так, треть репертуара – более 120 фильмов представляли собой экранизацию литературных произведений. В картинах давались хроника событий (военные манёвры, встречи

дипломатов, церковные шествия, «День 80-летия графа Л.Н. Толстого» – 144 м. плёнки); сенсационные факты, к примеру, о пожарах; исторические события. Большой успех в 1908 г. имела картина А.А. Ханджонкова «Стенька Разин» (204 м. плёнки); показывались виды городов, пейзажи и др.

Новое средство информации и общения было сразу же поставлено под контроль государства. Уже после демонстрации фильма о Высочайшем выходе на Красное крыльцо в канцелярию МВД поступил сигнал о том, что в театрах эту картину обычно показывают подряд с другими, иногда комического характера, например, о бранящемся городовом, что вызывает смех зрителей; или рядом с лёгким жанром (танцующая балерина и т.п.). Такие фильмы сопровождаются игрой маршей или вальсов, что нередко создаёт неуместный фон для фильма о Высочайших особах.

28 сентября 1898 г. отношением МВД № 6600 была учреждена официальная предварительная цензура кинопродукции с участием высочайших особ и утверждены правила подобных показов публике.⁴⁵ К 1908 г. цензурное ведомство уже выработало законодательные положения, регулирующие показ кинофильмов в стране. Не разрешалось демонстрировать картины:⁴⁶

- противные нравственности и благопристойности,
- кощунственные,
- возбуждающие к учинению бунтовщического или иного преступного деяния,
- публичный просмотр которых был признан неудобным по местным условиям.

В другом циркуляре МВД сформулированы эти ограничения в более обобщённом виде: запрещались к показу фильмы, которые могли бы вызвать нарушение общественного порядка, оскорбление религиозного, патриотического и национального чувства.⁴⁷ Все эти подробности приведены нами с целью показать рутинность такого средства массовой информации и общения как кино уже в начале XX в. К сожалению, учебники по журналистике обходят стороной такого рода

исторические факты, оставляя их в ведении искусствоведов. Между тем, явление миру кинематографа открывало новую эру – цивилизацию массовой культуры, массового тиражированного, выброшенного на информационный рынок продукта; положило начало системе средств массовой информации и средств массового общения, их взаимодействию и взаимообогащению.

Примечания

1. Статистика приведена по: Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991; Бережной А.Ф. История отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.): Материалы и документы... СПб., 2003; Nickolas S. Timasheff. The Great Retreat: The Growth and decline of communism in Russia. New York, 1946 – Тимашев Н.С. Великое отступление / Перевод А. Щелкина // Русская Европа. 2004. № 1, март. С. 7.
2. Поршнев Г.И. История книжной торговли в России // Книжная торговля. М., Л., 1925. С. 126, 133.
3. См. об этом: Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927.
4. Всеобщий на 1916 год русский календарь. М., 1915; Портрет Российской империи в цифрах // Ленинградская правда. 1990. 7 ноября.
5. Всеобщий на 1916 год русский календарь. М., 1915.
6. Клешу С. Торговцы расселись по палатам // С.-Петербургские ведомости. 2000. 30 сент.
7. Поршнев Г.Е. Книжная торговля. М., изд-во Центросоюза, 1925. С. 5.
8. Всеобщий на 1916 год русский календарь. М., 1915.
9. См. подробно: Московичи С. Век толп. М., 1998; Кучерова Г.Э. Очерки теории зарубежной журналистики (XIX – первая половина XX вв.). Ростов на-Д., 2000.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 152.
11. См.: Жирков Г.В. Типология журналистики и социальная структура общества // Типология местной прессы. Советский Союз – Польша. (Typologia prasy lokalnoi) / Ростов на-Д., 1991. С. 20 – 31.
12. Стернин Г.Ю. Художественная жизнь в России на рубеже XIX – XX веков. М., С. 8.
13. Украина. 1907. 1 янв.
14. Городское дело. 1910. № 10. С. 637; Бородин Н.А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Петроград, 1916. С. 9.

15. Всеподданейший Отчёт обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905 – 1907 годы. СПб., 1910. С. 71, 100. Приложения. С. 5, 7, 9, 155, 173.
16. Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. Разработано ЦСК МВД по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1901. С. 2 – 3.
17. См.: Жирков Г.В. Истоки русской журналистики // Его же. Журналистика: Исторические этюды и портреты. СПб., 2007. С. 12 – 47.
18. Волченков Д. Россия как альтернатива жизни? // Дело. 2008. 1 дек. С. 8.
19. БСЭ. 1-е изд. Т. 68. М., 1934. С. 163; Бородин Н.А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Петроград, 1916. С. 9; Всеобщий на 1916 год русский календарь. М., 1915; Гладышева С.Н. Периодические издания «Свободного слова» (1898 – 1905): История, особенности функционирования. Автореф. канд. дис. Ростов н/Д., 1999. С. 16; Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 198; Donskov, Andrew. Leo Tolstoy and Canadian Doukhobors: an historic relationship. Ottawa: Carleton University, 2005, p. 24. А. Донсков приводит число проживающих сейчас в Канаде духоборов – более 30 тысяч.
20. См.: Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора 24 мая – 3 октября 1905. СПб. 1906.
21. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х томах. Том 2. М., 1960. С. 291.
22. Лев Толстой и русские цари. М., 1995. С. 76.
23. Полный сборник платформ всех русских политических партий. СПб., 1906. С. 3.
24. См.: История зубатовщины // Былое. 1917. № (23). С. 86 – 89; Гаврилов Ю. Зубатовщина или полицейский социализм // Огонёк. 1989. № 51. С. 14.
25. См. подробно: Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков: Учеб. пос. / Под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2003; Спириин Л.Н. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С. 32.
26. Гапон Г. А. История моей жизни. Ростов н/Д., 1990. С. 88.
27. См.: Революция 1905 – 1907 гг. в России: Документы и материалы. Начало первой русской революции. М., 1955. С. 6.
28. Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991. С. 103.
29. Петербургская газета. 1905. 20 января (2 февраля).
30. Манифест 17 октября 1905 г. был написан С.Ю. Витте вместе с кн. А.Д. Оболенским и Н.И. Вуичем. – Государственные деятели России XIX – начала XX в. Биограф. справочник. М., 1995. С. 43.

31. Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 40 – 41.
32. См. об этом: Старцев В. Свержение монархии и судьбы России // Свободная мысль. 1992. № 7. С. 81 – 83.
33. См. наиболее полное освещение их деятельности, литературу о них: Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. СПб., 2003. – 416 с., ил.
34. Аргументы и факты. 1990. № 28; 2006. № 17; Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 115 – 117; 198 – 203; Вешняков А. Начало демократизации России // Политический класс. 2006. № 4 и др.
35. Немировский Е.Л. Техника книгопечатания (от Гутенберга – до начала XX века) // Пятьсот лет после Гутенберга. 1468 – 1968. Статьи, исследования, материалы. М., 1968. С. 408; Bagdikian Ben H. The Information Machines. New York, 1971. Р. 95. Бережной А.Ф. История отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.): Материалы и документы... СПб., 2003. С. 120.
36. Нестьев И. Звезды русской эстрады. М., 1974. С. 16.
37. Заря телевидения // Правда. 1981. 28 авг.; Гречук Н. «Слушайте и смотрите!» // С.-Петербургские ведомости. 2001. 5 мая.
38. Голядкин Н.А. История отечественного и зарубежного телевидения. М., 2004. С. 4.
39. Горохов П.К. Борис Львович Розинг – основоположник электронного телевидения (1869 – 1933). М., 1964; Акопян А.С. Оганес Абгарович Адамян. Ереван, 1981; А.М. Рохлин. История отечественного телевидения. М., 2008 и др.
40. Захаров И. Неизвестный Александр Попов // С.-Петербургский университет. 1995. № 1. С. 23 – 25.
41. Ружников В.Н. Так начиналось: Историко-теорет. очерк советского радиовещания, 1917 – 1928. М., 1987. С. 28 – 29.
42. См. об этом: Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963.
43. Всеобщий на 1916 год русский календарь. М., 1915.
44. Лихачев Б.С. Кино в России (1896 – 1926): материалы к истории русского кино. Ч. 1. 1896 – 1913. Л., 1927. С. 43, 101, 204.
45. Проблемы придворной цензуры исследованы С.И. Григорьевым, который уточнил и дату введения цензуры кино в России: Григорьев С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831 – 1917). СПб., 2007. С. 220 – 223.
46. Циркуляр Главного управления по делам печати № 11505 от 13 декабря 1908 г. // Справочная книга о печати всей России / Сост. Д.В. Вальденберг. – СПб., 1911. С. 21.
47. Там же. С. 603.

ГЛАВА II. ВЛАСТЬ И ЖУРНАЛИСТИКА

2.1. Правовое положение печати накануне революции 1905 года и попытка власти модернизировать его

Накопленный за XIX в. властью России опыт взаимоотношений с печатью имел своеобразие. В условиях самодержавия основное слово в решении проблем журналистики оставалось за монархом, но его роль в этом к началу XX в. не была активной и даже определяющей. Уменьшение участия царя в делах прессы относится к эпохе Александра III.¹ Николай II, его приемник, и как личность, и как руководитель страной, опирался в решении государственных вопросов на бюрократический аппарат, основы которого были заложены ещё Николаем I. Несмотря на реформы 1860-х годов, этот аппарат обладал колоссальной инерцией и консерватизмом, что сказывалось на всех сторонах общественно-социальной жизни России.

Архаизм взаимоотношений власти и журналистики может хорошо иллюстрировать то, что цензурное ведомство вплоть до 1905 г. руководствовалось в работе Уставом о цензуре и печати, изданным в 1890 г., а в его основе лежали Временные правила о печати 6 апреля 1865 г., обросшие десятками новых законодательных актов, циркуляров, указаний. Устав представлял собой целую брошюру в 60 страниц. Включал 302 статьи, закреплявшие богатый опыт русской цензуры. Однако с ростом аудитории, развитием общественной, политической мысли, журналистики, особенно провинциальной, стали остро ощущаться противоречия между цензурными узаконениями и отсутствием правового обеспечения журналистского творческого процесса.

Столичные газеты могли быть приостановлены цензурой на срок не более 6 месяцев после получения трёх предварительных предостережений. Местные газеты приостанавливаются без всяких предостережений и сроком до 8 месяцев. Причём более

половины приостановок цензурой провинциальных газет, как отмечал в газете «Приазовский край» публицист Я.В. Абрамов, падает именно на 8 месяцев, что «обыкновенно влекло за собою полную потерю подписчиков и прекращению самого издания» вообще. Кроме того, на периферии в отличие от столиц цензуру осуществляли губернаторы. Местные чиновники действовали по своему усмотрению, без всякого контроля, что обычно вело при цензуре к крайнему субъективизму.

В Главное управление по делам печати нередко поступали жалобы на притеснения со стороны местных чиновников, выполнявших цензурные функции. Так, редакция газеты «Вятский край» в письме в цензурное ведомство подробно рассказала об их «художествах»: «Выкидываются одинаково и литературные и публицистические материалы, серьёзные и лёгкие, общего и местного характера... Вычёркиваются не только оригинальные статьи, но ещё чаще перепечатки из русских же изданий, большей частью подцензурных казанских и нижегородских газет, вычёркиваются даже перепечатки из официальных изданий («Пермские губернские ведомости» и из «Правительственного вестника» и даже из напечатанных здесь в Вятке с разрешения Вятского же губернатора и из изданных докладов Губернскому земскому собранию)».²

Деятели провинциальной прессы неоднократно выступали против дискриминации местной периодики. В 1901 г. в «Приазовском крае» (1891 – 1918), как раз тогда, когда в Ростов-на-Дону прибыл председатель Главного управления по делам печати Н.В. Шаховской (1901 – 1902), совершавший поездку по городам Юга России, редакция газеты поместила серию статей Я.В. Абрамова и И.Я. Алексанова о правовом положении провинциальной печати.³ В том же году несколько редакторов местных газет подали докладную записку князю Н.В. Шаховскому, где поднимали вопрос о необходимости внести изменения в существующий цензурный устав.⁴

Более радикальный подход к решению проблемы свободы печати отражён ещё в одном документе тех лет – резолюции, выработанной деятелями петербургской журналистики с участи-

ем 14 газет и журналов и опубликованной в 1902 г. в русских заграничных изданиях, где выдвигалось требование «полной и безусловной отмены предварительной цензуры – как цензуры до напечатания или разрешительной, так и цензуры до обнародования или запретительной».⁵

Редактор и публицист ежедневной, научно-литературной, политической и экономической газеты «Приднепровский край» (Екатеринослав) М.К. Лемке в 1901 – 1902 гг. постоянно выступал под рубрикой «Наша жизнь» со статьями о положении местной печати и её журналистов. Не выдержав давление цензуры, он решился на открытую демонстрацию протеста. 19 марта 1902 г. газета вышла в том виде, в котором её пропустила цензура, – с большими пустыми полосами. Она была моментально раскуплена. Информация о ней достигла границы. Так, в письме от 3 мая 1902 г. к П.Б. Аксельроду В.И. Ленин просил «тотчас же» выслать ему номер «Приднепровского края» с «белыми местами».⁶ Министр внутренних дел Д.С. Сипягин приостановил выход газеты и отстранил Лемке от редакторства. Сравнивая положение провинциальной и столичной прессы, юрист и публицист К.К. Арсеньев тогда же утверждал: «Провинциальная печать вполне бесправна, так бесправна, как никогда, в самые худшие минуты, не была столичная подцензурная печать».⁷

Внимание к правовому положению журналистики обострилось в связи с 200-летием русской печати. 2 января 1903 г. почти все газеты поместили статьи, оценивающие роль прессы в жизни общества. В 1903 г. вышли книги К.К. Арсеньева «Законодательство о печати», по мнению В.А. Розенберга, «выдающееся явление нашей литературы» и «Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703 – 1903 гг.», подводивший итоги её развития за 200 лет. Арсеньев писал: «До сих пор мы видели только случайные мимолетные, но не полные её (свободы печати – Г.Ж.) проблески; хочется верить, что приближается пора её расцвета... Свобода печати, свобода совести, личная неприкосновенность – вот три блага, потребность в которых чувствуется всё больше... (свобода печати)

играет такую же роль в общественной жизни, как свет в жизни органического мира».⁸

В сборнике была помещена статья Г.К. Градовского «К 200-летию печати. Возраст русской публицистики», в которой автор показывал последствия цензурного режима для развития журналистики и отмечал, что «и теперь ещё область цензуры безгранична». Итогом её деятельности является то, что настоящей политической печати, по Градовскому – публицистики, в ближайшем будущем исполнится лишь 40 лет. «Политическую мысль гнали в дверь, – констатирует автор, – а она входила в окно... политическая мысль, общественное сознание, стремление к обновлению пролагали себе дорогу в отделах критики, в повестях и комедиях, в баснях и стихотворениях. Теснили политическую печать, политическую мысль внутри, она переходила за пределы России и оттуда оказывала влияние на наше умственное развитие».⁹

Цензурное ведомство тоже по-своему отметило 200-летие русской печати, сделав незначительную уступку провинциальной прессе: именно в 1903 г. законом от 8 июня в 7 крупных городах – Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске, Харькове – были введены должности отдельных цензоров, чем произвол губернатора и его чиновников был заменён цензурой профессионалов.¹⁰

22 марта 1903 г. вступило в действие новое Уголовное уложение, отразившее веяния времени. Так, по статье 129 ссылкой до трёх лет наказывался «виновный в произнесении или чтении, публично, речи или сочинения или в распространении или выставлении сочинения или изображения, возбуждающих:

- 1) к учинению бунтовщического или изменческого деяния;
- 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя;
- 3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению или законному распоряжению власти;
- 4) к учинению тяжкого, кроме указанных, преступления;

5) к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы...». ¹¹

Бурное развитие в информационном процессе изобразительного ряда вызвало появление в Уголовном уложении более подробной статьи 103 «Об оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или угрозе Их Особе или надругательстве над Их изображением, учинённых непосредственно или хоть заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении, или публичном выставлении с тою же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных». Виновный в этом случае наказывался «каторгой не свыше восьми лет». ¹²

В том же году Правительствующий сенат обсуждал правовое положение журналистов и сделал разъяснение о том, что их удаление с собраний общественного характера не предоставлено безусловному произволу председателя этого собрания; «их присутствие признаётся необходимым во всех случаях, так как это даёт возможность обществу осуществлять свой контроль над деятельностью общественных учреждений». ¹³

Развернувшаяся война с Японией привела к ужесточению цензурного режима в стране. В официальной печати было помещено официальное сообщение: «Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, чтобы на всё время войны все известия и статьи в повременных изданиях, касающиеся военных приготовлений, передвижений наших войск и действий наших армии и флота подлежали предварительному рассмотрению компетентных военных властей в видах ограничения возможности появления в повременной печати заведомо ложных известий с театра войны, но вместе с тем и в целях доставления населению края сведений, сравнительно действительному положению дел на Дальнем Востоке». ¹⁴ Таким образом, вступала в свои права повсеместно военная цензура.

В августе 1904 г. и до 18 января 1905 г., на короткий срок на пост министра внутренних дел приходит князь П.Д. Святополк-Мирский, провозгласивший «эпоху доверия» и стремившийся к модернизации внутренней политики, её смягчению,

привлечению к более активной общественной деятельности земства, ослаблению цензуры. Министр сразу же обратился к журналистам: «Я придаю большое значение печати, особенно провинциальной». При этом он подчеркнул: «...Печать, служа искренно и благожелательно действительным нуждам населения, может принести громадную пользу, содействуя правительству в трудном деле управления».¹⁵ Встречи Святополк-Мирского с редакторами и журналистами стали регулярными. На них министр обещал дать большую свободу прессе. Как подсчитал историк Н.Я. Новомбергский, читавший в Русской высшей школе общественных наук (Париж) в конце 1904 – начале 1905 г. лекции по истории журналистики, на деле цензоры вообще впервые применили 17 административных репрессий за 43 дня, «чего раньше никогда не было и не могло быть».¹⁶

Однако трагические события войны с Японией вызвали в обществе резкую критику власти: в статье о падении Порт-Артура, опубликованной А.А. Сувориным в газете «Русь», она коснулась даже царя. В связи с такого рода выступлениями прессы Святополк-Мирский получил упрёк от Николая II, указавшего ему 22 ноября 1904 г. на то, что министр «распустил печать». В ответе императору Святополк-Мирский отметил неопределённость правового положения журналистики и высказал мнение о необходимости пересмотра закона о печати, так как все сдерживающие её средства в новых условиях малоэффективны, а «предупреждения действуют как рекламы для газет» (министр имел в виду пример с газетой «Русь», популярность которой после инцидента со статьей о Порт-Артуре выросла).¹⁷

Министр добился выхода 12 декабря именного высочайшего указа сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».¹⁸ В указе предлагалось «устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определённые законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть правдивою выразительницею разумных стремлений на

пользу России» («Правительственный вестник» 14 дек. 1904 г.). В соответствии с указом царя, Комитет министров на заседаниях 28 и 31 декабря решил отменить некоторые из действовавших постановлений о печати, признанных им наиболее стеснительными, точнее определить смысл положений о воспреещении розничной продажи печатных изданий, раскрытии имён авторов статей, предоставив министру внутренних дел право войти в Государственный совет с этими вопросами и «образовать особое совещание для пересмотра действующего цензурного законодательства и для составления нового устава о печати».

Однако меры, предпринимаемые властью, постоянно запаздывали. Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. прозвучало сигналом к началу революции. Особое возмущение в обществе вызвала попытка замолчать трагедию. В связи с этим в Петербурге в помещении газеты «Новое время» состоялось совещание редакций ежедневных газет, независимо от их направления. Несмотря на единодушный первый протест такого рода, выступление петербургских журналистов в защиту свободы слова закончилось тем, что они получили разрешение опубликовать небольшую информацию: «О событиях 9 января и последующих дней мы имеем возможность печатать только правительственные сообщения, официальные сведения и известия, пропущенные цензурой г. С.-Петербургского генерал-губернатора».¹⁹

Лишь 21 января 1905 г. царь утвердил намеченные меры («О порядке выполнения пункта восьмого именного высочайшего устава от 12 декабря 1904 г.»²⁰). Он назначил члена Госсовета, директора Императорской публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко председателем особого совещания, вошедшего в историю по бюрократической традиции как комиссия Кобеко.²¹ Это была авторитетная комиссия, состоявшая из юристов А.Ф. Кони и почётного академика К.К. Арсеньева, редакторов А.С. Суворина («Новое время»), М.М. Стасюлевича («Вестник Европы») и Д.И. Пихно («Киевлянин»), Н.В. Шаховского (от МВД) и др. Комиссия приступила к заседаниям 10 февраля 1905 г. По 18 декабря было проведено 36 заседаний, на которых проходили обсуждения поставленных вопросов в острой полемике. Уже к маю

комиссия выработала «Проект нового устава» и «Проект вызываемых изданием нового устава о печати изменений и дополнений уголовного уложения и устава уголовного судопроизводства». ²²

В ходе работы комиссии Кобеко были добровольно задействованы заинтересованные в свободе слова и печати гигантские общественные силы страны. В неё поступили многочисленные записки от учреждений, редакций, групп, собраний, обществ, союзов: от общего собрания присяжных поверенных и их помощников Харьковской, Московской, Одесской и Киевской судебных палат, железнозаводчиков и уральских промышленников и заводчиков, камышинских обывателей, кассы взаимопомощи литераторов и ученых, союза инженеров и техников, сахарозаводчиков, деятелей по народному образованию, минского сельскохозяйственного общества... и т.д. В «Русских ведомостях» (№ 41) была опубликована записка литераторов – сотрудников 14 петербургских газет и журналов о нуждах печати и мерах, необходимы для обеспечения её свободы. ²³ К ней стали сразу же присоединять голос другие редакции изданий страны.

Руководящие структуры государства не могли найти устраивающего их решения. 25 мая 1905 г. Николай II, например, писал министру внутренних дел А.Г. Булыгину: «Печать за последнее время ведёт себя всё хуже и хуже. В столичных газетах появляются статьи, равноценные прокламациям с осуждением действий высшего Правительства». Царь советовал министру давать директивы печати, «воздействовать на редакторов, напомнив некоторым из них верноподданнический долг, а другим и те получаемые ими от Правительства крупные денежные подержки, которыми они с такой неблагодарностью пользуются».

Без сомнения, высшие чины государства этого периода кн. П.Д. Святополк-Мирский, А.Г. Булыгин, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин отдавали себе отчёт в значимости печати, о чём свидетельствуют сохранившиеся документы тех лет: их доклады и записки императору и правительству, их выступления перед публикой. ²⁴

Тем временем Главное управление по делам печати продолжало отправлять на места один за другим циркуляры по поддержанию цензурного режима в стране. Оно предписывало:

- 23 апреля

«Не допускать в течение 3 месяцев оглашения или обсуждения в печати каких-либо известий касательно собравшегося в Москве съезда земских деятелей, а также всякого рода вызванных этим съездом адресов, телеграмм и постановлений»;

- 25 мая

«Подтверждено требование представлять на разрешение полицейской власти все статьи, заметки и известия, касающиеся стачек, беспорядков и других нарушений скопом общественного порядка и спокойствия»;

- 26 мая

«Не допускать каких-либо извлечений и сведений из изданного на правах рукописи и потому не подлежащего оглашению и распространению сборника документов по переговорам с Японией 1903–1904 гг., а равно каких-либо суждений по сему предмету». И т.д.²⁵

Правительство во главе с С.Ю. Витте вело втайне, даже от членов особого совещания, работу над реальным законодательным документом. Сам Д.Ф. Кобеко готовил его. На 32-ом заседании, после выхода в свет Манифеста 17 октября 1905 г., Кобеко сообщил о том, что временные правила о повременных изданиях, составленные им, через неделю будут утверждены Императором. Это вызвало негативную реакцию членов особого совещания. А.С. Суворин, сенатор И.А. Зверев, А.Ф. Кони, академик Н.Я. Сонин выразили протест (двое последних перестали участвовать в заседаниях). А.Ф. Кони, например, заявил: «Правила составлены так, что мы все здесь присутствующие как будто не существуем... Нам было поручено великое дело... Каждое слово высказывалось с глубочайшим убеждением, после долгой и трудной внутренней работы. Теперь же, с изданием совершенно помимо совещания временных правил, нам нечего больше делать».²⁶ Таким образом, комиссия Кобеко послужила ширмой прикрытия действий власти и фактически завершила деятель-

ность ничем, хотя, без сомнения, её работа и проекты, и записки чиновников разных рангов, появившиеся тогда, имели позднее важное значение для более решительного шага в жизни страны.

Одновременно в правительстве шла работа над программой противодействия оппозиции, ведения контрпропаганды с помощью журналистики, модернизации системы официальной печати, включение разных форм её экономической поддержки.²⁷ За короткий срок пребывания на посту министра внутренних дел с января 1905 г. – по ноябрь А.Г. Булыгин дважды ставил эту проблему перед Николаем II.

20 апреля Булыгин представляет императору обстоятельный доклад, который начинался с констатации роли прессы в обществе: «...печать есть великая сила, которою пользуются обыкновенно правительства, а в государствах, имеющих развитую и окрепшую политическую жизнь, и отдельные политические партии для проведения в общество и жизнь своих общих и партийных взглядов и стремлений». В подтексте этой фразы подразумевалось, что в России другая ситуация, требующая создания развитой политической жизни с определённой партийной системой.

Министр подчёркивал стихийность происходивших политических событий в России, где революционные партии и группы «стали забрасывать районы своей деятельности особыми революционными листками-прокламациями, отпечатанными иногда в значительном числе экземпляров». При этом эти листки всё больше распространяются «среди простого народа и расположенных в городах войсковых частях». Докладчик возвращается к мысли, содержащейся ранее в записке: о необходимости организовать планомерную и широкую контрпропаганду как единственно действенную меру борьбы правительства с влиянием оппозиционной прессы.²⁸ То есть официальная журналистика должна иметь свободу в противодействии радикальным идеям оппозиции, подпольной литературе.

На этот раз предложения Булыгина получают поддержку императора. Реорганизацию системы правительственной пропаганды была начата с «Сельского вестника», выходившего тогда в

качестве еженедельного приложения к «Правительственному вестнику», издававшемуся министерством внутренних дел. «Сельский вестник» был превращён с июня 1905 г. в самостоятельную популярную газету, рассчитанную на крестьян. Он имел небольшую цену, бесплатные приложения (воскресное и иллюстрированное, календари, справочники, популярные брошюры по сельскохозяйственным, правовым и общественно-политическим вопросам). С 1 января 1906 г. вестник стал ежедневной газетой, что сказалось на его тираже, несмотря на существенную материальную поддержку. В 1905 г. его тираж составлял 111 473 подписчика и 15 400 экз. бесплатной рассылки, в 1909 г. – 57 тыс., в 1913 г. – 59 тысяч экз.²⁹ В снижении тиража, конечно, сыграла роль и непопулярность правительственного курса в тех исторических условиях.

В недрах правительства С.Ю. Витте членом Совета Главного управления по делам печати, статским советником С.П. Татищевым был разработан «Проект организации правительственной газеты», представлявший собой скорее программу модернизации официальной печати. В ней обосновано совершенствование системы официальной и правительственной печати, модернизация её материальной базы; названы организационные формы руководства ею (бесцензурность, съезд представителей этой прессы), к примеру, в связи с губернскими газетами говорится об «организации союза преобразованных газет как централизованной, направленной правительственной силы»; дана содержательная модель правительственной печати: «Изложение общей программы правительства; изложение мотивировки законов и распоряжений; опровержение кривотолкований законодательной и административной деятельности правительства; опровержение лживых фактов, сообщаемых частной печатью; защита бойкотируемых лиц благоразумного образа мыслей». И т.д.

В проекте Татищева предусматривалось создать центральный правительственный официоз, восстановить истинную роль губернских ведомостей как правительственных органов на местах, отказаться от старых методов формирования нужного правительству общественного мнения и опоры на рептильную прессу.³⁰

7 октября 1905 г. был обнародован Высочайший манифест, по которому населению даровались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».³¹

18 октября премьер-министр С.Ю. Витте пригласил на беседу представителей прессы, редакторов и корреспондентов крупнейших столичных газет и журналов и обратился к ним с программной речью, в которой подчёркивал: «Безопасность государства должна иметь опору в общественном мнении; вы знаете, что в России, благодаря особым условиям, общественное мнение не могло выражаться. С материальной стороны общественное мнение выражалось в России лишь печатью, так как других органов для выяснения мнений большинства, меньшинства и крайних элементов, – не было. В виду этого русская пресса всегда имела исключительное значение... всегда имела громадное влияние на умы».

Вот почему в сложнейшей обстановке премьер-министр обращается к редакторам, издателям и журналистам помочь правительству «успокоить умы»: «Если вы успокоите общественное мнение, если явится истинное народное представительство, всё облегчится. Тяжкая обуза падёт». Именно в этом он видел условие к тому, чтобы правительство могло играть в обществе такую же роль, «как в культурных странах». Но вместе с тем он твёрдо заявил: «Не нарушайте законов о цензуре».³²

2.2. Период явочной свободы печати

Все эти события в управленческих структурах и обществе уже происходили под давлением развернувшихся в стране революционных событий. Ситуация в журналистике на какое-то время вышла из-под всякого контроля власти. В столице в разгар Всероссийской октябрьской стачки был создан Петербургский Совет рабочих депутатов (СРД), первый властный орган пролетариата. Он первое время, и во многом номинально, возглавлялся адвокатом Г.С. Хрустальевым-Носарем, а – фактически – социал-демократом, профессиональным революционером и журналистом Л.Д. Троцким. Первое заседание Совета состоялось в ночь

с 13 на 14 октября. Он просуществовал 52 дня, 3 декабря все его депутаты были арестованы. Число членов Совета к этому времени достигло 562 человека, представлявших 250 тысяч рабочих 281 предприятия и 16 профсоюзов.³³

Опираясь на рабочее движение, Совет выступал с поддержкой стачек, организации профсоюзов, осуществления 8-часового рабочего дня, свободы печати. При активном участии Троцкого при Совете выпускались листовки и воззвания, с 17 октября издавался печатный орган – «Известия СРД», для которого радикальный революционер писал передовицы. Благодаря его бурной деятельности Совет получил возможность вести пропаганду и через социал-демократическую «Русскую газету» (1904 – 1906), тираж которой тогда доходил, по словам Троцкого, до 100 тысяч и более, насколько позволяли типографские мощности; через ежедневную газету «Начало» (редакторы-издатели Д.М. Герценштейн и С.Н. Салтыков, 16 номеров), выходившую с 13 ноября по 2 декабря.³⁴ Поддержку Совету оказывала и ежедневная газета «Новая жизнь», издававшаяся тиражом до 80 тыс. экз. с 27 октября по 3 декабря, с участием В.И. Ленина (с № 9 от 10 ноября).

В «Известиях СРД» 20 октября была помещена резолюция Совета «О газетных рабочих», где говорилось о том, что, несмотря на объявленную свободу слова, продолжает действовать Главное управление по делам печати – «цензурный карандаш остался в силе». Совет предлагал «газетным товарищам-рабочим» в ответ на это установить контроль за производством газет. Он постановил: «Только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру». Газеты издателей и редакторов, не подчинившихся этому решению Совета, будут «конфискованы и уничтожены, типографии и машины будут попорчены»; типографские рабочие, не поддерживавшие Совет, «будут бойкотированы».

С «газетчиками», для которых этот документ стал руководством к действию, солидаризировались книжные типографские рабочие, наборщики.³⁵ На их общем собрании была принята ре-

золюция: «Общее собрание союза рабочих печатного дела, основываясь на резолюции Совета Рабочих Депутатов о введении самими рабочими свободы печати в России, постановляет: все книжные и журнальные издания выходят без цензуры, игнорируя Главное управление по делам печати и без представления выпускаемых книг, брошюр и журналов в цензурные комитеты. Все издатели и владельцы типографий, не подчинившиеся этому настоящему постановлению, подвергаются бойкоту, и товарищи-рабочие в таких типографиях всеми способами приостанавливают работы».³⁶ Под давлением рабочих организовавшийся тогда Союз книгоиздателей и журналистов на своём собрании также решил не посылать книг в цензуру и бойкотировать те типографии, которые откажутся выпускать издания без цензурного разрешения. Владельцы типографий, учитывая создавшееся положение, подчинились решению СРД.³⁷

Забастовка рабочих-печатников прекратила издание всей периодики. И лишь Совет рабочих депутатов имел возможность выпускать свои «Известия» и продолжал выходить «Правительственный вестник». В этот же период возникла ещё одна новая структура для России – профессиональная организация журналистов (литераторов), которая повела открытую борьбу с цензурой. 16 октября в редакции газеты «Наша жизнь» состоялось собрание представителей «Биржевые ведомости», «Наша жизнь», «Неделя», «Новое время», «Новости», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Право», «Русская газета», «Русь», «Свет», «Слово», «Сын Отечества», «Юрист», «Дер-Фрайнд». Оно послужило основанием *Союза в защиту свободы печати*. На собрании постановили не соблюдать цензурных запретов по статье 140 устава. На следующей встрече было решено, что бюро из представителей всех изданий составляет особые чисто фактические бюллетени о событиях, объявленных цензурой под запретом. При этом все газеты обязаны были опубликовать их в неизменном виде.³⁸

В первую очередь Союз протестовал против административного произвола. В связи с этим в прессе помещались заявления от его имени, к примеру: «Союз защиты свободы печати, не

признавая в принципе никаких кар, налагаемых в административном порядке на произведения повременной печати, – протестует против конфискации № 372 «Русской газеты» распоряжением С.-Петербургского цензурного комитета». ³⁹ «В ночь на 14 ноября в Петербурге редактор сатирического журнала «Пулемёт» Н.Г. Шебуев был заключён в тюрьму, а типография, в которой издание это было отпечатано, была закрыта полицией». Союз навёл справки по этому делу и нашёл в действиях представителей власти произвол. ⁴⁰

Власть попыталась остановить начавшийся процесс освобождения журналистики от цензуры. Уже после обнародования Манифеста Главное управление по делам печати в циркуляре от 19 октября власть сделала реальную уступку, отменив все циркуляры, изданные на основе 140-ой статьи устава и воспрещавшие обсуждение в прессе того или иного вопроса. В циркуляре говорилось о том, что по-прежнему цензоры должны руководствоваться старым уставом: «Впредь до издания нового закона все законоположения, определяющие деятельность учреждений и лиц цензурного ведомства, остаются в полной силе». Упор делался на уголовное уложение (статьи 103, 104, 106, 107, 111, 128, 129, 132, 133) и прокурорский надзор, от которого зависит возбуждение уголовного преследования против виновных. Губернаторам предлагалось сообщать о появлении в печати преступных статей и «безотлагательно доводить о том же до сведения прокурорского надзора». ⁴¹

В целом сложившаяся в печати ситуация не удовлетворила и журналистов. 19 октября собрание представителей печати и книгоиздательств решило выпускать газеты и журналы без цензуры, помогая друг другу в борьбе за свободу слова. Совет рабочих депутатов подошёл к вопросу ещё более радикально, как уже отмечалось, призвав рабочих остановить станки. Рабочие типографий стали вмешиваться в производственный процесс и диктовать свою волю. Так, наборщики «St. Petersburg Zeitung» потребовали от редактора поместить вместо царского Манифеста передовую статью «Известий СРД». Редакция газеты «Свет» в тайне от своих рабочих опубликовала Манифест, за что была

ими разгромлена.⁴² Союзу в защиту свободы печати пришлось урегулировать и эту проблему.

Собрание делегатов Союза обратилось к Совету рабочих депутатов и другим организациям, руководящим забастовками, с заявлением о том, что в интересах освободительного движения необходимо содействовать свободной печати как «существенному элементу политического движения» «непрерывно выполнять свои функции, которые становятся особенно важными в моменты общественного напряжения». Поскольку во время политических забастовок, направленных к поддержке освободительного движения, интересы всего общества и самого движения, а также принцип свободы печати настоятельно требуют, чтобы, во-первых, «забастовки не распространялись на выход современных политических изданий, которые должны служить целям осведомления общества о происходящем движении и освещения его»; во-вторых, допускался «выход всех политических изданий, без различия направления».⁴³ В результате переговоров представители рабочих признали точку зрения Союза о том, что «рабочие печатного дела не вмешиваются во внутренний строй газетного дела».

Только 22 октября столичная периодика возобновила выход, имея на своих страницах предупреждающую надпись «Печатается без цензуры». Октябрьский номер «Всемирного вестника» открывался сообщением: «Настоящий номер на основании постановления Союза защиты свободы печатного слова, на выпуск в цензуру не представлен». После этого сообщения следовало отражавшее дух времени обращение редакции к читателям: «Вступая в 4-й год издания “Всемирного вестника” мы заявляем, что и в будущем будем вести его в том же прогрессивном направлении, и всеми силами добиваться воцарения полной свободы... беседа наша с читателем будет свободным словом. В будущем году, в числе прочего, будет помещено собрание сочинений, напечатанных за границей графа Льва Николаевича Толстого».

В более сложном положении оказались законопослушные издания. Так, редактор «Народного голоса», только возникшей, с

11 октября, газеты, выступил в ней 22 октября с заявлением о том, что рабочие типографии поставили ему условие выпускать газету без цензуры: «Я поневоле выпускаю настоящий номер без сношения с цензурой... Всей душой протестую против чинимого надо мною насилия и заявляю, что намерен соблюдать закон, как только будет к тому малейшая физическая возможность, ибо причисление моего имени к числу забастовщиков, в настоящее время, я счёл бы для себя позором».

К 23 октября Союз выработал от имени всей печати «Справку», содержащую «начала, необходимые для правомерного осуществления действительной свободы печати». В одной части этого документа содержались предложения к новому закону о печати: 1) введение явочного порядка возникновения изданий; 2) отмена всех видов цензуры; 3) ответственность за преступления, совершаемые путём печати, «исключительно по суду с подсудностью суду присяжных». Во 2-й части документа речь шла о мерах, обеспечивающих свободу в создавшихся условиях до появления нового закона: 1) отмена предварительной цензуры для всей журналистики, включая и национальную; 2) отмена требования предъявлять в цензуру номера изданий, книг, брошюр до их сдачи на почту; 3) отмена использования административных взысканий, запрета таким образом книг и др.⁴⁴

Союз изучил «проект Временных правил о цензуре с меморией к нему Совета министров» и посчитал, что этот проект представляет собой «извращение возвещённой Манифестом 17 октября незыблемости свободы слова и сохраняет прежний административный произвол». Союз выразил протест против духа всего проекта, в котором оставлены без внимания предложенные им 23 октября начала, необходимые для правомерного осуществления действительной свободы печати. Союз постановил в случае получения проектом силы закона по-прежнему осуществлять свободу печати на заявленных им основаниях.

С 19 октября по 24 ноября, когда вышли Временные правила о повременных изданиях, господствовала бесцензурность, названная явочным периодом свободы печати: издания выходили без всяких разрешений. Редакция журнала «Русское богатство»

во» констатировала: «В Петербурге исчезли все виды цензуры, и в течение некоторого времени печать фактически осуществляла свободу слова, то есть все мнения оказывались свободными и все факты общественного значения – подлежащими оглашению, независимо от убеждения или неудобства этого оглашения для данного состава правительства». ⁴⁵

В этих условиях появились газеты и журналы самых различных типов и политических направлений. Журналистика в этих условиях проявила новые качества: солидарность и объединение в борьбе за свои права. Союз в защиту свободы печати охватывал большую часть столичной периодики – до 36 изданий. Даже Союз владельцев печатных заведений Петербурга обратился к правительству с предложением отменить цензуру и упразднить Главное управление и его цензурные комитеты. Эстляндский губернатор А.А. Лопухин заявил об отмене цензуры в своём регионе, хотя она по-прежнему действовала в большинстве провинций страны. ⁴⁶

2.3. Борьба правительства за восстановление законности в сфере печати

Правительство осознавало всю сложность создавшегося положения. Характерно в этом смысле эмоциональное интервью Кобеко «Биржевым ведомостям», появившееся на их страницах 9 ноября: «Свобода! Свобода! – вы все говорите о ней! А что же делают наборщики: вооружённые, они врываются в типографии, арестовывают причастных к газете лиц и выпускают революционный листок. Это – свобода? Война знает только силу. Мы живём на поле битвы... Два стана расположены друг против друга – кто победит?». ⁴⁷

Наконец, 24 ноября 1905 г. император направил в Сенат Высочайший указ «**О временных правилах о повременных изданиях**». ⁴⁸ Базой ему послужил Манифест. По указу отменялись «предварительная как общая, так и духовная цензуры» газет и журналов, оставляя их «в отношении изданий, выходивших вне городов»; постановления об административных взысканиях, правила о залогах, статья 140. «Ответственность за преступные

деяния, учиненные посредством печати в повременных изданиях» определялась в судебном порядке. По суду издание могло быть запрещено, приостановлено или арестовано, нарушители закона штрафовались (до 500 руб.), арестовывались (до 3-х месяцев), заключались в тюрьму (на срок от 2 до 16 месяцев) или исправительный дом, ссылались на поселение. Большинство статей Устава о цензуре и печати, охраняющие основы самодержавия, оставались в силе.⁴⁹

26 ноября МВД предложило губернаторам, чтобы местные цензоры «под личной ответственностью наблюдали» за своими изданиями и «по всем, обнаруженным ими нарушениям закона немедленно» возбуждали судебное преследование, донося об этом в Главное управление. С 22 октября по 2 декабря 1905 г. в Петербурге и Москве было возбуждено за нарушение прессой законов уголовное преследование в 92 случаях. За 2,5 месяца свободы слова (17 октября – 31 декабря 1905 г.) были подвергнуты репрессиям 278 редакторов, издателей, журналистов, изданий, типографий; конфисковано 16 номеров газет и журналов, арестовано 26, закрыто, приостановлено 44. Темпы репрессий нарастали: с 17 октября 1905 г. по декабрь 1906 г. были закрыты 370 изданий, конфискованы более 430; опечатаны 97 типографий, арестованы и оштрафованы 607 редакторов и издателей.⁵⁰

Особое внимание было обращено на местную журналистику. Министр внутренних дел инструктировал губернаторов в секретной телеграмме: «В случае появления в печати дерзостного неуважения к Верховной власти, открытого призыва к революции или совершения других тяжёлых преступлений необходимо просить прокурора о приостановлении издания в судебном порядке на основании новых правил. В местностях же, объявленных на исключительном положении, в этих случаях надлежит закрывать типографии и подвергать аресту виновных с применением административной высылки».⁵¹

2 декабря за публикацию документов Совета рабочих депутатов, Крестьянского союза и левых партий были конфискованы цензурным ведомством газеты «Сын отечества», «Русь», «Русская газета», «Новая жизнь», «Наша жизнь», «Начало»,

«Свобода народа». Петербургская судебная палата, собрав экстренное заседание, поддержала действия цензуры. Фактически этим было сразу покончено с оппозиционной прессой столицы, что послужило для всей журналистики сигналом: закон вступил в силу. Закончил деятельность Союз в защиту свободы печати. М. Ганфман, анализируя эту ситуацию в 1912 г., приходит к выводу, что «мероприятие 2 декабря» стало «гранью от “явочного времени” свободы столичной печати и новой её жизнью под сенью правил 24 ноября».⁵²

Власть шаг за шагом восстанавливала в государстве давший трещины цензурный режим. В 1906 г. последовали 18 марта Именной высочайший указ **«Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати»** и 26 апреля – **«О временных правилах для неповременной печати»**. В первом документе власть, обходя использование слова «цензура», делала тактический ход, узаконив переименование цензурных комитетов, отдельных цензоров в комитеты и инспекторы по делам печати. Второй документ дополнял указ от 24 ноября 1905 г. По нему отменялась как общая, так и духовная предварительная цензура неповременных изданий, а также изображений, как в них, так и «выпускаемых отдельными листами».

В этих документах уже учитывался опыт борьбы с революционной пропагандой. Особое внимание обращалось на издания, предназначенные массовой аудитории: во-первых, на иллюстрированные журналы и газеты, каждый номер которых необходимо было представить в комитет по делам печати «не позднее как за 24 часа до выпуска его из типографии»; во-вторых, на брошюры (подразумевались широко распространяемые тогда оппозиционные политические произведения, которые можно было оперативно отпечатать). «Содержатель типографии» обязан был выпускать из неё издания объёмом не более одного листа за 2 дня, до 5 листов за 7 дней после того, как оно было представлено в комитет или инспектору по делам печати.

Больше всего параграфов этих указов было посвящено искоренению практики обхода законов о печати, когда запрещённое, арестованное издание сразу же выходило под другим назва-

нием; когда давался ложный адрес типографии или вообще он не указывался; не представлялись в цензуру изображения; издание не имело подписи редактора и т.д. Наконец, по-прежнему провинциальная печать подпадала под особое рассмотрение местного комитета или инспектора по делам печати, получивших «право немедленно наложить арест на все экземпляры предназначенного к распространению номера повременного издания, содержащего эстампы, рисунки и другие изображения, с текстом или без текста, когда в этом номере заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного уголовным законом...». Этот пункт был повторен и в указе о неповременной печати.⁵³

И тем не менее надо констатировать существенные изменения в законах о печати, произошедших в ходе Первой русской революции:

- была отменена предварительная цензура;
- все дела по преступлениям печати были переданы в ведение суда;
- был введён явочный порядок выпуска новых газет и журналов, организации типографий и книжных магазинов;
- был упразднён денежный залог.

Естественно, Правительство опиралось и на старый опыт цензурного ведомства, предпринимая меры по нейтрализации влияния оппозиционной журналистики, подкупая газеты и журналы. Оно стремится вдохнуть жизнь в официальные органы печати, начав реформировать их сеть. «Сельский вестник» становится якобы «самостоятельным» изданием, выходящим 3 раза в неделю как «общедоступная народная газета», с 1906 г. — ежедневная. Было заявлено об отделении её от «Правительственного вестника» и даже печатали её уже не в типографии МВД, а в частной. Короткое время под непосредственным руководством С.Ю. Витте выходила газета «Русское государство» (февраль-май 1906 г.).

В этом же году Правительство в своих целях стало использовать частную газету «Россия», о чем с её издателями С.В. Воейковым и В.П. фон Брискорном было достигнуто соглашение. 8 июня оно вступило в силу. Совет Министров посчитал, что не-

обходимость для правительства такого печатного органа вытекала из бурного развития частной периодики, как в столицах, так и в провинции. Они якобы распространяли «ложные сведения о событиях в России», неправильно или тенденциозно толковали «вносимые правительством в государственную думу законопроекты», «действия, намерения и распоряжения правительства и отдельных представителей гражданской власти». Опровержений и комментариев, публикуемых в «Правительственном вестнике», недостаточно. В программу «России» были внесены изменения, её размер был увеличен до размера политических газет.⁵⁴

С 1 сентября 1906 г. по решению Совета министров и МВД создаётся Осведомительное бюро⁵⁵, действующее в интересах Правительства, обслуживающее прессу «достоверными сведениями» о его действиях, важнейших событиях в государстве. Бюро наладило выпуск специальных бюллетеней, делало обзоры печати для ежедневных докладов председателю Совета министров и в МВД, начальнику Главного управления по делам печати, сводки мнений столичных газет по наиболее важным вопросам. Позднее в 1915 г. Осведомительное бюро было переименовано в Бюро печати.⁵⁶

По распоряжению П.А. Столыпина, бывшего с 26 апреля 1906 г. министром внутренних дел, а с 8 июля и председателем Совета министров, Отдел иностранной и инородческой печати Архива Департамента полиции передаётся в Главное управление с тем, чтобы осведомлять правительство, подготавливая для него сводки и обзоры печати общего характера и секретные – только для министров (с критикой их работы).⁵⁷

Исторический опыт Первой русской революции показал, что основным её итогом было то, что власть уже не могла вернуться к старым порядкам. Во всех сферах жизни, получив мощный революционный заряд, Россия сделала шаг вперёд. Общественная мысль страны за короткий срок совершила гигантскую работу. Казалось, политики, публицисты, журналисты пытались наверстать упущенное в прошлом. В периодике обсуждались вопросы управления государством, парламентаризма, конституционности, прав человека, свободы слова и печати и т.д.

В наиболее распространённой тогда газете «Русское слово» её основной публицист и редактор Влас Дорошевич выступил с серией статей о цензуре: «Управление по делам печати», «Статья 140», «По делам печати» и др. В журнале «Право» развернулась дискуссия о свободе слова и печати, велась хроника репрессий, направленных против журналистики.⁵⁸ В свет вышли книги, посвящённые этим же вопросам: в 1904 г. – Н. Энгельгардта «Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 – 1903)»; в 1905 г. – «В защиту слова» (сб. ст.), В. Розенберга и В. Якушкина «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем»; в 1906 г. – Е.А. Валле-де-Барра «"Свобода" русской печати (После 17 октября 1905 г.)», М.Л. Гольдштейна «Печать перед судом», С. Некрасова «Кому польза и кому вред от свободы печати», Ю. Скобельцина «Свобода слова и печати» и др.

Среди этих работ особо выделяется сборник статей «В защиту слова», авторы которого (К.К. Арсеньев, В.А. Мякотин, В.А. Розенберг, С.Н. Прокопович, П.Н. Милюков, Н.А. Рубакин и др.) впервые дают всестороннее представление о проблеме свободы печати, обобщая практику и делая определённые теоретические выводы. Диапазон тематики статей был разнообразен и широк: бесцензурность и подцензурность, цензура и рубль, цензура национальной прессы, политика и цензура, свобода критики, защита свободы слова в русской лирике и даже цензура в музыке. «Одной из величайших аномалий современного положения нашей печати, – замечает Арсеньев, – представляется существование подцензурных периодических изданий рядом с бесцензурными». «Таких изданий, которые могли бы дойти до читателя, не пройдя ранее через цензуру, в России не существует совершенно», – утверждает В. Мякотин. Интересные размышления содержала статья П.Н. Милюкова «Субъективное и социологическое обоснование свободы печати». «Пресса есть тончайшая, наиболее совершенная из существующих форм общественно-психологического взаимодействия», – писал Милюков. Её нарушение ведёт «к омертвлению общественной традиции и социальным потрясениям». Цензура может только расстроить это взаимодействие, «нарушенная функция восстанавливается "об-

ходным” путем, выполняя жизненную потребность общественного организма».

В статье «Свобода печати» С.Н. Прокопович обобщает: «Неразрешение новых политических газет, преследование и, при случае, закрытие существующих, строгий контроль над внутренними отделами толстых журналов, – таковы характерные черты нашего цензурного режима. С помощью этих мер задерживается и ограничивается распространение политических идей в русском народе, замедляется и ослабляется рост общественного сознания. Конечную целью подобных мероприятий является полное уничтожение общественной инициативы и общественного творчества».⁵⁹

Все партии, созданные накануне и в ходе революции, заявили о необходимости в обществе свободы слова и печати, но трактовали её по-разному. Союз русского народа в «основных положениях» для выборов в Государственную Думу рассматривал свободу печати как «главное средство борьбы с злоупотреблениями по службе и административным произволом», средство обнародования «своих мыслей и исправления недостатков социально-политической жизни».⁶⁰

4 июля 1906 г. фракция партии народной свободы (кадеты) внесла на рассмотрение первой Государственной Думы законопроект о печати. Он опирался на программу этой партии, опубликованную в 1905 г., где было записано: каждый «волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путём печати или иным способом»; цензура упраздняется и не может быть восстановлена; «за преступления и проступки, совершаемые путём устного и печатного слова, виновные отвечают только перед судом».⁶¹ В законопроекте кадетов выдвигались требования: полная свобода печати; отмена системы регистрации периодических изданий; ответственность лиц, а не изданий за преступления, совершённые путём печатного слова; эти преступления подлежат компетенции суда присяжных.

Принятые властью под давлением революционных событий и происходившей полемики вокруг проблем свободы слова и

печати в 1905 – 1906 гг. законодательные документы о печати вызывали неудовлетворенность и у исполнительной власти, и у большинства политических кругов. Власть, считая, что «сидеть только на законе нельзя», искала новые репрессивные меры против непослушной журналистики: конфискация газет, непосильные штрафы, арест редакторов и заключение их в тюрьму, введение особого положения и др.⁶²

6 – 8 июня 1906 г. полиция побывала в типографиях газет «Трудовая Россия», «Голос», «Вперёд», «Курьер», «Русский набат», «Призыв», «XX-й век», «Современная жизнь». Ссылаясь на постановление Санкт-Петербургского комитета по делам печати, чины полиции конфисковали отпечатанные там номера этих газет. Такие противоправные действия затем были продолжены. Систематически полиция отбирала номера «Известий Крестьянских депутатов».

На эти действия власти деятели печати сразу же отреагировали. Первая Государственная Дума уже 13 июня 1906 г. рассматривала об этом запрос № 152, обозначенный в протоколе как «О цензуре и печати» и исходивший от 31 члена Думы, которые хотели бы узнать, известны ли изложенные факты министру внутренних дел и какие меры он намерен предпринять к нарушителям закона – чиновникам? Симптоматично заявление депутата от Харьковской губернии М. Ковалевского, прозвучавшее в ходе прений по запросу: «Господин министр внутренних дел не так давно являлся сюда с заявлением: “Подадим друг другу руки и будем работать вместе”. Но в то время, как он нам протягивал правую руку, левой рукой он зажимал рот прогрессивной печати. Циркуляр, предписывающий всем губернаторам конфисковывать газеты до выхода в свет, этот циркуляр существует, и этот циркуляр есть самое серьёзное покушение на права Государственной Думы».⁶³

Несмотря на протесты, правительство П.А. Столыпина ввело в 1907 г. в практику использование «исключительного положения». Введение в стране положения о военной охране в период боевых действий было модифицировано в положение о чрезвычайной охране, введённое после декабрьского восстания

1905 г. во многих губерниях. Правительство предоставляло администрации после его введения право нещадно штрафовать газеты за прегрешения. Государственный чиновник С.Ю. Витте со знанием дела писал: «Так как в столицах и других крупных городах всегда можно держать исключительное положение, то, следовательно, и можно штрафовать газеты по усмотрению».⁶⁴ К этому добавлена была ещё одна репрессивная мера – заключение на несколько месяцев в тюрьму редактора, что породило ответную меру издателей, начавших использовать так называемых подставных редакторов для отсидки (в тюрьме).

В сентябре и ноябре 1908 г. при Министерстве юстиции было создано особое Совещание для разработки вопроса об ответственности за преступные деяния, совершаемые посредством печати. Оно рассматривало проект по совершенствованию карательной политики по отношению к журналистике. По мнению начальника Главного управления по делам печати А.В. Бельгарда (1905 – 1912), суды слишком часто выносили оправдательные для газет приговоры, а применяемые ими наказания редко доходили до указанного в законе максимума. Было решено заменить денежным штрафом (минимальный из них 500 рублей – очень высокий) целый ряд наказаний, которые раньше карались заключением в тюрьму.⁶⁵ Эта мера была реакцией власти уже на упомянутую практику издателей.

Власть на этом поприще достигла успехов. Газета «Утро России» в новогоднем номере 1908 г. подводила итоги карательной практики правительства: усиленная охрана в государстве была распространена на более чем 63 млн. человек, а специальные полномочия по изданию обязательных постановлений без всякой усиленной охраны распространились на 86 с лишним млн. человек.

2.4. Дискуссия о правовом положении печати в условиях обновлённого строя

Исторический опыт Первой русской революции показал, что противостояние власти и оппозиции, их диалог оставили свой след и в положении журналистики: основным итогом было

то, что власть уже не могла вернуться к старым порядкам, хотя и стремилась к этому. В период 1908 – 1912 гг., характеризующий современниками как время, «когда государство переходит от абсолютизма к представительному строю», по мнению юриста Г. Штильмана (1912), «вопрос об особой природе деликтов печати естественно сосредоточивает на себе пристальный взгляд криминалиста». При этом система предупреждений уступает место «порядку судебной репрессии», когда возникает вопрос, как распространяются «на эксцессы печати общие начала уголовного права».⁶⁶

Революция, когда свобода слова и печати выплеснулась далеко за границы дозволенного ранее законом, заставила власть внимательнее посмотреть на состояние полицейского права. В газете «Россия» был помещён цикл статей Л.А. Тихомирова, выражавшего точку зрения власти. Эти статьи были изданы редакцией «России» в 1909 г. в виде брошюры «Законы о печати» (46 с.). Автор считал, что судебные учреждения в условиях того времени, «при неразработанности уголовного закона в отношении к печати» «очень неодинаково определяли область дозволенного и воспрещённого». Поэтому в разных местах страны права и свобода печати оказывались «фактически чрезвычайно неопределёнными».

Журналистика была захвачена «разгаром политических страстей» и, по мнению Тихомирова, «теряла элементы серьёзного творчества мысли», а «привычка к раздражающему чтению» (сенсационности. – Г.Ж.) вела к пробуждению низменных инстинктов, «породила разгул порнографии и т.д.». Отсюда автор делает вывод о том, что «нормы 1905 г.» по отношению к журналистике требуют «дополнения и систематизации».

Главным в этом является понимание проблемы свободы печати, которую многие упрощают: «Дайте свободу, не мешайтесь: вот и всё». Автор находит опору в «Очерках науки полицейского права» проф. Тарасова: «Абсолютной свободы печати никогда не было и быть не может в виду того *элемента социальной опасности, который присущ печати*. Вопрос сводится к то-

му, насколько ограничивается свобода и какими мерами» (курсив наш. – Г.Ж.).⁶⁷

Тихомиров подробно рассматривает печать как элемент социальной опасности, могущественное орудие действия для самых разнообразных интересов, включая обыкновенные и житейские – частные, партийные, экономические и др. интересы. При установлении свободы печати им даётся возможность с помощью печати проявить себя. Автор заключает: «Но раз дело идёт о свободе действия столь разнообразных интересов, то неизбежно является задача и обязанность государства и закона привнести сюда известный надзор и регуляцию, на тот случай, если это действие направится к нарушению прав и интересов частных и общественных, законом охраняемых».

Но печать – это орудие и такого практического действия, которое используется для лжи и клеветы в борьбе с противниками и конкурентами, для шантажа и спекуляции: «...продажные перья являются орудием бессовестнейших афёр, имеющих в виду обобрать целый народ, печатью пользуется даже подстрекательство к убийству, а уж нечего и упоминать о восстаниях и революциях».⁶⁸

Наконец, печать, как фабричное производство «подвержена монополизации», что также несёт в себе «опасность порабощения общества монопольно захваченными орудиями осведомления и воздействия на умы и совесть». При этом Тихомиров использует до сих пор актуальную формулу, говоря о том, что печать в высшей степени способна подавлять и развращать работу разума и совести – «не дубьём, а рублём».⁶⁹ В итоге он обосновывает необходимость ограничения свободы печати в интересах общества и в рамках закона.

В докладе, прочитанном на 9-ом съезде русской группы Международного союза криминалистов, Г. Штильман также развивал тезис о социальной опасности неответственной печати. Замечая о том, что печать может служить «непосредственно преступным целям», он сравнивал наносимый ею вред с последствиями взрыва. Но юридический подход к ним не может быть одинаков, так как «началу свободы прессы нанесён будет непо-

правимый ущерб». Деликты печати в законодательстве необходимо выделить в особую группу.

«Важность несомых периодической печатью социальных функций, – подчёркивал Г. Штильман, – беспредельность её аудитории, недопустимость постороннего вмешательства в совершаемую прессой изо дня в день работу, невозможность заранее определить известными чертами труд всех её участников и легкость, с которой при отсутствии контроля могут быть совершаемы посредством этого орудия сопряжённые с громадным вредом для общественного и частного блага деликты, – всё это склоняет юриста поставить преступления печати особняком, выдвинув ряд изъятий, в пользу деятелей её и с другой стороны – в ущерб им». Он считал, что порядок отступления от общих начал уголовного права безраздельно царит в настоящее время на всём европейском континенте.⁷⁰

В создавшихся условиях неопределённости законодательства в области печати властные структуры находили новые средства для проведения репрессивной политики в отношении бурно развивавшейся тогда журналистики. Граф Павел Толстой, выступивший с разоблачением такой политики в 1912 г. с докладом в Юридическом обществе при Санкт-Петербургском университете и со статьей «Ограничение свободы печати обязательными постановлениями в порядке охраны» в журнале «Правда» (№№ 27, 29 – 32), делал вывод: «Наша журналистика живёт без малейшей правовой основы под дамокловым мечом обязательных постановлений в порядке охраны». Он приводил впечатляющие цифры: в России к 1 января 1912 г. широкими полномочиями, в связи с военным положением или положением о чрезвычайной или об усиленной охране, администрация не охватила из 157 млн. населения менее 5 млн. жителей.⁷¹

В журнале «Книжная летопись» подводились итоги последствий правительственных распоряжений по делам печати за первые три месяца 1912 г.: изъято из продажи – 35 изданий, конфисковано по распоряжению администрации – 173, конфисковано по судебному приговору – 119, уничтожено по судебному приговору (полностью или частично) – 70, запрещено по суду

навсегда – 2 издания, принято судебных определений о приостановке до суда 1 периодического издания и о снятии конфискации, произведённых администрацией, – с 30 изданий. Всего за три месяца последовало 430 правительственных распоряжений о печати.⁷²

Но попытки власти вернуться к старым цензурным порядкам в новых условиях были обречены на провал. Уже наличие Государственной Думы и партий различной политической окраски было гарантией этому. Вопросы прав человека, свободы слова и печати нашли отражение и в партийных документах, и при обсуждении их в журналах, на съездах, в Государственной Думе и др. Всё это, так или иначе, сказывалось на внутренней политике правительства.

Таким образом, в России начала XX в. на протяжении долгого времени шло обсуждение правового положения печати. В постреволюционный период, в условиях обновлённого строя проблемы совершенствования законодательства о печати по-прежнему оставались острыми. Общественная и партийная мысль обобщала опыт взаимоотношений власти и журналистики и строила новые проекты, разрабатывала новые программы.

Еще во время революции в 1906 г. в Санкт-Петербургском литературном обществе зародилась идея проанализировать состояние печати, чтобы поставить на более прочные основания решение проблемы её свободы. И когда в Министерстве внутренних дел шла работа над новым уставом о печати для его внесения в 3-ю Государственную Думу, 6 ноября 1909 г. в собрании Литературного общества был заслушан в связи с этим доклад графа П.М. Толстого. Собрание приняло решение «приступить к разработке вопроса о правовом положении печати в нашем представительном строе сравнительно с положением печати в иностранных государствах, в связи с выяснением неотложных правовых нужд и степеней их удовлетворения правительственным законопроектom».⁷³

При Совете Литературного общества была создана Комиссия о правовом положении периодической печати, которая к началу 1911 г. выработала подробный «Вопросник (анкету) о пра-

вовом положении периодической печати после Манифеста 17 октября и Временных правил 24 ноября 1906 г.». Документ был направлен в редакции газет, отдельным деятелям журналистики, защитникам в судебных процессах по литературным делам и др. В журналах «Русское богатство» (1911, № 2) и «Русская мысль» (№ 4) этот Вопросник был опубликован. Комиссия дважды посылала в редакции письма-напоминания, подписанные председателем Литературного общества Н.Ф. Анненским. К маю 1911 г. в комиссию поступило около сотни ответов.⁷⁴

Одновременно многие участники работы Комиссии выступили по этим проблемам в печати: В. Набоков – «К истории нашего законодательства о печати», П. Толстой – «Ограничение свободы печати обязательными постановлениями в порядке охраны», М. Ганфман – «Явочный период свободы столичной печати», С. Ордынский – «Печать и суд» и др.⁷⁵ По материалам, полученным в ходе исследования, в 1912 г. была выпущена монография «Свобода печати при обновлённом строе» – фактически декларации кадетов на том этапе, когда в правительственных кругах снова готовился законопроект о печати уже для IV Государственной Думы. В монографии участвовали В.Д. Набоков, М. Ганфман, А. Горбунов, С. Ордынский, В. Обнинский, граф П. Толстой, В. Розенберг.⁷⁶

Книга открывалась словами: «Мысль о коллективном труде, посвящённом больному вопросу современной русской жизни – свободе печати при обновлённом строе, зародилась ещё в С.-Петербургском литературном обществе (1906 – 1911 гг.)». В ней ставилась задача «дать более или менее цельную картину правового положения нашей печати в современных условиях русской жизни после “реформы” и реформ 1905 – 1906 гг.». ⁷⁷ Соответственно, был обобщен исторический опыт борьбы за свободу слова в годы Первой русской революции, охарактеризовано действующее законодательство в сфере печати, был использован материал, полученный с помощью вопросника. В книгу вошли статьи: «К истории обновлённого законодательства о печати (Комиссия Д.Ф. Кобеко)», «Явочный период свободы столичной печати», «Действующее законодательство о печати»,

«Обязательные постановления о печати в порядке охраны», «Печать и суд», «Печать и администрация» и др. Авторы книги приходили к выводу, что в России «на первом же году жизни погибает добрая половина новых изданий», происходит возврат к «старым полицейским традициям», даже судебные репрессии «проникнуты полицейским духом» и т.д.⁷⁸

Под давлением общественности – через выступления в газетах и журналах, дискуссии в Государственной Думе, на партийных съездах – в Министерстве внутренних дел разрабатывался новый закон о печати. Выступивший 5 июля 1912 г. в Государственной Думе председатель Совета Министров В.Н. Коковцев заявил, что правительство «вполне осознаёт всю желательность замены административных репрессий судебным порядком преследования правонарушений в области печатного слова, так же, как и настоятельную необходимость определить положение печати, и в особенности повременной её части, твердыми нормами ясного и незыблемого закона».⁷⁹

3 декабря 1912 г. кадетская партия внесла в IV Государственную Думу Законодательное предположение о печати, подписанное 36 членами этой Думы во главе с П.Н. Милюковым.⁸⁰ В преамбуле к проекту Основного положения закона о печати обосновывалась необходимость такого документа, поскольку «печать по-прежнему находится в зависимости... от усмотрения администрации, вооружённой правом наложения денежных и личных взысканий на редакторов, по-прежнему фактически осуществляется цензура». Почти дословно повторялись параграфы предыдущего проекта кадетов о законе.⁸¹

В 1912 г. власть обнародовала Проект устава о печати (СПб., 1912), имевший 152 статьи в отличие от 302 статей в издании 1890 г. 27 февраля 1913 г. к депутатам обратился с письмом управляющий Министерства внутренних дел Н.А. Маклаков, сообщавший, что правительством разрабатывается новый закон о печати, скоро он будет внесён в Государственную Думу, но правительство не берёт на себя разработку законопроекта на тех основаниях, которые предложены кадетами.⁸² 13 мая 1913 г. этот документ был напечатан в газете «Новое время». На заседа-

нии Думы 27 февраля была избрана Комиссия по печати с целью согласования предложений по реформе законодательства в области печати. Комиссия состояла из 33 депутатов и возглавлялась В.В. Шульгиным. В Комиссию поступило 6 разных законопроектов: Министерства внутренних дел, правых, октябристов, прогрессистов, доработанный проект кадетов и персональный от В.В. Шульгина.

В прессе развернулась дискуссия, в ходе которой проект Н.А. Маклакова подвергался резкой критике в статьях В.В. Водовозова «Новый поход на печать», «Законопроект о печати и Государственная Дума», Л.З. Слонимского «По поводу законопроекта против печати», «Борьба с печатью», С. Мстиславского «Свое и чужое» и др.⁸³ Однако, несмотря на критику, Комиссия предпочла проект МВД. Но всё-таки почти двухгодичное обсуждение проектов не дало никакого результата из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны: необходимость цензуры в военных условиях у власти не вызывала сомнений.

Вся происходившая тогда борьба за свободу печати, критика правительственных репрессий против журналистики, тем не менее, не должны вводить в заблуждение по поводу положения печати после Манифеста 17 октября 1906 г. Оно, без сомнения, стало иным, чем до его принятия. Первая русская революция внесла существенные поправки в цензурный режим общества, освободила информационный рынок от дотошной опеки государства; функционировала Государственная Дума, которая была механизмом, сдерживающим полномочия исполнительной власти, администрации. Шло интенсивное развитие системы журналистики, что является одним из основных эффектов процесса демократизации общества того исторического периода.

Примечания

1. См. об этом: Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. М., 2001. С. 158 – 176.
2. Цит. по: Бережной А.Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895 – 1914). Л., 1967. С.46.

3. Алексанов И.Я. Из истории нашей цензуры; Его же. Из истории цензуры в Ростове-на-Дону; Абрамов Я.В. Кому нужно молчание провинциальных газет? // Приазовский край. 1901. № 186 – 193; № 244 и др.
4. Приазовский край. 1901. № 186.
5. Набоков Влад. К истории обновленного законодательства о печати (комиссия Д.Ф. Кобеко) // Свобода печати при обновлённом строе. Сб. ст. СПб., 1912. С. 4 – 5.
6. Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 182.
7. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 107.
8. Там же. С. 262 – 263.
9. Градовский Г.К. К 200-летию печати. Возраст русской публицистики // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703 – 1903 гг. СПб., 1903. С. 152.
10. Русская журналистика в документах: История надзора / Сост. Минаева О.Д. – М., 2003. С. 213.
11. Вальденберг Д.В. Справочная книга о печати всей России. СПб., 1911. С. 205 – 206.
12. Там же. С. 200.
13. Книжный вестник. 1903. № 34. Стб. 1087.
14. Цитируется по «Финляндской газете» // Русское богатство. 1904. № 3. С. 182.
15. Юрист. 1904. № 38. Стб. 1365.
16. Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати: Антология. М., 2001. С. 379. Проф. Новомбергский даёт в своём очерке наиболее полное описание положения русской печати в 1904 – 1905 гг.
17. Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской за 1904 – 1905 гг. // Исторические записки. Т. 77. 1965. С. 258; Кугель А.А. Листья с дерева: Воспоминания. Л., 1926. С. 151.
18. ПСЗ. Собр. 3. Т. 24. № 25495.
19. Ганфман М. Явочный период свободы // Свобода печати при обновлённом строе. СПб., 1912. С. 46.
20. Русская журналистика в документах: История надзора... С. 213 – 214.
21. Высочайший рескрипт, данный на имя члена Государственного Совета, директора Публичной библиотеки, действительного тайного советника Кобеко // Правительственный вестник. 1905. 26 января; Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х тт. Т. 2. М., 1960. С. 356. О работе комиссии Кобеко см.: Бережной А.Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895 – 1914). Л., 1967. С.137 – 141; Стыкалин С.И. Русское самодержавие и легальная печать 1905 года (к вопросу о проектах создания официозной прессы) // Из истории русской журналистики конца

- XIX – начала XX в. / Под ред. Б.И. Есина. – М., 1973. С. 67 – 98; Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 8 – 10; Лихоманов А.В. 1) Особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г.: персональный состав // Цензура в России: история и современность. Сб. Вып. 2. СПб., 2005. С. 35 – 69; 2) А.Ф. Кони в особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г. // Там же. Вып. 4. СПб., 2008. С. 125 – 141.
22. См.: Протоколы высочайше утверждённого под председательством действительного статского советника Д.Ф. Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати: 10 февраля – 4 декабря 1905 г. СПб. 1913; Набоков Влад. Указ. соч. С. 25.
23. Новомбергский Н. Указ. соч. С. 402 – 407.
24. Наиболее полно этот аспект отражён в статье: Стыкалин С.И. Русское самодержавие и легальная печать 1905 года (К вопросу о проектах создания официозной прессы) // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX в.: Сб. ст. М., 1973. С. 84 – 86
25. Там же. С. 408 – 409.
26. Протоколы высочайше утверждённого под председательством действительного статского советника Д.Ф. Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати: 10 февраля – 4 декабря 1905 г. СПб., 1913. С. 665 – 671; Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л. 1981. С. 9 – 10; Лихоманов А.В. А.Ф. Кони в особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г. // Там же. Вып. 4. СПб., 2008. С. 125 – 141.
27. Российский архив: (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XIX вв.). Вып. 1. М., 1991. С. 188; Стыкалин С.И. Русское самодержавие и легальная печать 1905 года (К вопросу о проектах создания официозной прессы) // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX в.: Сб. ст. М., 1973. С. 84 – 86; Смирнов С.В. Указ. соч. С. 25 – 29; Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 гг. СПб., 1997. С. 26 – 28; Ахмадулин Е.В. Правительственная печать России (конец XIX в. – февр. 1917 г.). Ростов-на-Дону, 2000. С. 48 – 50. Несмотря на наличие этой литературы, сама проблема требует специальной разработки. Она изучена фрагментарно и не полно.
28. См. подробнее: Стыкалин С.И. Указ. соч. С. 79 – 86. Доклад А.Г. Булыгина извлечён из архива автором этой статьи.
29. Ахмадулин Е.В. Указ. соч. С. 49 – 50.
30. Стыкалин С.И. Указ. соч. С. 93.
31. Правительственный вестник. 1905, 18 октября.
32. Беседа С.Ю. Витте была помещена во многих изданиях: Слово. 1905. 19 окт.; Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 окт.; Народный голос.

1905. 23 окт. и др. Цит. по перепечатке: Бакулин О., Минасва О. К истории свободы слова в России. 100 лет Манифесту 17 октября 1905 г. // Медиа-альманах. 2006. №2 . С. 37–39.
33. Комментарии // Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. Т. 3. М., 1960. С. 615.
34. Троцкий Л.Д. Моя жизнь: опыт автобиографии. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 203 – 204. В.И. Ленин называл «Русскую газету» «популярным органом» Троцкого. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 32. М., 1974. С. 226.
35. См. подробно о борьбе печатников за свои права и свободу слова: Бережной А.Ф. К истории профессионального движения печатников // Углубляясь в историю печати. СПб., 1996. С. 1 – 46.
36. Цит. по: Ольминский М. О печати. Л., 1926. С. 113 – 114.
37. См.: Право, 1905. № 43. Стб. 3541 – 3542.
38. Ганфман М. Указ. соч... С. 47 – 48.
39. Всемирный вестник. 1905. № 10. С. 100.
40. Там же. № 11. С. 147.
41. РГИА. Ф. 776. Оп. 15. Ед.хр. 353. Л. 1–1 об. Смирнов С.В. Указ. соч. С. 10 – 11.
42. Бережной А.Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895–1914). Л., 1967. С.165.
43. От Союза в защиту свободы печати // Всемирный вестник. 1905. № 11. С. 147.
44. Ганфман М. Указ. соч. С. 52 – 53.
45. Русское богатство. 1905. № 12.
46. Ганфман М. Указ. соч. С. 59.
47. Сюжет борьбы рабочих-печатников исследован А.Ф. Бережным, правда, с мотивом оправдания их действий: Бережной А.Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895 – 1914). Л., 1967. С.157 – 179.
48. ПСЗ. 3-е собр. Т. XXV. 1908. № 26962.
49. Русская журналистика в документах... С. 215 – 220.
50. Валле-де-Барр Е.А. «Свобода» русской печати (После 17 октября 1905 г.). Самара, 1906. С. 33 – 53; Былое. 1907. № 3. С. 134.
51. РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 1.
52. Ганфман М. Указ. соч. С. 61.
53. ПСЗ. (3-е собр). Т. XXVI. 1909. № 27574, 27815; Русская журналистика в документах... С. 222 – 228.
54. Свобода печати при обновлённом строе. М., 1912. С. 223. Документ «Министерство внутренних дел, Главное управление по делам печати. 9 июня 1906. № 5378. Конфиденциально. Циркулярно Господину Губернатору» опубликован в статье В. Обнинского «Печать и администрация».

Издание газеты «Россия» прекратится лишь в апреле 1914 г. Её роль в правительственной политике не исследована.

55. Для современного читателя отметим: старое русское слово «осведомлять» носило нейтральный характер и означало – информировать, сообщать, то есть Осведомительное бюро – информационное бюро. Оттенок доносительства в этом слове стал преобладать позднее.
56. См. об этом: Смирнов С. В. Указ. соч. С. 35 – 36.
57. Полянская Л. Архивный фонд Главного управления по делам печати // Литературное наследство. 1935. № 22-24. С. 603 – 634.
58. Русское слово. 1905. 23 янв., 13, 19 февр.; Право. 1905. № 7. С. 528; № 8. С. 600; № 14. С. 1068.
59. Арсеньев К.К. Бесцензурность и подцензурность; Мякотин В.А. Одна страница из новейшей истории русской печати; Милюков П.Н. Объективное и социологическое обоснование свободы печати; Прокопович С.Н. Свобода печати // В защиту слова. Сб. ст. СПб., 3-е изд. 1905. С. 27, 85, 22 – 23, 182.
60. См.: Программы политических партий и организаций России конца XIX – XX века. Ростов-на-Дону, 1992; Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 155.
61. Программы политических партий России, конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 327.
62. Записка от 4 июня 1906 г. И.Л. Горемыкина, председателя Совета министров, Николаю II // Красный архив. 1922. № 2. С. 280.
63. О цензуре и свободе печати (Из Протоколов заседаний первой Государственной Думы Российской Империи. Сессия 1, заседание 26. 13 июня 1906 г.) // Родионова Т.С. Деятели печати и первая Государственная Дума России. М., 2007. Публикация стенограммы. С. 109, 113, 116, 123 – 125.
64. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х тт. Т. 3. М., 1960. С. 320 – 321.
65. Журнал Совещания, образованного при Министерстве юстиции для разработки вопроса об ответственности за преступные деяния, совершаемые посредством печати. СПб., (1908). С. 4; Карательные нормы законопроекта о печати // Книжный вестник. 1908. № 48. С. 473 – 474; Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С. 41.
66. Штильман Г. Ответственность за преступления печати. Доклад, прочитанный на 9-ом съезде русской группы Международного союза криминалистов // Вестник Европы. 1912. № 6. С. 339.
67. Тихомиров Л.А. Законы о печати. СПб., 1909. С. 6.
68. Там же. С. 7 – 8.
69. Там же. С. 12.

70. Штильман Г. Ответственность за преступления печати. Доклад, прочитанный на 9-ом съезде русской группы Международного союза криминалистов // Вестник Европы. 1912. № 6. С. 344.
71. Толстой П. Ограничение свободы печати обязательными постановлениями в порядке охраны // Свобода печати при обновлённом строе. СПб., 1912. С. 89, 121.
72. Книжная летопись. 1912. № 1 – 14. 7 янв. – 7 апр.
73. Свобода печати при обновлённом строе. СПб., 1912. С. V.
74. Там же. С. VI.
75. Право (СПб.). 1911. № 33 – 35; Правда. 1912. № 27, 29 – 32; Русское богатство. 1912. № 8; Вестник права и нотариата (М.). 1912. № 35 – 37.
76. Свобода печати при обновлённом строе. СПб. 1912. С. V.
77. Свобода печати при обновлённом строе. СПб., 1912. С. VII.
78. Там же. С. 64, 75, 231.
79. См.: Новожилова И.В. Политика царского правительства в области законодательства о печати 1905 – 1914 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1971. С. 11.
80. См. подробнее: Лихоманов А.В. Кадетский законопроект о печати в IV Государственной Думе. Публикация // Цензура в России: история и современность. Сб. научн. трудов. Вып. 3. СПб., 2006. С. 247 – 256.
81. Приложения к стеногр. отчётам Государственной Думы. 4-ый созыв. Сессия I: 1912 – 1913. СПб., 1913. Вып. 1. № 10. С. 2 – 3.
82. Государственная Дума. Созыв 4-ый: Стеногр. отчёты, 1912 – 1913 гг. Сессия I. СПб., Ч. I. С. 1612.
83. Современник. 1913. № 5; 1914. № 2; Вестник Европы. 1913. № 6; 1914. № 3; Заветы. 1913. № 6.

ГЛАВА III. СИСТЕМА ЖУРНАЛИСТИКИ

3.1. Факторы развития печати

К началу XX века в России сложилась целостная система журналистики, включавшая сеть газет и журналов разных типов и книгоиздание. Она состояла из двух подсистем: светской (гражданской) и духовной (церковной). Традиционно большую роль в государстве имела Русская Православная Церковь (РПЦ). Духовная коммуникация в Древней Руси была опорой власти. Она была обращена к народу. Это понимали и учитывали все монархи. Пётр I, создав светскую печать, её типографскую базу, гражданский алфавит, в реформаторской деятельности опирался и на духовную коммуникацию, которая, несмотря на наличие светской, долгое время в общении с народом оставалась основной коммуникацией.¹ Она выполняла не только духовно-просветительскую функцию, но и через неё народ получал главную информацию о государственных делах, важнейших событиях, происходящих в мире.² В результате процесса секуляризации ведущую роль в светском государстве стала играть светская (гражданская) печать.

На характер русской журналистики влиял целый ряд существенных факторов, в первую очередь, – географический. Большая протяженность территории страны – от Балтики до Тихого океана – всегда ставила перед управлением государства сложные проблемы взаимодействия, информирования населяющих его народов; определяла огромное значение в нём бюрократии разного ранга, полиции и коммуникаций, включая журналистику.

На протяжении всей истории России в соответствии с тем огромным пространством, которое она занимает, одним из наиболее значительных признаков типологической дифференциации её печати был **административно-территориальный**, в связи с чем она делилась на **столичную и провинциальную**

(главным образом, **губернскую** и отчасти **уездную**) и **епархиальную**. К лагерю официальной журналистики в условиях России, где Русская Православная Церковь (РПЦ) была как бы прикреплена к государству, надо отнести развёрнутую **сеть религиозных, конфессиональных изданий**, в основном, епархиальных ведомостей. Кроме них, Церковь выпускала периодику в крупных центрах Православия, миссионерские издания.

Другим важным фактором, определявшим состояние журналистики России, был **аудиторный**. Её потенциальная аудитория была количественно неисчерпаемой, но в аграрной по экономике стране был большой процент неграмотных и долго шёл медленный рост потребности в грамотном населении.

Лишь развитие капиталистических отношений со второй половины XIX в. дало толчок росту этой потребности. Объективным основанием происходивших изменений в социальной структуре общества к концу этого века стали интенсивное экономическое развитие страны, процессы урбанизации и миграции населения, движение более широких слоёв населения страны к активной социальной и общественно-политической жизни, рост промышленности, городов, числа их обитателей, развитие сферы обслуживания, появление новых, необходимых для экономики и хозяйства государства профессий, требующих грамотного работника.

Это вело постепенно к повышению в населении страны прослойки грамотных. К началу XX в. интеллигенция России, Русская Православная Церковь проделали значительную культурно-просветительскую работу и этим тоже были созданы важные предпосылки для повышения грамотности народа, расширения аудитории журналистики.³ К 1900 г. в стране грамотным была почти треть населения, в Петербурге – 59,2 %, в Москве – 46,8 %.⁴ Россия входила в число стран, где население всё больше читало.

Широкий размах тогда получает книжное дело. Издатели-просветители XIX в. (А.Ф. Маркс, М.В. и С.В. Сабашниковы, Ф.Ф. Павленков, П.П. Сойкин, Д.И. Сытин и др.) создали в

стране мощную типографскую, полиграфическую базу, подготовив этим всесторонний расцвет русской журналистики в начале нового столетия. Особенностью их просветительской деятельности было наличие в книжном репертуаре большого числа продукции, рассчитанной на народ, включая лубочную литературу. Это готовило массового читателя для периодики.

В народ пошел поток литературной классики: произведения Гоголя, Лермонтова, Крылова, Тургенева. В 1887 г. истёк срок права на собственность родственников А.С. Пушкина на его сочинения. Первое дешёвое издание их предпринял А.С. Суворин. Оно было раскуплено за полчаса. Произведения великого поэта выпустили Павленков, Сытин, Карцев, Маракуев и т.д. Всего за год было продано 1,5 млн. экземпляров пушкинских книг.⁵ Большое распространение в обществе получают произведения Л.Н. Толстого. В феврале 1887 г. выходит его драма «Власть тьмы». Её первый тираж был раскуплен сразу же. В течение двух месяцев драма переиздавалась 5 раз, за год её тираж составил почти 100 тысяч экз. В том же году для народного чтения было напечатано 397000 экз. произведений Л.Н. Толстого (вообще же его сочинений – 677600 экз.).

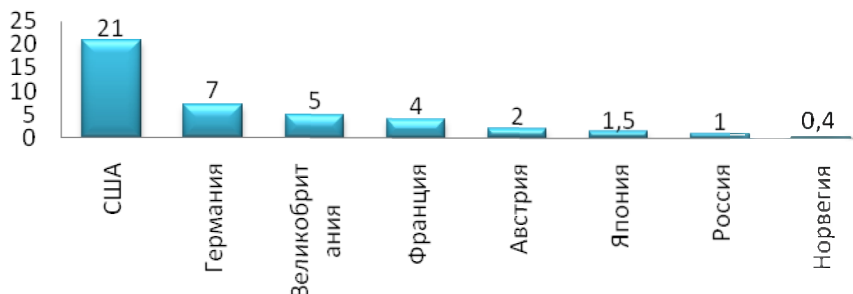
Всё это свидетельствовало о качественно новом состоянии российской читательской аудитории. «До рокового 1914 г. наше книжное хозяйство переживало небывалое оживление и подъём, – замечала В. Славская (1920 г.). – Русская книга начинала приобретать всё больше и больше европейский облик...».⁶ К 1913 г. издание книг по сравнению с 1907 г. возросло в 3,6 раза.⁷

Наблюдался и определённый рост периодики. В 1900 г. выходило около 1000 изданий. Причём они неравномерно распределялись по территории страны: в 19 губерниях из 97 (без Финляндии и о. Сахалина) не было даже официальных ведомостей, более 40 регионов не имели частной печати.⁸ По сравнению с некоторыми европейскими странами и США Россия тогда имела менее развитую сеть прессу (см. таблицу).

Тиражи русских изданий также уступали европейским и североамериканским.

Таблица

**Соотношение мировой периодики на 1900 г.
(тысяч изданий)⁹**

Существенными причинами в торможении процесса становления периодики были неравномерность проживания населения в регионах страны, отсутствие инфраструктуры распространения периодики, цензурная репрессивная политика власти, её стремление оградить народ от печатного слова.

3.2. Сеть официальной печати

Столичная печать. На протяжении всего XIX в. властные структуры общества фактически имели монополию на печать. Официальная периодика охватывала всю страну, все слои населения. Её основным изданием была ежедневная газета *«Правительственный вестник»* (1869 – 1917, СПб.),¹⁰ выпускавшийся Главным управлением по делам печати Министерства внутренних дел. В первом номере газеты говорилось: *«Официальная газета, общая для всех Министерств и управлений, издаваемая по Высочайшему повелению с 1869 года при Главном управлении по делам печати, будет выходить еженедельно, кроме понедельника и дней, следующих за большими праздниками. Подписка принимается в комнате редакции, помещающейся в здании МВД, у Чернышева моста».*

«Правительственный вестник» имел большой формат (А 1), объём 4 – 6 страниц. Номера с расписанием движения поездов состояли из 27 – 36 страниц. Газета финансировалась правительством. Расходы на неё превышали доходы от подписки и объявлений. Так, в 1904 г. дефицит издания составил 19 тысяч руб.¹¹ Редактора газеты назначали. В 1901 – 1902 г. её редактором был К. Случевский, в 1902 – 1905 гг. – П. Кулаковский.

Основной задачей вестника была публикация правительственных документов (указов, распоряжений, инструкций, циркуляров и др.) и официальной информации. У газеты были отделы и рубрики: «Придворные известия и церемониалы» (хроника приемов, молебствий, встреч на высочайшем и дипломатическом уровне, высочайших поездок, служебной и благотворительной деятельности высочайших особ и др.); «Действия правительства» или «Отдел известий правительства», где печатались именные высочайшие указы, повеления и приказы, сообщения о высочайших награждениях, документы ведомств – приказы и циркуляры и др.; «Внутренние известия», «Иностранные известия», «Разные известия» (обычно о наиболее значимых научных и технических достижениях), «Сведения о распоряжениях по делам печати» (отдел мог занимать всю третью страницу). Последняя страница включала «Биржевой указатель» (состояние счетов Государственного банка, сообщения о губернских торгах на земельное, недвижимое и городское имущество и др.), «Метеорологические бюллетени», «Казенные и частные объявления».

Информацию с комментариями в «Правительственном вестнике» представлял раздел «Фельетон», при наличии которого газета имела 6 страниц. В этом разделе как правило публиковались статистико-экономические, историко-биографические, научно-популярные статьи.

В период войны с Японией структура вестника претерпела некоторые изменения: появились оперативные «Письма с театра войны», «Письма с войны» собственных корреспондентов газеты Вл. Апушкина и С. Добровольского, «Прибавления» –

«Официальные известия с Дальнего Востока»; был расширен отдел «Извещения», где сообщались имена награждённых героев, погибших и раненых на поле брани; помещались телеграммы с фронта.

Однако в целом структура и содержание газеты были стабильными. «Правительственный вестник» служил моделью для других официальных изданий государства. Главные ведомственные печатные органы страны включала сеть столичных официозов: «Сенатские ведомости» (1809 – 1917), «Церковные ведомости» (1888 – 1918), «Русский инвалид, или Военные ведомости» (1843 – 1917), «Торгово-промышленная газета» (1892 – 1917) и др.

Особое значение в сети столичных официозов имел «*Сельский вестник*», рассчитанный на народ и вышедший в свет с 1 сентября 1881 г. при «Правительственном вестнике» как еженедельное прибавление, отражавшее основную идеологическую доктрину Империи: самодержавие – православие – народность.¹² Газета финансировалась правительством, была обеспечена бесплатной рассылкой по всем волостным правлениям и местным администрациям (губернаторам, полиции), имела самую дешёвую подписку. К 1900 г. тираж «Сельского вестника» составлял 85 тыс. экз., и он в условиях контролируемого властью информационного рынка был одной из самых распространённых в стране газет.

Выход в свет такой газеты в период правления Александра III – знаменательное явление во внутренней политике власти. На долгие годы этот официальный орган худо-бедно будет основным информационным источником сельского населения страны. Конкуренцию этой газете в известной степени составят редкие и недолговечные земские издания.

В её программе редакция обещала давать «сведения о важных событиях и разнообразных явлениях жизни нашего обширного Отечества, о законах и правительственных распоряжениях, благополучном и неблагополучном ходе наших хозяйственных и иных дел, о нуждах и потребностях населения и мерах к их удовлетворению».¹³ Перед редакцией «Сельского

вестника» стояла трудная задача нейтрализовать «ошибочно и превратно понятые новости из газет и журналов, издаваемых для интеллигентной публики, уберечь крестьян от неверных и даже вовсе неосновательных слухов и известий, которые вводят простых и легковверных людей в заблуждение». Наконец, её программа предусматривала контрпропагандистские цели – «противостоять «злоумышленным людям», которые нарочно рассказывают небылицы и даже тайно печатают обманные и возмутительные листки и книжки, чтобы распространять в народе смуту».¹⁴

Появление в стране партий заставило редакцию перестроить свою работу. При газете в 1906 г., по замыслу председателя Совета министров С.Ю. Витте и министра внутренних дел П.Н. Дурново, был организован особый отдел по изданию брошюр, «посвящённых всецело пропаганде здоровых политических взглядов и опровержений лживых учений противоправительственных партий». На это ассигновалось до 60000 тыс. руб. Так называемые «народные книжки» объёмом до 50 страниц выходили тиражом 10 тыс. экз. и стоили 1 копейку.¹⁵

Издание «Сельского вестника» – газеты для народа – стало заботой забот правительства, в первую очередь МВД. Уже её первые номера подверглись подробному рассмотрению.¹⁶ Учитывая характер аудитории, для годовых подписчиков редакция стала бесплатно рассылать приложения: «Календарь и справочная книжка», ежемесячно – книжки для народного чтения «Бог помочь» и др. Содержательная модель «Сельского вестника» неоднократно корректировалась. В ходе реформирования сети официальной печати в 1905 г. он был превращён по замыслу власти в самостоятельную, якобы независимую от министерств, популярную, *ежедневную* с нового (1906) года газету, рассчитанную на крестьян; стал строиться «по более широкой программе» «на началах, соответствующих современным требованиям крестьянского населения Империи». Переход на новую периодичность привел, несмотря на существенную материальную поддержку, к падению тиража газеты. В 1905 г. «Сельский вестник» имел около 117 тыс. подписчиков и 15 400

экз. бесплатной рассылки, позднее его тираж составлял: в 1909 г. – 57 тыс., в 1913 г. – 59 тысяч экз.¹⁷

«Сельский вестник», так или иначе, значительно расширял сферу информирования правительством населения страны. В тех условиях – недостаточной грамотности крестьян, их непривычки к регулярному чтению, нехватки у них времени на чтение газеты и денег на её покупку – «Сельский вестник» способствовал постепенному формированию аудитории печати на местах. «При разговоре с мужиками, – отмечалось в 1902 г. в «Книжном вестнике», – ...постоянно приходилось слышать один и тот же ответ: «Вовсе почитать нечего. “Сельский вестник” чуть не наизусть выучишь... Хорошего достать негде»».¹⁸ «Я получаю через волостное правление “Сельский вестник”, выписанный на свои скудные средства, а более нечего...», – заявлял в 1904 г. один из крестьян Владимирской губернии. Крестьяне сохраняли номера газеты, иногда в виде годовой подшивки.¹⁹

Провинциальная официальная печать: губернские ведомости. В системе официальной журналистики страны большое значение имела провинциальная печать, которая к началу XX в. представляла собой развитую сеть губернских и епархиальных ведомостей. «Нигде в мире провинциальная печать, – замечал в 1912 г. анализирувавший её состояние М. Туринский, – не имеет такого важного и государственного, и общественного значения, как у нас в России».²⁰

История губернских ведомостей начиналась в 1830-е годы. Первые издания этого типа возникли в Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской губерниях. Осознав важность местной официальной печати, власть приняла решение издавать такие газеты во всех губерниях. Губернские ведомости всегда находились под бдительным оком Правительства и Главного управления по делам печати, но их программа подвергалась уточнениям и некоторой модернизации в 1865, 1871, 1876 гг.

Газета в соответствии с программой состояла из двух частей – официальной и неофициальной. *Официальная* – выполняла функции связи между правительственными учреждениями,

информирования об их деятельности через публикацию документов как правительства, так и местной администрации (указы, циркуляры, распоряжения, постановления, сведения о присвоении чинов, о награждениях, о розыске и т.д.). Эта часть газеты не имела комментированной информации. **Неофициальная** часть, появление которой в губернском издании было санкционировано правительством с 1 января 1841 г. – собственно и была первым, хотя и официальным типом провинциальной, местной газеты. Она несла читателю дозированную властью информацию по-разному в разное время.

Сама программа губернских ведомостей изначально была составлена так, что не давала возможности редакции представить читателю широкий диапазон информации в неофициальной части газеты.²¹ Редакция, «сообразуясь с характером и направлением «Правительственного вестника», могла публиковать «сведения, относящиеся к местности», о сельском хозяйстве, урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, судоходстве; географические, археологические, статистические, исторические, топографические, этнографические материалы и др.; сообщения из уездов; рекламную информацию – о рыночных и справочных ценах, «о выданных привилегиях на изобретение, о состоявшихся торговых и других обществах» и др.; некрологи.

В провинциальной газете не могли появляться произведения беллетристики, «неуместно резкие заявления и суждения о рассматриваемых фактах и вопросах, статьи полемические, юмористические, перепечатки из частных изданий известий и слухов о предполагаемых мерах и распоряжениях правительства, а равно анекдоты и вообще статьи легкого и так называемого фельетонного содержания».

Однако роль этого типа издания в жизни провинции России 1860 – 1890-х гг., становлении её культуры была значительной. «Работа в “Губернских ведомостях” в ту пору имела совершенно специфическое значение как важный вид общественного служения и привлекала лучших представителей местной прогрессивной и демократической интеллигенции», – утверждает историк литературы М.К. Азадовский.²² Историк журналистики

Ю.А. Мишанин пришёл к выводу, что в подавляющем большинстве губернских центров России на долю ведомостей «выпала задача приучить к чтению прессы самые отдалённые, глухие уголки российской провинции. В этом их культурно-историческое значение». На страницах неофициальной части губернских ведомостей, объединивших вокруг себя лучшие силы местной культуры, нашло отражение громадное количество краеведческого материала.²³

Повсеместно в губернских ведомостях постепенно шло расширение их проблемно-тематического комплекса, диапазона их информации, что часто зависело от политической атмосферы в стране, от индивидуальности редактора-издателя, от профессионализма редакционных сотрудников, от сложившихся отношений с местной губернской властью. Нередко на практике, когда неофициальная часть ведомостей редактировалась творческой личностью, её проблемно-тематический комплекс обогащался и становился привлекательным для читателя. Так было:

- с «Нижегородскими губернскими ведомостями» при редакторах П.И. Мельникове (1845 – 1850), А.С. Гацисском (1862 – 1866), М.В. Овчинникове (1884 – 1889), который разделил официальную и неофициальную часть ведомостей в 1884 г.;
- с «Рязанскими губернскими ведомостями» начала 1860-х гг. при редакторе Ф.Т. Смирнове, создавшим сеть местных корреспондентов и с их помощью расширившим диапазон информации, когда неофициальная часть газеты достигла своего расцвета;
- с «Пензенскими губернскими ведомостями» при редакторах М.В. Сурине (1868 – 1871) и Н. Пантелеевском (1873 – 1878), когда газета стала выходить ежедневно;
- с «Саратовскими губернскими ведомостями» при А.И. Соколове (1879 – 1880-е), при Н.Ф. Хованском (1888 – 1892), когда издание приобрело «значение народной газеты», в котором участвовали и селяне, печатались рассказы из народной жизни и др.;

- с «Ставропольскими губернскими ведомостями» при И.В.Бентковском, подписывавшим по его инициативе отделившуюся их неофициальную часть с 1875 по 1889 г., при котором эта газета достигла расцвета и приблизилась по типу к общественно-литературным изданиям.
- С «Терскими ведомостями» при Н.А. Благовещенском (1880 – 1889) и Е. Д. Максимове (1889 – 1893), расширившими программу этого официального органа.²⁴

Такие перемены с неофициальной частью губернских ведомостей не остались ни замеченными внимательными читателями. Генерал Г.Е. Канаев в воспоминаниях замечает о «Томских губернских ведомостях» 1860-х гг., что эта их часть могла пойти «за настоящую как бы частную газету. Публика заметила появление оригинального провинциального органа печати и стала его читать...».²⁵

К началу XX в. губернские ведомости становятся неотъемлемой частью общественной и культурной жизни провинции. Её неофициальная часть нередко де-факто превращается в самостоятельное издание.

Так, в 1890-е годы губернаторы П.Г. Погодин и Д.Г. Арсеньев провели коренное преобразование «Пермских губернских ведомостей».²⁶ Их неофициальная часть стала с 5 июля 1894 г. выходить отдельно и с подзаголовком «Общественно-литературная, политическая и экономическая газета», формат которой был приближен к столичным ведомостям. Одно время она выходила ежедневно. У редакции появились собственные корреспонденты. В газету к сотрудничеству были привлечены местные литераторы и поэты. Наконец, с 16 июля 1908 г. неофициальная часть газеты стала называться «Пермские ведомости».

Такого рода пример даёт и история печати Уфимского края. В июне 1894 г. местный губернатор обращается в Главное управление по делам печати с просьбой об изменении программы подведомственного ему органа. Предварительно с этой целью им была проведена большая работа: выработана новая программа газеты, в соответствии с ней выпущен, по словам губер-

натора, «образцовый номер нового издания ведомостей», т.е. создана модель будущей газеты. Всё это было отослано в Главное управление с сопроводительным письмом, где аргументировалась необходимость реализовать предложение: «В Уфимской губернии единственный печатный орган составляют “Уфимские губернские ведомости”. Программа сих ведомостей столь обширна, а помещаются в ведомостях сведения частного характера так незначительны, что издание ведомостей в существующем их виде, не удовлетворяет потребителям общественной жизни...».²⁷ Новая программа состояла из следующих разделов: 1. Местный дневник. 2. Телеграммы Северного агентства. 3. Отдел общих известий. 4. Разные известия. 5. Местный листок.

Ведомости выходили раз в неделю: из-за этого даже телеграммы Северного телеграфного агентства, выписываемые редакцией, помещались в газете лишь на шестой день после их получения. Поэтому губернатор предлагает выпускать её ежедневно с некоторым увеличением цены на неё. Его просьба Главным управлением была удовлетворена, программа утверждена.

Модернизация местного печатного органа будет продолжена и дальше. С 15 февраля 1903 г. неофициальная часть «Уфимских губернских ведомостей» стала издаваться как приложение к ним под названием «Уфимские ведомости», а с 1906 г. уже как самостоятельная, «политико-общественная и литературная» газета «Уфимский край», но с обозначением: «неофициальная часть губернских ведомостей». Газета имела расширенную программу, с 1910 г. стала ежедневной.²⁸

Тип губернских ведомостей на рубеже веков претерпевает существенные изменения. Вот как это фиксирует свидетель тех лет в 1901 г., говоря о «Симбирских ведомостях»: «В настоящее время “Ведомости” превращаются в довольно живую местную газету, чутко отзывающуюся на многие вопросы нашей жизни. “Ведомости” особенно оживились с тех пор, как неофициальная часть их выделилась в самостоятельную газету с особой подпиской. Завела она корреспондентов в разных углах губернии, которые уже не ограничиваются одними банальными описаниями местных “торжеств” и “освящений”». Эти изменения произошли

после того, как в регионе появились два новых провинциальных земских изданий.²⁹

Как и вся официальная печать, сеть губернских ведомостей страны находилась в кризисе. В 1907 г. их неофициальная часть была превращена в самостоятельную газету. В ходе реформирования правительственной печати, при денежной поддержке её, по утверждению П.А. Столыпина, удалось основать «во многих провинциальных городах газеты правого направления, которых ранее почти не было»³⁰, но интенсивный рост частной, коммерческой прессы, особенно после 1905 г., усилил конкуренцию на информационном, менее контролируемом властью рынке. Усилия правительства не давали желаемых результатов. Роль ведомостей в общественно-политической и культурной жизни провинции уменьшилась, но, конечно, по-прежнему они выполняли функции управления, связи центральной власти с местной.

Официоз по призванию. Эволюция журналистики в XIX веке привела к тому, что произошло падение престижа официальной печати; одновременно появились такие частные издания, которые входили в правительственный лагерь, восполняли его потери на информационном рынке, как бы арендовались властью и претендовали на роль **неофициальных официозов** («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Новое время» и др.). Истоки этого типа изданий восходят к началу истории русской журналистики и требуют специального изучения.

Как показал опыт, официальная печать в большей степени была средством управления и информирования, а вот эффективностью влияния на население она явно уступала частным изданиям. На протяжении XIX в. власть стремилась к расширению охвата информационного пространства страны и сферы воздействия через печать на общество. Об этом свидетельствует понимание её лучшими представителями ограниченности в этом возможностей официальной журналистики и практика использования в целях правительства частной прессы. Такого рода успешным изданием была газета А.С. Суворина *«Новое время»* (1868 – 1917, СПб.).

Довольно часто исследователи, становясь на позиции современников этого типа газет и журналов, ставят в вину их редакторам-издателям материальную в той или иной степени связь с правительством, получение от него прямых или скрытых субсидий. Следует, однако, заметить, что такой опыт не является чем-то исключительным только для российской власти. К материальной поддержке печати прибегают при необходимости как предприниматели (к примеру, используя скрытую рекламу), так и властные демократии (например, соблюдая плюрализм информационного процесса, они поддерживают и правые, и левые издания).

В начале XX в. «Новое время» представляло собой всемирно известное издание. На международной арене считалось, что газета А.С. Суворина во многом отражает правительственную точку зрения. «Как у нас, так и за границей хорошо известно, – констатировал министр финансов В.Н. Коковцев, – что из всех влиятельных органов печати “Новое время”, хотя и представляет совершенно частное издание, обыкновенно довольно точно отражает взгляды правительственных сфер».³¹ В.И. Ленин называл эту газету «неофициальным официозом правительства».³²

Купленная Сувориным на занятые в 1876 г. у варшавского банкира Кроненберга 30 тыс. руб., она стала центром самого крупного до Первой русской революции 1905 г. издательского предприятия с большим финансовым оборотом, а её владелец стал миллионером.³³ На пути к успеху Суворин проявил недюжинные способности предпринимателя, финансовую сметку, деловую хватку, понимание конъюнктуры информационного рынка и потребностей аудитории; редакторское и журналистское мастерство. Его газета довольно быстро превратилась в одно из самых читаемых и авторитетных изданий.

В журналистском творческом процессе Суворин выступил как новатор, создав журналистское предприятие, на протяжении долгого времени приносившее стабильный доход и соединившее просветительские и коммерческие цели. Он смог в тех условиях

сохранить возможную степень автономности газеты от правительства, поддерживая главные начинания властных структур, показав этим значение журналистики в управлении государством.

М.О. Меньшиков, свидетель последнего десятилетия деятельности Суворина, подчёркивал: «...Очутившись на государственном посту – руководителем самой крупной русской газеты, он понял свои обязанности к родному государству. Он очень больно подстёгивал бездарную часть бюрократии, и не одна министерская карьера погасла в капле его едких чернил... Но он же систематически оберегал сколько-нибудь достойную власть, как двигатель какой ни на есть государственности».³⁴

«Новое время» было ранним вариантом взаимосвязи печати с властью, было под постоянным обстрелом так называемой прогрессивной интеллигенции и воспринималось ею как рептильное издание, что выразилось в кличке, которую ей дал классик сатиры М.Е. Салтыков-Щедрин, – «Чего изволите?». Все эти эмоциональные оценки современников по истечении XX в. воспринимаются как проявление идейной борьбы. Не вся печать должна была разрушать государство.

«Беспримерная в истории русской печати 36-летняя работа “Нового времени”, – подводил Меньшиков итоги деятельности Суворина, – была живой государственной работой, непрерывным *законосовещанием*, помогавшим законодательству и часто направлявшим его».³⁵ Суворин создал газету, которая более трети века по влиянию на общество была одной из основных в системе печати, а его выросшее издательское предприятие внесло неоценимый вклад в русскую культуру. Выработанный Сувориным тип издания прокладывал новые пути в русской журналистике, служил в известной мере образцом для других предпринимателей.

«Новое время» на протяжении всей своей истории оставалось одним из наиболее влиятельных органов в стране. Тираж газеты держался в основном на уровне 60 тысяч экз., в годы революции он снизился до 40 тыс. экз.³⁶ Однако «Новое

время» по-прежнему было одной из самых авторитетных газет в России и за границей.

В этом её успехе сыграл роль ряд важных факторов. В первую очередь, *профессионализм её издателя-редактора*. А.С. Суворин до покупки «Нового времени» в отличие от многих других предпринимателей освоил практически все стороны газетного дела – от рассыльного, корректора до ведущего публициста столичной газеты «С.-Петербургские ведомости», где он проработал 12 лет (1862 – 1874), опубликовал 400 статей, рецензий, фельетонов, рассказов и заметок.³⁷ Суворину была понятна гармония газетного дела, его суть, его механизм. Он строил газету как литературный «парламент», как парламент мнений. Его газета стала, как теперь говорят, информационным продуктом высокого класса.³⁸ Предприниматель обеспечил своё издательство новейшей полиграфической базой. «Новое время» выходило на 8 – 16 страницах, текст её набирался в три цвета, сопровождался иллюстрациями – до 20 и более в номере.

Сам редактор был одним из ведущих публицистов газеты. С 1881 г. вёл редакционную колонку «Маленькие письма» (70 – 100 строк), что стало газетной традицией, хорошо известной для читателей. Мастерски выписанные комментарии к злободневным событиям и фактам читались не только обывателем, но и царем, министрами, политиками, деловыми людьми.³⁹ Публицист имел своё мнение, и оно было весомым, значимым, опиралось на аргументы, с которыми трудно было спорить.

Позиция Суворина и его газеты была самостоятельной и отличающейся заботой об интересах России, интересах государства в целом. Публицист-философ В.В. Розанов писал: «Суворин был со страшно зорким глазом, человек с тою особенностью, что он эту зоркость никому не навязывал и скорее держал при себе... Он слишком много видел на веку людей, положений, страстей, грехов, и видел громадную панораму. Ничему, кроме “целокупной России”, не отдавал души и ума».⁴⁰

Позиция государственника-патриота ярко проявилась в редакторской колонке в период войны с Японией. В это время Суворин модернизировал проблемно-тематический комплекс газеты, даже в ущерб материальных выгод. Он перестал печатать биржевую информацию, которой обычно отводилось три колонки полосы, сократил число публикаций – литературных, развлекательных, о любимом театре. За счёт этого в «Новом времени» расширился военный отдел. Большой резонанс получило его «маленькое письмо» – комментарий к отчету с заседания военного ведомства (январь 1904 г.). Суворин подчёркивал, что страна начала войну с морской державой, у которой был мощный флот, не имея сама современно оснащённого собственного флота. Это его письмо положило начало целой газетной кампании.⁴¹

Князь Л.М. Кочубей из Полтавы привёз в редакцию Суворину 2 февраля 1904 г. 10 тысяч руб. и предложил организовать при газете центр по сбору пожертвований на развитие флота. 3 февраля редакция получила такую же сумму от бессарабского помещика Г.В. Калмуцкого. «Прекрасное дело пошло, – замечает в «маленьком письме» 3 февраля Суворин. – Пожертвования на флот принимаются и в конторе "Нового времени"». Призыв «Нового времени» получил деятельную поддержку общества. Опираясь на примеры из военной истории страны, Суворин подчёркивал в «Маленьком письме» от 3 февраля 1904 г.: «Сильный флот – сильная Россия». Он цитировал письмо дворянина В.С. Россоловского: «Пусть воскреснут покоящиеся на дне «Варяг» и «Кореец». Давайте соберём миллион рублей. Вношу 10 тысяч рублей». Редактор при этом замечал, что «на усиление флота» жертвуют и крестьяне, и бедняки – «все». Деньги поступали обычно на имя Суворина, и он хорошо понимал, какую ответственность берёт на себя, став доверителем общества. Ежедневно его «Маленькие письма» содержали отчёт перед аудиторией:

- За 4-ое февраля на имя Суворина пришло 47726 рублей.
 - За предыдущие три дня поступило 85 тысяч рублей.
 - Всего с 3 по 9 февраля собрано 99188 рублей и 15800 процентными бумагами...
- ⁴²

Кампания газеты адресовалась и к правительству страны. «Русское общество, – замечал Суворин, – приходит на помощь правительству и ждёт от него отклика – вот что важно. Общественное и народное чутьё сказывается в этих пожертвованиях, что нам надо сделаться морскою державою – вот что чрезвычайно серьёзно».⁴³

В ходе кампании, помимо отчётов и «маленьких писем», была использована и проблемная публицистика. В феврале – марте 1904 г. в «Новом времени» вышел ряд аналитических, обобщающих статей: «Миллиард из копеек» (о народном фонде на строительство броненосца), «Война и финансы», «Наша финансовая готовность к войне» и др. В них говорилось не только о патриотическом энтузиазме общества, включившегося в строительство флота, но и о деятельности власти по материальному обеспечению военных действий, внушалась мысль о том, что у России есть на это средства: «За 11 лет Витте создал финансы, которые могут выдержать любые испытания. При нём золотой запас удвоился и составил 1845 млн. рублей».⁴⁴

В итоге газетной кампании к 1905 г. был создан Комитет по усилению военного флота во главе с Великим князем Александром Михайловичем, Затем были организованы общественные комитеты «добровольного флота», «Помощь раненым» и др. Одновременно вышел указ Императора, предупреждавший возможные злоупотребления в патриотическом деле и запрещающий денежные поборы с простого народа без согласия рабочих артелей, фабрик и заводов и др. Император посчитал, что нет необходимости затрагивать «коренные основы народного благосостояния». К 1905 г. было собрано на реконструкцию флота более 17 млн. руб.⁴⁵ Этим был дан толчок воссозданию российского флота, его модернизации, проходившей в 1906 – 1912 гг. В 1912 г. были приняты «Закон об Императорском российском флоте» и программа «Усиленного судостроения 1912 – 1916 гг.»⁴⁶

Газета Суворина ставила и исследовала наиболее актуальные и сложные проблемы времени. В её проблемно-тематическом комплексе значительное место занимали вопросы

партийного движения, парламентаризма, деятельности Государственной Думы, национальный (инородческий), имперского национализма, революции и др. «На страницах “Нового времени” разрабатывались и проводились, проводились и толкались вперёд все реальные интересы России, – считал В.В. Розанов. – Это есть главная работа газеты, сущность её за сорок лет существования. Мало-помалу она сосредоточила вокруг себя весь практический, деловой патриотизм. Газету полюбили вопреки всему, всем крикам, всей травле остального газетного мира».⁴⁷

Партийное движение, интенсивно развивавшееся в начале XX в., получило в «Новом времени» всестороннее и критичное освещение. Публицисты «Нового времени» понимали незрелость партийного движения в стране. Так, Н. Энгельгардт писал: «У нас партии возникли вчера, слагаются сегодня и группировка их происходит совершенно искусственно».⁴⁸ Сопоставляя партийные системы Англии и США с партийным движением в России, Суворин видел незрелость последнего в стремлении разрушать государство: за границей отсутствуют антигосударственные партии, там и социалистические не являются таковыми.⁴⁹

Особой критике в газете подвергались партии радикальных по преобразованию общества программ. Редакция выступала против решения проблем страны с помощью революций. Она видела классовую подоплёку такого решения, партийную «защиту классовых интересов» в ущерб другим слоям населения. Она призывала учитывать «общность государственных, нравственных, бытовых и материальных интересов русских помимо политических настроений».⁵⁰

Существенным фактором в успехе «Нового времени» было умение его редактора налаживать *связи с управленческими структурами страны, их высшими чиновниками*, к примеру, такими государственными деятелями, как С.Ю. Витте, А.В. Кривошеин, П.А. Столыпин, С.И. Тимашев и др. Эти связи Суворина с верхами русской бюрократии носили характер взаимозависимости. Газета читалась царём и царским двором,

управленческим аппаратом. Сохранились номера с пометками царя, его рекомендациями министрам и другим чиновникам принять к сведению высказывание, точку зрения, предложение редакции «Нового времени». Лестный отзыв газеты о чиновнике мог упрочить его служебное положение, способствовать продвижению его карьеры и т.д. Поэтому многие министры, чины высших государственных постов старались произвести собой на Суворина благоприятное впечатление. По словам В.В. Розанова: «Совершенно легально и не подвергаясь ни малейшему риску, газета такого положения, как “Новое время”, может наделать величайших неприятностей всякому ведомству и отравить министру час его цветения».⁵¹

Добившись такого положения «Нового времени» в обществе, Суворин сумел извлечь из него выгоду и для себя, и для газеты. Вот почему его издательское дело имело целый ряд льгот и выгод:

- наиболее крупные барыши приносило предоставленное властью Суворину почти монопольное право торговли печатной продукцией и её распространения на станциях казённых железных дорог;
- министерства и ведомства рекомендовали её частным учреждениям и предприятиям помещать в «Новом времени» различного рода обязательные платные объявления;
- Суворину предоставлялись амбициозные заказы, повышавшие авторитет его предприятия. Издание таких справочных книг, как «Весь Петербург», «Вся Россия», могло состояться при помощи в первом случае градоначальника Петербурга, во втором – министерств внутренних дел и финансов. Следует отметить, что Суворин, выпуская этого типа книги, нёс убытки, которые ежегодно составляли десятки тысяч рублей. Но эти расходы покрывались с помощью заинтересованных учреждений, а сами книги повышали авторитет всего дела Суворина.

- используя авторитет «Нового времени», многие его сотрудники получали дополнительные доходы, выгодные места в финансовых структурах страны. Один из ближайших соратников Суворина, публицист В.П. Буренин вошёл в правление Волжско-Камского коммерческого банка. Н.В. Снеессарев, секретарь редакции, одновременно состоял на службе в американском обществе «Вестингауз» и участвовал в скандальных махинациях вокруг учреждения одноимённого банка и проведения в столице трамвая.

Однако, пожалуй, самым существенным для газеты моментом этой связи с властью было получение редакцией от управленческих структур ***разнообразной, оперативной, эксклюзивной и конфиденциальной информации.***

Связи Суворина с управлением страной были трёх видов: открытые, скрытые и секретные, известные лишь предпринимателю. В числе последних, как это открылось уже в советское время – в 1920 – 1923 гг., была привилегия, предоставленная Суворину на публикацию всей информации Государственного банка, министерства финансов (отчеты, котировки, распоряжения, циркуляры и др.).⁵² Эта монополия позволяла редакции диктовать банкам, которые периодически отчитывались о деятельности в печати, цены на объявления. В то же время публикация такой информации повышала доверие к газете представителей бизнеса и власти, вообще внимательных читателей.

Не менее значительным фактором в становлении газеты «Нового времени» было умение А.С. Суворина создать ***ансамбль дееспособных, творческих сил.*** Редакционный коллектив нововременцев к началу XX в. был выпестован его заботами. Редактор, бывший журналистом, хорошо представлял, кто нужен для газеты. Рассматривая газету не как ***«собрание истин, а собрание мнений»***, он стремился «больше давать свободы личному мнению», предлагал сотрудникам «не навязывать своего взгляда». Суворин, по его признанию, предпочитал заботиться, по его признанию, «главным образом о литературной форме», поэтому «много работал над чужими

статьями», говорил «с сотрудниками по целым часам, но не столько об их статьях, сколько по их поводу».⁵³

Издатель и редактор «Нового времени» обладал чутьём на таланты. Об этом свидетельствует то, что он фактически дал путёвку в большую литературу А.П. Чехову, с которым он не только сотрудничал, но и дружил. Чехов с присущей его скромностью писал о Суворине 2 января 1889 г. поэту А.Н. Плещееву: «Этот человек относительно меня очень сильно заблуждается. Он готов ставить и печатать всё, что только вздумалось бы написать. У него азартная страсть ко всякого рода талантам, и каждый талант он видит не иначе как только в увеличенном виде. Уверяю Вас, что это так. Если бы его воля, то он построил бы хрустальный дворец и поселил бы в нём всех прозаиков, драматургов, поэтов и актрис».⁵⁴

Поработавший ряд лет в «Новом времени» секретарём редакции Н.В. Снеессарев, разошедшийся с газетой и выпустивший «разоблачительную книгу» о ней, отдавал её редактору должное: «Главным талантом Алексея Сергеевича Суворина, более важным для газеты, чем его литературный талант, была его *особенная способность делать журналистов. Именно делать, а не только отыскивать*». ⁵⁵ (Курсив наш. – Г.Ж.).

В редакции были собраны профессионалы, специалисты с определенным амплуа, тематикой. В течение всей истории «Нового времени» в нём работал известный публицист, сатирик и литературный критик **Виктор Петрович Буренин** (1841 – 1926), Владимир Монументов, граф Алексис Жасминов и мн. др.). В.А. Амфитеатров считал, что «Буренин шестидесятих годов – единственный сильный поэт, порождённый этою эпохою», выступавший в сатирическом журнале «Искра» в самом её расцвете.⁵⁶ Долгие годы он был ближайшим помощником А.С. Суворина по изданию «Нового времени» и заглавным публицистом этой газеты. Буренин обладал язвительным пером, досаждавшим критикуемым немало хлопот, так же, как и самому обличителю. Суворин в 1907 г. замечал в дневнике: «...он действительно добрый человек. Злой в критике, но необыкновенно добрый и деликатный человек в жизни. Я много раз это испытал». Когда

М. Горького, Суворина и П.И. Вейнберга выдвинули на избрание в академики, Алексей Сергеевич писал в 1902 г.: «Зачем я? Я журналист, не художник, не критик. Следовало давно выбрать Буренина».⁵⁷ Так он ценил своего товарища.

Суворин привлек к сотрудничеству в «Новом времени» *А.В. Амфитеатрова* (1862 – 1938), ставшего с его помощью ведущим публицистом газеты. В начале столетия Амфитеатров выдвинулся в ряды наиболее популярных литераторов, получавших высокий гонорар, входивших в первую десятку наиболее читаемых авторов в России.⁵⁸

В числе возвращённых Сувориным сотрудников «Нового времени» были Юрий Беляев, Леонид Попов (Эльпе), Василий Розанов, Александр Столыпин, Николай Энгельгардт. В газете сотрудничали Александр Чехов, С.А. Венгеров, один из наиболее популярных литераторов тех лет И.Н. Потапенко, который с 1896 г. выступал в газете с воскресными фельетонами, литературными и музыкальными рецензиями под псевдонимом Фингал.⁵⁹

XX век в карьере Суворина-редактора начинался неудачно. В 1899 г. министр внутренних дел П.Л. Горемыкин с помощью полиции расправился с волнениями студентов: одна их часть была избита, другая – брошена без суда и следствия в тюрьмы. В обществе царил возмущение такой расправой. Интеллигенция поддержала студенчество. Многие профессора в знак протеста оставили кафедры. Суворин выступил с комментарием этих событий в «маленьком письме», подчеркивая, что не дело студентов бунтовать, их дело учиться, и они должны покориться государю. На другой день после выхода в свет этого комментария Император издал указ о прекращении газетной полемики по студенческому вопросу. Прогрессивные журналисты обвинили Суворина в угодничестве власти, связав его выступление в газете с появлением указа. Алексей Сергеевич безуспешно пытался всеми силами вплоть до обращения в суд чести снять с себя этот навет.⁶⁰

В редакции в связи с этими событиями произошел конфликт. Часть сотрудников ушла в создаваемую тогда газету

«Россия». Казалось бы, редакция «Нового времени» понесла существенные потери.

Однако Суворин извлёк из коллектива новые резервы, предоставил им больший простор для творчества, смог найти и привлечь новых сотрудников. В их числе в первую очередь надо назвать Михаила Осиповича Меньшикова. Вот что писал в 1916 г. В.В. Розанов: «Одной из важнейших его услуг перед Отечеством было то, что он быстро и верно оценил особые и исключительные политические дарования, “общий дух” и золотое перо Меньшикова. При неудаче, Меньшиков мог бы вечно прозябать на розовых страницах наивных “Книжек недели” Гайд Гайдебурова: призванный в “Новое время”, он быстро, почти моментально развернулся в громадный государственный ум, зрелый, спокойный, неутомимый, стойкий, “не взирающий ни на что”, кроме Отечества и его реальных нужд, и подающий советы, решения, “входы” и “выходы” от А до У.»⁶¹

Судьба официального публициста. Михаил Осипович Меньшиков (1859 – 1918)⁶² – один из наиболее известных и талантливых русских публицистов конца XIX – начала XX вв., наиболее влиятельный публицист официального лагеря. «Кроме Меньшикова трудно назвать другого русского литератора, – писал в 2003 г. известный историк литературы и философ Вадим Кожин, – который бы так полно и объективно запечатлел в своём творчестве бытие России последних двух десятилетий перед революцией 1917 г.»⁶³

Судьба Меньшикова закончилась трагично. Он был расстрелян на Валдайской возвышенности в 1918 г. как контрреволюционный публицист, – «верный сторожевой пёс царской чёрной сотни», как его в полемическом исступлении назвал В.И. Ленин.⁶⁴

Творческую деятельность Меньшиков начал в конце 1870-х гг., публикуясь в «Кронштадтском вестнике», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Голосе». С 1892 г. он сотрудничает в газете «Неделя» и «Книжках “Недели”», был секретарём их редакции, публицистом. Его статьи были посвящены мораль-

ным вопросам, отношениям между людьми, к природе, труду, здоровью – физическому и нравственному.

В 1894 г. в «Неделе» печатался цикл статей Меньшикова «Думы о счастье» (№ 3 – 7). Дважды в 1898 и 1901 гг. они выйдут в виде книги. В них автор ставит проблему органически цельной культуры, близкой к природе и Богу, связанной с сельским трудом, трудом на земле. Меньшиков критически противопоставляет ей городскую цивилизацию.

В 1895 г. в «Книжках Недели» (№ 2) появляется его статья **«Смысл свободы»**, имеющая принципиальное значение в понимании позиции публициста. В ней сделан упор на то, что «язва нигилизма обезобразила прекрасные черты свободы и заставила отшатнуться от неё». Статья оказалась созвучной размышлениям Толстого, который писал Михаилу Осиповичу: «Читал собравшимся вашу прекрасную статью... и очень хвалил».⁶⁵ Уже в начале профессиональной работы Меньшикова писатель заметил его газетно-журнальные выступления, что сыграло важную роль в становлении Меньшикова как публициста. 1890-е годы были для него годами духовно-нравственного поиска, и он увлекался идеями и взглядами Л.Н. Толстого. «Читая Толстого, имея высоко ценимое мною счастье беседовать иногда с ним, я чувствовал самым реальным образом, что делаюсь лучше, свежее, благороднее, насколько вообще я на это способен, – признавал в 1904 г. Михаил Осипович. – Думаю, что под безотчётным влиянием этого мыслителя я написал свои лучшие статьи и книги».⁶⁶

Большой резонанс у читателей получил цикл статей Меньшикова в «Книжках “Недели”» 1896 г. (№ 4 и 5) **«Ошибки страха»**, хорошо уясняющие, по словам Толстого, принцип «непротивления злу».⁶⁷ После выхода третьей статьи этого цикла журнал «Книжки “Недели”» получил от цензурного ведомства предостережение, а его редактору В.П. Гайдебурову было предписано отказаться от сотрудничества Меньшикова.⁶⁸

С апреля 1901 г. по март 1917 г. Меньшиков является ведущим публицистом **«Нового времени»**, выступает на её страницах по самым острым и злободневным вопросам. Его статьи носили аналитический и проблемный характер, приглашали к

дискуссии и раздумьям. Творчество Михаила Осиповича становится в эпицентр общественного внимания. Особый интерес вызывали его публикации под постоянной рубрикой «Письма к ближним», которую он вёл в «Новом времени» 16 лет. В этой газете только за десять лет, с 1907 г. по 1917 г. было опубликовано 292 статьи, обзора, рецензии, в том числе 152 «письма».

«Письма к ближним» – сознательно выбранное публицистом название для циклов своих произведений. Под ним же они собирались как особое издание: сначала в виде ежемесячных журнальных книжек, затем в виде ежегодников. Состоялось 16 выпусков. Вообще же вышло в свет более тысячи его «Писем к ближним».⁶⁹ Это был тип своеобразного дневника: жанр, опиравшийся на древнерусскую духовную эпистолярную традицию, рассчитанный на задушевный, откровенный разговор. Его адрес – ближние, что обязывало автора ко многому.

«Кто ближний мой? – задавался вопросом автор в “письме” «Буква “S”, перебежавшая океан» о первом сеансе радиосвязи между Европой и Америкой. Этот вопрос заставляет поразмышлять: способствует ли прогресс цивилизации человеческой связи? «”Ближний” – значит родной, но чувство родства неудержимо падает в современном обществе – отмечает публицист, – и в охлажденной, рассеянной семье, и в государстве».

«Лихорадочная забота о путях сообщения, как в век римского упадка, похожа на поиски потерянных ближних, на жажду всё более и более тесного, непрерывного соединения – всех со всеми. Но иногда хочется сказать: “Полно, господа, расстояние ли разъединяет людей?” Можно стоять рядом и быть в то же время бесконечно далеко. Помните: “Шёл священник и прошёл мимо”, “подошёл левит, посмотрел и прошёл мимо”. Раз потеряна способность “увидеть и сжалиться” – нет ближнего, и как будто двух людей, стоящих рядом, разделяют океаны и материки».⁷⁰ Меньшиков создавал письма как связь с ближними.

Однако происходившие исторические события на мировой арене и их осмысление в творчестве, в первую очередь, войны Японии с Россией; углубление процесса политизации общества, кризиса в его социальной и духовной жизни – всё это приводит к

тому, что публицист «Нового времени» твёрдо встал на позиции государственника. Ему казалось, Россия катится к краху.

В 1904 г. в «Письмах к ближним» выходит его статья «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин».⁷¹ Она строится на сопоставлении отношения к войне этих выдающихся деятелей русской культуры: «Три великих имени, три измерения духа русского, три знаменитости, признанные во всём свете. Все трое, встревоженные громом войны, откликнулись на неё громко и каждый по-своему». Публицист оперирует такими фактами, как «живая драма, не написанная, а пережитая» художником Верещагиным; появление «огромной статьи» Толстого «Одумайтесь!» в «Times», которую он не называет и не цитирует напрямую по цензурным условиям, но делает пометы, по которым ясно, что речь идёт о ней и статьи «Заветные мысли» Менделеева.

«Не знаменательно ли, – ставит проблему публицист, – что люди одного и того же древнего поколения, одного века, почти сверстники, отнеслись к войне полярно-противоположно?».

С восхищением он описывает мужественное поведение на войне художника-баталиста Верещагина, палитра которого составила ему славу «врага войны». Но погиб он трагически – «добился смерти, прямо кошмарной по ужасу: от взрыва, огня и морской пучины одновременно».⁷²

Умело автор вводит в сравнение с ним фигуру Толстого как «врага войны». «Непоколебимо веруя в основное благородство этого великого человека, – признаётся публицист, – я не могу оспаривать его иначе, как с глубокой почтительностью. Но есть пункты в учении Толстого, с которыми я никогда согласиться не мог. *Amicus Plato? Sed vagis amica veritas*» (Платон – друг, но истина – большой друг. – *Лам. – Ред.*)⁷³ «Как и многим пророкам и мудрецам, Толстому..., – заявляет Меньшиков, – недостаёт того непосредственного постижения вещей, которое утаено от мудрых и открыто младенцам».

Публицист обвиняет Толстого «в глубоком презрении к человеческому роду, такому, каков он есть, к его бесконечной ткани государств, религий, установлений, к его пестро-узорному труду, к его промышленности и торговле, к науке и искусству,

ко всему, что тешит бедное человеческое сердце. Отсюда же одновременно отрицание брака, создающего людей, и отрицание войны, уничтожающей их». «С этими крайними отрицаниями мне, – заявляет Меньшиков, – согласиться трудно».⁷⁴ Толстой обвиняется в умственной анархии, а его учение называется анархическим.

У читателя, по замыслу автора статьи, начинается выработка установка на то, как надо относиться к войне: не как Толстой – отрицатель её, а как Верещагин, трагически погибший на боевом посту и к судьбе которого естественно сочувствие будет у каждого.

Далее в статье дано сопоставление Толстого с Менделеевым, который как раз в отношении к войне «диаметрально противоположен» ему: «Вот природа русская, как она есть, вот вера естественная, внушённая не книгами, а самой жизнью». У Менделеева, ставшего тогда публицистом, автор находит «почти простонародное политическое мировоззрение», по которому учёный «стоит за мир, но, чтобы отстоять мир, он не видит иного способа, как тот, который принят во всей природе: действие с одной стороны должно быть уравновешено противодействием с другой. Против силы должна быть выставлена непременно сила же. Настоящую войну он считает не только вероломной со стороны Японии, но и неизбежной...».⁷⁵

Таким образом, читатель такой известной газеты, как «Новое время», при всех красивых и прекрасных отступлениях о великом и хорошем Толстом на конкретном сравнении трех деятелей русской культуры, получает модель единственно верного выбора: не слушать призывы Толстого против войны, внимать же словам публициста Менделеева, брать за образец поведение Верещагина. По Меньшикову, Толстой как философ слишком далёк от жизни, даже оторван от неё и живёт собой.

Начиная с этого произведения, одним из направлений публицистики Меньшикова становится нейтрализация влияния Толстого на общество. Их личные отношения прерываются. Но по-прежнему между ними оставалась невидимая временная связь. Они по-прежнему следили за творчеством друг друга.

Позиция Толстого лаконично выражена им в письме от 14 сентября 1905 г. Великому князю Николаю Михайловичу Романову: *«Я – человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом»*.⁷⁶ Меньшиков в этом смысле был полным антиподом Толстого. Он прямо заявлял: «При всей сложности моей натуры я, кажется, более государственный, чем революционер, ибо при двукратном выступлении революции – в 1881 и 1905 гг. – я безотчетно становился на сторону государства... Я убеждён, что ничто так не развращает народ и не революционизирует его в большей степени, чем безнаказанность зла в представителях самой власти. Вся подлая часть народа получает при этом неслыханную поддержку, соблазн и оправдание. Вся благородная часть народа получает глубокое оскорбление».⁷⁷

Имя Толстого всё чаще стало встречаться на страницах его дневника «Письма к ближним» и в статьях газеты с критическим оттенком, а для наглядности в сопоставлении с разного плана и масштаба известными историческими лицами. Так, в памфлете Меньшикова «Два пророка» (1907) дано сравнение пророков Моисея и Толстого, но основным и, главным образом, негативным героем его является именно Толстой.⁷⁸

В год 80-летия Л.Н. Толстого, несмотря на протесты юбиляра, общественность чествует великого русского писателя и мыслителя.

22 – 25 июня в Петербурге состоялся **первый профессиональный съезд журналистов России** – так он был назван журналом «Журналист» в 1914 г.⁷⁹ На нём присутствовало 133 (50 внепетербургских) представителя 89 повременных изданий. На съезд для наблюдения был командирован градоначальником особый чиновник.

Основным вопросами съезда, по формулировке отчета из «Вестника Европы», написанного К.К. Арсеньевым по горячим следам события, были: *«как самой печати наиболее достойно почтить день 80-летия Л.Н. Толстого и какая задача лежит на русской печати в смысле указания наилучших способов повсеместного ознаменования этого радостного для России дня,*

без нарушения воли великого писателя». Форум высказался за создание фонда на дом-музей им. Л.Н. Толстого.

Ссылаясь на опыт Англии, где чествуются Шекспир; Германии, где существует культ Гёте, публицист и историк В.Я. Богучарский в обстоятельном докладе подчеркнул, что в России есть равновеликий им Л.Н. Толстой, и *«на обществе лежит обязанность увековечить за поколениями настоящими и грядущими те духовные богатства, которые дал миру гений Толстого»*.⁸⁰

Литераторы и журналисты, посвятив съезд великому писателю, показали обществу, в котором светская и духовная власти стремились остановить чествование Толстого, какое значение они придают тому, что было сделано для России Толстым, какую огромную роль играет его Слово для России и всего мира.

На фоне этого и супротив чествования журналистами Толстого М.О. Меньшиков решился дискредитировать его публицистическую и журналистскую деятельность. Основным поводом к этому послужило эссе писателя «Не могу молчать!» – протест против казней, прозвучавший летом 1908 г. на весь мир. Пройти мимо такого выступления Толстого Меньшиков по статусу официального публициста не мог. Он попытался снизить эффект публицистического слова великого писателя на мировое общественное мнение.

В «Новом времени» печатаются одна за другой его статьи: «Лев Толстой, как журналист» (11 июля), «Толстой и власть» (10 августа). Конечно, Меньшиков хорошо понимал, какую обиду он наносит Толстому, когда в первой статье характеризует его шедевр «Не могу молчать!» как «просто слабо написанную, не волнующую, не убедительную статью». Мало того, вопреки фактам, он делает следующий обобщающий вывод: «Самый плохой сорт писаний великого беллетриста – его газетная публицистика. Тут он почти никогда не выше посредственности, часто ниже её. О таланте Толстого в этой области не может быть и речи».

Во второй статье Меньшиков пытается объяснить, почему в создавшихся условиях власть вынуждена прибегать к жестоким мерам, почему он её защищает от нападок Толстого. «Когда

революционеры ополчаются на правительство, — замечает он, — образованное общество может оставаться более или менее равнодушным. Что такое революционеры? В подавляющем большинстве это не слишком внушительный народ... Пока на правительство восстаёт вот эта слабость, образованный круг может сохранять сочувственный власти нейтралитет». Другое дело, когда на эту стезю встаёт Толстой, и когда он «выступает не против таких-то и таких-то чиновников, а вообще против учреждения власти, сложившейся в веках, т.е. составляющей факт природы. Тут мы, люди культуры, невольно выходим из своего равнодушия. Здесь перед нами развёртывается зрелище грандиозное, почти трагическое. Здесь каждый должен определенно выяснить — перед совестью своей — на чьей он стороне».

Меньшиков полемизирует с взглядами Толстого на государство. Он считает, что есть «общечеловеческие, обязательные для всех правительств» «законы самой природы», «установления человеческие, столь долговременные и прочные, как собственность, торговля, власть, деньги и пр.». В части статьи, названной обвинительно по прокурорски «Подговор к насилию», явно навеянной крестьянскими выступлениями 1905 — 1907 гг. Меньшиков останавливается на требовании Толстого — уничтожить частную земельную собственность. «Этого хочет будто бы весь народ, это будто бы «вечное и справедливое требование всего народа», это будто бы идеал народный. Говорю «будто бы», потому что в действительности, конечно, нет ничего подобного».

В конце статьи Меньшиков даже делает упрёк Толстому: проповедуя отказ от земельной собственности, сам-то он от неё не отказался.

Своим выступлением публицист, можно сказать, вызвал огонь на себя. Протест против его точки зрения был выражен в выступлениях многих видных деятелей русской культуры. Известный литератор и общественный деятель К.К. Арсеньев назвал публикацию Меньшикова «длинным вздорным фельетоном». Во «Внутреннем обозрении» «Вестника Европы» он дал достойную отповедь журналисту «Нового времени». «Появись в самый разгар эпидемии смертных казней, статья Л.Н. Толстого

“Не могу молчать” должна была произвести – и действительно произвела – потрясающее впечатление, даже в том неполном виде, в каком она воспроизведена русской печатью», – подчеркивал Арсеньев. «Нужен большой запас черствости, чтобы не испытать на себе этого действия, – иронизировал он по поводу выступления Меньшикова, не называя его имени, а отсылая читателя к статье из № 11614 «Нового времени», – и ещё больший запас... бесцеремонности, чтобы сделать попытку ослабить или уничтожить его в других». ⁸¹

Новым поводом полемики с взглядами Толстого для Меньшикова стал уход 23 декабря 1908 г. из земной жизни Иоанна Кронштадтского. Публицист обе статьи, посвящённые святителю, – «Памяти святого пастыря» (23 дек.) и «Завещание отца Иоанна» (25 дек.) – построит на сопоставлении двух великих современников Иоанна Кронштадтского и Льва Толстого. ⁸² Созданы они вдохновенным пером. Автор, явно симпатизируя отцу Иоанну, поднимает в них больные проблемы цивилизации. Провожая в мир иной известного духовного пастыря, Меньшиков подчеркивает, что Кронштадтский «мужественно выступил против нашей революции и в церковных проповедях, ссылаясь на знаменитую 13-ю главу послания к Римлянам, напоминал власти её “долг подавлять смуту”».

В первой статье Меньшиков подчёркивает: «Только “святой” объемлет всё воображение народное, всю любовь – и особенно восторженную любовь наиболее любящей половины нации – женщин. За эти тридцать лет ни один человек в России не сосредоточивал на себе такого всеобщего поклонения, как “кронштадтский батюшка”. Сколь ни громадна слава гр. Л.Н. Толстого, он подавляющему большинству простонародья неизвестен вовсе. С именем его не соединено таинственных, заветных чувств, что связывают с “отцом Иоанном” всякую деревенскую бабу, всякого пастуха, всякого каторжника в рудниках Сибири». ⁸³

Публицист рассказывает о встречах с отцом Иоанном, его жизни и деятельности, его отношении к Богу, его врагам. За всем повествованием подспудно стоит противопоставление Толстому,

поэтому естественно то, что конец статьи посвящён именно этому сравнению: «Оба великих сверстника, кронштадтский и яснополянский старцы, полярно противоположные по духу, составляют гордость России, ибо оба выражают с исключительной силой наш национальный гений. Толстой воплотил в себе могущество оторвавшейся от народа аристократии: знатный, богатый, художественно одарённый, Толстой вмести в себя все утверждения и все отрицания мира. Выросший под громадным влиянием Руссо и Шопенгауэра, Толстой доразвился в наитиях Будды и Лаоцзы. Не то отец Иоанн: подобно Ломоносову, он вышел из народа, из глухих северных преданий, из той благочестивой старины, которая осталась в полузабытом прозвище “святая Русь”. Невдалеке от освещающих север, точно полярное сияние, гробниц угодников соловецких отец Иоанн воспринял своё озарение веры, свою глубокую приверженность к непостижимому Богу, свою страсть к Христу и к общению с ним через трогательные обряды, древние, как сам народ, священные, как родное прошлое».

Обратим внимание на последние слова текста, прямо полемизирующие с неприятием со стороны Толстого этого типа общения с Христом. Сопоставление «старцев» получает завершение в лаконичном рефрене уже сказанного: «Бурно мятущийся и гневный Толстой – самое великое, что создала интеллигенция наша. Неподвижный и пламенный в своей вере отец Иоанн – самое великое, что создал простой народ за последние 80 лет». Дальнейшим завершающим обобщением Меньшиков как бы отодвигает фигуру Толстого на второй план: «Отец Иоанн – носитель народной культуры, от Антония и Феодосия Печерских, от Сергия Радонежского до Тихона Задонского и Серафима Саровского. Плоть от благороднейшей плоти народной, кость от костей его, кронштадтский старец не мечтал только о святой Руси, сам нёс её в своём сердце! Вот чем он дорог народу. Вот почему народ сразу признал его своим, как все сразу видят святильник наверху горы».⁸⁴

Во второй статье Меньшиков анализирует деятельность Иоанна Кронштадтского в соответствии с теми «двумя завета-

ми», которые «завещал почивший» – благочестие и труд. «Я думаю, – приходит он к выводу, – благочестие, проповедуемое церковью, не только совместимо с гражданской свободой, но составляет необходимое условие последней. Только благочестие обеспечивает свободу, и ничто больше! Только нравственный закон, обуздывающий людей *до начала* всякого деяния, в самом источнике их – воле – может примирить отдельные свободы, согласить их и уравновесить». Меньшиков рассматривает благочестие как «нравственный регулятор»: «И государственность, и христианство начали обуздывать дикую свободу и преобразовывать её в культурные, правовые нормы. Одной государственности оказалось недостаточно, так как внешнее насилие ставит пределы, но не останавливает стремления дикой воли. Необходимо была строгая религия, власть над совестью и рассудком, чтобы заставить каждого гражданина быть собственным судьей и стражем закона».⁸⁵

«Принято думать, – замечает публицист, – будто общества падают от тирании и возрождаются от свободы. Но история учит, что **судьбу гражданственности решает третье сопутствующее условие – нравственное состояние. И тирания, и свобода одинаково возвышают общество при благочестии его, и одинаково роняют – при нечестии**» (Подчеркнуто нами. – Г.Ж.). Автор статьи ссылается на историю Рима и ислама. Будучи благочестивыми в начале республики Рим, в начале тирании ислам «возвышались и покоряли народы. Наоборот, разврат цезаризма, как разврат афинской демократии, погубили древний мир».

Статью «Завещание отца Иоанна» завершает явный выпад против Толстого, затрагивающий и прошлое её автора, от которого он во многом отказался: «В нашей стране Маниловых и Обломовых, в век философии неделания и непротивления, отец Иоанн звал народ русский не к ленивому, а к *деятельному* благочестию и звал к благородной свободе. Личной религией его был неустанный труд, направленный волей Бога. Пусть примет народ наш ту же веру – и он спасётся».⁸⁶

Но король русской публицистики, этой, по его словам, десятой музы, до конца деятельности и жизни пронесёт имя Л.Н. Толстого: выйдут в свет его статьи: «Две души Л.Н. Толстого» (1909, 23 окт.), «Страдает ли граф Л.Н. Толстой?» (1910, 13 апр.), «Памяти Л.Н. Толстого» (1910, 9 ноября), «Очень сложное самоубийство» (1910, 14 ноября), «Кризис толстовства» (1910, 20 ноября) и др. В них по-прежнему даётся высокая оценка Толстого как художника слова, писателя. Статью Меньшикова «Памяти Л.Н. Толстого» архиепископ Никон (Рождественский) назовёт панегириком еретику.⁸⁷ Толстой, так или иначе, будет влиять на его творчество, для которого без Толстого не существовало другого Времени. А задачей публициста, по Меньшикову, является – разьяснять «смысл времени, какой самому читателю не всегда постижим и ясен».⁸⁸

Творчество М.О. Меньшикова было разнотемным, многогранным, но и рассказанный здесь сюжет показывает, какого высокого уровня достигла русская газетная публицистика начала XX в. Это был отклик на жгучие проблемы современности. Это была летопись жизни тех лет, сохранившая потомкам её дыхание.

3.3. Частная печать России

Печать страны в течение всей её истории основывалась властью, хотя почти с начала её возникновения рядом с **официальными** изданиями выходили с разрешения власти **частные**. Развитие капиталистических отношений, информационного рынка способствовало постепенному росту числа и влияния в обществе частной прессы.

В большинстве своём частные издания носили коммерческий характер и были во многом аполитичными, программирующими просветительский характер. Незначительную их часть с некоторой натяжкой можно назвать оппозиционной – насколько позволял цензурный режим (ряд журналов или, например, газета «Русские ведомости»). Начало XX столетия – период становления действительно

оппозиционной, политической, партийной журналистики, значение которой в обществе возрастало вместе с обострением в нём атмосферы, ростом конфликтности, противостояния разных социальных групп и сил.

В начале века русская периодическая печать интенсивно развивается. К 1908 г. число изданий (2028) в России по сравнению с началом века (1074) удвоилось, а к кануну Первой мировой войны почти утроилось (2915) (См. таблицу). Наблюдается рост провинциальной печати.

Таблица

Динамика развития периодики России в начале XX века

Год	1900	1903	1905	1908	1910	1911	1913
Число изданий	1074	1350	1795	2028	2391	2543	2915

В системе журналистики России как результат внутренней политики власти, деятельности цензурного ведомства слабое развитие получил национальный типологический фактор, хотя русское государство всегда было многонациональным. Более близкие к Европе регионы имели прессу на родном языке: Польша (на конец XIX в.) – 64 издания, Прибалтика – 90, часть Закавказья: 5 – на армянском языке, 5 – на грузинском, некоторые европейские диаспоры: – на немецком 41 изд., на французском – 8. Следующая таблица позволяет увидеть соотношение изданий, выходивших в стране на русском и других языках:

Таблица

Языковое соотношение периодических изданий

(указано их число, % – от общего числа)

Год	Всего	На русском		На других языках	
			%		%
1889	667	500	66	167	34
1894	785	638	79	147	21
1901	1074	900	84	174	16
1905	1795	1400	78	395	22

Существенным качественным типологическим явлением в сети прессы начала века стало **увеличение числа газет и тонких, массовых, обычно иллюстрированных журналов**, за счёт которых журнал как тип издания продолжал конкурировать на информационном рынке с газетой.

Многоликая журналистика. Эпоха господства в обществе русского толстого журнала уходила в прошлое. Среди изданий этого типа наиболее влиятельными в начале XX в. в образованном обществе, среди интеллигенции были «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир Божий» (См. таблицу).⁸⁹

Ведущие журналы России 1900 – 1914 гг.

Название	Годы издания	Редактор	Тираж
1. Русская мысль	1880 – 1918	В.А. Гольцев – до 1906 г., П.Б. Струве	до 15000
2. Русское богатство	1876 – 1917	Н.К. Михайловский – до 1904 г., В.Г. Короленко	до 15000
3. Вестник Европы	1866 – 1918	М.М. Стасюлевич – до 1908 г., К.К. Арсеньев	до 6000
4. Мир Божий	1892 – 1906	А.И. Богданович	до 16000
5. Исторический вестник	1880 – 1917	С.Н. Шубинский – до 1913 г., Б.Б. Глинский	до 10000 – 13000
6. Журнал для всех	1897 – 1906	В.С. Миролюбов	от 15000 до 80000
7. Современный мир	1906 – 1918	Н.И. Иорданский	–
8. Сатирикон	1908 – 1914	А.Т. Аверченко	–
9. Новый Сатирикон	1913 – 1918	А.Т. Аверченко	–

Интересную попытку модернизации толстого журнала предпринял В.С. Миролюбов, ставший в 1899 г. редактором предполагавшегося для народного чтения «Журнала для всех».⁹⁰ Рассчитывая на провинциального читателя, Миролюбов, сохранив традиционные для толстого журнала отделы и рубрики, значительно – в 5 раз уменьшил объём журнала. Номер

имел менее 80 страниц, правда, увеличенного формата. Это позволило его удешевить. Он стоил 1 руб. в год.

Претерпел изменения проблемно-тематический комплекс издания. Первоклассная литература (произведения А.П. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, А. Куприна, А. Блока, В. Брюсова и др.), как и в толстом журнале, в «Журнале для всех» доминировала. Одновременно в нём печаталось много научно-популярных статей не только по гуманитарным, но и естественным наукам; рассказывалось о путешествиях, жизни разных народов и стран, о замечательных людях мира; важное место заняли религиозно-нравственные вопросы. К 1903 г. тираж журнала достиг 80 тысяч экз. Он стал одним из самых распространённых изданий в стране. В 1905 г. Миролюбов поставил своё издание на службу революции. Осенью 1906 г. «Журнал для всех» был закрыт властью.

Угасание традиционного толстого журнала было одним из признаков прощания журналистики с литературным процессом. Журналистика обособлялась от него. Это прощание сопровождалось энергичным творческим поиском, вылившимся в Серебряный век русской культуры.

Искусствоведы, историки литературы говорят об эстетическом взрыве, который характеризует эту эпоху.⁹¹ Опорой для такого утверждения служат не столько имена её крупных деятелей, таких, как В. Брюсов, Л. Бакст, А. Бенуа, С. Дягилев, З. Гиппиус и т.д., сколько журналы, которые сейчас объединяют под обложкой символизма и модернизма – «Мир искусств» (1899 – 1904), «Весы» (1904 – 1909), «Золотое руно» (1906 – 1909), «Аполлон» (1909 – 1917), «Старые годы» (1907 – 1917) и др. Эти журналы обычно имели небольшие тиражи (см. таблицу). Тираж за 1 тысячу экземпляров рассматривался как успех. В.Я. Брюсов – один из лидеров символизма писал 22 января С.А. Полякову, будущему редактору журнала «Весы»: «У “Нового Пути” подписчиков 1217. Каково! ...Сколько раз мы уговаривали Вас издавать журнал. Эти 1217 были бы наши!». ⁹²

Журналистика русского символизма

Название	Годы издания	Редактор	Тираж
1. Мир искусства	1899 – 1904	С.П. Дягилев, с 1904 г. – А.Н. Бенуа	до 1000
2. Весы	1904 – 1909	С.А. Поляков, факт. – В.Я. Брюсов, в 1909 г. – А. Белый	от 670 до 1095
3. Золотое руно	1906 – 1909	С.А. Соколов, с 1906 г. – А.А. Курсинский, с 1907 г. – Г.Э. Тасвенен	–
4. Аполлон	1909 – 1917	С.К. Маковский	–
5. Перевал	1906 – 1907	С.А. Соколов (12 №)№	–
6. Труды и дни	1912 – 1916	Э.К. Метнер (9 №)№	–

Эти новаторские издания отличались не только полемической публицистикой, но и синтезом изображения и слова, содержания и формы. Их творцы стремились «создать свой, принципиально новый тип журнала и книги».⁹³ Это были эстетические шедевры нашей журналистики, давшие высококачественный образец этого синтеза тогда, когда ещё только активизировался процесс развития изобразительного ряда информационного процесса.

Мало того, интеллигенция, которая создавала и сотрудничала в журналах модернизма и символизма, как ни странно, в своём творчестве опиралась на, как это потом определяют теоретики, организаторскую функцию печати. Вся их деятельность сопровождалась проведением имевших громкий успех выставок, большой лекционной просветительской работой, устройством публичных чтений. Усилия мирискусников, например, получили признание на Всемирной выставке в Париже, где они получили ряд наград.

Говоря об этом опыте, особо следует подчеркнуть интенсивное развитие изобразительного ряда журналистики, эволюция которого у нас не изучена, хотя его роль в современных масс-медиа существенна. Выход печати на более свободный информационный рынок, массовизация информационного процесса, появление на рынке информационных потребностей более массовой аудитории, включая женщин; (для такой аудитории

характерны эмоциональное и чувственное восприятие информации, потребность в образности, картинке); появление на информационном рынке движущегося изображения, синематографа и его быстрое коммерческое освоение; массовизация типологии журналистики, где значительное место стали занимать иллюстрированные издания; активное внедрение в практику графики, рисунка, фотографии, карикатуры; профессионализация фотодвижения; наконец, очень существенный фактор – бурное развитие рекламы, базирующейся на синтезе информационных средств воздействия на потребителя – всё это свидетельствовало о том, что информационный процесс стал интенсивно одеваться в изобразительный ряд. И этот получило отражение в многоликой журналистике России.

Одним из свидетельств уменьшения значения толстых журналов был рост выпуска альманахов – прибежища неудовлетворенных литераторов, куда, по словам А. Блока, можно «сплавить остатки своих произведений и быть отмеченным в газетных и литературных календарях».⁹⁴ За 1900 – 1917 гг. появилось в свет 1103 альманаха – больше, чем за прошлые полвека (973). Обозревая литературные итоги 1907 г., А. Блок замечал, что «сборники и альманахи затопили книжный рынок и явно должны скоро совсем сменить умирающие “толстые” журналы».⁹⁵

«Альманахи как бы заменяли собой литературные отделы журналов», – пишет заметившая эту тенденцию В.Р. Лейкина-Сквирская, подсчитавшая по указателям, что в 1900 – 1917 гг. в них участвовал 7061 автор.⁹⁶ Форма коллективного сборника, отличающаяся гибкостью тематики, позволяла целенаправленно представлять новые литературные течения, которыми так была богата культурная жизнь общества начала XX в. Однако в системе русской печати журнал по-прежнему численно превосходил газету (см. таблицу).

Таблица

Динамика типологического развития печати России

Год	Газеты	Журналы
1908	794	1234
1909	854	1319
1910	897	1494
1911	1007	1536
1912	1131	1656
1913	1158	1757
1914	1293	1818

Из этих данных видно, что журналы развивались динамичнее газет даже в период расцвета русской журналистики, но общий разовый тираж газет явно превосходил журнальный. Нельзя забывать и состояние аудитории тех лет, привыкшей к чтению журналов. В этом смысле интересен и поучителен опыт первопроходца такого типа журнала, как тонкий, иллюстрированный, семейный, – «**Нива**» (1870 – 1918) издателя Адольфа Федоровича Маркса.

В юбилейном, выпущенном к 25-летию журнала, номере 1894 г. редакция подчёркивала, что все толстые журналы выступали «под знаменами», занимая «непременно боевую позицию», а «на журналиста смотрели – исключительно, как на борца». «Так называемые, толстые журналы, книжки которых по преимуществу должны были состоять из литературных произведений, точно стыдились этой литературы, называя себя журналами политическими и старались создать себе направление путём пропаганды консервативных или либеральных идей».

А.Ф. Маркс выступил новатором в журналистике. «О том, что для печатного органа может существовать вполне достойное задач живого слово “направление” и вне сферы политических вопросов, – замечалось в редакционной статье, – не думали во все. Никто не решался сказать открыто, что задача проведение в общество чисто семейных, здоровых начал может явиться для журнала “направлением” одинаково достойным, как и задача проведения тех или других начал политических».⁹⁷

Программа журнала с годами совершенствовалась, но фактически почти не менялась на всём протяжении его издания, о чём свидетельствует контент-анализ содержания 18 отделов «Нивы» за первые 30 лет, проведённый в 1902 г. А.Д. Тороповым.⁹⁸ Опыт А.Ф. Маркса к началу XX в. стал общим достоянием и был использован в практике предпринимателей России. На рубеже веков «Нива» уже стала культурным достоянием страны и по-прежнему занимала в системе журналистики особое место. С 1880-х годов «Нива» имела самый большой тираж в русской периодике. Творческая и продуктивная работа редакции над содержанием журнала, установлением связей с читателями, по распространению издания дала плоды: постоянно росло число его подписчиков и тираж (см. таблицу).⁹⁹

Кроме того, ежемесячно выходило еще 700 тысяч экземпляров различных приложений «Нивы». Вот почему А.Ф. Маркса называли фабрикантом читателей.

Таблица

Динамика роста тиража журнала «Нива»

Год	1886	1894	1900	1904	1911	1913	1914	1916
Тыс. экз.	102	170	235	250	185	218	240	210

Уже в пореформенный период наметилась тенденция роста иллюстрированных тонких журналов. За 20 лет с 1870 г. по 1889 г. в Петербурге возникло 29 иллюстрированных журналов, в Москве – 10, провинции – 5.¹⁰⁰ Все они были попытками подражать «Ниве», но оказались недолговечными и лишь журнал А.Ф. Маркса просуществовал почти полвека. Даже тогда, когда наступил расцвет этого типа журнала, «Нива» оставалась на плаву. Период революции 1905 г. принёс расцвет этому типу издания (см. таблицу).

Таблица¹⁰¹

Динамика развития иллюстрированных журналов

Годы	1856 – 1874	1882	1904	1905 – 1907
	10	20	65	200

По подсчётам исследователя А.С. Воронкевича,¹⁰² к 1917 г. треть периодики составляли иллюстрированные еженедельники, содержавшие беллетристику, информационные обзоры общественно-политической жизни и как обязательный компонент и самостоятельный жанр – иллюстрацию. Однако все они уступали по тиражу «Ниве»: «Вокруг света» (1908 г. – 42 тыс. экз.), «Природа и люди», «Огонёк», «Искра», «Вестник знания», «Север» (1911 г. – 2 тыс. экз.) и т.д.

Именно в этот период происходит становление типологии еженедельников, отражающей многообразие потребностей массовой аудитории. Они дифференцируются на общественно-литературные, семейные, литературно-художественные, военные, спортивные, театральные, научно-популярные, музыкальные и др. Появление большинства новых изданий было отражением тех изменений, которые тогда происходили в стране. Аграрная политика П.А. Столыпина с выделением крестьян на хутора вызвала к жизни «частные, популярные, иллюстрированные журналы, несущие хозяйственно-практические и просветительские функции»,¹⁰³ еженедельные журналы, выходящие в Москве: с 1907 г. «Нужды деревни» на базе журнала «Хозяин», с 1909 г. «Крестьянское дело» (с 1913 г. – «Колос», затем – «Новый колос»); двухнедельники «Хлебороб» (Харьков, 1907 – 1917), «Друг земли» (Москва, 1909 – 1914), «В помощь хозяину» (1912 – 1914), «Помощь земледельцу» (Вятка, 1912 – 1914), «Друг пахаря» (Саратов, 1914 – 1915).

Развитие народного представительства в управлении государством послужило основой для более интенсивного издания земской периодики, не всегда достаточно определённого типа, к примеру, губернских земских управ: «Сельскохозяйственный бюллетень» (Пенза, 1911 – 1913), «Сельскохозяйственно-экономический листок Вологодского земства» (1910 – 1914), «Сельскохозяйственный бюллетень» (Самара, 1906 – 1911), «Сельскохозяйственный вестник Новгородского губернского земства» (1913 – 1917) и др.

Процесс урбанизации получает своеобразное преломление в типологии журналистики. Рост городского населения требовал

занятия появившегося у горожан свободного времени, что сказалось на потребности в спорте, игре, забавах и т.п. Это дало толчок становлению спортивной журналистики: наряду с изданиями, посвящёнными отдельным видам спорта: «Самокат» (с 1894 г.), затем с 1904 г. как «Самокат и мотор», а с 1907 г. как «Автомобильное дело»; «Автомобиль» (с 1901 г.), «Воздухоплаватель» (1905 – 1917) и др., стали выходить универсальные журналы «Спорт» (1900 – 1904, 1908), «Русский спорт» (1909 – 1919), «К спорту!» (1911 – 1918). К Первой мировой войне в стране выходило 45 спортивных изданий, в основном журналов.¹⁰⁴ Спортивная информация и хроника прочно вошли в состав проблемно-тематического комплекса большинства типов газет страны: «Русское слово», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Петербургский листок» и др.

Особую часть еженедельников составляли юмористические и сатирические журналы, число которых особенно выросло на волне обличительства периода Первой русской революции, когда «в 38 городах России было издано свыше 2500 номеров около 500 наименований сатирических журналов общим тиражом до 40 млн. экз.».¹⁰⁵ На этой волне печати вырос и лучший за всю историю страны сатирический журнал. Молодые сотрудники журнала «Стрекоза» в 1907 г. предложили издателю реформировать его. Художнику А. Радакову пришла счастливая мысль назвать будущий журнал «Сатирикон», который вышел в 1908 г. и радовал читателей вплоть до 1918 г. (с 1913 г. как «Новый Сатирикон»). С 9 номера 1908 г. его редактировал талантливый литератор Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881 – 1925). Благодаря таланту Аверченко и блестящему творческому коллективу, сплотившемуся вокруг него (Тэффи, Саша Черный, П. Потемкин, Н. Ремизов, А. Радаков, А. Бенуа и др.), «Сатирикон» пользовался неизменной популярностью аудитории в течение десяти лет.¹⁰⁶ А.И. Куприн назвал его «чудесной отдушиной, откуда лился свежий воздух».¹⁰⁷

Период расцвета русской журналистики сопровождался её типологической демократизацией. Многоликая журналистика была её следствием. Повышение темпа жизни, рост капитали-

стической конкуренции заставили аудиторию приступить к освоению более оперативной информации – начинался век газет.

3.4. Начало эпохи газет

Действительно, в системе печати начала XX в. **наиболее влиятельными в общественно-политической и культурной жизни страны были газеты** как основной источник оперативной информации для широкой аудитории. «С каждым годом газета становится всё более видной частью нашей литературы, всё более важным фактором нашей общественной жизни», – констатировал А.В. Пешехонов в итоге проведённого им в 1900 г. контент-анализа политических газет России. В статье С. Кривенко «Газетное дело и газетные люди», появившейся на страницах журнала «Русская мысль» в 1906 г., очень точно отмечены основные тенденции становления газетной периодики. «Несмотря на цензурные и разные другие неблагоприятные условия, – пишет Кривенко, – газетное дело у нас замечательно быстро растёт и развивается...»:

- число столичных и в особенности провинциальных газет с каждым годом увеличивается, потому что увеличивается число читателей и растёт спрос на газеты, в особенности на газеты дешёвые;
- значительная часть больших газет увеличивает формат до размера больших английских и американских газет;
- газеты вводят иллюстрированные и другие приложения;
- начинает попутно издавать дешёвые издания («Новости», «Биржевые ведомости», «Сын Отечества», «Слово» и др.), которые расходятся в десятках тысяч экземпляров. Одна из таких маленьких газет, говорят, расходуется теперь в 150 тысяч экземпляров.

Всё это, утверждает Кривенко, «указывает на прилив совершенно нового читателя, который прежде газетами не занимался». Газеты стали приспособливаться «уже на всякую потребу, стараясь больше всего разнообразить содержание»; «уличные листки, с их совершенно особою разухабистостью, сенсационными заглавиями, описанием убийств и уголовными романа-

ми, имеют в виду городского полуинтеллигентного читателя, до приказчиков, швейцаров и дворников включительно». «Газета становится всё более и более предметом насущной потребности, – обобщает Кривенко, – не одних только богатых классов и интеллигенции, но и простого народа... Газеты сплошь и рядом выписываются в складчину и читаются по очереди или вслух целыми группами».¹⁰⁸

Что же представляла собой тогда общественно-политическая частная газета? Это достаточно основательно и ёмко раскрывает исследование А.В. Пешехоновым 88 газет: политических, частных, выходящих на русском языке и не менее двух раз в неделю. К ним были отнесены и арендованные частными лицами «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Анализировались газеты от 5 октября 1900 г., в том числе: 21 столичное издание (почти четверть всех), остальные – губернские. В 42 губерниях вообще таких частных газет не было. 26 губерний имели по 1 газете, 11 – по 2, 3 – по 3; в Таврической губ. было 4, Херсонской – 7.¹⁰⁹ Таким образом, юг России был больше насыщен частными изданиями по сравнению с другими регионами страны, что объясняется спецификой южной аудитории.

Данные, полученные А.В. Пешехоновым, позволяют понять модель русской политической газеты начала XX века. Газета имела два отдела – **редакционный** и **издательский**. За первый отдел выплачивался гонорар, второй фактически рекламный наоборот его обеспечивал. Он состоял из объявлений, справок, биржевых и торговых известий. Кроме того, рекламный элемент содержали заметки и статьи об официальных и придворных новостях, отчеты с заседаний Думы, земств, суда; обзоры печати, информация о театре, искусстве и спорте и др. Из этого можно сделать вывод, что в политической газете начала XX века **реклама занимала более 40 %**.

Модель типа политической газеты России начала XX в. можно представить следующим образом (в процентах):

Издательский отдел – 42 % рекламной информации, в том числе: объявления – 34, справки – 6, торговая информация – 2 %.

Редакционный отдел – 58 %: информация без литературной обработки – 61, литературно обработанная информация – 28, разная информация – 11 %.

Содержание редакционного отдела:

- Информация без литературной обработки: хроника – 18, международные известия – 14, внутренние известия – 9, отчёты о заседаниях – 9, известия по телефону и телеграфу – 9, официальный отдел, придворные известия – 2 % .
- Информация, литературно обработанная: фельетон – 13, фельетонные, беглые заметки на злобу дня – 7, статьи подзаголовочные – 5, передовые статьи – 3 % .
- Разная информация: – обзор печати – 4, театр, искусство и спорт – 3, остальная (смесь, письма, новости науки, некрологи, иллюстрации) – 4 %.

Модель политической газеты отчётливо демонстрирует то, что её содержание было **информационным**. 61 % его составляла фактография. Кроме того, всё из раздела «остальное» (11 %), а также беглые заметки (7 %) носили информационный характер. То, что сейчас считается публицистикой, занимало всего пятую часть (около 20 %) газеты. При этом под фельетоном понималось беллетризованное произведение, написанное непринуждённо, в легком стиле. Это могла быть информационная статья, байка, очерк, эссе, путешествие и др.

Модель провинциальной газеты существенно не отличалась от столичной. Правда, в последней больше места занимала литературно-обработанная информация, отдел фельетонов был в 1,5 раза больше. В провинциальной газете был более развит раздел внутренних известий за счёт публикации местных новостей, что делало провинциальную газету ещё более информационной.

Газеты России начала XX в. были массовыми для того времени, а вообще – относительно, их тиражи редко выпадали за 50 тысяч экземпляров. Однако за короткий отрезок времени после Первой русской революции информационный рынок страны увеличился в несколько раз, о чём свидетельствует и рост тиражей газет.¹¹⁰

Таблица

Динамика развития тиража газет России в начале XX века

Газета	Издатель	Место изд.	Годы	Тираж тыс. экз.		Рейтинг тиража	
				1897	1913	1897	1913
Свет	В.В. Комаров	СПб.	1882 – 1917	70	98	1	5
Сельский вестник	МВД	СПб.	1881 – 1917	70	127	2	2
Новое время	А.С. Суворин	СПб.	1868 – 1917	50	62,5	3	7
Биржевые ведомости	С.М. Проппер	СПб.	1880 – 1917	50	92,5	4	6
Русские ведомости	В.М. Соболевский, с 1882 г. «Тов-во Р.В.»	М.	1863 – 1918	40	30	5	10
Петербург. листок	А.В. Владимирский	СПб.	1864 – 1917	28	111	6	4
Петербург. газета	С.Н. Худяков	СПб.	1867 – 1917	25	40	7	9
Русское слово	И.Д. Сыгин	М.	1895 – 1918	10	263	8	1
Газета-копейка	В.А. Анзимилов, М.В. Горюцкий	СПб.	1908 – 1917	–	Более 250	–	2
Листок-копейка	Ю.Б. Бак, Тов-во кадет. парт.	СПб.	1908 – 1918	–	100	–	5

Динамика развития тиража наиболее распространённых газет страны отражает, во-первых, падение роли на информационном рынке правительственных и проправительственных, официальных изданий. К 1913 г. в первой десятке тиражных изданий остались официозы: искусственная народная газета «Сельский вестник» и неофициальное суворинское «Новое время». Тираж «Церковных ведомостей» поддерживался Св. Синодом на одном уровне – около 40 тысяч экз.

Во-вторых, **попытки политических партий**, появившихся на общественном горизонте страны накануне и в ходе Первой русской революции, **выйти на информационный рынок, не увенчались большими достижениями**. Наиболее оппозиционные самодержавию издания под давлением со стороны власти были вынуждены выходить за рубежом. Довольно развитая, умеренная в политических требованиях кадетская печать не

охватывала массовой аудитории, что в конечном итоге послужит провалу партии конституционной демократии на политической арене уже во время Великой русской революции 1917 – 1920-х годов, когда в движение придут самые низы общества.

В-третьих, основными взаимосвязанными тенденциями развития журналистики, которые подтверждаются и особенностями типа общественно-политической газеты тех лет, являются её **усиленная коммерциализация, стремление удовлетворить многообразные потребности информационного рынка, господство на нём информационного характера прессы.** Все 10 наиболее тиражных, хотя и разного качества, газет 1913 г. отвечают этим тенденциям (см. таблицу).

В-четвертых, **все ведущие издания государства были столичными с явным преобладанием среди них петербургских.** В этом смысле заслуживает упоминания практика опытного издателя московской газеты «Русское слово» И.Д. Сытина, уловившего этот момент и создавшего в Петербурге её мощное отделение.

В-пятых, **успех на информационном рынке имела частная печать, рассчитанная на самого массового читателя.** Газета «Новое время» представляла собой исключение из этого правила как основной тип информационного издания XIX в., хотя и уступавшего в тиражном рейтинге информационного рынка начала XX в., но имевшего уже традиционно сложившуюся аудиторию.

Каждая из газет, добившаяся высокого тиража, имела свою информационную нишу, специализацию на определённой информации. «Русское слово» давало разнообразную информацию энциклопедического характера и достаточно высокого качества. «Сельский вестник» работал на неохваченной печатью ниве крестьянства.

«Новое время» поставляло самую оперативную и официального характера, из авторитетных источников информацию. В «Биржевых ведомостях» преобладала наряду с широким диапазоном информацией финансово-экономическая, деловая и коммерческая. «Вечернее время» отличалось опере-

жением в подаче злободневных новостей, дополняло читателей полученную днем информацию. «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Свет» и другие одностипные издания отвечали разнообразным информационным потребностям народившейся массовой аудитории, потрафляли в разной степени её невзыскательным вкусам.

Провинциальная периодика имела более низкие тиражи. Обычная губернская газета распространялась от одной до трёх тысяч экземпляров в день. Лучшие провинциальные газеты после 1905 г. «Киевская мысль» (1906 – 1918), «Южный край» (Харьков), «Одесские новости», «Одесский листок» (1880 – 1917), «Приазовской край» (1891 – 1919, Ростов-на-Дону) выходили тиражом от нескольких до 40 тысяч экземпляров.¹¹¹ Однако провинциальная пресса в России, имевшей огромное информационное пространство, играла в жизни общества существенную роль. Обозреватель «Исторического вестника» М. Туринский в статье «Газеты в провинции», замечая о том, что в 1911 гг. был забыт юбилей – 100-летие со дня выхода первой провинциальной газеты, появившейся на свет в глухой тогда Казани, («Казанские известия» – 1811, 19 апр. – 1820, 29 дек. – Г.Ж.) подчёркивает: «...Нигде в мире провинциальная печать не имеет такого важного и государственного, и общественного значения, как у нас в России».¹¹²

Примечания

1. См.: Жирков Г.В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб., 2003. – 206 с.
2. См.: Жирков Г.В. 1) Духовная журналистика: история, традиции, опыт // Журналистика – Церковь – Просвещение. Сб. Вып. 2. СПб., 2002. С. 88 – 91; 2) Истоки русской журналистики (XVI – XVII вв.) // Исторические этюды и портреты. СПб., 2007. С. 12 – 47.
3. См.: Жирков Г.В. Просветительская функция журналистики в исторической ретроспективе // Его же. Исторические этюды и портреты. СПб., 2007. С. 98 – 126.
4. Стернин Г.Ю. Художественная жизнь в России на рубеже XIX – XX веков. М., С. 8.

5. Павленков Л.Н. Периодические издания и книжное дело в России в 1887 году // Исторический вестник. Т. XXXII. 1888. С. 247 – 248; Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890. С. 169, 195, 16.
6. Славская В. Книга и революция // Книга и революция. 1920. № 3 – 4. С. 4.
7. Там же. С. 4.
8. Статистические данные приводятся по: Лисовский Н.М. 1) Материалы для характеристики положения русской прессы // Всемирный вестник. 1908. № 7, 8; 2) Русская периодическая печать, 1703 – 1900. Пг., 1915; 3) Библиография русской периодической печати. В 2-х т. М., 1955; Статистика произведений печати на 1913 г. СПб., 1915; Розенберг Вл. Летопись русской печати (1907 – 1914 гг.). М., 1914; Книжный вестник. 1909. № 24. С. 293; Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати, 1703 – 1903 гг. СПб., 1903;
9. Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати, 1703 – 1903 гг. СПб. 1903. С. 32 – 33. В таблице печать России (1000 изданий) взята за графическую единицу.
10. Об официальной печати см.: Ахмадулин Е.В. Правительственная печать России (конец XIX в. – февраль 1917 г.). Ростов-на-Дону, 2000. – 78 с.
11. Книжный вестник. 1905. № 7. С. 217.
12. О газете см.: Есин Б.И. Путешествие в прошлое (Газетный мир XIX века). М., 1983. С. 64 – 82.
13. Русское государство. 1906. 4 февр.
14. Сельский вестник. 1881. № 1, 3.
15. Голубева О.Д. Издательское дело в России в период Первой русской революции (1905 – 1907 гг.) // Книга: Исследования и материалы. Сб. XXIV. М., 1972. С. 139.
16. См.: Стыкалин С.И. Русское самодержавие и легальная печать 1905 года (к вопросу о проектах создания официозной прессы) // Из истории русской журналистики конца начал в. М., 1973. С. 67 – 98.
17. Книжный вестник. 1905. № 14. Стб. 356; Стыкалин С.И. Указ. соч. С. 85; Ахмадулин Е. В. Указ. соч. С. 49 – 50. Названные цифры 1909, 1913 гг. требуют уточнения.
18. Книжный вестник. 1902. № 37. С. 1184.
19. Там же. 1904. № 35. С. 997; № 46. С. 1321.
20. Туринский М. Газеты в провинции (Воспоминания и наблюдения) // Исторический вестник. 1912. Т. 128. № 4. С. 152.
21. ПСЗ. 1876. Т. 2. Ст. 767 (Общие губернские учреждения). С. 166 – 168.
22. Азадовский М.К. История русской фольклористики. В 2-х т. Т. 2. М., 1958. С. 215.

23. Мишанин Ю.А. Этнокультура мордвы в журналистике России XIX – начала XX века. Саранск, 2001. С. 23.
24. Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 23 – 28; Мишанин Ю.А. Указ. соч. С. 23 – 32; Курбакова Е. В. История нижегородской прессы. Нижний Новгород, 2008. С. 9 – 10; Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринбург, 1914; Лепилкина О.И. История ставропольской журналистики. Ч. I. XIX – начало XX вв. Уч. пос. Ставрополь, 2005. С. 15 – 16; Гуторова Н.А. Печать Рязанской губернии (1838 – 1917 гг.): становление и типология. Автореф. канд. дисс. СПб., 2009. С. 13.
25. Канаев Г.Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 134. Цит. по: Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать. Тюмень, 2007. С. 26 (сноска 4).
26. Об этом см.: Кустов В.А. Газета «Пермские губернские ведомости»: 1838 – 1917 (Краеведческий очерк) // Языки и ономастика Прикамья. Труды Пермского ГПИ. Пермь, 1973. С. 113 – 123.
27. Документы извлёк из архива В.В. Пугачев. См. подробнее: Пугачёв В.В. Уфимская книжность: Эволюция газетного, журнального, типографского и книжного дела. Уфа, 2004. С. 128.
28. Там же. С. 119 – 133.
29. Оглоблин Н.Н. Сонный город // Исторический вестник. 1901. № 10. С. 212.
30. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Уч. пос. М., 2002. С. 48.
31. Цит. по: Боханов А.Н. Буржуазная пресса в России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984. С. 47. В.Н. Коковцов (есть второе написание фамилии – Коковцев) (1853 – 1943) был министром финансов с февраля 1904 г. по январь 1914 с перерывом с октября 1905 по апрель 1906 г.
32. Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 148.
33. О «Новом времени» и А.С. Суворине см.: Боханов А.Н. Буржуазная пресса в России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984; Динерштейн Е.А. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998; Макашина Л.П. Вокруг А.С. Суворина. Опыт литературно-политической биографии. Екатеринбург, 1998; Телохранитель России. А.С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001; Махонина С.Я. А.С. Суворин глазами современников и историков XX – XXI веков // Из истории русской литературы и журналистики. Ежегодник. М., 2009. С. 174 – 200 и др.

34. Меньшиков М.О. Кого хоронит Россия // Письма к русской нации. М., 3-е изд., 2002. С. 353.
35. Меньшиков М.О. Указ. соч. С. 354.
36. Боханов А.Н. Буржуазная пресса в России... С. 45.
37. Макашина Л.П. Вокруг А.С. Суворина... С. 32.
38. Конечно, при этом надо иметь в виду временной контекст: парламент 1880-х гг. будет явно отличаться от парламента 1910-х гг.
39. См.: Суворин А. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904 – 1908 гг. М., 2005.
40. Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913. С. 8.
41. См. подробнее: Макашина Л.П. Вокруг А.С. Суворина... С. 33 – 38.
42. Макашина Л.П. Вокруг А.С. Суворина... С. 34.
43. Новое время. 1904. 3 февр.
44. Новое время. 1904. 5 февр.
45. Макашина Л.П. Вокруг А.С. Суворина... С. 35.
46. См. об этом: Афанасьев Г.Ю. Воссоздание императорского российского флота в дебатах III Государственной думы и общественных дискуссиях 1906 – 1912 гг. Автореф. канд. дис. ист. наук. СПб., 2010.
47. Ветлугин В. (Розанов В.В.) Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта.
48. Там же. 1912. 20 мая.
49. Там же. 1907. 13 июля.
50. Там же. 12 авг.
51. Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913. С. 39; Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. М., 1992. С. 39.
52. Макашина Л.П. Вокруг А.С. Суворина... С. 23.
53. Письма русских писателей А.С. Суворину. Л., 1927, с. 82. Цитируется письмо Суворина к В.В. Розанову от 14 сент. 1899 г.
54. Цит. по: Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2- т. Т. 2. М., 2004. С. 7 – 8.
55. Снегсарев Н.В. Мираж «Нового времени»: Почти роман. СПб., 1914. С. 43.
56. Амфитеатров А.В. Забытый смех. «Поморская муза». Сб. 2-ой. Гейневцы. М., 1917. С. 281.
57. Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С. 411, 345.
58. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 94, 99, 272, 282.
59. Гитович И.Е. Потапенко Игнатий Николаевич // Русские писатели 1800-1917. Биограф. сл. Т. 5. М., 2007. С.113.
60. Этот эпизод подробно раскрыт Макашиной: Макашина Л.П. Вокруг А.С. Суворина... С. 159 – 161.
61. Ветлугин В. (Розанов В.В.) Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта.

62. Останавливаемся несколько подробнее на судьбе этого публициста и потому, что в учебной литературе по журналистике М.О. Меньшиков почти совсем не представлен, а в научной советской литературе о нём говорится в тоне В.И. Ленина. Для примера: литературовед Б.С. Мейлах пишет о Меньшикове как «завзятом реакционере», «злейшем враге» Толстого, «гносом приверженце российской реакции»: Мейлах Б.С. Уход и смерть Льва Толстого. М., Л., 1960. С. 36, 159. Из новой литературы см.: М.О. Меньшиков: Материалы к биографии // Российский архив. Т. IV. М., 1993; Гончаров С. Голубь выше Сокола (о жизни и творчестве Меньшикова) // Москва. 1993. № 6; Шлемин П.И. Национальные отношения и права человека в России: Диалоги с Меньшиковым. М., 1993; Его же. М.О. Меньшиков: Мысли о России. М., 1997; Гумеров А.А., при участии М.Б. Поспелова. Меньшиков Михаил Осипович // Русские писатели 1800 – 1917. Биограф. словарь. Т. 4. М., 1999. С. 13 – 16 и др.
63. Кожин В. Журналист-мыслитель // Меньшиков М.О. Вечное Воскресение. Сб. ст. о Церкви и вере. М., 2003. Приложение № 3. С. 172.
64. Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 142.
65. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (юбилейное). Т. 69. С. 75.
66. Меньшиков М.О. Лев Толстой, Менделеев, Верещагин // Меньшиков М.О. Выше свободы... С. 111.
67. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (юбилейное). Т. 69. С. 107.
68. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 202.
69. Кублановский Ю. «Письма к ближним» – и дальним // Новый мир. 1999. № 5. С. 225.
70. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 23 – 24.
71. См. подробнее: Жирков Г.В. Нравственные основы толерантности: уроки из жизни Л.Н. Толстого // Ценностное содержание журналистики: культура социальных отношений и межкультурное взаимодействие в обществе. СПб., 2008. С. 191 – 213.
72. Меньшиков М.О. Выше свободы... С. 105 – 106.
73. Там же. С. 111.
74. Там же. С. 112.
75. Там же. С. 115.
76. Переписка Толстого с Н.М. Романовым // Литературное наследство. Т. 37 – 38. М., 1939. С. 321.
77. Меньшиков М.О. Письма к ближним // Новое время. 1914. 4 (17) мая. С. 4.
78. Меньшиков М.О. Выше свободы... С. 304 – 314.
79. Кранихфельд Вл. Наши съезды // Журналист (Москва). 1914. № 1. Стб. 18.

80. Вестник Европы. 1908. Кн. 8. С. 823 – 824.
81. Там же. С. 749.
82. Б.С. Мейлах пишет в духе времени в выше названной книге: «Конечно, никто, кроме Меньшикова, не решился сопоставить его (Л.Н. Толстого – Г.Ж.) как «великого богоискателя» с религиозным мракобесом Иоанном Кронштадтским». – С. 39
83. Меньшиков М. О. Письма к ближним. М., 1991. С. 96, 91.
84. Там же. С. 97.
85. Там же. С. 99 – 100.
86. Там же. С. 104.
87. Духовная трагедия Л. Толстого. М., 1995. С. 160.
88. Меньшиков М.О. Публицистика как искусство // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 4-е изд., 2005. С. 121.
89. О толстых журналах существует большая литература, поэтому здесь этот сюжет не развивается. См.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890 – 1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982; Русская литература и журналистика начала XX века. 1905 – 1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984 и др.
90. Коляда Е.Г. «Журнал для всех» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 312 – 319.
91. Корецкая И.В. «Мир искусства» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890 – 1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 130.
92. Цит. по: Тарасова А.А. Сборники «Земля» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905 – 1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 66.
93. Богомолов Н.А. Журналистика русского символизма. Уч. пособие. М., 2002. С. 4.
94. Блок А.А. Литературные итоги 1907 г. // Блок А.А. Собр. соч. в восьми томах. Т. 5., М., Л., 1962. С. 222.
95. Там же. С. 216.
96. Лейкина-Сквирская В.Р. Интеллигенция в 1900 – 1917 гг. М., 1981. С. 123 – 124.
97. «Нива»: 1870 – 1894 // Нива. 1894. № 53. С. 23.
98. «Нива» за XXX лет (с 1870 по 1899 г.). Систем. указатель литературного и худож. содержания журнала. Сост. А.Д. Торопов. СПб., 1902. С. 1; Жирков Г.В. Журналистика 1880–1890-х годов. Журналы // История рус-

- ской журналистики XVIII – XIX веков: Учебник. СПб., 2003. С. 568 – 572.
99. Нива. 1894. № 1. С. 24; Динерштейн Е.А. «Фабрикант» читателей А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 216.
 100. Динерштейн Е.А. «Фабрикант» читателей А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 45.
 101. Воронкевич А.С. Иллюстрированные еженедельники в России (1808 – 1904 гг.). Метод. указ. М., 1985. С. 13.
 102. Воронкевич А.С. Русский еженедельник в начале XX века // Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984. С. 140.
 103. Акопов А.И. Местные журналы: особенности и место в системе // Его же. Некоторые вопросы журналистики: История, теория, практика. Ростов-на-Дону, 2002. С. 135.
 104. Алексеев К.А., Ильченко С.Н. Спортивная журналистика. СПб., 2010. С. 73.
 105. Жуков В.Ю. Сатирическая журналистика периода Первой российской революции как исторический источник (На материалах Петербурга). Автореф. к.и.н. Л., 1991. С. 15.
 106. Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты сатириконцы. М., 1968; Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977.
 107. Куприн А.И. О литературе. Минск, 1969. С. 112.
 108. 15 Кривенко С. Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1906. Кн. X. С. 1 – 3.
 109. См. подробнее: Пешехонов А. Русская политическая газета (Статистический обзор) // Русское богатство. 1901. № 3. Данные для модели газеты использованы по этому же исследованию. – С. 8 – 9.
 110. Цифры тиражей по: Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984. С. 32, 37; Есин Б.И. Путешествие в прошлое (Газетный мир XIX века). М., 1983. С. 66; Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 – 1907 годах. СПб., 1997. С. 20.
 111. Срединский С. Газетно-издательское дело: Основные вопросы газетного хозяйства. М., 1924. С. 12; Ахмадулин Е.В. в брошюре «Правительственная печать России...» приводит таблицу тиражей 18 губернских газет с амплитудой колебания от 420 до 6220 экз. (С. 62 – 63).
 112. Туринский М. Газеты в провинции (Воспоминания и наблюдения) // Исторический вестник. 1912. Т. 128. № 4. С. 152.

ГЛАВА IV

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИЗАЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

4.1. Материальная база журналистики

Наиболее существенным итогом революции была **интенсификация процесса капитализации** страны. Буржуазия пожинала плоды: расширяла не только экономические возможности, но и стремилась войти во властные структуры, политически организоваться. В капитализации журналистики, по мнению историка С. Срединского (1924 г.), Россия от Запада не отставала: активно шёл процесс образования издательских, газетно-журнальных фирм, трестов, синдикатов. «В последние годы накануне революции у нас, – замечает Срединский, – можно было насчитать до полудесятка газетных трестов. Крупнейшими были издательства И.Д. Сытина в Москве и А.С. Суворина в Петербурге».¹

На первое место по мощности капитала и производственной мощности к 1914 г. вышло предприятие **Ивана Дмитриевича Сытина (Москва)**, которое выпускало 25 % книжной продукции страны на русском языке, обладало самой тиражной к тому времени газетой «Русское слово» (с 1897 г.), несколькими журналами (с 1892 г. – «Вокруг света», с 1901 г. – «Искра» и др.), самым крупным народным книгоиздательством, с двумя оборудованными по последнему слову техники типографиями, отделениями-магазинами в Москве (4 магазина) Петербурге (2), Варшаве, Екатеринбурге, Иркутске, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Харькове и на Нижегородской ярмарке. В 1916 г. Сытин приобретает ещё акции бумажных фабрик известного издательства А.Ф. Маркса (Петербург), выпускавшего, кроме книг, наиболее распространённый журнал «Ниву». Уставной капитал сытинской фирмы в 1914 – 1916 гг. удваивается, к марту 1917 г. он ещё вырастает более чем в 2 раза и составит 22,3 млн. руб.²

Издательский репертуар «Товарищества И.Д. Сытина» (1901 – 1910) выглядел следующим образом:³

Тип издания	Число изданий	Кол-во экз.
Календари	21	51038050
Лубок – народная литература	598	33959833
Картины – религиозные	215	30597250
Беллетристика	837	15935833
Картины – разные	322	15421130
Буквари	58	13950640
Духовно-нравственные издания	192	13601935
Портреты царя и членов императорской фамилии	58	11846865
Детские книги	272	4503875
Учебники и учебные пособия	369	4168010
Словари, энциклопедии, справочники и др.	84	875480
ВСЕГО	4838	212145216

Далее по рейтингу шло издательское дело А.С. Суворина (Петербург), долгое время лидировавшее в стране. Оно включало газеты «Новое время» (СПб., с 1876 г.), в XIX в. одна из наиболее тиражных, с 1882 г. – 2 выпуска: утренний и вечерний, с 1891 г. имела еженедельное иллюстрированное приложение; «Еженедельное Новое время» (с 1879 г.), «Вечернее время» (СПб., с 1911 г.), «Время» (М., с 1905 г.), «Земледельческая газета» (1904 – 1905 гг.); ряд журналов – «Исторический вестник» (с 1880 г., в 1900 г. имел тираж 10 тысяч экз.); «Шахматы» (с 1894 г.) «Russko-Britanskoie Vremia», «Лукоморье» и др.; с 1894 г. – справочные периодические издания «Весь Петербург», «Вся Москва», «Вся Россия»; мощное книгоиздательство; контрагентство-монополист по распространению газет и другой печатной продукции почти по всем железным дорогам страны; отделения-магазины в Москве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Саратове; бумажную фабрику с 30 000 десятин леса в Новгородской губернии.⁴

Трестами становятся издательства **«Копейка» (Петербург)**, владевшее книгоиздательством, типографией, периодикой во главе с массовой «Газетой-Копейкой» (1908 – 1917 гг.) и журналом «Солнце России», и **«Московское издательство»**, имевшее книгоиздательство, типографию, газеты «Коммерсант», «Вечерние известия», «Трудовая копейка», журналы «Женское дело», «Детский мир». Каждый номер «Газеты-копейки» приносил доход от рекламы около тысячи рублей. По минимальным расценкам он складывался из следующего: ширина колонки страницы – 66 миллиметров, число колонок – 4; цена строки непарели объявлений на первой полосе – 80 коп., на последних страницах – 40 коп., среди текста – 1 руб. 20 коп., прислуге и лицам, предлагающим свой труд – 50 коп. На первой полосе реклама занимала 444 строки на сумму 355 руб. 20 коп., на пятой – 320 строк на 160 руб., на шестой – 640 строк на 320 руб. Всего объявлений – 1400 строк, или 38,4 % всей газетной площади номера. Общая сумма платы за них порядка 830 руб., на самом деле больше.⁵

В провинции также начинается процесс преобразования газетных издательств в акционерные предприятия. К примеру, таким был «Приазовский край» (Ростов-на-Дону), принадлежавший Донскому акционерному обществу печати и издательского дела, использовавшим крупнейшую на юге страны бумажную фабрику.

Все эти предприятия были акционерными: в их совокупном доходе выпуск газет не был основным его источником. Так, наиболее представительное для этого периода издательство И.Д. Сытина получало главную прибыль от производства календарей, лубочной продукции, букварей и др. Каждый год Сытин продавал свыше 50 млн. лубочных картин; только тираж календаря «Мир в рассказах для детей» педагогов В.П. Вахтерова и его жены, выдержавшего множество изданий, в 1910 г. составил 1 290 тысяч экз.⁶ Что касается основного детища И.Д. Сытина начала XX века – его газеты «Русское слово», то её хозяин справедливо считал главным для дела растущая на неё подписка. По утверждению Сытина, она

«давала ему оборотный капитал», «как бы беспроцентную ссуду».⁷

Однако с ростом тиража газеты естественно на её выпуск требовалось всё больше материальных средств и расходов. Тираж «Русского слова» за 1900 – 1915 гг. увеличился в 20 раз, а расходы на бумагу и печатание – в 22 раза. О величине издержек, к примеру, можно судить по следующим цифрам. В 1904 году на производство газеты пошло около 59 тысяч пудов бумаги, в 1913 г. – более 434 тысяч; на типографские расходы было потрачено соответственно – более 102 200 руб. и 1754000. В совокупности за 15 лет издержки на бумагу и производство составили почти 50 %.⁸

К 1916 г. предприятию И.Д. Сытина в сутки нужно было 7 тысяч пудов бумаги, из них 30 % шло на «Русское слово», между тем все фабрики страны тогда не производили бумаги столько. К этим издержкам добавлялись траты на содержание редакции и конторы газеты, которые в то же время увеличились в 27 раз и составили 25 % всех затрат. К 1915 г. на них шло почти 1,5 млн. руб. в год. Все эти расходы окупались не столько подпиской и розничной продажей издания, сколько публикаций рекламы. За те же 15 лет доход от неё в «Русском слове» составил в 1900 г. – около 50 тысяч руб., в 1915 г. – 1249200 руб. Эти деньги при разном рекламном рынке покрывали от 20 до 80 % годовых затрат на производство газеты.⁹

Таким образом, пример наиболее распространённой газеты в стране показывает, что чем выше тираж издания, тем оно более крепко привязано к общему механизму капиталистического хозяйствования, информационному рынку. Её благополучие обеспечивается успешной совокупной деятельностью фирмы, треста или акционерного предприятия, которому в свою очередь газета даёт самую выгодную и востребованную на рынке рекламу.

Процесс акционирования журналистики получает наиболее широкое развитие в предвоенные годы, когда в России особенно ощущался экономический подъём, когда крупное издательское дело требовало больших капиталовложений и предприниматели

активно использовали банковский кредит, что вело к установлению финансового контроля банков над акционерно-паевыми предприятиями, а представители банков входили в качестве пайщиков в акционерные кампании. В делах крупнейших акционерных кампаний, по выводу Н.А. Рубакина, наблюдалось массовое участие высшей бюрократии,¹⁰ за счёт чего происходило слияние интересов власти и буржуазии. К 1914 г. финансовый капитал фактически овладел большинством крупных газет в столицах и провинции. Даже издательское дело миллионера И.Д. Сытина в борьбе за монополию на информационном рынке опиралось на Русско-Азиатский коммерческий банк.

К этому времени издательское дело становится составной частью экономической системы России. В стране насчитывалось 90 акционерных издательских, полиграфических и бумагоделательных компаний.¹¹

4.2. Роль рекламы и банков в информационном бизнесе

Журналистика превращается в бизнес и средство обогащения, о чём свидетельствует карьера многих дельцов печати. Так, С.М. Проппер, приехавший в Россию, как говорят, без гроша в кармане, приобрёл на аукционе за 13 рублей право на издание в Петербурге газеты «Биржевые ведомости» (1880 – 1917), сделал в её постановке упор на выбивание и публикацию рекламы. При этом он не брезговал никакими средствами, «шляясь, по словам С.Ю. Витте, по передним влиятельных лиц» и «выпрашивая казённые объявления, различные льготы».¹²

Редактор «Биржевых ведомостей» И.Н. Ясинский откровенно рассказывал в «Романе моей жизни» о том, что Проппер «прибегал к шантажу, объявляя в биржевом отделе газеты те фирмы, которые отказывались печатать объявления, некредитоспособными. Делал он это ловко, между строк. В банках его называли револьвером. На бирже – зайцем».¹³ Директор департамента полиции С.П. Белецкий вспоминал о том, что обеспокоенный появлением в «Биржевых ведомостях» фельетонов о Распутине он предложил уже другому редактору

газеты Горелову (Гаккебушу) взятку в 600 руб. с тем, чтобы фельетоны перестали помещать. Взятка была принята, и упоминания о Распутине исчезло со страниц «Биржевых ведомостей». К 1916 г. капитал Проппера превышал 3 млн. рублей.¹⁴

Редактор-издатель С.Н. Худеков разбогател на выпуске в столице массовой, популярной «Петербургской газеты» (1867 – 1917), в 1890-е годы купил в центре города особняк князей Голицыных и стал сдавать в аренду его помещения, а во дворе дома поставил типографию для своих изданий.¹⁵

Одним из наиболее ярких примеров деятельности, основанных только на рекламном бизнесе в России, является Торговый дом «Л. и Э. Метцель и К*». Он был учреждён в 1878 г. в Ростове-на-Дону как Центральная контора объявлений Л. Метцель. С 1891 г. её правление перебралось в Москву, а сама «контора» была преобразована в товарищество под фирмой Торговый дом (совладельцем Л. Метцеля был его брат Эрнест, умерший в 1900 г.). Его главой и владельцем стал Людвиг Морицович Метцель (родился в Праге в 1854 г.) – пионер широкой постановки рекламного дела в стране. Современники Метцеля отмечали, что его Торговый дом «опередил по размерам деятельности большинство подобных учреждений за границей». Эта деятельность была направлена на «увеличение доходности русских газет и журналов путём привлечения в них объявлений из всех стран мира». Она способствовала улучшению материального положения провинциальной печати.¹⁶ Фирма Метцеля имела отделения в Петербурге, Варшаве, Берлине, своих представителей в Париже, Нью-Йорке, Бостоне и Тегеране. Через контрагентство этой фирмы к 1914 г. проходило более половины публикаций рекламных контор страны, а обороты фирмы превышали 10 млн. руб.¹⁷

Процесс капитализации печати предоставил и власти новые возможности в использовании экономического контроля за журналистикой, материально зависимой от рекламных публикаций. Историк А.Н. Боханов, обстоятельно анализируя этот элемент капитализации печати, подчёркивает, что

«существовала своеобразная взаимозависимость между общественно-политической позицией газеты и её материальным благополучием. Хорошо знавший газетную «кухню» А.С. Суворин писал: «... для многих объявителей один только слух о закрытии или приостановке газеты равнялся тому, что она исчезала совсем». Так как зависимость частных газет от рекламы постоянно возрастала, то увеличивалась и заинтересованность капиталистов-издателей в ограждении своих органов от возможных административно-цензурных репрессий. В результате газета должна была полностью быть лояльной по отношению к царизму, чтобы не потерять благорасположение капитала в лице рекламодателей».¹⁸

Газеты стали издаваться в большей степени на деньги рекламодателей, чем подписчиков и читателей. Редакция такой качественной газеты, как «Русские ведомости» признавала в своей статье от 12 ноября 1912 г., что «большой газете выручка от её продажи окупает разве что половину её собственных издержек».

Рекламный бизнес претерпевает к этому времени значительные качественные изменения: рекламодателями становятся не мелкие коммерческие заведения, отдельные предприниматели и лица, а мощные финансово-промышленные предприятия, в балансах которых стала выводиться специальная строка на рекламу, содержащая десятки тысяч рублей. Особенно вырастает в газетах доля рекламы, идущей от акционерно-паевых предприятий. Приведём данные по двум авторитетным изданиям страны – «Новому времени» и «Русскому слову» (см. таблицу).¹⁹ Таблица показывает, что банковский капитал активно размещает рекламу в ведущих изданиях страны. При этом надо учитывать то, что публикация, например, банковских балансов занимала одну-полторы страницы газеты, а стоимость полосы под рекламу в «Новом времени» составляла более 1 тысячи рублей. Такие расходы могли себе позволить крупные финансовые предприятия.²⁰ Естественно, газете, имевшей такие денежные поступления, трудно проводить политику, независимую от рекламодателя.

Таблица

Динамика использования газетной площади акционерно-паевыми предприятиями в «Новом времени» (НВ) и «Русском слове» (РС)

	1898 г.		1912 г.			
	НВ		НВ		РС	
	I	II	I	II	I	II
Банковский капитал	47	682	49	564	29	197
Общества	105	654	94	635	57	422
Частные железные дороги	23	232	14	97	6	21
Другие	39	196	31	218	24	103

Примечание: I – число рекламодателей, II – число их рекламных публикаций; под банковским капиталом имеется в виду сами банки разных типов, их конторы и дома, кредитные общества и ломбарды; общества включают страховые, судоходные, горные, металлургические, нефтяные, табачные и др.

Одна из наиболее влиятельных газет «Новое время» после смерти А.С. Суворина в 1912 г. постепенно переходит в руки банков. Если её основатель – бизнесмен старой формации, имевший в обществе большой авторитет, умел по-своему ладить с финансовым капиталом, то в судьбе его сына Алексея Алексеевича (1862 – 1937, псевдоним Порошин) банки сыграли коварную роль. Его попытки выпускать собственную газету наталкивались на их диктат. В 1903 г. Суворин-младший стал на самостоятельную дорогу, вышел из «отцовского дела». Правда, его краткосрочные долги превышали 200 тысяч рублей.²¹ А.С. Суворин оплатил их. Его сын наладил выход газеты «Русь» (1904 – 1908), которая зарабатывала популярность на том, что остро полемизировала с «Новым временем». Суворин-старший тем не менее оплачивал большую часть бумаги для «Руси». Несмотря на это, дефицит за весь период издания этой газеты составил более одного миллиона рублей.

В 1908 г. газета А.А. Суворина, уже имевшая название «Новая Русь», стала публиковать письма в редакцию, репортёрские заметки с критикой работы нескольких банков, а затем повела против них настоящий крестовый поход, обвиняя их в недобросовестных поставках в интендантство и другие

государственные учреждения, требуя предать виновных суду. На редактора сразу же начались гонения: банк, в котором он постоянно учитывал векселя, отказался произвести учёт. Другие банки, куда пришлось Суворину обращаться, то же отказали и вообще закрыли ему кредит. Они же инициировали в газете «Речь» публикации с обвинениями редакции «Новой Руси» в шантаже банков. При этом при встрече с редактором «Речи» П.Н. Милюковым сотрудник «Новой Руси» лётчик Попов дал ему пощечину – разразился скандал. В итоге всех этих событий, газета, так или иначе, осталась без средств и прекратилась.

Этот сюжет позднее получает развитие. В 1914 г. А.А. Суворин издавал налаженную по английскому образцу радикальную газету «Новь», имевшую определенный успех в обществе. Газета активно пропагандировала в обширном специальном отделе идеи и практику кооперации. Её тираж стал расти. Предпринимателью понадобилась новая большая ротационная печатная машина. А.А. Суворин заказал её в Англии, но на её доставку в Россию у него не хватило денег. Он обратился за кредитом к банкирам, которые согласились дать ему ссуду, но с условием прекратить восхваления кооперации и предоставить им в полное распоряжение финансово-промышленный и торговый отделы газеты. Суворин не принял такие условия, и газета вскоре была закрыта.²²

С «Новым временем» – газетой слишком известной, читавшейся самим царем и его окружением, ставшей значительным достоянием журналистики страны – так получиться не могло. В этом случае финансовый капитал избрал иную стратегию. Сначала его влияние проводилось через пайщиков «Нового времени», представлявших правления банков. К примеру, А.И. Гучков – директор Волжско-Камского коммерческого банка, финансист и магнат, был членом совета акционерного общества А.С. Суворина; председатель правления этого же банка П.Л. Барк был главным финансовым консультантом суворинского предприятия.

Представители финансового капитала отчётливо понимали высокую рыночную конъюнктуру этой фирмы, хотя и видели то,

что в деле Суворина в начале века было не всё благополучно. Так, в беседе с одним из основных публицистов «Нового времени» М.О. Меньшиковым П.Л. Барк посчитал, что газета ежегодно может давать «8 % верных, а при хорошем хозяйстве и 10 % на капитал».²³ Поэтому, когда А.С. Суворин решился поправить дела и привлечь новый капитал, организовать паевое товарищество, банков, желающих купить пай, было немало: Санкт-Петербургский учетный и ссудный, Волжско-Камский коммерческий, Утемана, Русский торгово-промышленный, Утина и др. Известный английский бизнесмен Базиль Захаров предложил Суворину вообще купить всё его предприятие. Конечно, опытный издатель остановил выбор на том банке, с которым уже давно имел связи – Волжско-Камским коммерческим.

Чтобы по-прежнему контролировать дело, Суворин оставил за собой большую часть паёв (650 из 800). В числе главных пайщиков оказались А.Н. Гучков, П.Л. Барк, А.А. Столыпин, С.Т. Морозов, Волжско-Камский коммерческий банк. Издательское, типографское и книготорговое «Товарищество “Новое время”» с основным капиталом в 4 млн. руб. получило высочайшее утверждение в августе 1911 г. На следующий год А.С. Суворина не стало, и финансисты активизировались, а, когда в 1915 г., во время войны, в газете уменьшилось число казённых, обязательных объявлений и ей угрожал крах, хотя тираж даже вырос, коммерческие банки – Волжско-Камский, Русско-Азиатский, Русско-Французский, Санкт-Петербургский частный – окончательно завладели «Новым временем». В знак протеста А.А. Суворин устроил в редакции громкий, со стрельбой скандал, что естественно ни на чём не отразилось.

На информационном рынке места сантиментам нет. Его двигателем и бичом является конкурентная борьба за прибыль и доходы, за свою нишу в информационном процессе, за читателя, за выгодное распространение продукции.

4.3. Конкурентная борьба на информационном рынке

Многие издательские фирмы, газеты и журналы не выдерживали конкуренции и погибали. Так, сытинский трест постепенно поглотил типографию А.В. Васильева, литографию М.С. Соловьева, в 1913 г. одно из крупнейших лубочных издательств Москвы «торговый дом Е.И. Коноваловой», перед войной 1914 г. – типографию Кудинова, в годы войны – мощное предприятие А.Ф. Маркса.

В этих условиях начинают создаваться объединения предпринимателей, которые только и могли выстоять в конкурентной борьбе. Это касается крупнейших отечественных кампаний, даже таких, как издательства А.С. Суворина, А.Ф. Маркса, И.Д. Сытина. Их столкновения на информационном рынке вполне естественны, и от руководителя дела зависело, как решался возникший конфликт, как найти выход из кризисного положения, и др. Несмотря на то, что крупные предприниматели понимали необходимость уступок в чём-то друг другу, гибкой стратегии для взаимной выгоды, и, тем не менее, между ними шла и скрытая, и подпольная, порой нечестная борьба за потребителя, государственные заказы, льготы, права иметь возможность по более дешёвой цене закупать бумагу, с выгодой распространять и продавать свою продукцию и т.д. Всё это находило отражение в деятельности издательских предприятий.

Особое значение в условиях расширения информационного рынка для каждого из них имела **система доставки собственной печатной продукции потребителю**. Понимая это, Д.И. Сытин в XIX в. создаёт, хотя и примитивную по современным понятиям, но по тем годам вполне надёжную и дешёвую сеть распространителей народной литературы, лубка и картинок из офеней.²⁴

Более развитый информационный рынок, несший читателю и более оперативную продукцию, потребовал от предпринимателей поиска других путей доставки печати. Появляются артели газетчиков, то есть продавцов газет, которые естественно преследуют свои цели к выгоде, повышая цену изданий.

Крупные предприниматели, с развитием железных дорог, пытаются использовать их. В этом отношении несомненны заслуги А.С. Суворина – основного инициатора борьбы за распространение периодики и книг по железнодорожным магистралям.²⁵ В конце 1884 г. он перекупает право продажи печатной продукции на станциях двух дорог – Николаевской и Варшавской. С этой же целью в 1886 г. Суворин заключает контракт с Управлением казённых железных дорог на 3 года и расширяет права ещё на 2 магистрали, затем включает в свою сферу дорогу на Кавказские Минеральные воды. Всё это позволяло ему оттеснять с информационного рынка многих конкурентов. Имея киоски на станциях, Суворин, чтобы обеспечить путь к провинциальному читателю своим изданиям, часть продукции других предпринимателей вообще не продавал, у других брал газеты в ограниченном количестве экземпляров, наконец, как посредник, завышал на них цену, причём до 60 %. ²⁶

Газета	Цена (коп.) в столицах	Цена (коп.) в киосках Суворина
Биржевые ведомости»	2	5
«Курьер»	3	5 – 10
Другие столичные газеты	3 – 5	10

Редактор-издатель газеты «Новости» О.К. Нотович пытался добиться для себя права на распространение печати по Варшавской железной дороге. Суворин сразу же обратился за помощью к министру финансов С.Ю. Витте, который не только отстоял право на неё Суворина, но и в дальнейшем помогал ему, хотя порой довольно негативно отзывался о его «Новом времени».

В связи с этим следует заметить, что предприятие Суворина к тому периоду составляло, можно сказать, неофициальную часть государственной структуры, а его хозяин имел в бюрократических кругах большой вес. В этом отношении его можно сравнить с М.Н. Катковым, у которого были свои информационное пространство и сфера деятельности. Поэтому, конечно, дальновидные правительственные чиновники, помимо Витте, А.В. Кривошеин, П.А. Столыпин, С.И. Тимашев и др.

поддерживали инициативы Суворина. И он долго оставался фактическим монополистом по распространению печати по железным дорогам. К началу XX века Суворин имел контракты с 8 крупными магистральями и на 50 станциях продавал печатную продукцию, неся при этом убытки в 40 тысяч руб., но получая прибыль в другом – от расширения сети подписчиков на свои издания, особенно на «Новое время», и их розничной продажи. За 1901 г. чистая прибыль от издания газеты составила 236 тысяч руб., в 1902 г. она превысила 300 тысяч.²⁷

Предпринимательская деятельность А.С. Суворина развивалась в основном в XIX столетии. Он был бизнесменом старой формации. Его предприятие можно назвать *семейным*, при котором в деле участвуют родственно близкие люди, поэтому в ходе конкурентной борьбы между собой порой делаются уступки друг другу, более сильные издатели берут на себя убытки других и т.п.

К началу XX в., особенно после революции 1905 г., происходит становление более свободного рынка, тесно связанного с общим процессом капитализации экономики страны и на который государство не могло оказывать решающее давление. В конкурентной борьбе вперёд выходят новые предприниматели, более чутко учитывающие реалии этого рынка, рассчитывающие в своём большинстве на силу и возможности капитала. В первую очередь здесь надо назвать имя И.Д. Сытина, который в 1903 г. перехватил аренду по распространению печати на 38 железнодорожных станциях.

Возможно, в ответ на этот вызов, Суворин в том же году преобразует своё контрагентство в самостоятельное паевое предприятие «Контрагентство А.С. Суворин и Ко», имевшее монопольное право торговли печатной продукцией на станциях казённых железных дорог. Оно стало важной статьёй дохода Суворина. Так, позднее, в 1910/1911 операционном году от него было получено более 125 тысяч руб. прибыли.²⁸ В это же время Суворин вместе с издателями С.Н. Худяковым, («Петербургская газета») и В.А. Владимирским («Петербургский листок»)

пытались создать кампанию «Артель для продажи произведений печати», но не получили поддержки.

В 1903 г. идея всё-таки была реализована в организации «самостоятельного неполного товарищества на вере», где основным пайщиком был Суворин. От его лица дела вёл А.И. Ефремов, но постепенно основной силой этого предприятия становится один из его вкладчиков – И.Д. Сытин. В январе 1907 г. оно было преобразовано в «Товарищество торговли произведениями печати на станциях железных дорог Контрагентство печати», где работало 400 агентов. По инициативе Сытина московские издатели газет договорились о негласном картельном соглашении по ценам и условиям сбыта газет, образовав тайный синдикат, где ведущие позиции занимали Сытин и Суворин. Синдикат захватил право на распространение печати на всех европейских магистралях России. Сибирская железная дорога находилась в сфере влияния Союза русского народа.

Синдикат, однако, не исключал борьбы его участников на информационном рынке. Когда А.А. Суворин попытался продвинуть свою газету «Русь» («Новая Русь») в провинцию, где она в случае успеха конкурировала бы с «Русским словом», Сытин предпринял ответные меры и это способствовало тому, что Суворин младший обанкротился.

К 1910 г. Сытин фактически овладел товариществом: у него было 350 паёв, у Суворина – 150, у остальных – по 25. В 1909 г., а также и в 1910 г. доход от контрагентства составил 60 тысяч руб. 25 апреля 1911 г. А.С. Суворин, И.Д. Сытин и ещё 13 вкладчиков учредили «Товарищество на вере под фирмою “Контрагентство А.С. Суворин и Ко” для издательской деятельности и торговли произведениями печати на станциях железных дорог, пароходах, пристанях и во всех городах и сёлах Российской империи». Главная контора нового агентства переехала из Петербурга в Москву, в сферу влияния Сытина. Агентство арендовало 600 киосков на станциях 28 из 44 крупных магистралей страны. Вообще же тогда в России было 60 казённых и частных дорог. Пайщиками агентства были 34

коллектива и предпринимателя. Основной его капитал составлял сначала лишь 160 тысяч руб. К январю 1913 г. он вырос до 410 тысяч.²⁹

Усиление одного треста, монополизация им производства определённой печатной продукции, системы распространения её, рост его доходов наталкивались на информационном рынке на естественное противодействие конкурентов, прибегавших к всевозможным ухищрениям в неравной борьбе. При этом такое противодействие нередко совершалось под прикрытием, через подставных лиц, с использованием прессы, порой как бы с благородными целями – под видом борьбы с монополизацией и т.п.

Конечно, Сытину пришлось испытать на себе такого рода действия конкурентов. К началу XX в. он был не только известным предпринимателем, миллионером, но и просветителем, много сделавшим для развития народного образования; известным меценатом, активно занимавшимся благотворительностью. Его заслуги были признаны общественностью. В 1890 г. он стал членом Русского Библиографического общества при Московском университете и взял на себя расходы по изданию журнала «Книговедение». Он был членом Московского общества детских приютов, общества покровительства беспризорных и освобождённых из мест заключения, Казначейского общества попечительства о детях народных учителей и учительниц и др.

В 1908 г. Сытин был избран депутатом Московской городской думы. Выход издателя в политику был сразу же замечен прессой. Уже на следующий год против него в печати стали публиковать компромат. В газете «Москва» в июле 1909 г. появились две статьи, одна из которых выразительно называлась «Книжник – фарисей». Поводом к этим публикациям стал Первый всероссийский съезд издателей и книгопродавцев в Санкт-Петербурге. На нём была принята резолюция, осуждающая правительство за ограничения свободы издательской деятельности. Что касается Сытина, то его выбрали в оргбюро следующего съезда.³⁰ После этого форума состоялся банкет, где Сытин, выступая, подчеркнул, что Россия только

тогда будет грамотной страной, когда её издатели пойдут навстречу запросам мужика. Сытин заявил, что 30 с лишним лет он трудится над распространением в народе «хороших, нужных и полезных книг». В прошлом сотни его офеней снабжали деревню такими русскими сказками как Бова Королевич.

Репортёр, присутствовавший на банкете, имел об этом другое мнение. Он высмеял Сытина в статьях, помещённых в конкурирующей с его изданиями газете «Москва», считая, что ничего «хорошего и полезного» в средневековой «кровавой» сказке про Бову Королевича нет. Продажа такого рода книг позволила Сытину разбогатеть. Затем корреспондент довольно точно, хотя и невольно, отразил в своих статьях то, как предприниматель умело учитывал потребность читателя текущего информационного рынка.³¹

4.4. Эволюция проблемно-тематического комплекса печати

В постреволюционный период происходит захват капиталом информационного рынка, он освобождается от дотошной государственной опеки, и русская журналистика испытывает расцвет.³² Однако процесс капитализации печати тогда обычно рассматривался как негативное явление. Известный публицист С.Н. Кривенко в посмертной статье «Газетное дело и газетные люди», опубликованной в журнале «Русская мысль» в 1906 г., замечал: «Капитализация литературы имеет немало отрицательных сторон, так что даже и на то хорошее, что при этом делается, ложится какая-то особая тень сомнения, или же прямо накладывается коммерческое клеймо».³³

Капитал создавал условия для демократизации журналистики, многообразия её форм, развития её аудитории, удовлетворения самых разнообразных потребностей читателей; для функционирования новых типов изданий, особенно частной прессы, независимой в материальном отношении от власти; для оперативной периодики, несущей рекламную информацию, и др. Важной потребностью капитала была необходимая для него гласность, рекламирование финансовых оборотов, произ-

водимой продукции, а также, что не менее значимо, потребность участия в социально-политической жизни общества, в управлении им с помощью информационных потоков. Это способствовало модернизации типологии русской печати, обновлению и расширению диапазона информации журналистики, её содержания, проблематики.

Экономическая информация и тематика, вопросы промышленности, финансов и торговли становятся обыденными для общественно-политической печати и основными – в отраслевых изданиях. Но к этому русская журналистика прошла долгий путь. Экономическая мысль, экономическая информация в русской печати имеет богатую историю, которая как целостное явление не изучена. Понимание её необходимости и важности в развитии страны способствовало созданию специальной журналистики уже на ранних этапах истории русской периодики.

Помещик Тульской губернии Василий Алексеевич Левшин, издавая в 1814 – 1815 гг. журнал «Экономический и технологический магазин» рассказывал о намерениях, с которыми он предпринимал его выпуск: «Сношение между хозяевами и учёными, открытия практических трудолюбцев, их полезные изобретения и мнения ни через что столько не могут распространяться для блага отечественного, как посредством издания журналов, в которых помещаются сего рода материи, не токмо в отечестве ещё неизвестные и на чужеземных языках описанные, но и собственными соотчиками нашими приобретённые, практикою подтверждённые и после многих испытаний признанные верными».³⁴

В начале 1825 г. управляющий Департаментом горных и соляных дел, директор Горного кадетского корпуса Е.В. Карнеев, определяя программу задуманного «Горного журнала», первого в мире такого типа издания, которое выходит до сих пор, подчёркивал то, что «издание Горного журнала должно споспешествовать и самим Наукам. Известно, сколь богата земля наша произведениями Минерального царства, и сколь мало доселе описаны месторождения их... Журнал

извлечёт из неизвестности безгласные ныне о сём сведения, породит новые известия, вдохнёт соревнование к распространению всякого рода познаний по всем предметам Горных наук и Искусств... Кто знает? Может быть, издание Горного журнала, нами начатое, составит эпоху в Российской горной истории; может быть, он послужит и важным и благоуспешным по сей части переменам... Цель будем иметь священную: пользу отечества, просвещение современников и благодарность потомков».³⁵

Эта священная цель найдёт в Отечестве своих последователей, а в эпоху Великих реформ 1860-х гг. получит новые импульсы. Настроения тех лет хорошо отразил профессор Ф.В. Чижев в программе газеты и журнала, разработанной им для костромских предпринимателей А.П. и Д.П. Шиповых: «Требования нашей промышленности двоякие: с одной стороны, она нуждается в объяснении общих и частных причин промышленных вопросов, как для самих промышленников, так и для читающего класса народа, с другой – в живых известиях о ценах, запросах товаров, о сравнительных преysкурантах машин, о новых изобретениях, о способах сбыта и получения произведений и т.п.».³⁶

В конце XIX в. интерес к пути экономического развития страны, экономической информации существенно возрос. К обсуждению этих проблем, публикации разного рода таких сообщений, помимо специальных изданий, подключилось большинство общественно-политических, литературных журналов и газет. «Труды Вольного экономического общества», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Научное обозрение», «Вестник Европы», «Русское богатство» печатали статьи, исследующие разные стороны стратегии экономики государства, практические проблемы сельского хозяйства, промышленности, транспорта, финансов, торговли; обращались к показу опыта зарубежных стран. К примеру, статьи М.И. Туган-Барановского «Статистические итоги промышленного развития России», «Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма» («Труды Вольного экономического общества», 1898), «Основная

причина кризисов в капиталистическом хозяйстве» («Мир божий», 1899); Старого профессора (псевдоним) «Денежный кризис и наша банковская политика» («Народное хозяйство», 1900); В.М. Чернова «Типы капиталистической и аграрной эволюции» («Русское богатство», 1900) и др.

В еженедельном, иллюстрированном, тонком, экономическом и сельскохозяйственном журнале «Хозяин» была помещена статья В. Денисенко «Чем победила нас Америка на всемирном рынке». Автор предлагал практические меры, которые позволят ликвидировать отсталость России от Америки в сельском хозяйстве и промышленности: «1) разумно поставленное общее образование для всех, с курсом естествознания применительно к сельскому хозяйству; 2) распространение специального сельскохозяйственного образования не снизу, а сверху, посредством возможно большего числа высших сельскохозяйственных институтов и обращение кафедр по агрономии при университетах в факультеты; и 3) замена средних и низших сельскохозяйственных школ курсами по предметам сельского хозяйства, что будет и дешевле и обещает больше успеха» (1898, № 51).

Вокруг вышедшей в свет экономической литературы развёртывались бурные дискуссии, особенно вокруг теоретических идей К. Маркса. Полемику в прессе вызвали труды В.П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» (1882), «Наши направления» (1893), «Очерки политической экономии» (1895); М.И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (1894), «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898) и др. Вызвала споры переведённая на русский язык книга немецкого учёного Бём-Баверка «Теория Маркса и её критика» (1897).

В начале XX в. в печати активизировалось сотрудничество учёных и экономистов, сами журналисты начинают специализироваться по финансово-экономическим вопросам. В «Биржевых ведомостях» по этим проблемам выступает В.С. Зив, в «Финансовой газете» – академик В.М. Бехтерев, профессор М.В. Бернацкий, экономист И.И. Левин, в «Торгово-промышленной газете» – Г. Гольдберг и т.д.

Раннему этапу процесса капитализации сопутствовало постепенное осознание предпринимателями, коммерсантами значения печати в успехе их деятельности. В пореформенный период, замечает историк В.Я. Лаверычев, крупная торгово-промышленная буржуазия активно стремилась в своих интересах использовать печать. Она «создавала и находила газеты и журналы, отражавшие и защищавшие предложения и ходатайства по вопросам экономической политики, рабочему вопросу. При этом капиталисты оставались на узкосословных, «купцовских» позициях».³⁷ Основным их требованием к прессе и журналистам была поддержка ими протекционизма: поддержка отечественного производства и капитала, в первую очередь, в таможенном вопросе. Эти самые «купцовские позиции» с их сословными предрассудками были особенностью экономического развития аграрной России. На этом этапе её торгово-промышленная буржуазия имела ещё ограниченное понимание возможностей и задач периодической печати. Отсюда и отсутствие у неё определенной политической программы.

5.5. Газета «Россия»

Однако процесс осознания буржуазией общественного значения журналистики шёл. Одним из проявлений этого было создание на самом рубеже веков газеты «Россия» (1899. 28 апр. – 1902, янв.). Её история тесно связана со сложившейся на внутреннем информационном рынке монополией «Нового времени» А.С. Суворина. Группа капиталистов во главе с С.И. Мамонтовым пыталась осуществить проект издания авторитетной информационно насыщенной газеты, своего рупора, противостоящего «Новому времени».

Их интересы совпали со стремлением ряда сотрудников суворинского издания уйти из него. Они испытывали неудовлетворенность тем, как смотрели на них в оппозиционных кругах общества. Поводом для разрыва с «Новым временем» послужила позиция редактора, осудившего волнения студентов в феврале 1899 г.

Творческая часть редакции А.В. Амфитеатров, И.Н. Потенко, Г.П. Сазонов, В.А. Тихонов заключила договор с Мамонтовым на выпуск газеты. Г.П. Сазонов, как политически благонадёжный, получил право на издание в Петербурге ежедневной газеты «Россия». Он стал и её редактором-издателем. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин отмечал, что издатели «открыли газете самый широкий кредит и существование её с первых дней оказалось вполне обеспеченным». Проект финансировал зять Мамонтова М.О. Альберт, крупный промышленник и финансист, тесно связанный с германским Обществом электрического освещения 1886 г. и Обществом Невского судостроительного завода и др. Первоначальный капитал предприятия составлял 250 тыс. руб.³⁸ Газета стоила дешево – 7 руб. в год. Это при успешном ведении газетного дела, творческом подходе, особой направленности против «Нового времени» позволило редакции через полтора года добиться по тем временам солидного тиража – 40 тысяч экз. (У суворинской газеты тираж составлял 60 тыс. экз.)

В первом номере редакция обнародовала программу газеты, обещая «любить свет и ненавидеть тьму». Она считала, что уже в названии газеты находит отражение её программа: «Россия просвещённая, обильная в плоти и в духе, незыблемо твёрдая в устоях своей самобытности и их мощью окрыляемая к постоянному движению вперёд: Россия – кроткая, но твёрдая волею мать объединённых ею народов».

Редактор Г.П. Сазонов взял на себя руководство экономическим, финансовым, крестьянским и земским отделами, Амфитеатров – политическим и литературным, – Л.Ю. Гольштейн – иностранным, В.А. Гиляровский – московским, В.М. Дорошевич – провинциальным, профессор П.И. Ковалевский – научным, Ю.Д. Беляев – театральным, И.Ф. Соловьев и Я.А. Рубинштейн – музыкальным.

Ведущим публицистом газеты был *А.В. Амфитеатров* (1862 – 1938), считавший «Россию» своей газетой, где он действительно в 1899 – 1900 гг. был неофициальным редактором, но, по его словам, он с 6 ноября 1901 г. «совершенно отказался от

редакционного участия в «России», сохранив за собою право неприкосновенности своего фельетона».³⁹ Выступал он в этой газете под псевдонимом Old Gentleman.

Амфитеатров был литератором широкого профиля, писал всё: стихи, сатиру, публицистику, беллетристику (романы, повести, драмы, рассказы), литературно-критические статьи и рецензии.⁴⁰ Выходец из культурной духовной семьи, закончил юридический факультет Московского университета. Учился пению, в том числе и в Италии, два сезона пел в Тифлисе и Казани. Отличался большой начитанностью и эрудицией. «Трудно было найти, – вспоминал А.А. Золотарёв, – такую область человеческого знания, о которой он не мог бы найти в сокровищницах своей памяти если не подлинных фактических данных, то, по крайней мере, весёлого анекдота, каламбура или исторической справки о том, кто, когда и как над ней работал».⁴¹

Начинал творчество Амфитеатров в журналах «Будильник», «Осколки», «Искра»; печатался в «Русских ведомостях». В 1880-е годы имел более 60 псевдонимов.⁴² По-настоящему в журналистику вошёл с приглашения в «Новое время» А.С. Суворина, где сотрудничал с 1891 г. по 1899 г., стал одним из её ведущих журналистов, воскресным фельетонистом. Его выступления под рубрикой «Москва. Типы и картинки» о разных сторонах жизни второй столицы страны, её быте, экономике, культуре, искусстве, об острых проблемах самоуправления, общественном настроении получили большую популярность у читателей. Он вполне вписывался в ансамбль суворинской газеты.

Из «Нового времени» Амфитеатров ушёл со скандалом, оставшись должником Суворина, что не помешало ему быть инициатором антинововременской кампании в «России», во внутренних обозрениях которой обличение Суворина и критика его газеты становятся обычным явлением. Особый эффект в этом смысле имел памфлет ведущего публициста «России» В.М. Дорошевича «Старый палач» (1900, 22 янв.). В образе литературного палача был представлен известный публицист, сатирик и литературный критик В.П. Буренин (1841 – 1926. Граф Алексис Жасминов и т.п.). Буренин был долгие годы ближайшим помощ-

ником А.С. Суворина по изданию «Нового времени», его другом и заглавным публицистом этой газеты. Критический темперамент Буренина получил отражение в блестящей и злой эпиграмме на него Д.Д. Минаева.⁴³

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он её не укусил!

К концу XIX в. в литературных кругах за Бурениным упрочилась слава беспринципного критикана, хотя известно, что Толстой называл его талантливым.⁴⁴ Образ старого палача из кандалного отделения, нарисованный острым сатирическим пером Дорошевича и прямо в тексте названный по фамилии, надолго врезался в память читателей.

Появление памфлета имеет некую предысторию. В бытность работы в «Новом времени» Амфитеатров был неоднократно обижен Бурениным, особенно его грубой эпиграммой.⁴⁵

Своей фамилии взамен
Ты кличку взял old gentleman;
Верней бы искренней и прямо
Назваться русской кличкой хама.

Похоже Дорошевич отвечал резким памфлетом именно на неё. Амфитеатров же написал сатиру на нравы журналистов «Нового времени» – «Сказку о легкомысленной блохе и её житейских огорчениях» (1901), где был выведен вполне узнаваемо под именем холопствующего Ивана Ивановича Клопа А.С. Суворин.⁴⁶

Влас Михайлович Дорошевич, талантливый журналист, испытывавший тогда творческий расцвет, написавший к этому времени цикл очерков об острове-каторге Сахалин, печатавшихся в «Одесском листке», где он работал, был приглашён в «Россию». Здесь он продолжил печатать сахалинские очерки, что способствовало успеху газеты. Дорошевич оправдал надежды редакции, завоевав яркими публикациями в этой газете славу лучшего судебного репортёра, выступавшего в качестве защит-

ника «маленького человека» от бездушной и безжалостной бюрократической машины судопроизводства. Он считал, что для публициста не может быть малых тем, незначительных проблем там, где за ними стоит человеческая жизнь, судьба человека.

Первый судебный репортаж-очерк Дорошевича, опубликованный в 7 номерах газеты, был посвящён делу братьев Степана и Петра Скитских, служащих Полтавской консистории, обвинённых судом в 1897 г. в убийстве секретаря консистории.⁴⁷ «Это был первый труд Дорошевича для “России”, – вспоминал Амфитеатров. – Дорошевич прожил в Полтаве две недели, с утра до вечера производя свое “газетное” дознание – по следам и в поправку дознания следственной части. Он лично допросил чуть ли не сотню свидетелей и частных лиц, он впитал в себя все слухи, мнения, толки, нужные для нравственной оценки героев процесса. Дело Дорошевича о Скитских – плод не только художественной интуиции, большого литературного таланта, но и самой тщательной, кропотливой проверки и переоценки хаоса показаний, слов, фактов, впечатлений. Статья о Скитских – это совершенство газетной работы». Амфитеатров ссылаясь на слова адвоката С.А. Анреевского, так отзывавшегося о работе публициста: «Если бы фельетон Дорошевича попал в сборник адвокатских речей, он превзошёл бы все известные образцовые речи наших адвокатов по делам с косвенными уликами».⁴⁸ Подсудимые были оправданы. «Целую руку, написавшую этот фельетон», – благодарила автора в своём послании провинциальная учительница.

Рассмотрим подробнее, сохраняя манеру подачи текста автором, в качестве примера другой очерк Дорошевича «Детоеубийство», само название которого приковывает к нему внимание читателя. Вот его эмоциональное начало:

«Страшно! За человека страшно! Что делают присяжные заседатели? – снова раздаются вопли и завывания.

Суд присяжных снова под судом и следствием. Преступник-рецидивист, он снова оправдал виновного.

– И кого оправдал!...

Мать-изверг...

*Задушила собственного ребенка...
С любовником жить захотела...
Гулять, веселиться!...
Распутница!...
Ребенку засунула пробку в горло!...
Спокойно гуляла, когда ребёнок у неё на руках задышался...
И оправдали!...
Не страшно? ...”*

После такого зачина, зовущего читателя возмутиться, после которого автор предлагает оставить эти вопли и завывания в покое и посмотреть, «как дело происходило в действительности». Подсудимая Мария Татаринова в 16 лет была выдана в деревне замуж, в 17 лет муж привез её в Петербург. Он оказался лентяем и выпивохой, с работой у него не ладилось, жил и пил за счёт жены, трудившейся на табачной фабрике за 40 коп. в день, в месяц – 10 руб. 2 рубля платили за квартиру. Так длилось два года. Мария билась, как рыба об лёд, – жили впроголодь. Муж решил уйти. Ушёл, прихватив имевшиеся в семье 17 руб., которые, пропив, вернулся домой.

Такое отношение к ней мужа, нужда толкают молодую женщину на сожительство с соседом, по её понятиям богатым. Дорошевич описывает мастерового Гомиловского, который жил с миловидной женщиной 17 лет и считал её за это развратной особой. Естественно, Мария забеременела. Сосед ни в какую не признаёт отцовства, издевается над нею. Мария до последнего ходит на фабрику, работает. Больная, с ребенком на руках она вернулась из больницы к Гомиловскому, который выгнал её. Пожалела хозяйка квартиры, приютила. Мария голодала, питалась объедками, которые из жалости давала ей хозяйка.

Дорошевич показывает, что в этих нечеловеческих условиях молодая мать любила дитя, ухаживала за ним, наряжала, как могла. Через неделю женщина пошла искать работу, но с ребенком её никто не брал. В воспитательном доме отказали взять ребёнка: надо было внести 25 руб. Гомиловский на это денег не дал. Мария заболела, ребёнок умирал около голодной матери.

Сосед продолжал издеваться. Бил её. Оказавшись, в конце концов, на улице, Мария бродила трое суток по городу, не помня как, в безумстве умертвила дитя... Гомиловский встретил её, привёл к себе, переспал с нею, а протрезвев, понял, что дело плохо и вызвал дворника, который привёл полицию, и началось правосудие.

Пересказанный здесь очерк завершается обращением к присяжным, от решения которых зависела дальнейшая судьба Татариновой:

«Вот вам и вся «женищина-изверг», «развратница», «содержанка», вот вам её «веселая жизнь» и... «ненависть к малютке».

Вот истинная обстановка дела, та, которая открылась на суде перед присяжными.

Вы присяжный, – положи руку на сердце, могли бы вы обвинить мать, обезумевшую от ужаса и отчаяния, выкинутую на улицу, обречённую с ребёнком на голодную смерть, – могли бы вы обвинить её, особенно если рядом остаётся совершенно безнаказанный отец, спокойно обрекший их на смерть?».

Присяжные вынесли оправдательный вердикт. Заканчивается очерк словами: «Они обвинили этим не того, кто сидел на скамье подсудимых, но разве они виноваты в том, что на скамью посадили не того, кого следовало?»

Произведению Дорошевича характерны диалогизм, простота изложения, отсутствие сложных юридических терминов, ясный русский язык, лаконизм (всего 9 книжных страниц). Беседа с читателем, автор как бы доказывает ему свою точку зрения. Никаких рассуждений вообще, так называемых, публицистических отступлений – интересно и живо рассказано о сложном судебном деле. Очерк современен по стилю, изложению, хотя написан целый век тому назад.

Такой характер присущ был и другим многочисленным судебным репортажам, очеркам и отчётам из зала суда Дорошевича: – о юноше Н. Грязнове, убившем отца, хозяина большой ружейной мастерской в Туле, издевавшегося над ним, его матерью

и сестрами («Оправданный отцеубийца»); о Татьяне Золотовой, покончившей с собой после насилия над ней со стороны следователя («Две правды. Разговор в вагоне»); о А.Л. Тальма, безвинно обвинённого в убийстве бабушки и её горничной («Тальма на Сахалине», «Дело Тальма» и др.); о крестьянке Анне Коноваловой, подозреваемой в убийстве мужа-пьяницы, который измывался над нею, и др.⁴⁹ Публицист заставил невинно осужденных оправдать. Министр юстиции Н.М. Муравьев, хорошо знавший эту практику Дорошевича, назвал его «незванным защитником», вторым прокурором, четвёртым судьёй, 13 присяжным поверенным.⁵⁰

Творчество Дорошевича в «России», конечно, не сводилось к расследованию судебных процессов. Он писал на социальные, культурные, литературные темы. Сенсационной была публикация в газете в феврале 1901 г. его статьи «Бакинское всесожжение» о трагедии на тамошних нефтепромыслах, где по вине их хозяев погибло несколько сот рабочих. Публицист раскрывает чудовищную эксплуатацию рабочих, показывает жалкую и копеечную цену в Баку человеческой жизни.

Немало фельетонов и статей Дорошевич посвящает вопросам народного образования, в котором господствуют чиновники, насаждающие шаблон и мыслебоязнь. Замечательна и актуальна до сих пор его статья «Русский язык» (1901. 13 июня), где подчёркивается, что «язык народа – это половина “отчизноведения”, это “душа народа”». ⁵¹ Конечно, главной защитой русского языка, его оригинальности была сама практика В.М. Дорошевича.

В редакции «России» усилиями Амфитеатрова и Дорошевича создавалась творческая соревновательная атмосфера. Она способствовала появлению в газете 13 января 1902 г. памфлета Амфитеатрова «Господа Обмановы», ставшего настоящей сенсацией, выстрелом в рутину тех лет. И автор памфлета, и редактор «России» Сазонов на другой день были отправлены в ссылку.

16 января газета закончила свой короткий, но славный путь. История появления этого произведения и его последствий описана самим автором.⁵² Причины публикации его анализируют

вались современниками Амфитеатрова и историками. Александр Валентинович не был ни революционером, ни истым оппозиционером, тем более в то время.⁵³ Для многих это был дерзкий и непонятный поступок. Журналист Александр Чехов заявлял: «Интересно, что в обществе и в редакциях никто не жалеет Old, а и все единодушно именуют его подлецом. Единодушные поразительное».

Произошло стечение многих обстоятельств. Во-первых, без сомнения, Амфитеатров старался реабилитировать себя в глазах общественности, интеллигенции за бывшее своё нововременство. Во-вторых, программа газеты и её название обязывали думать за всю империю. На это её нацеливали и вкладчики капитала. В-третьих, хорошее творческое настроение, творческая конкуренция с коллегами по газете, в первую очередь, с Дорошевичем. В-четвертых, хотя и своеобразный, но всё-таки либерализм, присущий Амфитеатрову. В-пятых, журналистская дерзость: найдя замысел, он не мог от него отказаться, столь он был заманчив и смел. В пику тем в редакции (Сазонову, например), кто пенял его, что он мало работает. Журналистом Чеховым приводится высказывание его жены о том, что муж отправил в типографию фельетон «с загадочной улыбкой и со словами: «Пусть не говорят, что я ничего не делаю!». Увидев на другое утро фельетон в печати, он сказал: «Болваны, они не поняли, что они напечатали!».⁵⁴

«Господа Обмановы» легко прочитываются как господа Романовы, а село Большие Головотяпы, Обмановка тож – родовая вотчина Обмановых вполне воспринимается читателем, воспитанным на образах творений М.Е. Салтыкова-Щедрина, как Россия, где 300 лет царствует одна династия. В центре памфлета отец и сын – Александр III как Алексей Алексеевич Обманов и Николай II как Никандр Алексеевич Обманов. Основное событие – смерть отца-императора и отношение к этому сына. В памфлете вспоминаются все близкие отцу и сыну, при этом совпадают первые буквы их инициалов: Н-иколай I, сын П-авла – Н-иколай П-амфилович, жена Александра III – М-ария Ф-ёдоровна – М-арина Ф-илипповна и т.д.

Интересен образ Николая П. Он ярко характеризуется как Ника-Милуша, воспитанный жестким отцом и временем с духом либерализма.

«Ника-Милуша... был смущён более всех, – иронизирует Амфитеатров. – Это был маленький, миловидный, застенчивый человек, с робкими, красивыми движениями, с глазами то ясно-доверчивыми, то грустно-обиженными, как у серны в зверинце. Перед отцом он благоговел и во всю жизнь свою ни разу не сказал ему: нет».

Оказавшись по воле отца в деревне, Ника не спился, в разврат не впал, так как имел «природную опрятность натуры», да и побаивался «родительского возмездия». Правда, в результате такого воспитания «в голове его образовалась совершенно фантастическая сумятица», с которой он и приступил к правлению Обмановкой. «...бес и ангел боролись за направление чувств и мыслей нового собственника села Большие Головоотяпы». Но у автора не было сомнений, что «ангел Ники» должен ретироваться перед «весёлым бесёнком».

Памфлет имел большой успех даже в придворных кругах.⁵⁵ В результате Амфитеатров отделался незначительным пребыванием вдали от столиц. В конце 1902 г. он уже был переведён в Вологду, вскоре оказался в Петербурге. Больше пострадал вкладчик средств в газету «Россия». Хотя она выходила менее трёх лет, её убытки достигли 400 тыс. руб., а М.О. Альберт потерял на этом предприятии почти 200 тыс. руб.⁵⁶ Несмотря на шумный успех «России», её рекламный отдел не пользовался таким же успехом. Реклама давала менее трети бюджетных поступлений. За короткое время её существования рекламодатели не смогли привыкнуть к ней, да и её оппозиционность отпугивала солидных рекламодателей.

История газеты «Россия» – это разведка боем со стороны наиболее прогрессивной буржуазии выйти на информационный политический рынок. Опыт не совсем удался, но он останется в памяти до того времени, когда революция 1905 – 1907 гг. откроет для капитала шлюзы.

4.6. Деловая пресса

Капитализация журналистики сопровождалась двумя полярными типологическими процессами – массовизацией и специализацией. Для второго из названных процессов не столь существенно число читателей. Аудитория специализированного издания может быть незначительной, состоящей из людей объединённых одной профессией, общим делом, общим интересом и т.п. Для развития журналистики этот процесс имел очень важное значение: он свидетельствовал о том, что журналистика вполне оригинальное явление культуры уже тогда, когда она находилась в лоне литературного процесса.

На рубеже веков как последствие интенсивного развития промышленности, финансовых и денежных потоков, потребностей населения в финансово-экономических знаниях стали расширяться ряды отраслевых, производственных, экономических, финансовых и т.п. изданий – таких, которые в современных условиях называют деловой или бизнес-прессой: «Вестник мукомольной промышленности», «Горнозаводской листок», «Железнодорожное дело», «Золото и платина», «Нефтяное дело», «Лесопромышленник» и др. Вся эта печать была проявлением частной, коммерческой инициативы делового, денежного мира. И её зрелость, её становление определялось отражением в ней самого капиталистического механизма функционирования денег, экономики, предприятий и тех форм, которые способствовали тогда их процветанию. Такой формой стало в сфере промышленности и финансов акционирование.

Потребности анализа состояния дел в финансах, операциях с денежными бумагами, особенностей котировки на фондовой бирже, денежных спекуляций; необходимость финансового прогноза – всё это послужило основанием развитой биржевой печати, тесно связанной с ростом финансовых оборотов в стране и роли в них фондовых бирж.

В 1913 г. в статье «Ещё о финансовой прессе» И. Эн-Янков, один из издателей-редакторов, публицистов биржевой печати, пишет о ней как о новой для страны периодике: «Финансовая печать в России является делом, едва

насчитывающим десятилетие своего существования. Это – ещё период детства». Редакция «Биржевых ведомостей» 13 марта 1913 г. замечала: «...Мы являемся свидетелями зарождения нового вида прессы».

На самом же деле такого типа издания существовали в русской журналистике с периода Великих реформ 1860-х гг. («Акционер», «Биржевые ведомости», «Биржевая газета» и др.). Речь идёт об обособлении в печати нового типа изданий – **биржевых**,⁵⁷ когда, по свидетельству «Банковой энциклопедии» (1916), биржа стала «центром хозяйственной жизни, а не её придатком»: «Рост акционерной формы крупного производства сделал невозможным расширение существующих предприятий и создание новых вне и без биржи. Биржа даёт ныне направление промышленному развитию страны, она определяет его и осуществляет».⁵⁸ Публицист С.П. Мельгунов, имея в виду печать, считал, что «биржа приобрела не только гражданские права в литературе, но стала до некоторой степени её хозяином».⁵⁹

Для прессы важным обстоятельством был рост числа держателей ценных бумаг, операций с этими бумагами, спекуляции на них на биржах,⁶⁰ так как при этом увеличивалось и число заинтересованных лиц в биржевых изданиях. В пик развития биржевой прессы – 1912 – 1914 гг. – в С.-Петербурге выходило более 24 еженедельников. Вот издания, которые удержались на плаву более трёх лет:

Биржевая пресса России⁶¹

Название	Период издания	Тираж
Банковая и торговая газета	1902 – 1917	500
Биржевые известия	1906, V – 1914	8000
Экономист России (с 1912 г. «Новый экономист»)	1909 – 1916	1000
Финансовое обозрение	1910 – 1917	4500
Биржа	1911 – 1914	2000
Биржевой ежемесячник	1911, VI – 1914	2000
Банки и биржа	1912, I – 1915, X	2500
Биржа и русская промышленность (в 1913 г. как «Русская промышленность»)	1913, XI – 1916, I	2000

Тип биржевого издания имел свои особенности. Они во многом определялись характером функционирования биржи. Редакция журнала «Банки и биржа» называла его биржевую часть «пособием всех причастных к бирже». Она выпускала бесплатное приложение – «Ежегодник “Банков и биржи” на (такой-то) год» с целевым подзаголовком – «необходимый справочник для финансистов и биржевых деятелей». Собственно все биржевые издания и были пособием, справочником такого рода. «День любого биржевика начинается с внимательнейшего прочтения специальной биржевой прессы», – признавался на страницах газеты «Деньги» (1914, 17 апр.) один из биржевых дельцов.

До более выраженного промышленного подъёма в журналистике доминировал тип еженедельника. Число газет, заявленных как ежедневные, возросло на короткое время в 1912 – 1913 гг. Так, в Петербурге вышли в 1912 г. – «Банковая и торговая жизнь» и «Биржевая газета», в 1913 г. – «Биржевая и финансовая газета», «Биржевой день», «Газета биржевика», «Маленький финансист», «С.-Петербургский биржевой день». Большинство из них издавались менее года. Операции на фондовой бирже начинались в 11 часов и, чтобы информация поспевала на стол потребителя к этому времени, все газеты были утренними. Однако можно констатировать, что такой тип газеты для обслуживания биржевого механизма оказался излишней роскошью, и он быстро канул в небытие.

Аудитория биржевой прессы также была специфической, и это сказывалось на её типах изданий, их содержании. На фондовую биржу допускались только члены биржевых собраний, крупные держатели ценных бумаг, но существовало огромное число мелких держателей этих бумаг. Они тоже хотели знать их котировку на бирже. Их обслуживали биржевые маклеры, меняльные лавки, разные банковские конторы, занимавшиеся скупкой и продажей ценных бумаг. Всё это образовывало заинтересованный в биржевой информации круг, называвшийся «кулисами». Наиболее понимавшие значимость этих сведений, механизм биржевой деятельности, наиболее

активные финансовые спекулянты часто становились и издателями биржевой печати.

Журналисты, сотрудники биржевой прессы тоже входили в эти кулисы, так как и они не допускались в святая святых – на фондовую биржу, добывая информацию из вторых рук: еженедельного пресс-бюллетеня биржи, дававшего скудные сведения об основных сделках с фондами; от биржевиков и в банках. Это во многом определяло характер и диапазон информации биржевого типа издания. Если банковские служащие, особенно солидных учреждений, ещё соблюдали, по словам редактора и журналиста И. Кугеля, «какие-то приличия», то «биржевики в своей разнузданной лжи не рисковали ничем».⁶² Вот почему составной частью информации изданий такого типа были и слухи, и предположения, и намеренное искажение фактов, и прогнозы, не всегда обоснованные.

Как правило, содержание биржевых изданий было тенденциозным. Оно работало на определённую группу бизнеса, определённого дельца, держателей ценных бумаг. При этом биржевые издания лоббировали определённые банки, примитивно разделяя их на «хорошие» и «плохие», с которыми потребителю лучше не иметь дела.

Обычно такое деление не было чем-то принципиальным. Плативший или дававший взятку больше сразу же переходил в разряд «хороших». Причём рука дающая ничем не рисковала, то есть всё происходило опосредованно – через рекламу. Крупные акционерные предприятия подкупали издания через дорогостоящую рекламную публикацию.

Типичным представителем биржевой прессы был еженедельный, иллюстрированный, «биржевой, финансово-экономический и торгово-промышленный», тонкий журнал **«Банки и биржа»** (1912 – 1915). Он имел объём – 16 страниц большого журнального формата плюс до 10 страниц рекламы, в отдельных номерах и больше. На тонкой обложке журнала с № 32 1913 г. было изображено здание Петроградской биржи. Имел бесплатное приложение – «Ежегодник “Банков и биржи” на (такой-то) год» как «необходимый справочник для

финансистов и биржевых деятелей». Для желавших подписаться на журнал бесплатно высылался его пробный номер. Тираж – не указывался. Он составлял максимально – 2500 экз.

Издателем журнала выступало Товарищество «Деньги» в лице учредителей А.Ф. Филиппова и И.М. Эн-Янкова. Однако в товариществе не было согласия, и оно развалилось. Издателем-редактором с № 13 1913 г. стал И.М. Эн-Янков, отдавший редакторский пост – Г.Л. Темченко; позднее издателем был Н.Г. Соколов, редактором – Н.И. Соколов, в 1915 г. с № 13 издателем-редактором был И.Ф. Ёлкин, с 28 № издателем стал М.А. Эн-Янков, редактором – И.Ф. Ёлкин.

Большинство публикаций журнала было анонимным. Обычно указывалась фамилия журналиста ведущего «Фельетон» (Д. Лыпаков, А. Борисов, А. Чернов и др.) С середины 1915 г. число авторских публикаций на страницах издания увеличилось: Г. Всеволожский, К. Марин, А. Немоевский, Д. Мамонтов, К. Мальчевский, Л. Фрей, И. Эн-Янков и др.

Редакция осознанно работала над ещё не устоявшимся в России типом журнала, ориентируясь на опыт парижских финансовых изданий, таких, как еженедельники «L'argent», «Journal de la Bourse». В трёхлетнюю годовщину со дня выхода «Банков и биржи» редакция справедливо замечала, что её журнал был «почти пионером в насаждении в России» изданий такого типа. Она обещала выпускать «объективный беспристрастный орган, обслуживающий как интересы русских предпринимателей, так равно и старых подписчиков и читателей» (1915. № 28).

Как признаёт в статье «Еще о финансовой прессе» И. Эн-Янков, один из её издателей, новой для страны периодике приходится сталкиваться со многими трудностями. На неё нападают, заявляя, что она суётся не в свои дела, что проблемы финансов и бирж составляют корпоративный интерес тех, кто занимается банками и биржами. Эн-Янков подчёркивает, что в настоящее время эти проблемы имеют громадное общественное и государственное значение. По его мнению, наступил «созидательный период эволюции русской финансовой печати». В связи с этим наиболее важными для её развития являются проблемы

взаимоотношений журналистики и капитала, возможной её от него зависимости, что связано с вопросом о рекламе:

«Во всём культурном мире печать находится в таком положении, что доход с объявлений превышает валовую прибыль. Следовательно – вычеркните из бюджета любого издания доход с объявлений и оно сделается банкротом... В странах с широко развитой общественностью, предприятия, дающие объявления, вовсе не ставят условием, чтобы их в этой печати славословили, чтобы им лично услуживали. Печать поддерживают во имя её общественного значения, а не вовсе ради той пользы, какую она приносит частным интересам лиц и предприятий».

Программа журнала, по словам редакции, включала «наблюдение за всеми явлениями на международном финансовом рынке с целью выяснения доходности и прибыльности денежных ценностей, давая относительно последних руководящие справки и сведения»; публикацию информации о событиях на международных биржах, а также о всех выдающихся явлениях финансового мира («краткие, но содержательные статьи и заметки»); критический и объективный разбор отчётов всех предприятий, акции которых котируются на бирже; сообщения в отделе «Ответы нашим подписчикам» «подробных данных по вопросам подписчиков о нашей биржевой конъюнктуре и отдельных биржевых операций, основываясь всегда на точных и исчерпывающих справках».

Статьи журнала носили статистико-информационный или аналитический характер, содержали множество цифр, таблиц, сравнительных данных. Изредка в журнале печатались портреты государственных деятелей, обычно к назначению на пост или отставке. Так, в № 2 был опубликован портрет Я.И. Утина – «К избранию его товарищем председателя и членом Совета С.-Петербургской фондовой биржи».

Отделы и рубрики журнала соответствовали его заявленной программе: «Распоряжения правительства», «Валюта, война и производительные силы», «Биржевые вести», «Золото и бумажное производство», «Война, банки и промышленность», «Дивидендные ценности на Петроградской бирже», «Деятель-

ность коммерческих банков», «Биржа за неделю», «Акционерная жизнь», «Нефть», «Металлургия», «Пароходства», «Железные дороги», «Золото», «Общие собрания акционеров и пайщиков», «Состояние отчётов», «Хроника», «Разные известия», «Выдача дивиденда», «Справочный отдел» и др. Редакция серьёзно занималась рекламой, её контролировал И.М. Эн-Янков. Журнал рекламировал банки, акционерные общества, гостиницы, железные дороги, репертуар театров и др.

Номер обычно открывался с обзора «Петроград, такого-то числа (день выхода издания)», где анализировалась текущая биржевая, банковская ситуация: «Интересы истекшей недели продолжали сосредоточиваться вокруг вопроса об иностранной валюте, главным образом, под влиянием спроса на франки и стерлинги. Курс последних опять повысился...» («Петроград, 6 января»).

Внутренняя информация журнала была всесторонней, подробной и содержательной: от публикации общего свода государственной росписи доходов и расходов на год, проектов правительства, например, о денежной системе, речей государственных деятелей («Гимн золотому тельцу» – речь графа С.Ю. Витте на заседании комитета Совета съездов представителей промышленности и торговли) до сообщений о конкретной деятельности банков, биржевых сделках, о том, что происходило на общем собрании того или иного акционерного общества, о размерах дивидендов и выдаче их, открытии акционерных кампаний и др. В период Первой мировой войны вся эта информация подавалась «под флером войны» (так называлась одна из статей А. Борисова).

В первом номере журнала в 1915 г. был напечатан список 62 миллионеров России, владевших собственностью на общую сумму 230 миллионов рублей; наибольшая сумма – 15 млн. приходилась на А.И. Вышнеградского, по 10 млн. имели А.И. Путилов (им список начинался), Б.А. Каменка, Э.К. Грубе, С.Г. Лианозов.

В международной информации следует отметить показ журналом стремления США выйти на российский рынок. На открытии номера от 13 сентября 1915 г. была помещена статья

В. Гроссмана, который замечал: «Америка ищет рынков, и прежде всего её поиски направлены на Россию».

Журнал «Банки и биржи» был не только одним из первопроходцев нового для России начала XX века типа биржевого, финансово-экономического издания, но и сыграл важную роль в его становлении в системе отечественной журналистики.

Примечания

1. Срединский С. Газетно-издательское дело: Основные вопросы газетного хозяйства. М., 1924. С. 67.
2. Орлов Б.П. Полиграфическая промышленность Москвы. М., 1953; Рууд Чарльз. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1996. С. 293.
3. См.: Очерк издательской деятельности Т-ва И.Д. Сытина. М., 1910; более полно дано у Ч. Рууда: Рууд, Чарльз. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1996. Приложение 2. С. 260 – 261.
4. Срединский С. Газетно-издательское дело: Основные вопросы газетного хозяйства. М., 1924. С. 67.
5. Фединский Ю.И. Материальные условия издания русской буржуазной газеты // Вестник Московского ун-та. Журналистика. 1980. № 2. С. 32.
6. Сытин Д.И. Жизнь для книги. М., 1985. С. 71; Павлов И.Н. Жизнь русского гравёра. М., 1963. С. 218.
7. Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1960. С. 128.
8. Фединский Ю.И. Указ. соч. С. 28.
9. Там же. С. 29, 31.
10. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. СПб., 1912. С. 111.
11. Динерштейн Е.А. Акционерные компании в издательском деле в пореформенной России. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1990. С. 9.
12. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 61.
13. Ясинский И.Н. Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 280.
14. Былое. 1923. Кн. 20 – 21; Голомб Э.Г., Фингерит Е.М. Распространение печати в дореволюционной России и Советском Союзе. М., 1967. С. 32.
15. Аспидов А. При зареве нечаянного пожара // С.-Петербургские ведомости. 2002. 10 авг.
16. К портретам. Л.М. Метцель // Родная речь (М.). 1903. № 37, 28 сент. С. 14 – 15.
17. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914. М., 1984. С. 86.
18. Боханов А.Н. Указ. соч. С. 34.

19. Процесс капитализации журналистики в этом смысле подробно анализируется А.Н. Бохановым. Указ. соч. С. 89 – 103.
20. Там же. С. 92.
21. Там же. С. 50.
22. Суворин А.А. Как «Новое время» было продано. Пг., 1916; Срединский С. Указ. соч. С. 87 – 88; Боханов А.Н. Указ. соч. С. 50.
23. Этот сюжет подробно изложен А.Н. Бохановым: Указ. соч. С. 52 – 53.
24. См.: Пругавин А.С. Книгоноши и офени (Встречи, наблюдения и исследования) // Северный вестник. 1893. № 1, 4.
25. См.: Голомб Э.Г., Фингерит Е.М. Распространение печати в дореволюционной России и в Советском Союзе. М., 1967; Сониная Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб., 2005 (гл. III).
26. Динерштейн Е.А. «Контрагентство А.С. Суворина» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып. 7. Сб. научн. трудов РНБ. СПб., 1994. С. 58.
27. Боханов А.Н. Указ. соч. С. 49.
28. Там же. С. 47.
29. См. подробнее: Динерштейн Е.А. «Контрагентство А.С. Суворина» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып. 7. Сб. научн. трудов РНБ. СПб., 1994. С. 50 – 64.
30. Труды Первого всероссийского съезда издателей и книгопродавцев, 30 июня – 5 июля 1909 года. СПб., 1909. С. 87 – 92.
31. См. подробнее: Жирков Г.В. История информационного рынка: период становления // Его же. Журналистика: Исторические этюды и портреты. СПб., 2007. С. 298 – 351.
32. См: Жирков Г.В. Журналистика и капитал: эволюция взаимодействия // Журналистика – Предпринимательство – Просвещение. Сб. статей / Под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2001. С. 6 – 32.
33. Русская мысль. 1906. Кн. X. С. 5.
34. Меженко Ю.А. Русская техническая периодика. М., Л., 1955. С. 241. Название в традициях того времени состояло из 7 строк: «Экономический и Технологический магазин для художников, заводчиков, фабрикантов, мануфактуристов и ремесленников; также для городских и сельских хозяев, любителей садов, цветоводства и проч...». И т.д. См.: Сочинения и переводы Василия Левшина (Библиография) // Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933. С. 259.
35. Горный журнал. 1825. № 1. С. XVII – XVIII. О нём см.: Акопов А.И. 1) Отечественные специальные журналы 1765 – 1917. Ростов-на-Дону, 1986. С. 25 – 27; 2) Старейшина отраслевой периодики // Журналист. 1975. № 9. С. 43.

36. Цит. по: Лаверычев В.Я. Русские капиталисты и периодическая печать второй половины XIX в. // История СССР. 1972. № 1. С. 27.
37. Там же. С. 47.
38. См. подробнее об этой стороне дела: Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914. М., 1984. С. 71 – 74.
39. Амфитеатров А.В. «Господа Обмановы»: история романа и ссылки // Красное знамя (Париж). 1906. № 1. С. 89.
40. О нём см.: Спиридонова Л.А. Амфитеатров // Русские писатели 1800 – 1917. Биограф. словарь. Т. 1. М., 1992. С. 60 – 61; Красовский В.Е. Александр Амфитеатров – журналист и писатель // Амфитеатров А.В. Закат старого века: романы, фельетоны, путевые заметки. Кишинев, 1989. С. 632 – 650; Грякалова Н.Ю. «Неуёмный русский талант...» // Амфитеатров А.В. Мёртвые боги: Рассказы. Роман. М., 1991. С. 5 – 18; Прокопов Т. Какая самопожертвенная жизнь! А. Амфитеатров и его романы о любви. Предисловие // Амфитеатров А.В. Собр. соч. Т. 1. М., 2000.
41. Цит. по: Прокопов Т. Какая самопожертвенная жизнь! А. Амфитеатров и его романы о любви. Предисловие // Амфитеатров А.В. Собр. соч. Т. 1. М., 2000. С. 7.
42. Там же. С. 5.
43. Минаев Д.Д. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 298. В учебном пособии известного историка журналистики С.Я. Махониной «История русской журналистики начала XX века» (М., 2002. С. 91) известная эпиграмма неожиданно приписана Дорошевичу. Ошибка повторена в её же учебно-методическом комплексе (3-е изд. М., 2008. С. 91).
44. См. о Буренине: Степанов В.П. Буренин Виктор Петрович // Русские писатели 1800 – 1917. Биограф. словарь. Т. 1. М., 1992. С. 365 – 367; о мнении Л.Н. Толстого: Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В двух томах. Т. II. М., 1978. С. 57.
45. Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С. 237.
46. Амфитеатров А.В. Закат старого века: романы, фельетоны, путевые заметки. Кишинев, 1989. С. 584 – 587.
47. Дорошевич В. Дело Скитских // Россия. 1899. 29, 31 мая, 12, 17, 19 июня, 29 сент., 20 дек.
48. С.-Петербургские ведомости. 1904. № 12; Букчин С.В. Комментарии // Дорошевич В.М. Воспоминания. М., 2008. С. 706 – 707.
49. Россия. 1899. 31 дек., 1900. 27, 28 30 апр. 25 – 29 окт. 1 дек.; 15 февр.
50. Дорошевич В.М. Министр // Русское слово. 1908. 7 дек.; Дорошевич В.М. Воспоминания. М., 2008. С. 310.
51. Дорошевич В.М. Воспоминания. М., 2008. С. 54, 57, 59.

52. Амфитеатров А.В. «Господа Обмановы»: история романа и ссылки // Красное знамя (Париж). 1906. № 1. С. 74 – 103; № 5. С. 3 –24; Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2-х томах. Т. 2. М., 2004. С. 90 – 139.
53. Памфлет – единственное произведение, воспроизводившееся в советское время, при том, что об авторе умалчивали и заранее похоронили. См.: Русский фельетон. М., 1953. С. 311 – 316. Указаны неверные даты жизни Амфитеатрова (1862 – 1923 гг.). Памфлет цитируется по этому изданию.
54. Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939. С. 401.
55. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.; Л., 1924. С. 278.
56. Боханов А.Н. Указ. соч. С. 73 – 74.
57. О биржевой печати см.: Боханов А.Н. 1) Указ. соч. 2) Биржевая пресса России // История СССР. 1980. № 2. С. 134 – 145.
58. Банковая энциклопедия. Т. 2. Киев, 1916. Стб. 234.
59. Мельгунов С.П. О современных литературных нравах. М., 1916. С. 6.
60. См.: Васильев А.А. Биржевая спекуляция. СПб., 1912.
61. Боханов А.Н. Указ. соч. С. 104 – 105.
62. Кугель И. Из воспоминаний // Литературный современник. 1940. № 12.

ГЛАВА V. ПРОЦЕСС ПОЛИТИЗАЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

5.1. Создание в России партийной печати

Происходившие изменения в жизни народов мира, процессы урбанизации, миграции и массовизации потребовали поиска в управлении человеческим сообществом, что привело к смене – осознанно или неосознанно – форм управления государствами; теоретизации в этой области и попыткам на этих умственных построениях решать проблемы совместной жизни людей. В России на этой почве интенсивно шёл процесс политизации всех сфер жизни, развитие партийного движения. Всё это дало толчок к осознанию, использованию и эксплуатации управленческих потенциалов журналистики.

Эти новации в жизни государства способствовали обособлению журналистики от литературного процесса. Ещё в 1903 г. в «заметках» Григория Градовского, посвящённых юбилею русской печати, могла прозвучать мысль: «Брошенное Петром I семя дало теперь через 200 лет, роскошные плоды... Плоды эти – русская литература и её выразительница – русская печать. Нельзя и не следует разрывать их на части».¹ В этих словах предощущение того, что час-таки пробил: Серебряный век русской культуры положил начало прощания журналистики с литературным процессом, а её капитализация, технизация и политизация выделили журналистику из литературного процесса и сделали её самостоятельным явлением культуры. Причём политизация журналистики проходила в XX столетии столь интенсивно, что многие теоретики стали относить журналистику к сугубо политическим явлениям, что отразилось в терминах СМПП и более мягком – СМИ.

Процесс политизации печати в начале XX в. проявился, в-первых, в активизации становления русской *политической мысли*. Происходит её бурное развитие и расцвет. Она выходит на общемировой уровень. Её представляли анархизм в лице

М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, христианский анархизм – Л.Н. Толстого, социал-демократизм – Г.В. Плеханова, В.И. Ленина и др.²

Во-вторых, в начале века наблюдается важный сдвиг в **общественном сознании в представлении о том, что такое партия**. Ранее партия воспринималась как направление политической мысли с определённым числом сторонников, разделявших одни и те же взгляды (славянофилы, западники, либералы). Так, великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин называл себя «человеком партии».³

В новых условиях в России было воспринято общечивилизационное понимание слова-термина «партия» как политической организации, составлявшей часть управленческой структуры общества, со своей структурой, уставом, членством и т.д.

В-третьих, так или иначе, в России стартовало **партийное движение**, хотя самодержавный режим даже к тому времени не воспринял европейский опыт организации социально-политической жизни общества с помощью партий, что послужило стихийной организации политических партий в стране, обострению в ней политической атмосферы, развитию конфликтности, противостоянию социальных слоёв общества и в конечном итоге – одной из причин русских революций.

В это время в стране было создано более 150 партий – общероссийских, региональных и национальных, делившихся на консервативные, либеральные, социалистические и демократические. Их «творцом и главным действующим лицом являлась интеллигенция».⁴ Из общего правила выделялась рабочая социал-демократическая партия, которая не только позиционировала себя организацией пролетариата, но и имела в своих рядах определённый процент его представителей. Это означало наличие связей с рабочими.

Особенностями русского партийного движения были его **малочисленность и незрелость**. Даже в революционных 1905 – 1907 гг. совокупная численность членов всех партий составляла около 0,5 % населения страны.⁵ Партийное движение ещё

находилось в состоянии брожения, определения программных взглядов, социальной базы и т.д. Это сказывалось и на характере партийной печати, много внимания отводившей внутрипартийной полемике и выяснению: кто прав и кто виноват, что ограничивало аудиторию партийной прессы, сказывалось на её тиражах.

В-четвертых, новым значением стало наполняться **представление о партийности**. В обществе получила резонанс статья В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», напечатанная в газете «Новая жизнь» (С.-Петербург) 13 ноября 1905 г. В частности, в журнале «Весы» выступил В. Брюсов со статьёй «Свобода слова», увидев в партийности ограничение творческих возможностей художника.

Ленин предложил понятие партийности как разновидность внутрипартийной цензуры: табу налагалось на сотрудничество во вне партийной печати, являлось сначала поводом к осуждению провинившегося партийца, потом – репрессий против него: исключение из организации. Такое понимание партийности проистекало, прежде всего, из условий партийного подполья. В советский период понятие партийности получит самое широкое толкование⁶ и отклонение от «генеральной линии» партии, то есть нарушение принципа партийности (журналистики, литературы, философии, науки...), чаще всего служило причиной ссылки в места отдалённые, Гулаг.

В-пятых, существенным представляется то обстоятельство, что в ходе строительства партий росло представление о **важной роли печати** в их организации и функционировании, сплочении вокруг них сторонников, в борьбе за власть и влияние в обществе. Интересные размышления содержала статья П.Н. Милюкова из сборника «В защиту слова», вышедшего к 1905 г. тремя изданиями: «Пресса есть тончайшая, наиболее совершенная из существующих форм общественно-психологического взаимодействия». Её нарушение ведет «к омертвлению общественной традиции и социальным потрясениям».⁷

В статье «Наша литература и пресса после революции», опубликованной в журнале «Образование» в начале 1908 г.

Л. Герасимов (Сиротский Ф.Г.) писал: «Впервые в России появляется серьёзная политическая, повседневная пресса, реагирующая на все стороны русской жизни...». Эта пресса «оказывает могучее влияние на все стороны нашей пришибленной жизни».⁸

С другой стороны подходил к печати один из лидеров социал-демократов В.И. Ленин. В самом начале века в статье «С чего начать?» он приходит к выводу: «Без политического органа немыслимо в современной Европе движения, *заслуживающие* название политического... *Нет иного средства воспитать* сильные политические организации как посредством общерусской газеты».⁹

В статье он сформулирует положение, которое станет в советской теории журналистики краеугольным, определяющим её основные функции: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».¹⁰ Идеи статьи Ленин повторит и процитирует в известной книге «Что делать?» (1902). Позднее, уже на основании опыта, он, имея в виду значение прессы, выразится в полемике ещё более афористично: «...Печать есть центр и основа политической организации».¹¹

В-шестых, значительным новым явлением печати начала XX столетия было создание целой *системы партийной периодики. При этом были выработаны типы русской партийной газеты: легальной, нелегальной, эмигрантской.* Конечно, организаторы новых типов изданий опирались и на международный, и на отечественный опыт.

5.2. Журналистика политической эмиграции

Импульс развитию партийного движения в России дала политическая эмиграция, образованию которой способствовала внутренняя политика самодержавия по вытеснению из страны оппозиционеров разных взглядов. В итоге наиболее деятельные интеллектуальные политические силы имели возможность, хотя и под неослабным наблюдением царской полиции, не только получать за рубежом новые знания, но и обогащаться опытом политической жизни разных стран мира.

Интересное свидетельство о состоянии русской эмиграции начала XX в. оставил Л. Клейнборт, считавший, что «"заграница" с давних пор, начиная с Герцена, играла важную роль в идейном движении России». ¹² Это действительно так. Правда, и ранее Герцена она имела для жизни даже Руси немалое значение. ¹³ Политический, философский талант в России должен был или встать как многие на службу государства, или уйти в себя, во внутреннюю эмиграцию, как П.Я. Чаадаев, или выехать за границу, чтобы перейти к нелегальному общению с аудиторией в России и чтобы свободно выразить себя в творчестве, как А.И. Герцен.

В статье «Политическая эмиграция прежде и теперь» Л. Клейнборт подводит итоги миграции населения страны к 1909 г. Эмиграция тех лет поражала, по его мнению, «колоссальностью размеров и разнообразием»: Париж, Лондон, Женева, Вена «насчитывали десятки тысяч русских», в Антверпене и Цюрихе – по 3 тысячи, Льеже – 1 – 1,5 тысячи, в Брюсселе – 500 – 600 человек и т.д. Значительную часть эмиграции составляла учащаяся молодежь: в швейцарских университетах было 2,5 тысячи слушателей из России, в высшей школе Германии – 4, Франции – 4,5. Нередко аудитория таких университетов составляла половину русских. Большинство эмигрантов было «неустоявшимися молодыми людьми» разных сословий (дворяне, крестьяне, мещане, немало рабочих).

Протекавший на рубеже веков процесс политизации социальной жизни общества вёл к обострению борьбы самодержавия с инакомыслием. Вот почему эмиграцию конца XIX – начала XX в. можно назвать с качественной стороны политической. Самодержавие сознательно вставало на путь вытеснения оппозиции за границу, особенно интеллигенции и представителей правящего сословия, редко прибегая к крайним репрессиям. Соткав стеклянный колпак из паутины спецслужб и следя за тем, что делается под этим колпаком, государство вырабатывало меры противодействия оппозиции, хотя не всегда достаточно эффективные, несмотря на блестящую работу своих соглядатаев, знавших буквально всё обо всех видных деятелях русского зару-

бежъя. В конечном итоге самодержавие просчиталось, так как вследствие целого ряда обстоятельств итогом был неожиданный для власти результат – революция, в которой ссыльные за границу политики сказали своё слово.

Российские оппозиционеры, оказавшиеся в начале XX в. за рубежом, получили возможность вариться в общеевропейском котле политики: они не только занимались издательской деятельностью, но и активно сотрудничали с многими иностранными журналами и газетами, обучались в университетах. Происходило взаимообогащение политической мысли, политической культуры, обмен опытом работы в массах и др. В.М. Чернов вспоминает, что целью его отъезда было связаться с ветеранами революционного движения и «погрузиться целиком в происходящую там борьбу идей и теорий, впитать в себя и переработать все последние слова мировой социалистической – да и общечеловеческой мысли»¹⁴. Наиболее активные революционеры успевали побывать и в эмиграции, и в российском подполье, особенно тогда, когда на родине начинались волнения масс. Характерна в этом плане фигура Л.Д. Троцкого, который, находясь в эмиграции, вовремя оказался в Петербурге и в 1905, и в 1917 г.

Все политические течения издавали в эмиграции в той или иной форме печать, имевшую два этапа развития.

Первый этап – до революции 1905 г. – был периодом собирания с помощью печати сил, выяснения политической платформы течения, попыток организовать и создать партию. Таковы газеты – эсеровская «Революционная Россия» (1901 – 1905, № 1 – 2, Россия; Париж), социал-демократическая «Искра» (1900 – 1905, Мюнхен, Лондон, Женева, Вена), анархическая – «Хлеб и воля» (1903 – 1905, Женева) и журналы: демократический – «Освобождение» (1902 – 1905, Штутгарт, Париж), социал-демократический – «Заря» (1901 – 1902, Штутгарт), социалистический – «Жизнь» (1902, Париж, Лондон).

Второй этап – постреволюционный, когда анализировался опыт 1905 – 1907 гг., вырабатывались и уточнялись программы и методы агитационно-пропагандистской работы, шли поиски связей с массами, взаимодействия с другими политическими тече-

ниями и др. К 1909 г., по наблюдениям Л. Клейнборта, «партийные центры почти целиком перекочевывают из России» за границу. «Около них сконцентрировались все общественные начинания».¹⁵ Печать этого времени представляли газеты: эсеровские – «Знамя труда» (1907 – 1914, Петербург – № 1 – 11, Париж), «Земля и воля» (для крестьян, 1907 – 1908, Петербург; 1908 – 1912, Париж), социал-демократические – «Пролетарий» (1906 – 1909, Россия, Женева), «Рабочая газета» (1910 – 1912, Париж), «Правда» (1908 – 1912, Вена) «Новый мир» («Novy Mir», 1911 – 1917, Нью-Йорк) и др. Выходил в разных странах целый ряд журналов и сборников.

Журналистика русского зарубежья могла свободно вырабатывать программы свержения самодержавия. Издаваясь в другой стране, она не подвергалась российской цензуре. Но это вовсе не означает, что она была неподцензурна. Власти страны проживания контролировали в той или иной степени её функционирование, нередко использовали её в своих целях, а порой обращались и к репрессиям в отношении русских изданий. Всё это наиболее ярко проявилось в период Первой мировой войны. Так, Л.Д. Троцкий рассказывает, в каких условиях выходила газета «Наше слово» (Париж, 1915 – 1916): «... под ударами дефицита и цензуры, исчезая и немедленно появляясь под новым именем, газета просуществовала в течение 2-х лет... Цензор вычеркивал. Вместо газеты выходил нередко лист белой бумаги. Мы никогда не были повинны в нарушении воли г. Шаля (Шаль – французский цензор. – *Ред.*). Ещё менее склонен был г. Шаль нарушать волю пославших его». Газета под давлением царской дипломатии была закрыта, Троцкий выслан из Франции.¹⁶

Вся эта политическая, партийная зарубежная периодика выходила с большими трудностями: испытывала обычно дефицит в финансах, поэтому издавалась чаще всего нерегулярно; сталкивалась со сложностями в доставке продукции аудитории – в Россию; несла огромные потери по пути к ней, поскольку полиция не дремала, и т.д.

Но, так или иначе, журналистика эмиграции из России стала лабораторией русской, оппозиционной, политической мысли.

Она активно взаимодействовала с политическими силами других стран, обогащалась новыми идеями. Можно сказать, что европейская цивилизация этого исторического периода выпестовала будущую Великую русскую революцию.

Среди коммуникативных центров эмиграции постоянно действующим и имевшим хорошие связи с Россией, поэтому чаще других доставлявшим свою продукцию до читателя, активно распространявшим её, было издательское предприятие «Свободное слово».

5.3. «Свободное слово»: 1897 – 1908 гг.

Это предприятие было организовано в 1897 г. Владимиром Григорьевичем Чертковым (1854 – 1936)¹⁷ вместе со своей помощницей-женой Анной Константиновной (рожд. Дитерихс) при непосредственном и активном участии Л.Н. Толстого и П.И. Бирюкова. В 1898 г. оно было названо «Свободным словом». У этого предприятия была своя предыстория.¹⁸

Зарубежный издательский центр был задуман Л.Н. Толстым в конце 1880-х годов. «В России никто не печатает, – констатировал он, – и я поставил *conditio sine qua non* печатать всё или ничего» (88, XIX. Жесткий цензурный режим, созданный властными структурами России для творчества великого русского писателя, стал побудительным мотивом к организации такого центра. Он возник и как результат потребности мирового информационного рынка в его сочинениях, востребованности идей и взглядов Толстого в разных странах.

Ещё 29 марта 1888 г. в письме из Ясной Поляны к В.Г. Черткову Лев Николаевич замечает о том, что у него побывали француз Эмиль Паже, который перевёл на французский язык «Так что же нам делать?», и чех Т.Г. Массарик (в 1919 – 1935 гг. президент Чехословакии): «Оба профессора философии. Но оба сердечные люди». После или в ходе беседы с ними Толстому «пришло в голову издавать **Посредник международный** в Лейпциге без цензуры на 3-х или

4-х языках». При этом Лев Николаевич предлагает программу его издательской деятельности (86, 144).

Основная задача такого предприятия – «сделать невозможным замалчивание» неугодных властям взглядов, идей движения «непротивление злу злом» – была сформулирована Толстым в письме от 6 ноября 1889 г. к Бирюкову, где он восклицает: **«Помогай Бог. Международный Посредник»**, а затем – неожиданно предрекает: «Вот Черткова прогонят за границу и будет Международный Посредник» (86, 146). Возникшая идея постоянно фигурирует в его переписке. Реализации планов Толстого действительно способствовала высылка В.Г. Черткова из России 13 февраля 1897 г. за «незаконное вмешательство в дела о сектантах». Чертков выехал в Англию. В 150 км от её столицы в городке Крайстчерч (Christchurch) он оборудовал на предоставленные ему матерью средства русскую типографию, ставшую основной базой его предприятия.

Вся деятельность Черткова покоилась на обещании Толстого: «Все, что напишу, непременно пришлю прежде всего вам». В апреле 1899 г. в ряде иностранных газет было обнародовано заявление Л.Н. Толстого о том, что *Чертков является его полномочным представителем за границей по всем издательским делам*, включая и работу с переводчиками (88, 165). Это заявление Льва Николаевича давало правовую основу деятельности «Свободного слова» и концентрировало её под непосредственным руководством Черткова.

Этот зарубежный печатный центр включал в себя следующие отделения:

1. Как основное звено – Свободное слово. Издательство В. и А. Чертковых, где выпускались периодические сборник «Свободное слово» (1898 – 1899, № 1 – 264 стр.; № 2 – 252 стр., тираж – 1500 экз., ред. В.Г. Чертков и П.И. Бирюков), «Листки “Свободного слова”» (1898 – 1902, №№ 1 – 25, от 5 до 68 стр., тираж – 1000 – 1500 экз., ред. В.Г. Чертков).

2. Швейцарское отделение – ежемесячное обозрение «Свободная мысль» (1899 – 1901, Женева, 1899 – №№ 1 – 5; 1900 – 1901 – №№ 1 – 16; тираж – 1000 экз., ред. П.И. Бирюков).
3. Английское отделение «Free Age Press» – издательство на англ. яз.; Лондон, 1900 – 1902, ред. А.К. Файфилд.

На практике не было чётко организованной структуры этого зарубежного печатного центра. Тем не менее, это было единое предприятие, действовавшее по общей программе, которая была сосредоточена вокруг следующих проблем:

1. Вопросы социально-политической, общественной и культурной жизни России, раскрытые, как правило, критически.
2. Мир Толстого – информация о его деятельности и жизни вообще; его взглядах, полемики вокруг них, а главное – публикация всего того, что им было написано: запрещённых в России сочинений; произведений, исправленных от цензурных искажений; имеющих общественное значение фрагментов из его переписки, дневника, его высказывания.
3. Теоретические статьи по вопросам христианского анархизма. Так, в журнале «Свободное слово» печатались статьи «Что такое анархизм» (№ 8 – 13), «Бескровное разрушение» (№ 8), «О власти» (№ 11 – 13); вышел ряд брошюр и книжек – В.Г. Чертков «О революции» (1904) – цикл статей, сначала публиковавшихся в журнале; «Против власти» (1905, под ред. В.Г. Чертовой, перевод с польского яз.), Ан – ский «Что такое анархизм» с комментирующей статьей Чертова и др.
4. Проблема свободы вероисповедания, как тогда порой конкретизировали – сектантство и его проявления: отказ от присяги, воинской повинности, а также показ репрессий со стороны власти государства и руководства Русской Православной Церкви против иноверующих, оппозиционного конфессионального движения. Следует отметить увлечение Чертковым вопросами сектантства, занимавшими большое место на страницах периодики «Свободного слова». Чертковым был собран огромный архив о сектантстве. Он планировал издать 35 выпусков «Материалов» о нем – вышло 8.

Программа принципиально выдерживалась до конца существования «Свободного слова». *Центральное место во всей зарубежной деятельности Черткова и его соратников занимало издание произведений Толстого и их распространение в России.* Важно то, что она сопровождалась восстановлением авторского текста, повреждённого цензурой, и переводом многих сочинений Толстого на иностранные языки. В «Свободном слове» выйдут все основные произведения писателя начала XX в. Особенно ценным достоянием русской культуры станет выпущенное здесь «Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого, запрещённых в России».

Страницы «Листков „Свободного слова”», «Свободной мысли», «Свободного слова» предоставляли читателям не только запрещавшиеся в России части художественных произведений писателя, но и запрещавшиеся и специально написанные для этих изданий его публицистические работы. Некоторые из произведений Толстого помещались в каком-то одном из периодических изданий «Свободного слова», другие перепечатывались из «Листков „Свободного слова”» в журналах, третьи составляли целый номер «Листков»: «Стыдно» – № 4, «Письмо к фельдфебелю» – № 5, «Патриотизм и правительство» – № 16, «Не убий» – № 17, «Царю и его помощникам» – № 20, а также в виде приложения № 23 «Свободной мысли».

Издательство «Свободное слово» выпускало публицистические и художественные произведения, материалы о рабочем и студенческом движении и т.п. Его создатели и руководители поддерживали связи с зарубежными издателями, которым передавали не публиковавшиеся на родине произведения Толстого, а также с представителями русской революционной оппозиции, действующими в зарубежье. «Дом Чертковых, – писал находившийся в то время в Лондоне В.А. Поссе, – служил притягательным центром не только для толстовцев, но и для эмигрантов – революционеров самых различных направлений и национальностей».¹⁹

Л.Н. Толстой активно участвовал во всех сторонах деятельности «Свободного слова». Он постоянно обсуждал с редакторами характер и тип издательства, выпускаемой периодики, её содержание и форму. «... Все сообщаемые сведения, – замечал он, например, – должны быть точны... для этого нужно иметь верных и осторожных корреспондентов... чтобы было как можно больше разнообразия, чтобы были обличаемы и взятки, и фарисейство, и жестокость, и разврат, и деспотизм, и невежество... Всё это надо группировать так, чтобы захватывало как можно больше разнообразных сторон жизни... чтобы излагалось всё серьезным и строгим – без шуточек и брани, языком и сколько возможно более простым, без иностранных и научных выражений» (71, 357 – 358). Толстой предлагал и порядок распределения материала по отделам. Каждое периодическое издание Чертков и Бирюков направляли Толстому.

В программной статье «Свободного слова», неоднократно перепечатававшейся, редакция, указывая на цензурные трудности печатания в России, заявляла: «Цель наша – служить органом правдивого отражения и описания русской по преимуществу, но также и всемирной жизни, органом освещения явления этой жизни в духе Разума и Любви», выступать против «всякой лжи, насилия и рабства» (1898. №1. С. 5). Существенным в этой программе были приверженность взглядам Л.Н. Толстого на смысл жизни, подчёркивание отрицания принадлежности к какому-нибудь из «наиболее революционных направлений». Однако ни у кого не вызывала сомнения и оппозиционность «Свободного слова» проводимой политике в России, что по мере развития событий всё больше обнажалась.

Особенно это проявилось в самом начале революции 1905 г.: расстрелу рабочих 9 января у Зимнего дворца редакция посвятила особую передовую «Тяжёлые дни». В ней говорилось, что только нужда заставила рабочих идти к царской резиденции с петицией. «Но русский царь спрятался от них, и вместо него рабочих встретили у дворца многочисленные отряды войск... По приказанию царя, высшие начальники принялись водворять

порядок и решили раз и навсегда отбить у рабочих охоту разговаривать с царём. Был отдан приказ, и русские крестьяне-солдаты стали убивать русских крестьян-рабочих. Казаки топтали лошадьми женщин и детей. Полицейские добивали раненых». Далее сообщалось, что после этого в Москве, Ревеле, Риге, Либаве, Саратове, Гельсингфорсе, Ковно, Варшаве и других городах страны прокатилась волна стачек. В том же номере были помещены присланные в редакцию письма очевидцев под общим заглавием «Девятое января»; статьи «Царская победа», «Толстой и конституционное движение» и др. Особым приложением к журналу была напечатана брошюра «О революции» с предисловием Л.Н. Толстого.

Появление нового издательского центра – «Свободное слово» – за границей было сразу же замечено властями России. Уже 2 ноября 1898 г. в письме к императору Николаю II бдительный обер-прокурор К.П. Победоносцев сокрушался: «А в последнее время, к несчастью, в Лондоне образовалась целая кампания русских безумных фанатиков толстовского учения, дошедших в своём фанатизме до того, что они ненавидят самую Россию, распространяя о народе нашем и о правительстве самые чудовищные клеветы. Закваску этой кампании составляют Чертков, Трегубов и князь Хилков. Издаётся у них и журнал «Free Russia» и другой на русском языке, кроме того, пускают подобные корреспонденции в «Times» и другие газеты. Читая всё это, люди, не имеющие никакого понятия о России и движимые иногда тоже узким фанатизмом, верят и возмущаются».²⁰ Вся продукция «Свободного слова» была запрещена к ввозу в Россию, её распространение в стране преследовалось.

Несмотря на это, печать «Свободного слова» активно читалась в России. Опыт её нелегального распространения подсказал редакции при выпуске, например, журнала «Свободное слово» выпускать его в трёх вариантах: в твёрдом переплёте, без него – с мягкой обложкой, наконец, карманным форматом в самой тонкой обложке для удобства доставки их читателю. Добровольные помощники тиражировали и распро-

страняли литературу «Свободного слова». Так, обращение Толстого «К царю и его помощникам»(1901), которое он предварительно направил Николаю II, министрам, великим князьям и некоторым видным сановникам, в рукописях и изданиях подпольных организаций получило самое широкое распространение. «Напечатано сотни Царю», – замечал Толстой в записной книжке (54, 244).

Деятельность издательства «Свободное слово» имела существенное значение для культурной жизни России на рубеже XIX – XX вв. Оно обеспечивало свободу слова подвергавшимся преследованиям в стране за взгляды, несовместимые с официальной политикой власти и Церкви; стало одним из основных звеньев выпуска литературы, свободной от давления власти. Благодаря «Свободному слову» Россия и мировое сообщество могли познакомиться с произведениями Л.Н. Толстого, великий русский мыслитель, писатель и публицист имел возможность общаться с массовой аудиторией России и других стран.

5.4. «Русские ведомости»

Созданию партийной прессы России способствовал большой потенциал, накопленный к началу века легальной отечественной политической мыслью. У истоков партийного движения стояла одна из старейших, влиятельных, частных газет общественно-политического типа **«Русские ведомости»** (1863 – 1918), имевшая славную историю.²¹ В начале XX в. её редактором был Василий Михайлович Соболевский (1846 – 1913), который её возглавлял с 1882 г. По его инициативе было учреждено издательское паевое товарищество «Русские ведомости» при финансовой поддержке известной благотворительницы В.А. Морозовой. С 1890-х гг. газета приносит издателям стабильный доход – более 70 тыс. руб.

Она стала, по словам С. Елпатьевского, «единственным делом» жизни Соболевского, «его кафедрой, его общественным и просветительским делом, долгой книгой, которую он писал 30 лет».²² Это был уникальный пример в практике русской журналистики, когда качественная, интеллигентская, с направлением

газета давала её издателю прибыль. Имея тираж около 40 тысяч экз., в предвоенные годы – 30 тысяч, она входила и в число наиболее тиражных газет страны (до начала XX в. – в первую их десятку).

Программа «Русских ведомостей» была достаточно стабильной, что определялось её общим направлением – приверженностью к либеральным ценностям, но здесь надо учитывать конкретно-исторические условия 1880-х годов, когда это слово не подразумевало принадлежность к определённой партии. В.Г. Короленко, один из её деятельных сотрудников, очень точно замечал о том, что газета **«успела создать традицию русского либерализма того времени в широком чисто-русском смысле этого слова. В тогдашнем либерализме, как в зерне, хранились возможности всех передовых направлений, ещё связанных морозами тогдашней исторической минуты»**.²³ Долгие годы «Русские ведомости» восполняли пустующую нишу политических оппозиционных изданий в системе журналистики страны. Редакция позиционировала газету как непартийную, но имеющую собственное направление. Она была «горячим сторонником крестьянской реформы», всегда отстаивала «начала, положенные в основание реформ прошлого царствования, хотя в то же время не скрывала от себя недостатков их практического применения и не переставала указывать на пути и меры, необходимые для дальнейшего развития» реформ. (1888, № 243, 3 сент.) «"Русские ведомости", – писал Вл.А. Розенберг, один из самых активных сотрудников газеты, – всегда стремились быть и всегда были органом общественным и объединяющим русское общество и его литературные силы во имя любви к свободе и Родине (по выражению Герцена). Для людей, руководящих газетою, она всегда была высокой кафедрой, с которой может раздаваться только чистое слово».²⁴

Даже во время Первой русской революции редакция заявляла, что её газета беспартийная, хотя и «стоит ближе всего к кадетской партии, не отказывая себе в критике её программы и действий». В первом номере 1906 г. на страницах «Русских ведомостей» была обнародована наиболее полная их программа. «Новые условия жизни, в которые с такими тяжёлыми потрясе-

ниями вступает теперь Россия и которые должны поставить на смену полицейско-бюрократического режима гарантированный Основным законом правовой порядок, дают возможность «Русским ведомостям» осуществлять с большей полнотой её давнишнюю программу, – подчёркивали в статье журналисты, – и высказываться определённое по поводу текущих правительственных действий и административных мероприятий».

Далее в статье перечислялись «главные вехи, по которым предстоит идти вперед русскому народу» и которые были программой газеты: «свобода личности и её гарантии, свобода совести, печати, собраний и союзов; народное представительство, построенное на началах всеобщего избирательного права и активно участвующее в законодательстве и в контроле над действиями администрации; Основной закон, выработанный народными представителями и утверждённый Государем; развитие народного образования и просвещения, культурного самоопределения и самоуправления...».

Такая программа «Русских ведомостей» вызывала сочувствие интеллигенции России. Вокруг них объединились люди самых различных направлений, для которых были не безразличны судьбы Родины. Это касалось и сотрудников газеты, и их аудитории. «Близость к “Русским ведомостям”, хотя бы только читательская, – вспоминал Н.Д. Телешов, – была своего рода “паспортом”, как тогда говорили». В феврале 1913 г., пытаясь определить к 50-летию издания газеты, кто же её читает, редакция распространила анкету и обобщила полученные данные. Портрет читателя выглядел следующим образом (%):²⁵

Пол	Возраст	Образование	Национальность
Муж. – 85	30 – 50 лет	Высшее и студенты – 70	Русские – 82
Продолжительность чтения «РВ»			
От 5 до 30 лет – 75			
Профессиональный срез аудитории			
Учащиеся – 17, педагоги – 13, врачи – 13, без занятий – 7, конторщики – 7, владельцы торгов., заводов – 6,7, чиновники – 6, торг., пром. служащие – 5,4, адвокаты – 5, инженеры – 3,8, учёные – 3,4.			

Как видим, основным постоянным читателем газеты был образованный, столичный, в расцвете лет мужчина-интеллигент (учащийся, педагог, врач, предприниматель, адвокат, инженер, учёный). Уже одно это свидетельствует о высоком качестве содержания газеты. Об этом же говорит и состав редакции, сотрудников и корреспондентов «Русских ведомостей».

В.М. Соболевский смог привлечь к работе в газете многих видных писателей, публицистов и общественных деятелей К.К. Арсеньева, М.М. Ковалевского, С.Н. Муромцева, В.А. Гольцева, Н.К. Михайловского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского, П.И. Чайковского, А.П. Чехова, Вл.И. Немировича-Данченко, В.А. Гиляровского.

В публицистической практике Л.Н. Толстого «Русские ведомости» – та газета, с помощью которой он проводил кампанию по борьбе с голодом. В 1891 г. в ней была опубликована его статья «Страшный вопрос», открывшая поход общественности на голод. Толстой, его семья и их друзья, помощники организовали для терпящих бедствие 246 бесплатных столовых. Регулярно в газете появлялись отчёты Толстого о собранных на эту помощь средствах и о том, на что они потрачены.²⁶

Особое место в газете занял Владимир Галактионович Короленко (1853 – 1921), сотрудничавший в ней с 1885 г. как нижегородский, затем полтавский корреспондент. По его собственному определению, он стал «провинциальным журналистом в лучшей столичной газете», который сначала в местной периодике проводил газетные кампании, а общие их итоги давал в «Русских ведомостях» и «дело приобретало при помощи авторитетного органа общее значение».²⁷ В «Русских ведомостях» вышли многие его рассказы и очерки, повесть «Слепой музыкант».

Тонкое понимание особенностей журналистской работы, типов изданий, необходимость, несмотря на цензуру, донести до читателя по возможности более полное и точное отображение жизненного факта привели Короленко к новой практике: он одновременно для публикации своих произведений использует уже не провинциальную и столичную газеты, а газету («Русские ведомости») и журнал («Русское богатство»),²⁸ в какой-то мере

«Русскую мысль»). После газетной цензуры Владимир Галактионович помещал более полные по содержанию варианты очерков в журнале. Собранные под одну обложку журнала или книги очерки, корреспонденции и статьи создавали обобщающую картину, панораму описываемого явления («В голодный год» (1893) – книга переиздавалась до революции 1917 г. 7 раз; серия статей «Мултанское жертвоприношение» для «Русского богатства» (1895) выйдет отдельной брошюрой с предисловием и примечаниями Короленко).

Публицистика Короленко начала XX в. поднимает острейшие вопросы времени. Он борется с шовинизмом, несправедливостью, антисемитизмом, смертной казнью, истязанием крестьян. Как корреспондент «Русских ведомостей» Владимир Галактионович в 1902 г. присутствует в Сумах на процессе павловских сектантов, в 1903 г. едет в Кишинёв, где был еврейский погром. К последней теме публицист неоднократно возвращался. После процесса Бейлиса, на котором он был, он напечатал в «Русских ведомостях» статью «Господа присяжные заседатели», вызвавшую судебное преследование (1913, 27 – 28 окт.).

В 1906 г. в очерке «Сорочинская трагедия» он рассказал о деяниях карателя крестьян Филонова; затем, в «Открытом письме статскому советнику Филонову» потребовал предать его суду. Но получилась так, что вскоре Филонов был убит, а публицист был обвинён в подстрекательстве. Чёрная сотня грозила ему расправой. Общественность взяла Короленко под защиту – его дом охранялся вооружёнными добровольцами.

Ни ссылки, ни такого рода угрозы не изменили подхода Владимира Галактионовича к творчеству. «Но страстное желание вмешаться в жизнь, открыть форточку в затхлых помещениях, громко крикнуть, чтобы рассеять кошмарное молчание общества, – держалось во мне и даже ещё выросло после ссылки, – вспоминал Короленко. – Я сказал себе: ни партий, ни классов, которые бы вели сплочённую борьбу за права общества и народа, нет. Создавать их – не моё призвание. Мне остаётся выступить партизаном, защищая право и достоинство человека всюду, где это можно сделать пером. И

с первых же дней я опять стал одновременно писать рассказы, публицистические заметки и корреспонденции".²⁹

Короленко, как и Толстой, смело высказался в своей публицистике за отмену смертной казни. Л.Н.Толстой 26 – 27 марта 1910 г. после знакомства с первой частью статьи Короленко «Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни)», напечатанной в «Русском богатстве» (№3, вторая часть – № 4), сразу же послал автору взволнованное, одобрительное письмо.³⁰

То, что Короленко, как говорят, пришёлся ко двору «Русских ведомостей», его произведения достаточно регулярно украшали их страницы, даёт возможность сказать о высоком уровне публицистики этой газеты, остроте и значительности проблем, которые ставились в ней, её аналитичности. И к началу XX в. редакция имела богатый опыт в постановке таких вопросов.³¹ В её коллективе появились специалисты по наиболее существенным темам:

- земство, его роль в обществе как социального института; в 1904 – 1905 гг. редакция особенно активно вела земскую кампанию в газете. В.Я. Якушкин, В.А. Розенберг не только писали статьи о земском движении и отчёты о проходящих земско-городских съездах, но и сами выступили их организаторами.

- народное представительство в структурах власти и его значение в контроле за бюрократией (В.Ю. Скалон, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Муромцев, М.А. Саблин); 14 октября 1904 г. в «Русских ведомостях» была напечатана первая статья Ф.Ф. Кокошкина о созыве съезда народных представителей;

- крестьянский вопрос в самом широком диапазоне его проблем: государство и крестьянство, которому оно мало уделяет внимания; община как традиция и перспектива сельской жизни, нужды крестьян, культура и невежество крестьян и др. (А.И. Чупров, А.С. Пругавин);

- устройство и реформирование государства с показом мирового опыта (А.С. Посников, В.М. Соболевский);

- рабочий вопрос (А.И. Чупров, И.И. Янжул).

Редакция «Русских ведомостей» выступила инициатором целого ряда важных политических проблем и актов. На страницах газеты впервые в легальной печати появилась статьи, посвящённые многим из перечисленных актуальных вопросов. Острота поднимаемых проблем в «Русских ведомостях» и боевая публицистическая и общественная деятельность её сотрудников в борьбе за демократию в годы Первой русской революции стоила редакции боевых потерь: два видных её публициста погибли от рук чёрной сотни.

Первый из них – это работавший в газете с 1885 г. и входивший в состав редакции Михаил Яковлевич Герценштейн (1859 – 1906), крупный специалист-экономист, учёный, профессор Московского университета, автор статей по проблемам финансового хозяйства и кредита, крестьянскому вопросу.³² С 1904 г. он был гласным Московской городской думы, которая ему доверила ответственный пост председателя финансовой комиссии.

Герценштейн был членом партии кадетов с момента её образования, возглавлял её комиссию по аграрному вопросу, напечатал в «Русских ведомостях» в 1905 – 1906 гг. целый ряд статей по этой тематике. В начале 1906 г. вошёл в состав в издательское товарищество этой газеты. Как представитель кадетов, был избран в Первую Государственную Думу, просуществовавшую всего 72 дня – с 27 апреля по 9 июля 1906 г.³³ Он был одним из разработчиков аграрной программы кадетов. На заседаниях Думы он выступал по наиболее острому крестьянскому вопросу. Его главной идеей была идея отчуждения помещичьей земли за выкуп, что встречало поддержку у крестьянских депутатов.

«Что же вы теперь ожидаете? – обращался Герценштейн к помещикам. – Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний?! Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб? Нельзя теперь предлагать меры, рассчитанные на продолжительный срок, необходима экстренная мера, а принудительное отчуждение и есть экстренная

мера!». Реакцию тех, к кому адресовался оратор, хорошо зарисовал В.Г. Короленко: «Трудно представить себе ту бурю гнева, какая разразилась при этих словах на правых скамьях. Слышался буквально какой-то рёв. Над головами подымались сжатые кулаки, прорывались ругательства, к оратору кидались с угрозами».³⁴

Выступления Герценштейна эта часть думских депутатов рассматривала как провокацию крестьян на поджоги помещичьих усадеб. После роспуска Государственной Думы он подписал Выборгское воззвание. Жил на даче в Териоках. 31 июля 1906 г. был убит в Териоках во время прогулки на берегу моря с женой и дочерьми. Похороны Герценштейна превратились в массовую демонстрацию.

Второй жертвой чёрной сотни станет талантливый публицист «Русских ведомостей» Григорий Борисович Иоллос (1859 – 1907).³⁵ Он получил образование в Киевском, Гейдельбергском и Страсбургском университетах, защитил диссертацию на звание магистра политической экономии, стал доктором права Гейдельбергского университета. Иоллос вернулся в Россию в 1886 г. Был введён М.Я. Герценштейном в круг публицистов «Русских ведомостей» и стал их сотрудником. В 1880-е годы жил в Германии и был иностранным корреспондентом этой газеты. Одновременно его статьи – «Письма из Германии», подписанные литерой «I», помещались в журналах «Вестник Европы», «Русское богатство», в «Торгово-промышленной газете». «Под этой буквой, – писал современник, – скрывался, однако учитель целого поколения русских людей, а учил он понимать и ценить представительный строй».³⁶

Иоллос знакомил аудиторию с политическими реалиями европейской жизни, партийным движением, культурой и наукой Германии. В 1904 г. часть его произведений вышла в виде книги «Письма из Берлина». В 1905 г. он был приглашён войти в состав редакции «Русских ведомостей», стал их соредактором, а в 1906 г. и одним из руководителей товарищества по их изданию. Всецело отдавался газетному делу.

Иоллос вступил в партию кадетов и был избран от Полтавской губернии в Первую Государственную Думу. Он вёл в газете получившую популярность у читателей рубрику «Из залы Государственной Думы». Иоллос входил в группу 44-х депутатов, готовивших проект Закона о печати. Его проект был опубликован в сборнике «Законодательные проекты и предположения партии народной свободы (1905 – 1907)» (М., 1907).

После роспуска Первой Государственной Думы Иоллос подписал Выборское воззвание. В это время он стал единоличным редактором «Русских ведомостей», неоднократно получал угрожающие письма, но отказался вернуться к работе берлинского корреспондента. 14 марта 1907 г. поздно вечером по пути из редакции домой был смертельно ранен.

Герценштейн и Иоллос – первые жертвы среди публицистов, писавших по острым политическим проблемам, активно включившихся в идейную, политическую борьбу. Их судьба показала, что в борьбе за власть партии могут прибегать к любым средствам не только в полемике.

5.5. Партийная журналистика России

В революционных условиях перо становилось острым оружием. Любое политическое течение стремилось к обладанию тех или иных средств печати. Особенно широкое распространение получают малые формы, доступные к оперативному написанию, изданию и распространению: листовки, листки, прокламации, воззвания, брошюры. Однако они не могли заменить регулярно выходящих газет и журналов, через которые партия могла постоянно общаться с аудиторией, быть в диалоге с обществом, обстоятельно обсуждать злободневные проблемы.

Потребность в партийном печатном органе созрела и в русской аудитории тех лет. 16 жителей г. Рыльска обращались в январе 1906 г. к московскому городскому голове Н.И. Гучкову: «Мы все выписываем газеты, программы которых не разделяем, и получаем эти газеты потому, что подписались на них до 17 октября. Подписываясь на них, мы, во-первых, поддерживаем их материально, что не в наших расчётах, а во-вторых, вводим в

заблуждение редакции этих газет, якобы сочувствием к их программам. До дарования Манифеста 17 октября было безразлично какую ни получать газету, но теперь это небезразлично. Посему просим Вас... оповестить, какая газета служит органом Вашей партии. Мы просим избрать органом партии газету, если она ещё не избрана, недорогую, чтобы и малосостоятельные лица могли подписываться на неё».³⁷

На почве этих потребностей и вырастает в России целая сеть партийных изданий. Она, как и вся пресса, функционирует в условиях информационного рынка с большими трудностями.

«Иностранные исследователи, лишённые партийной предвзятости, отмечали огромную роль такого феномена, как наличие свободной прессы в “самодержавной” стране. Немалым было удивление Европы, – пишет историк А.Ф. Смирнов, – когда обнаружилось, что в России после падения прежних преград как бы внезапно появилась большая политическая печать и довольно развитая партийно-политическая жизнь». «Россия ныне располагает, – цитирует Смирнов вывод иностранных исследователей, – таким большим числом хорошо пишущих журналистов в любой политической группировке, как вообще это встречается лишь в Англии».³⁸ Ничего удивительного в этом не было: протекавший, скрытый от глаз наблюдателя политический процесс, разделённый, как уже отмечалось, на внутренний и внешний, дал свои результаты в революционный период. Следующая таблица представляет часть печати основных партий России начала XX в.

Таблица³⁹

Партийная журналистика России

Партия	Год образ.	дата 1 съезда	Тип и название издания	Годы выхода	Число №№	Место изд.	Тираж тыс. экз.
1. Русская монархич. партия	1905	–	газета <i>Московские ведомости</i> , ежедн.; ред. В. А. Грингут	1756 – 1917	–	М.	–

2. Союз русского народа	1905	8.11.1905	газета <i>Русское знамя</i> , еженед., с 1906 – еженед.	27.11. 1905 – 1917	–	СПб.	3–14,5
3. То же	1906	–	газета <i>Вечер</i> , еженед.	11.12. 1905 – 1910	–	М.	до 25–30
4. Союз 17 октября (октябристы)	1905	8–12.02. 1906	газета <i>Слово</i> полит., общ. и литерат.	1.01.1903 – 1909	–	СПб.	до 40
5. То же	–	–	газета <i>Голос Москвы</i> , еженед.	23.12. 1906 – 1915	–	М.	–
6. Партия мирного обновлен.	Июль 1906	–	журнал <i>Московский еженедельник</i>	7.03. 1906 – 23.08. 1910	227	М.	12–3,5
7. Прогресс. экономич. партия	Окт. 1905	31.10.1905	газета <i>Утро России</i> , еженед.	сент. 1907, 8.11.1909 – 1918	32	М.	До 30, 25–40
8. Конституц.-демокр. партия	1905	12–18 окт. 1905	<i>Вестник партии народн. свободы</i> , еженед.	22.02. 1906 – 1912, 1915 – 1916	98	СПб.	3–4
9. То же	–	–	газета <i>Речь</i> , еженед.	23.02. 1906 – 1918	–	СПб.	20–40
10. Партия социал. революционеров	1890-е	29.12. 1905 – 4.1.1906	газета <i>Революционная Россия</i>	1901–1905	77	–	0,5 — до 12–15
11. То же	1906	1906	нелегальная газета <i>Знамя труда</i> , ЦО партии	1.07. 1907 – 1914	53	СПб., Париж	10–15, 5–4
12. Трудовая народно-социал. партия	1906	–	журнал <i>Русское богатство</i>	1876 – 1918	–	СПб.	10–15

13. Россий- ская социал.- демокр. пар- тия	1890-е	1–3.03. 1898	газета <i>Искра</i>	1900 – 1905	112	Лейпциг, Мюнхен, Лондон, Женева	8
14. То же	–	–	газета <i>Правда</i> , ежедн.	1912 – 1914, 1917	645 99	СПб. СПб.	20–60 85–100
15. То же	–	–	газета <i>Луч</i> , ежедн.	1912 – 1914	495	СПб.	6–16

Наиболее значительной легальной партийной силой в России становится **Конституционно-демократическая партия (кадеты)**, первый съезд которой состоялся в Москве 12 – 18 октября 1905 г. Однако её созидание приходится на 1902 – 1904 гг., когда вырабатывалась её программа, которая была оглашена на страницах журнала «Освобождение», в решениях съездов общественных земских организаций и первого общерусского земского съезда (ноябрь 1904 г.).⁴⁰ В рядах кадетов был большой процент интеллигенции. Партия имела огромный интеллектуальный потенциал. П.А. Столыпин в одной из бесед даже назвал кадетов «мозгом страны».⁴¹

Проблемы партийной печати, вообще роли и значения её в обществе всегда были в центре внимания кадетских лидеров. В докладе Второму съезду партии кадетов (янв. 1906 г.) секретарь ЦК, профессор-историк А.А. Корнилов в ряду практических партийных действий на первое место поставил издательскую деятельность: выпуск книг, брошюр и листовок, «направленных на проведение принципов кадетской партии и вообще политического просвещения в массы».⁴² В выступлении на съезде В.М. Гессен, юрист, профессор и публицист, изложил целую программу развития партийной печати, включавшую «широкое распространение партийной литературы, издание партийных органов», «использование в интересах партии местных органов беспартийной печати».⁴³

Кадеты пытались распространить влияние на провинцию и добились в этом значительных результатов. В октябре 1906 г. ЦК партии провёл с представителями губернских групп совещание, где ставились задачи политического просвещения местных потенциальных избирателей; издания «народных» газет, массо-

вых листовок, популярных брошюр.⁴⁴ Руководство партией много внимания уделяло организации структур, занимавшихся журналистикой, пропагандой и агитацией. При ЦК был создан редакционный комитет, состоявший из А.А. Корнилова, А.Н. Максимова, В.Е. Якушкина, Д.И. Шаховского, С.А. Котляревского, Н.Н. Львова, В.И. Вернадского, М.В. Сабашникова и Ю.Г. Топоркова; бюро по распространению литературы при Конституционно-демократической партии, которое возглавляла графиня В.Н. Бобринская. После перемещения центра деятельности кадетов из Москвы в Петербург в апреле 1906 г. Московское отделение ЦК стало отвечать за снабжение партийной литературой провинции. Тогда же было организовано бюро прогрессивной печати, занимавшееся партийной провинциальной периодикой.

Материальные средства на издание кадетской литературы складывались большей частью из пожертвований богатых членов партии. Постоянно проводились сборы денежных средств. В 1906 г., к примеру, с этой целью членам партии были розданы подписные листы, в сопроводительной записке к ним говорилось, что около половины доходного бюджета ЦК построено на пожертвованных суммах.⁴⁵ В конечном итоге всей этой разнообразной работы кадетам удалось создать **целую систему партийной и околопартийной прессы**. Одни из лидеров социал-демократов В.И. Ленин с завистью констатировал в 1906 г.: «...Кадетская печать – чуть ли не девять десятых всей политической печати России», кадеты «обладают вдесятеро большей печатью, чем все с.-д. и с.-р. вместе».⁴⁶ Неполная статистическая картина кадетской печати выглядит так: в 1905 – 1907 гг. выходило не менее 100 газет, бюллетеней и еженедельников, в феврале-марте 1917 г. – более 150; центральные и местные организации кадетов выпускали листовки, брошюры и книги.⁴⁷

Собственно партийными, провозгласившими себя официальными органами кадетов, было всего лишь 8. Сами же партийные функционеры их число сводили к минимуму. На IV съезде в докладе ЦК говорилось, что у партии был лишь один периодический орган – «Вестник Партии народной свободы», а проводят политику и программу партии многие частные издания: «Речь»,

«Народное дело», «Народный путь», «Новь», одно время «Путь» и отчасти «Русские ведомости», а также несколько провинциальных изданий.⁴⁸

«Вестник Партии народной свободы» (Еженедельник Конституционно-демократической партии. – СПб., 1906 – 1912, 1915 – 1916) вышел в свет 22 февр. 1906 г. под редакторством И.В. Гессена и В.Д. Набокова, который и финансировал это издание. Секретарём редакции был А.Ю. Блох. В мае был образован постоянный редакционный совет из В.Д. Набокова, А.И. Каминки, П.Н. Милюкова, И.И. Петрункевича. 12 февраля 1908 г. по решению суда еженедельник был закрыт. В 1908 г. появилось только 8 номеров.

Как показала практика, сугубо партийный орган без постоянной материальной подпитки не может на информационном рынке существовать. Интересную мысль в связи с этим высказал опытный журналист и один из редакторов «Речи» И.В. Гессен, заявивший, что редакция этой газеты с большим облегчением восприняла появление партийного журнала «Вестник Партии народной свободы», так как он отвлекал газету «от партийных дискуссий» и «партийного самодовольства».⁴⁹ Это подразумевало, что тип партийного издания содержит много обязательной для него партийной информации; является средством внутрипартийной борьбы, что суживает его информационный диапазон и число его потребителей. Сугубо партийные органы типа «Революционной России» или «Искры» основное значение имели, главным образом, для развития самих партий, их самоопределения. Это такой тип газеты или журнала, который можно назвать специализированным, внутрипартийным, нередко обозначенным как Центральный орган партии. Рядом с ним могли соседствовать партийные газеты, журналы, бюллетени.

Из этого ряда партийной периодики выбивалась кадетская «Речь» – более широкого типа партийное издание, недаром эту газету кадеты и не называли ЦО. «Речь» (1906 – 1918), обозначенная как ежедневная, политическая, экономическая и литературная газета, стала наиболее авторитетным печатным органом кадетов.⁵⁰ Её тираж до 1914 г. составлял 40 тыс. экз.

Редакция выпускала ряд приложений: «Иллюстрированная неделя» (1906), «Государственная Дума» (стенографические отчёты 1906 – 1908 гг.), «Ежегодник газеты «Речь» (1912 – 1916). С 1907 г. одновременно с «Речью» на её материале кадеты издавали более популярные и дешёвые газеты «Реформа» (1907 – 1908) и «Современное слово» (1907 – 1918).

Первым издателем «Речи» был предприниматель и общественный деятель Ю.Б. Бак, редактором О.Е. Бужанский. Её неофициальными редакторами были П.М. Милюков (1859 – 1943) и И.В. Гессен (1865 – 1943). Сначала газета испытывала большие трудности и была убыточной. В 1908 г. кадеты образовали «Товарищество по изданию газеты "Речь"». В него вошли И.И. Петрункевич (председатель товарищества), В.Д. Набоков и др. Основной капитал предприятия состоял из 120 тыс. руб., разделённых на пай по 2 тыс. руб. Кредиторами выступили руководители партии и члены совета Азовско-Донского коммерческого банка, торговый дом «Л. и Э. Метцель и К*». Получала редакция определённый доход и от рекламы. Кадеты организовали широкую корреспондентскую сеть «Речи» в России и за границей. Агентства её конторы и отделения находились в более чем 50 городах страны и во многих городах мира: Лондон, Париж, Константинополь, Женева, Кёльн, Лейпциг, Милан, Нью-Йорк и др.⁵¹

В воспоминаниях П.М. Милюков подчёркивал, что газету «Речь» формально не объявляли партийным органом, но распространение её «сделало больше для популяризации наших взглядов, чем все остальные способы публичной деятельности фракции».⁵² В «Речи» были сосредоточены главные публицистические силы кадетов: В.И. Вернадский, М.М. Ганфман, И.В. Гессен, Э.М. Гримм, А.С. Изгоев, Г.Б. Иоллос, А.А. Кизеветтер, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Муромцев, В.Д. Набоков, П.И. Новгородцев, В.Е. Якушкин и др. В газете сотрудничали видные литераторы Ю.И. Айхенвальд, А.В. Амфитеатров, А.А. Блок, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, А.И. Куприн, Н. Тэффи и др.

Структура газеты, имевшей 4 – 8 полос, состояла из следующих разделов и рубрик: хроника, Москва, областной отдел, русская жизнь, иностранное обозрение, печать, телеграммы,

письмо в редакцию, биржевая хроника, судебная хроника, справочный отдел, объявления и др. «Речь» отличалась хорошо поставленной информацией и глубокой публицистической мыслью.

П.Н. Милюков был её «почти бессменным передовиком». «Публицистическая хроника 1905 – 1906 гг.» – такой подзаголовок дал он сборнику своих статей из «Речи» – «Год борьбы» (СПб., 1907).

Его политические статьи были сосредоточены вокруг актуальных проблем внутренней и международной жизни, программных вопросов партии кадетов, конституционном строительстве в стране, земельной реформе, развитии демократии, предвыборной борьбе, «борьбе со стихией и управление ею». «Для нас укрепление привычек свободной политической жизни, – замечал Милюков, – есть способ не продолжить революцию, а прекратить её». Необходимо было заинтересовать революционные силы «в сохранении нового порядка».⁵³

«Главный смысл нашей тактики заключается в том, – говорилось в программной статье «Речи» от 27 июня 1906 г., – чтобы направить само революционное движение в русло парламентской борьбы». И это стало главным в деятельности газеты тех лет. Её публицисты энергично вели выборную кампанию в I Государственную Думу. Особый успех имели отчёты с заседаний Думы, передававшие впечатления о повседневной её жизни. Репортёры Л.М. Нейман, С.Л. Поляков-Литовцев «приобрели себе на этой работе всероссийское имя». М.М. Винавер, один из лидеров партии, обобщил опыт деятельности Думы и выпустил брошюру, показывавшую и объяснявшую тактическую линию кадетов в ней.⁵⁴

Милюков, помимо передовых, регулярно выступал в газете с полемическими, аналитическими статьями: «Отношение крестьян и рабочих к выборам», «Возможность победы признаётся правительством», «Почему победили кадеты», «Крестьяне и тактика кадетского большинства» и др.⁵⁵ Он подчёркивал, что вся эта работа вокруг Государственной Думы сплотила вокруг газеты «значительную часть читающей России».⁵⁶

Кроме газеты, кадеты предложили читателю и другую разнообразную политическую продукцию, особенно в ходу были брошюры: В.Е. Якушкин «В Государственной Думе», Ф.Ф. Кошкин «Конституционно-демократическая партия перед судом "Союза 17 октября"» и «О правах национальностей и децентрализации», Г.Ф. Шершеневич «Аграрный вопрос», «Народные представители», К.В. Сивков «Крестьянам о Конституционно-демократической партии», «О чиновниках и народном правлении» и др.; листовки и воззвания («К рабочим», «Чего хочет Конституционно-демократическая партия» и др.), «Листок за листком» и др.

Много внимания было уделено пропаганде в провинции, завоевание которой партийной журналистикой вообще было новым делом. Руководители партии кадетов в этом смысле проявили творчество и понимание того, что партия не может активно участвовать в политической жизни страны, не работая на периферии.⁵⁷ В 1906 г. во время работы III съезда партии кадетов (21 – 25 апреля) было создано во главе с членом ЦК партии А.В. Тырковой Бюро прогрессивной печати, – событие, приуроченное к открытию I Государственной Думы. Оно централизованно руководило всей кадетской печатью, обеспечивало её руководящими статьями по политическим, земельным, экономическим, финансовым вопросам, разнообразной информацией и программными статьями, разъясняющими тактику кадетов, отчётами о деятельности Думы и др.⁵⁸

ЦК партии кадетов констатирует: Бюро рассылало в 1906 – 1907 гг. статьи, корреспонденции, отчёты из Государственной Думы в 27 провинциальных газет; с 5 марта 1906 г. секретариат ЦК подготовил и направил в провинцию крестьянам-выборщикам 5 тысяч библиотечек, состоявших из агитационной, партийной литературы, брошюр, листовок и воззваний.⁵⁹ Агитационно-пропагандистская деятельность кадетов и их печати способствовала победе этой партии в I Государственную Думу, где она имела 42,5 % депутатов (179 из 421). Вот картинка из брошюры тех лет, посвящённой предвыборной кампании в Москве: «Воззвания сыпались дождём. Проезжавшие извозчики останав-

ливались и брали их, останавливалась и конка, кондукторы и пассажиры соскакивали, подбирали листки и взапуски догоняли ушедший вагон... По Садовой, Пресне и другим местам дефилировали члены Партии народной свободы и раздавали “Русские ведомости” и “Путь”». ⁶⁰

Сопутствовала успеху кадетов в выборах в Думу и ошибочная тактика радикальных партий, бойкотировавших эти выборы. Милюков осознавал эту особенность предвыборной борьбы: «Мы оставались единственной самой левой партией в той единственной доступной обывателю борьбе, которую представляли выборы. Только через неё он мог выразить своё оппозиционное настроение». ⁶¹

Без сомнения, в числе сложностей в этой работе для кадетов была их психологическая несовместимость с теми социальными слоями, с которыми им пришлось иметь дело. Ни крестьяне, ни рабочие не стали для них опорой. Попытки наладить регулярный выпуск «народной газеты», вопрос о которой неоднократно обсуждался на партийных съездах, провалилась. 1 марта 1906 г. вышла газета «Народное дело», но её тираж не расходился. Не стали популярными и «Товарищ» (С.-Петербург, 1906, с 15 марта), «Рабочее слово» (С.-Петербург, 1906, с 31 марта). ⁶²

В этом отношении более тесный контакт установили с массами партии социалистической ориентации. Среди них одной из наиболее влиятельных в народе была **партия социалистов-революционеров**. Её основное издание – газета «Революционная Россия» выходила с января 1901 г. по октябрь 1905 г. Первый номер набирался в подполье, в России, вручную целый месяц. Издание такого номера стоило 1000 руб. С третьего номера газета печаталась в Париже на 16 страницах, позднее – до 20–24 страниц журнального формата. Всего вышло 77 номеров, в среднем по 15 в год. Тираж колебался от 500 до 1 – 15 тыс. экз. в канун и год революции. ⁶³

Первая газета **Российской социал-демократической партии (РСДРП)** «Искра» выходила с 24 декабря 1900 г. по 8 октября 1905 г. Вышло 112 номеров, то есть в среднем 22 номера в год, средний тираж – 8 тыс. экз. Печаталась в Лейпциге (№ 1 –

5), Мюнхене (№ 6 – 21), Лондоне (№ 22 – 38), Женеве (№ 39 – 112). Некоторые номера удавалось перепечатать подпольно в России (Кишинёв, Баку, Нижний Новгород, Умань). В советский период история «Искры» была досконально изучена и значительно мифологизирована⁶⁴ – газету называли ленинской, что явно не соответствует фактам.

В редакцию первых номеров «Искры» входили П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, Г.В. Плеханов, А.Н. Потресов. Жили они в разных городах. Авторитет Плеханова был тогда ещё незыблем. Практическими редакторами были Мартов и Ленин. По решению II съезда РСДРП «Искра» стала Центральным органом партии, редакторами стали Плеханов, Мартов, Ленин. Под редакцией Ленина и Плеханова вышли № 46 – 51, Плеханова – № 52; с 53 номера был восстановлен прежний состав из трёх редакторов, но Ленин по идейным соображениям ушёл из газеты (№ 53 – 100), с № 101 (с 1 июня 1905 г.) оставил редакцию Плеханов. Во всей этой цепочке фактов прослеживается постоянная работа в редакции Мартова (за исключением 7 номеров). Об этом же говорит и число его публикаций в «Искре»: 110 статей (39 передовых), у Плеханова – 54 (21), у Ленина – 47 (18), у Ф. Дана – 41 (18).⁶⁵ В целом «Искра» выполнила свою задачу: РСДРП была создана.

У нелегальных партий до аудитории чаще всего достигали издания малых форм – листовки, воззвания, прокламации, выходившие в ходе какой-либо агитационной кампании, к определённым событиям, с призывами к забастовке, празднованию 1 мая, разоблачающие внутреннюю политику самодержавия. Особое распространение получили политические брошюры, выпускавшиеся нередко созданными на короткое время типографиями. Они были удобны для распространения и могли появляться на свет без контроля власти. За революционные 1905 – 1907 гг. было издано не менее 10 – 11 тысяч названий разных брошюр и книг. С октября 1905 г. по апрель 1906 г., то есть всего-то за полгода, вышло 1699 названий брошюр, в том числе изданных:⁶⁶

- социал-демократами – 953, более половины всех;
- кадетами – 426;

- эсерами, энесами – 250;
- анархистами – 70.

Для налаживания выпуска регулярной газеты у оппозиционных, полуподпольных партий не хватало средств, возникали сложности с её доставкой до читателя и т.п. Однако в среде революционеров находились истинные мастера распространения нелегальной печатной продукции, ухитрявшиеся под носом у полиции доставлять её в Россию. Газеты, журналы, брошюры, листки издавались на тонкой, папиросной бумаге, имели малый, карманный формат. Их можно было припрятать в женский пояс, зонтик, внутрь трости, переплёт книги, крышку чемодана...⁶⁷ Конечно, таких изданий успевало выйти в свет ограниченное число номеров, часто с большими перерывами.

Надо сделать оговорку и о том, что партии интеллигенции вообще ещё не имели тогда настоящего опыта создания массового типа изданий и работы в массовой аудитории, а сама эта аудитория не имела привычки к общению не только с политической прессой, но и вообще периодикой. Ни одна из партий в период Первой русской революции не смогла выйти на широкого читателя страны, хотя и предпринимались с этой целью, к примеру, кадетами, значительные усилия. Московское издательство «Народное право» по их заказу выпустило 12 брошюр и листов общим тиражом 605 тыс. экз., в их числе брошюра «Крестьянам» имела 100-тысячный тираж.⁶⁸

Интерес в связи с этим представляет успех брошюры Ленина «К деревенской бедноте», которая с 1903 г. постоянно распространялась в крестьянстве, неоднократно переиздавалась в Москве, на Украине, в Полесье, Сибири и на Урале. С мая 1903 г. по декабрь 1905 г. брошюра была доставлена в 75 населенных пунктов. Столь же интенсивно она издавалась в годы Первой русской революции – в Москве, Тифлисе, Чите и др. Только Московский комитет РСДРП в ноябре 1905 г. распространил 9600 экземпляров этой брошюры. В 1905 – 1906 гг. было осуществлено ещё два её легальных издания.⁶⁹

Особенность произведения Ленина состояла в том, что автор вёл беседу с крестьянами по сложным проблемам – на равных, на обычном разговорном языке.

Политики в годы революции делали попытки выйти с печатью на массового читателя. Но только позже, пройдя через практику революционных лет, именно социал-демократы в 1910-е годы сумеют наладить выпуск рабочей массовой газеты. У них за плечами уже будет определённый опыт «Искры» по установлению связей с читателями. Они будут опираться на установки, выработанные В.И. Лениным, который уже в 1904 г. писал: «...Орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов – пятьсот и пять тысяч работников не литераторов. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошлите возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всём решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе...».⁷⁰

Выпуску массовой газеты предшествовал опыт издания общественно-политической газеты, органа социал-демократической фракции Третьей Государственной Думы – газеты «Звезда» (16 декабря 1910 г. – 22 апреля 1912 г., Петербург; с 26 апреля по 5 октября 1912 г. как «Невская звезда») с периодичностью до 21 января 1912 г. еженедельно, затем – 2 раза в месяц, с 8 марта – 3 раза; тиражом 7 – 20 тыс. экз. (весной 1912 г. некоторые номера имели тираж до 60 тыс. экз.).⁷¹ Финансовое обеспечение газеты складывалось из партийных, включая зарубежные, и частных средств. Официально редакторами-издателями «Звезды» были К.С. Еремеев, затем В.А. Шелгунов, фактически Н.И. Иорданский, В.Д. Бонч-Бруевич, И.П. Покровский (член Государственной Думы), Н.Г. Полетаев. Сотрудничали в газете В.В. Воровский, Г.Е. Зиновьев, М.С. Ольминский, Ф.Ф. Раскольников, И.В. Сталин и др., активно привлекались рабочие корреспонденты. К началу 1912 г. её редакция имела постоянных рабочих корреспондентов более чем в 70 городах России. В 44 номерах (октябрь 1911 –

апрель 1912 г.) было опубликовано 2500 их писем и корреспонденций, в среднем около 57 – в каждом номере.⁷²

Проблемно-тематический комплекс газеты фокусировался на рабочем вопросе. «Звезда» имела рубрики «Рабочая жизнь», «Рабочее движение», «В мире труда», «Государственная Дума», «Петербургские заметки» и др., печатала стихи рабочих, рассказы и «Сказки из Италии» М. Горького, басни Д. Бедного, произведения Е.И. Чирикова. Редакция собирала денежные фонды в помощь голодающим, рабочим пострадавшим Ленских приисков, создания ежедневной массовой рабочей газеты, собрав более 4 тыс. руб.⁷³ Одновременно «Звезда» вела суровую борьбу с цензурой за своё существование. Из 96 её номеров подвергались репрессиям 49, каждый второй номер.⁷⁴

В постреволюционных условиях развернувшаяся внутрипартийная борьба в социал-демократии привела в конечном итоге к разъединению сил и созданию рабочих газет большевиков и меньшевиков. Большой успех в этом новаторском деле выпал на долю большевиков, осуществивших через «Звезду» проведение агитационной кампании за новую рабочую ежедневную газету «Правда» и по сбору средств на неё.

«Правда» (22 апреля 1912 – 1914, 1917; Петербург – Петроград) – ежедневная, массовая, рабочая газета, считавшаяся формально изданием думской фракции (в числе её редакторов постоянно были члены Государственной Думы).⁷⁵ «Это было в середине апреля 1912 г., вечером, – вспоминал И. В. Сталин, – на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я, член ЦК (я, как нелегал, сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева), сговорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты». ⁷⁶ Этот номер открывался программными статьями М.С. Ольминского «От редакции» и И.В. Сталина «Наши цели», где говорилось, что «Правда» «будет призывать, прежде всего и главным образом, к единству классовой борьба пролетариата, к единству во что бы то ни стало». ⁷⁷

В составе редакции «Правды» в разное время были, помимо уже названных, Н.Н. Батурин, К.С. Еремеев, Л.Б. Каменев,

М.А. Савельев, В.М. Молотов и др. В качестве её сотрудников были В.И. Ленин, Н.Н. Крестинский, Н.И. Бухарин, В.И. Невский, Г.Е. Зиновьев, Д. Бедный и др.

В газете были опубликованы свыше 280 статей и заметок В.И. Ленина. На вопрос об основном занятии при получении визы на жительство в Кракове Ленин в июне 1912 г. ответил: «Состою корреспондентом русской демократической газеты "Правда", издаваемой в Петербурге, и русской газеты, издаваемой в Париже под названием "Социал-Демократ"». ⁷⁸

Газета сменила 9 названий («Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда» и др.), что отражает репрессивную политику власти по отношению к ней. 8 июля 1914 г. издание газеты тогда «Трудовая правда» было запрещено, значительная часть сотрудников арестована. Каждый третий номер «Правды» подвергся цензурным репрессиям. За два года и два месяца издания восемь раз её закрывали, против неё властями было предпринято около 200 репрессивных актов. ⁷⁹

Всего вышло 645 номеров тиражом 20-60 тыс. экз. По подписке «Правда» распространялась в более тысячи населенных пунктах страны, имела в 1914 г. 11,5 тысяч подписчиков в Петербурге, где расходилась и основная часть розницы. Кроме того, редакция иногда выпускала приложения. Успех имел её праздничный номер от 13 мая 1914 г. к двухлетию «Правды» «День рабочей печати» с тиражом в 130 тыс. экз.

Начальный фонд газеты складывался из взносов ЦК партии (3 тыс. руб.), писателя М. Горького (2 тыс. руб.), большевика В.А. Тихомирнова и результатов сборов средств редакцией «Звезды» среди рабочих. В дальнейшем за 1912 – 1914 гг. в редакцию на издание «Правды» поступило около 6 тысяч денежных сборов среди рабочих, составивших 44 тыс. руб.

Рабочие на деле стали сотрудниками газеты. Ежедневно в неё поступало от них десятки рукописей, в отдельные дни число рабочих корреспонденций доходило до 200. За 1912 – 1913 гг. в «Правде» было помещено около 18 тысяч рабочих корреспонденций, в среднем в каждом номере – по 28, а с апреля 1913 г. по

апрель 1914 г. – по 41.⁸⁰ Важную роль играли рабочие и в распространении газеты.

Проблемно-тематический комплекс «Правды» концентрировался вокруг проблем, в решении которых были заинтересованы рабочие. Она имела отделы и рубрики: «Рабочее движение», «Рабочая хроника», «На фабриках и заводах», «Женский труд», «Профессиональное движение», «Среди текстильщиков», «Среди булочников», «Вопросы страхования», «Государственная Дума», «Рабочая взаимопомощь», «Стачки», «Письма в редакцию» и др.

Всё это: материальная поддержка (рабочая копейка) газеты, подписка на неё, разностороннее сотрудничество в ней рабочих, их участие в распространении издания, преобладание тематики, отвечающей интересам рабочих, – и определяет «Правду» как тип рабочей газеты.

Одновременно с большевиками меньшевики издавали свою газету, рассчитанную на рабочих. Их газета «Луч» также выходила в Петербурге с 16 сентября 1912 г. по 8 июля 1914 г.⁸¹ Всего вышло 495 номеров тиражом от 6 до 16 тыс. экз. К 1 июня 1914 г. она имела 5931 подписчика (922 – в Петербурге) в 653 населенных пунктах страны.

В редакцию в разное время входили: Ф.И. Дан, Ю.О. Мартов, А.С. Мартынов и др. Сотрудничали в «Луче» П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, Н.Н. Жордания, В.И. Засулич, А.М. Коллонтай, А.Н. Потресов, Л.Д. Троцкий, И.Г. Церетели и др.

В газете были отделы и рубрики: «Рабочая жизнь», «Рабочее движение», «В социал-демократической фракции», «В городе и деревне», «В рабочих организациях», «Страхование», «Государственная Дума», «Вокруг Думы», «Голоса рабочих», «Маленький фельетон» и др.

В отличие от «Правды», «Луч» выдвигал в основном конкретные требования: всеобщее избирательное право, свобода коалиций и печати, 8-часовой рабочий день и др. Выступления «Луча» с первого номера пронизывала полемика с большевиками. В программной статье газеты «Наши задачи» 16 ноября 1912 г. подчёркивалось: «Не расколу в рабочей среде будет слу-

жить наш «Луч», – наоборот, раскольнические попытки «Правды» и «Звезды» служат одной из причин, вызвавших к жизни новую рабочую газету. Единство сознательных рабочих в их классовых исторических выступлениях – к этому мы стремимся».

Газета существовала в основном на средства, полученные путём сборов среди читателей, и поступления от рекламы. В 1912 г. было проведено 89 сборов, в 1913 г. – 661, к маю 1914 г. – 671. Редакция считала, что её газета «становится всё более и более делом самих рабочих, органом не только обслуживающим рабочий класс, но им самим создаваемым и направляемым» (1913, № 14).

«Луч» регулярно подвергался цензурным репрессиям. Из 237 номеров 63 были конфискованы, 18 подвергнуты административным штрафам с заменой их арестом редакторов. За 10 месяцев официальные редакторы в общей сложности отсидели 4,5 года. Всего у «Луча» сменилось 51 редактор и 7 издателей.⁸²

Опыт издания массовых по тем условиям рабочих газет оставил след в развитии русской печати. Заслугой социал-демократов и было создание новаторского типа печатного издания – рабочей газеты, отвечавшей интересам рабочих, в которой они активно сотрудничали и участвовали в её финансировании, распространении, налаживании её связей с аудиторией.

В начале XX в. партийная печать России не только стала реальностью, определённой политической силой, но и в это время были выработаны возможные тогда типы партийных изданий: нелегальные и легальные, центральные органы партии и провинциальные, специальные и массовые, ежедневные газеты и еженедельники, бюллетени и журналы. Особый интерес в этом представляет практика конституционно-демократической партии, сумевшей наладить в стране достаточно широкую сеть прессы. Однако аудитория партийной печати существенно зависела от политической конъюнктуры: амплитуда её влияния, численность её аудитории значительно уменьшалась с упадком революционных настроений в обществе. В целом партийные издания не добились в этот исторический период реального успеха у читателей.

5.6. Парламентская журналистика

Незрелость партийного движения сыграла негативную роль и на отношениях партий с властными структурами. Это демонстрирует очень существенный для политической атмосферы общества тех лет сюжет конституционного реформирования государства. После принятия октябрьского Манифеста властными структурами и новой партийной общественностью была проведена большая работа над конституционной реформой, в которой главную роль сыграли чиновник МВД С.Е. Крыжановский, автор пакета важнейших законопроектов, составивших по их одобрении императором Конституцию Российской империи 1906 г., и С.А. Муромцев,⁸³ составивший свой проект Основных законов и опиравшийся в нём на проведённую ранее либералами работу.

Ещё в октябре 1904 г. в Москве группа членов «Союза Освобождения» выработала проект «Основного Государственного Закона Российской Империи», который в марте 1905 г. с помощью П.Б. Струве вышел в свет в качестве издания редакции «Освобождение», затем был перепечатан в журнале «Право» и сборнике «Конституционное государство». Состоявшийся в апреле Земский съезд принял его основные положения. Муромцев не совсем был удовлетворён текстом этого проекта. Он его переработал. При этом ему помогали юристы Н.Н. Щепкин, Н.Н. Львов, Ф.Ф. Кокошкин.⁸⁴ Текст проекта Муромцева был опубликован в «Русских ведомостях» 6 июля в день открытия Земско-городского съезда, где он был роздан делегатам. По решению съезда проект был разослан местным общественным учреждениям для его обсуждения. Предлагалось его вернуть вместе с замечаниями и предложениями в Бюро Земско-городского съезда.

На конституционную реформу и её последствия повлиял, кроме того, один значительный инцидент вокруг неё. Хранящийся в тайне проект «Основных законов» был кадетами раздобыт и опубликован в их журнале «Право» (1906, № 15) и газете «Речь».⁸⁵ Пресса подвергла резкой критике правительственный документ. В редакционной статье журнала «Право» «Основные

законы», написанной его редактором-издателем И.В. Гессеном, особо акцентировалось внимание на то, что законодательные права Государственной Думы ущемляются, а почин пересмотра Основных законов принадлежит единственно императору, с чем нельзя согласиться. Эта критика вызвала негативную реакцию со стороны правительства, но ему пришлось вновь уточнять проект и изъять из него наиболее одиозные положения. Однако кадетская сенсация имела неприятные для общества последствия: она внесла ноту подозрения в отношения между партиями, Государственной Думой и правительством.

В целом, гласность вокруг этой законодательной работы стимулировала общественный интерес к конституционным вопросам и к обсуждению в печати особенностей конституционного государства. Проект Муромцева был принят во внимание и нашёл отражение в окончательном тексте главного документа страны. Основные законы 23 апреля 1906 г. превратили Россию в конституционное государство, где законодательная и учредительная власти осуществляются с согласия народного представительства: «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой» (ст. 7 и 86).⁸⁶ Необходимо подчеркнуть, что опыт выработки Основных законов показал возможность сотрудничества в законодательной сфере власти и либерально-демократической оппозиции. Однако такие крупные представители конституционного движения, как П.Н. Милюков, И.В. Гессен, П.Б. Струве и др., выбрали путь давления на власть, что привело к конфронтации с нею, усилению революционных настроений в обществе и репрессий со стороны власти.

Появление в стране новых властных структур, в первую очередь, Государственной Думы, её выборы, функционирование, сопровождалось зарождением парламентской журналистики,⁸⁷ что нашло отражение в создании:

- парламентских изданий;
- особого корпуса журналистов, специализирующихся на думской тематике, журналистов нового типа – парламентских корреспондентов и репортёров;

- системы связей Государственной Думы, его фракций и групп с журналистикой;
- нового диапазона политической информации в печати, которая организовывалась в специальных отделах, разделах или рубриках газет и журналов («В Думе», «Вокруг Думы», «Думская хроника», «Государственная Дума» и др.).

Парламентская пресса не получила поддержки общества. Кратковременно выходили газеты: «Государственная Дума» – «внепартийная ведомость русской общественно-государственной жизни», вечерняя газета (Петербург, 1906, 14 – 24 марта, 5 номеров); «Дума» – ежедневная, вечерняя общественно-политическая и литературная газета (Петербург, 1906, апрель); «Известия крестьянских депутатов» – ежедневная народная газета фракции Трудовой группы 1-ой Государственной Думы (Петербург, 17 – 31 мая 1906 г., 11 номеров, из которых 4 были конфискованы по распоряжению градоначальника); издание было продолжено под названием «Трудовая Россия» – (2 – 10 июня 1906 г., 8 номеров); затем – как «Крестьянский депутат» (25 июня – 6 июля 1906 г., 10 номеров).

Новое возрождение газеты произошло под названием «Трудовой народ» как орган объединённой фракции Трудовой группы и Всероссийского Крестьянского союза 2-ой Государственной Думы (15 марта – 4 апреля 1907 г., 18 номеров).

Газета, несмотря на протесты депутатов Государственной Думы, постоянно находилась под прицелом цензуры. Так, 13 июня 1906 г. 31 депутат выступил на заседании Думы с заявлением против незаконных репрессий, применяемых властью к печати. В нём говорилось: «Чины С.-Петербургской полиции отбирали систематически все номера “Известий Крестьянских Депутатов”, даже те, о конфискации которых не было отдано распоряжение градоначальника». Эмоциональную речь произнёс на этом заседании бывший редактор газеты трудовиков С.И. Бондарев, в частности, заявивший: «Я не знаю, что правительство ответит по поводу этого запроса, который вносим мы ему, но... когда мы объяснялись с инспектором типографий по поводу конфискации газеты, то он сказал нам: “Война так война!” По-

добно тому, как представители исполнительной власти всю страну переводят в положение военного стана, точно также поле печати они стремятся превратить в поле брани».⁸⁸

Издание Трудовой группы – единственный опыт, заслуживающий внимания в числе тех газет, которые пытались сосредоточиться только на деятельности Государственной Думы. Основными органами печати, постоянно освещавшими её жизнь, были партийные газеты и журналы. Вообще вся пресса страны стала публиковать много информации о деятельности Думы. Это модернизировало проблемно-тематический комплекс русской печати, выдвинуло в нём на первый план политическую информацию, раскрывающую борьбу партийных группировок и партий в ходе выборов в русский парламент, его функционирование, работу депутатов, характер их выступлений, противостояние правительства и Думы, закулисные интриги вокруг Думы и т.д.

На этой работе стали специализироваться многие корреспонденты газет и журналов, что привело к появлению нового типа журналиста – парламентский корреспондент или репортёр. Каждая большая газета имела таких специалистов. У «Биржевых ведомостей» их было 6, у «С.- Петербургских ведомостей» – 5, «Земщины» и «Современного слова» – по 4, у «Торгово-Промышленной газеты», «России», «Речи» – по 3, у «Нового времени», «Вечернего времени» – по 2 и т.д. Всего в Думе работало 28 столичных журналистов. Печать Москвы была представлена в парламенте меньше: у «Голоса Москвы» было 4 корреспондента, у «Русского слова» и «Русской молвы» – по 3, у «Русских ведомостей», «Раннего утра» – по 2 и т.д. Из других городов преимущество было у Одессы, имевшей 8 парламентских корреспондентов. Всего же в Думе работало 56 представителей провинциальной печати.⁸⁹

Санкт-Петербургское телеграфное агентство организовало в Думе представительство – Информационное бюро, в которое входили от каждой фракции представители. Другие телеграфные и информационные агентства последовали её примеру. В Думе представляли газеты: «Русское слово» – С.И. Варшавский, «Но-

вое время» — А. А. Пиленко, «Русские ведомости» — А.В. Аркадакский, «Биржевые ведомости» — В.А. Бонди, «Санкт-Петербургские ведомости» — А.И. Гессен, «Россия» — В.Г. Янчевский и П.Е. Хмелевский. Огромный интерес к русскому парламенту проявляла иностранная пресса. В думском корпусе журналистов было по 2 — 3 корреспондента из многих стран: Австрии, Англии, Германии, Греции, Франции и др.

За деятельность парламентских журналистов, их состав отвечал Заведующий охраной Императорского Таврического дворца. В аппарате самой Думы состояло 13 штатных чиновников, 11 канцеляристов, 106 писцов, были введены должности старший и младший журналист. Так, в Третьей Государственной Думе было 7 старших журналистов и 11 младших, им помогали 86 писцов и 26 стенографистов.⁹⁰ В обязанности парламентских журналистов входило:

- подготовка отчётов с заседаний Думы для правительственных учреждений, постоянным подписчикам, для провинции, для иностранной прессы;
- рассылка материалов о деятельности фракций и групп Думы, её многочисленных комиссий, как постоянных — финансовой, бюджетной, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, редакционной, по запросам, библиотечной и др., так и временных — земельной, по местному самоуправлению, по народному образованию, по направлению законодательных предположений, по судебным реформам, сельскохозяйственной, продовольственной, по народному здравью, переселенческой и др.
- работа с письмами, поступавшими в Думу, запросами, откликами на обсуждения, проходившими в ней, и др.

В Думе была создана и временная комиссия по печати, возглавляемая сначала депутатом В.В. Шульгиным. Она обсуждала законы, законопроекты о печати, мнения о Думе, запросы в неё; организовывала дискуссии с журналистами и бизнесменами в сфере печати. Члены этой комиссии активно участвовали в подготовке нового законопроекта о печати, к обсуждению которого было привлечено около 100 депутатов.

Для работы депутатов и журналистов при Думе была организована в основном с помощью даров щедрых благотворителей библиотека, где хранились издания на языках народов России и иностранных; куда выписывалась периодика на многих языках мира. Сюда приходили газеты: 9 – на английском, 8 – на французском, 7 – на немецком, по 3 – из Чехии и Болгарии и т.д. К 1914 г. в библиотеку поступали 569 журналов и 236 газет мира, включая и из России. Печать предназначалась для выдачи депутатам и журналистам.

При русском парламенте было организовано Общество думских журналистов с председателем его правления А.А. Пиленко. Оно выпускало во время сессий Думы с осени до весны «Справочный листок», рассылавшийся по подписке и продававшийся депутатам.⁹¹

Связь Думы с обществом и журналистикой осуществлялась непосредственно и через пишущих депутатов, в числе которых было немало профессионалов пера. Так, в первой Государственной Думе было 30 бывших и действующих редакторов и 15 корреспондентов. Примерно четверть состава депутатов регулярно печаталась в прессе.⁹²

Парламентская журналистика стала в конечном итоге важным фактором политической жизни страны, деятельности партий и функционирования системы печати.

5.7. Политические письма Л.Н. Толстого

Особую роль в политическом процессе мирового сообщества и в России в это время играл Лев Николаевич Толстой, последний в числе кагорты русских литераторов, определявших общественное настроение, влиявших на общественное мнение страны, воплотивший в творчестве всю энергетику своих предшественников. Его Слово стало прощальной нотой в расставании литературного процесса с трибунной ролью в обществе. XX столетие Толстой встретил усиленной творческой работой. Этот век для России, можно сказать, открылся романом Л.Н. Толстого «Воскресение». Закончив его после длительной и мучительно-сладостной работы, писатель поставил под текстом дату 12 де-

кабря 1899 г. Символично название этого произведения, содержащее надежду на духовное возрождение. Александр Блок назовет его в 1908 г. «завещанием уходящего столетия новому».⁹³ Явление романа в общество было подобно взрыву, хотя печаталось оно почти целый год в тихом семейном журнале «Нива» (1899. № 11 – 52), самом распространённом в стране, имевшем к этому времени тираж 235 тысяч экземпляров⁹⁴. Поскольку журнал читался семьёй, постольку число его читателей увеличивалось по крайней мере в 3 раза.

Русское общество тех лет жаждало обновления всех социально-политических, культурных, бытовых сторон жизни. «Воскресение» отвечало этой потребности. Оно стало, как замечает историк литературы и журналистики Э.Г. Бабаев, по замыслу «письмом», обращенным ко «многим». Писатель хотел найти в таком типе романа «некое единство своих теоретических и художественных исканий, найти единение добра и красоты. Замысел был столь трудным и важным, что Толстой обращался, как свидетельствует его дневник, за помощью к Богу: “Помоги, Отец!”»⁹⁵. Заканчивая роман «Воскресение», Лев Николаевич предвкушал: *«Руки чешутся писать обо многом в форме статей. Да надо кончать “Воскресение”. Когда не было художественной работы, я по ней скучал, а теперь уже хочется освободиться, много набралось другого»*.⁹⁶

«Много другого» – это публицистика, которая к этому времени в творчестве Толстого занимала не меньше места, чем художественная проза. Писатель и мыслитель был человеком, живущим болями своего времени. Казалось бы, 70-летний возрастной рубеж должен был несколько охладить бойцовский темперамент Толстого, но как раз наоборот: Лев Николаевич с головой окунается в актуальные жизненные проблемы, которых в России накопилось великое множество и которые властью не решались.

С болью в сердце он пишет о происходящем в стране и за её пределами: войнах, казнях, унижении человеческого достоинства – порке крестьян, безбожии. Вот часть произведений, вышедших из-под пера Толстого-публициста только в

1900 – 1902 гг.: «Рабство нашего времени», «Не убий», «Где выход», «Неужели это так надо», «Царю и его помощникам», «Единственное средство», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка», «О веротерпимости» и др. Он становится совершенно неудобным и неугодным публицистом для власти. Все перечисленные произведения вышли за границей – в «Свободном слове» и его «Листках».

Но в то же время жизненное пространство Толстого становится достоянием человечества: у Льва Николаевича консультируются, узнают мнение, ждут его Слова; стремятся вовлечь в ту или иную организацию, к сотрудничеству в той или иной газете, в журнале; предлагают написать или высказаться о том-то и т.д. Так, объясняя, как появилась его статья «Об общественном движении в России», Толстой сообщал Черткову: «Я писал её, имея в виду и личные (интервьюеров), и письменные, и телеграфические запросы от английских, французских и американских газет» (89, 9).

Действительно, Лев Николаевич получал много телеграмм и писем разных изданий с просьбой высказаться о событиях 9 января 1905 г. 10 американских газет делегировали к нему двух корреспондентов – Дэвита (Dawitt), бывшего члена английского парламента, и Макенна (Mackenna) от New York Times – с тем, чтобы узнать, как Толстой смотрит на положение в России и что думает о петербургских событиях. 20 января к нему приехал ещё новозеландский журналист Вильямс (Williams), представлявший Manchester Guardian (89, 11). Вообще за свою жизнь Л.Н. Толстой дал более 200 интервью.⁹⁷

Ясная Поляна превращается в коммуникативный центр, которых на карте России того времени было не так уж и много. Ясная Поляна, где жил Толстой, занимает на ней место наряду с Петербургом и Москвой. Сюда стекается информация, связывающая писателя со всеми континентами и почти со всеми странами, Вот почему Толстому всё больше приходится думать не только о судьбе России, но и всего человечества. Конечно, такая ситуация сказывалась на его творчестве. Автор её становится одним из тех, кто стоял у истоков современного процесса глоба-

лизации человеческого бытия. Его Слово звучало и без современных новейших технологий на весь мир.

Творческая жанровая палитра писателя во многом трансформируется: в ней большое место занимают жанры эссеистики – такие, которые дают автору возможность наиболее полно выразить личностное, душевное, учительное начало. При этом Толстому не надо было обращаться к опыту других культур, хотя, конечно, он давно был знаком, к примеру, с творческим эссеистическим опытом Ж.Ж. Руссо. Однако Льва Николаевича всегда привлекала и трогала древне-русская литература с её проповедческой, душевно-разговорной интонациями, высоко-нравственными и учительскими тенденциями и соответствующим им жанровому ряду: слово, проповедь, житие, открытое письмо, беседа, обращение.

Вся жизнь и деятельность Толстого сопровождалась постоянной, усиливающей эти качества его творчества огромной **перепиской** – сначала с близкими и друзьями, затем и со сторонниками своих взглядов, и теми, кто в с ним полемизировал, наконец, с любым человеком Земли, пожелавшим пообщаться с великим писателем и мыслителем. В эпистолярном наследии Толстого более 10 тысяч писем к разным лицам.⁹⁸ Эта практика, в конце концов, привела к тому, что всё чаще в посланиях и обращениях Толстой стал апеллировать не только к конкретному лицу, но вообще ко всем, кому интересна затронутая в письме проблема. В письме к Великому князю Николаю Михайловичу 20 августа 1902 г. Лев Николаевич замечал: *“Всякое сочинение est une lettre de l’auteur a ses amis incounus”* (35, 667 – ...есть письмо автора к неизвестным друзьям – *Ред.*).

Адрес переписки Толстого глобализируется: его частное письмо становится достоянием всех и в его практике появляется своеобразный жанр, совмещающий конкретного адресата и расчитанность на массовую аудиторию.

Так, Лев Николаевич стал писать ответ английскому журналисту Джону Мансону на вопрос о столкновении США и Англии из-за границ Венесуэлы. Ответ стал статьёй «Патриотизм или Мир», законченной 5 января 1896 г., на очень важную и ак-

туальную до сих пор тему: патриотизм, понимаемый как национализм, «желание исключительного блага своему народу», неизбежно ведущие к войнам. «Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, – делает вывод Толстой, – и то здесь, то там не переставая идёт маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая большая война всякую минуту может и должна начаться». Он рассматривает такого рода «патриотизм покорённых, угнетённых народов – армян, поляков, чехов, ирландцев» как «едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия» (90, 47 – 48). В этом же месяце, 12 января, Лев Николаевич послал письмо Э. Кросби. Его опубликовал в Женеве Элпидин как «Письмо Толстого к американцу о непротивлении». С некоторыми изменениями оно вышло 5 апреля в переводе в газете «Tribune» (Нью-Йорк). Таких примеров в практике писателя не счесть.

Толстой возвращает письму полную коммуникативную роль. Оно несёт не только интимную, личностную информацию, но и общественно-значимую. Это хорошо понимали адресаты Льва Николаевича и нередко его частное письмо появлялось в печати, как статья, комментарий, мнение. Эпистолярный жанр – один из важнейших в его творчестве. Многие его частные письма становятся достоянием читателей разных стран, а сам жанр открытого письма и обращения вообще характерен для литературной практики Толстого начала XX в. Вот выборка его публикаций в этом жанре, вышедших тогда:

- Царю и его помощникам – 1901;
- К рабочему народу – 1902;
- К духовенству – 1903;
- К политическим деятелям – 1903;
- Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу – 1906;
- Письмо к китайцу – 1906;
- Письмо к индусу – 1908.

Открытые письма Толстого в этот исторический период становятся общественным явлением, влияющим на социальную и культурную жизнь общества, которое в это время оказывается

ареной развернувшегося процесса политизации. Можно сказать, что и сам этот процесс значительно повлиял на творчество писателя, его актуализацию, обращенность к публицистике и расширение жанровой палитры, обогатившейся и открытым письмом. Понимая характер эпохи, Л.Н. Толстой выступил даже с особым обращением *«К политическим деятелям»*, эпиграфом к которому предпослал слова английского поэта Перси Биши Шелли: *«Самой губительной ошибкой, которая когда-либо была сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной»*. Толстой предостерегал общество и самих политиков от того ложного, по его мнению, пути, на который они встали»⁹⁹ (35, 214 – 215).

Фактически Лев Николаевич в новых, предреволюционных условиях развивает мысли, высказанные им ещё в 1896 г. в *«Письме либералам»* – так был назван его ответ на письмо А.М. Калмыковой (1849 – 1926), где он подчеркивал **«то, что требуется совестью – высшим предчувствием доступной человеку истины, – есть всегда и во всех отношениях самая нужная и самая плодотворная деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь благое влияние на людей. Деятельность же, сообразная с совестью лучших людей общества, есть всегда та самая деятельность, которая требуется для блага человечества в данное время».¹⁰⁰**

Слова обращения писателя *«К политическим деятелям»* звучали особенно актуально в связи с крайними устремлениями зарождавшихся тогда в России политических партий, особенно социалистов и социал-демократов. Толстой никогда не был членом какой-либо партии. Мало того, он заявлял: «Большое счастье не принадлежать к партии и свободно жалеть и любить и тех и других» (62, 440). Но само Время противопоставило его партийному движению.

Л.Н. Толстой, хотя и не считал себя политиком, играл первостепенную роль в политической жизни страны и умело использовал печатное слово. Недаром один из наиболее крупных издателей, публицистов и политиков России А.С. Суворин

именно тогда сделал вывод (29 мая 1901 г.) в дневнике: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии».¹⁰¹

Воздействие писателя и публициста на общество, влияние в нём было таким, что, можно сказать, Толстой сам становится человеком-партией, вырабатывающим определенную программу решения актуальных проблем российского и мирового сообщества. Его публицистика приобретает политический, программный характер.

Сделаем здесь существенную оговорку устами самого Толстого. Так, он подчеркивал ещё в 1896 г. в одном из писем, что он «все силы употребляет, не скажу – на борьбу с ним (устройством жизни того времени – Ред.) – эта цель слишком частная, а *на деятельность, долженствующую разрушить это устройство и заменить новым*» (69, 38).

Лев Николаевич давно задумал написать статью, где хотел обобщить положение народа в государстве и предложить выход из того тупика, в котором общество страны оказалось к началу XX в. Такой статьёй стало его открытое письмо – обращение «Царю и его помощникам» (1901). Он упорно работал над ним, рукописный фонд обращения составляет 113 листов разного формата, а окончательный текст имеет всего лишь 6 страниц. 15 марта 1901 г. обращение было завершено. 19 марта в дневнике Толстой зафиксировал: «...Студенческие истории, принявшие общественный характер и заставившие меня написать обращение к царю и его помощникам и *программу*. Старался руководиться только желанием служить, а не личным удовлетворением» (54, 90. – Курсив наш – Г.Ж.). В обращении действительно предложена власти, правительству конкретная программа и показаны возможные пути её реализации.

Забота об основной трудящейся части населения России – крестьянстве, которое находилось в наиболее бесправном положении, ставится Толстым во главу угла предъявляемых им требований. По его мнению, они могут изменить сложившуюся си-

туацию в стране. Он предлагает «уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами», в связи с чем, необходимо:

а) уничтожить ни с чем не связанный, нелепый институт земских начальников;

б) отменить те особые правила, которые устанавливаются для определения отношений рабочих к нанимателям;

в) освободить крестьян от стеснения паспортов для перехода с места на место и также и от лежащих исключительно на них квартирной, подводной, сельской, полицейской повинности (сотские, десятские);

г) освободить их от несправедливого обязательства платить по круговой поруке долги других людей, а также и от выкупных платежей, давно уже покрывших стоимость выкупаемых земель; и главное:

д) уничтожить бессмысленное, ни на что не нужное, оставленное только для самого трудолюбивого, нравственного и многочисленного сословия людей, позорное телесное наказание» (34, 241). Вспомним, что это пишет художник слова – автор «Анны Карениной». Вспомним, что это – 1901 г.

Приводя эти обыкновенные, элементарные требования, Толстой обобщает: «Уравнение крестьянства, составляющего огромное большинство народа, во всех правах с другими сословиями особенно важно потому, что не может быть прочно и твёрдо такое общественное устройство, при котором большинство это не пользуется одинаковыми с другими правами, а находится в положении раба, связанного особыми исключительными законами. Только при равноправности трудящегося большинства со всеми другими гражданами и освобождении его от позорных исключений может быть твёрдое устройство общества» (34, 241). Здесь аналитик-публицист, предвидит то, что произойдет в 1905 г. – революцию назовут именно крестьянской. Конечно, в первую очередь, Толстой озабочен тем, чтобы помочь трудящимся на земле, выполнить свой моральный долг по отношению к ним. Поэтому он стремится подсказать власти, как избежать надвигающихся трагических событий.

Его программа действий содержит требования отмены незаконных «правил усиленной охраны», уничтожение «всех преград к образованию, воспитанию и преподаванию», «всех стеснений религиозной свободы». Эти требования Толстой называет самыми скромными и легко исполнимыми желаниями большинства русского общества, которые, несомненно, его успокоят и предотвратят преступления с обеих сторон. «Помогите же улучшить положение этого большинства, – обращается писатель к «царю, министрам, членам Государственного совета и советчикам и близким к царю» (34, 245).

Интересно сопоставить эти актуальные и конкретные предложения Толстого правительству страны с его же **«обвинительным актом против правительства»** (со слов Льва Николаевича в его дневнике конца 1880-х гг.), содержащим 7 пунктов и ставшим его программой, которую он реализовывал, как показывает анализ его творчества, в своей публицистике: «Думал: вот 7 пунктов обвинительного акта против правительства:

- 1) Церковь, обман, суеверия, траты.
- 2) Войско, разврат, жестокость, траты.
- 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза.
- 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города.
- 5) Фабрики – убийства жизни.
- 6) Пьянство.
- 7) Проституция» (50, 76 – 77. У Толстого пункты даны в одном абзаце – Г.Ж.).

Как видим, Толстой отчётливо понимал то, что происходило в России начала XX в. Он откладывает на некоторое время обвинительный акт и **предлагает власти достаточно реалистическую программу, выполнение которой могло остановить нарастание напряженности в обществе, помочь избежать конфронтации.** «Всякий мыслящий человек нашего времени не может не видеть, что из того тяжёлого и угрожающего положения, в котором мы находимся, – пишет в феврале 1902 г. Лев Николаевич, – есть только два выхода: *первый, хотя и очень трудный – кровавая революция, второй – признание правительствами их обязанности не идти против закона*

прогресса, не отстаивать старого... поняв направление пути, по которому движется человечество, вести по нему свои народы» (34, 278).

Эти вещие слова из предисловия Толстого к публикации написанных им солдатской и офицерской памяток. В нём подчеркивается, что об этом же он послал два письма царю Николаю II в 1900 и 1902 г. Но власть оказалась глухой к голосу совести. «И потому ввиду неизбежности первого выхода, т.е. революции, предоставляю к распространению теперь эти две памятки, надеясь на то, что мысли, содержащиеся в них, уменьшат братоубийственную бойню, к которой ведут теперь правительства свои народы» (34, 279). Здесь важно отметить, что и в этом случае публицист, выступая против войны и революции, насилия, «братоубийственного назначения войска», подходит к проблемам практически, стремится уменьшить число жертв готовящейся братоубийственной бойни. Такой же актуальный характер имела большая часть публицистики Толстого того времени, направленная на решение основных общественных проблем.

Ощущение надвигающейся катастрофы – мировой бойни – пронизывает творчество Толстого, хотя до Первой мировой войны было более 10 лет. Тема войны прошла через всё творчество писателя и публициста.¹⁰² И это было естественным явлением для графа Толстого, предки которого были военными, и сам он пошёл служить в армию, был военным публицистом. Познав все стороны войны на практике, осознав её истинную природу, противоестественность добру, нравственности, общечеловеческой морали, Лев Николаевич стал выступать против неё, против её бесчеловечности, её античеловечности, её варварской и звериной сущности.

Тема войны на рубеже веков в мировой журналистике являла собой, можно сказать, особый форум, в котором голос русского публициста и писателя Толстого звучал особо авторитетно. «Пророк добра, Вы поучаете людей жалости, а они отвечают Вам, заряжая ружья и открывая огонь! Не смущает ли это Вас, несмотря на твёрдость Ваших убеждений, и не разочаровались ли Вы в человеке-звере?» – спрашивал в связи с развернувшейся

между Японией и Россией войной в открытом письме Толстому в газете «Тан» («Время») французский академик и писатель Жюль Кларти.¹⁰³

И к этой войне Толстой подходит с общечеловеческих позиций. «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии», – так ответил Толстой 22 февраля 1904 г. на запрос по телеграфу редакции газеты «Нордс америкэн» («Североамериканец»): «Сочувствуете ли Вы России, Японии или никому?» (75, 38). Со всех концов Земли к Толстому поступали вопросы о развернувшихся трагических событиях. В беседе с французским журналистом Жорж Анри Бурдоном Лев Николаевич сказал: «Нынешняя война – это только проявление губительного людского безумия».¹⁰⁴

С началом войны с Японией Толстой откладывает всякую другую литературную работу и пишет новый протест – острое, взрывоопасное, злободневное эссе с заголовком –призывом, обращенным ко всем людям, – **«Одумайтесь!»**. Фактически это тоже открытое письмо к человечеству. 29 апреля 1904 г. Лев Николаевич отмечает в дневнике: «Всё это время писал ещё прибавление к статье о войне. Нынче кончил и доволен ей». Очень точно подметил характер этого эссе В.Г. Чертков в письме к его автору от 27 июля: «Бывает случай, как на пожаре, когда необходимо закричать во всё горло, и это ваше воззвание было таким криком».¹⁰⁵

Сам автор осознавал, что «статья эта вышла как-то круто заостренная» (36, 604). Сохранившийся рукописный материал (242 листа, 203 обрезка и 21 лист вставок) свидетельствует о том, что каждая главка этого произведения переделывалась от 5 до 10 раз.¹⁰⁶ Оно было напечатано редакцией «Свободного слова» в двух вариантах. Второе издание вышло без эпиграфов – в расчёте на популярную аудиторию – для солдат, хотя система эпиграфов в этом эссе играют существенную роль, и не только как дополнительные весомые аргументы к раздумьям автора, но и как многоголосый протест против войны, как своеобразный диалог – переключку времён, мнений и документов о войне.

Открывает эссе общий к нему эпиграф: «Ныне ваше время и власть тьмы» (Лука, XXII, 53). Само произведение имеет целую систему эпиграфов от 3 и более к каждой его отдельной части, обычно текст автора занимает даже меньше места, чем цитируемые разнообразные источники. Как правило, один эпиграф развивает другой. В диалоге участвуют Марк Аврелий, Анатолий Франс, Чаннинг, Кант, Мадзини, Мопассан, русский крестьянин, матрос и многие другие, включая самого Толстого. Пожалуй, одним из наиболее обличительных в этом многоголосье был голос Русской Матери из частного письма (март 1904 г.), в котором воссоздана репортажная картина «палубы Варяга» (погибшего в ходе бойни крейсера):

«Зрелище было ужасно. Везде кровь, обрывки человеческого мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая башня более всех пострадала. Гранату разорвало на её вершине и убило молодого офицера, который руководил наводкой. От несчастного осталась только сжатая рука, державшая инструмент...»

Рассказывая о страданиях раненых, Мать с горечью вспоминает «воспевавшего благодетеля войны» Жозефа Местра и замечает: «Я советую раненым читать его между двумя перевязками.

Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости Бога.

И эта великая мысль будет служить им утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости.

В «Русских ведомостях» я прочла рассуждение о том, что выгода России в том, что у неё неистощимый человеческий материал.

Для детей, у которых убьют отца, у жены – мужа, у матери – сына, материал этот истощается скоро».¹⁰⁷

С этими словами перекликаются слова автора эссе: «Пешая саранча переходит реки так, что нижние слои тонут до тех пор, пока из потонувших образуется мост, по которому пройдут верхние. Так распоряжаются теперь с русским народом.

И вот первый нижний слой уж начинает топиться, показывая путь другим тысячам, которые все также погибнут.

И что же, начинают понимать свой грех, своё преступление зачинщики, распорядители и возбудители этого ужасного дела? Нисколько. Они вполне уверены, что исполняли и исполняют свою обязанность, и гордятся своей деятельностью». ¹⁰⁸

В этом диалоге автор – скорее комментатор-аналитик, как на современном телеэкране ведущий и направляющий взволнованные голоса выступающих, умело упреждающий возможные доводы будущих оппонентов. Публицист показывает бессмысленность и преступность человеческой бойни.

Эссе Толстого «Одумайтесь!» вызвало шквал откликов в мировой прессе: «Таймс», «Фримэн журнал» (28 июня 1904), «Свободное слово» (Лондон, 1904, № 12) и др. К протесту Толстого присоединились Бернард Шоу, Анатолий Франс, учёный Джордж Х. Рив (США), писатель Томас Огилви (Шотландия) и др. «В словах Толстого есть дух, опасный для всех правительств», – констатировала 29 июня газета «Санди скул хроникл» («Хроника воскресной школы»), считая, что «статья Толстого есть пророческое слово неземного происхождения». ¹⁰⁹

Публицистика великого писателя раскрывает новые грани его таланта, его деятельное начало, стремление не только поставить сложную проблему, но и показать пути её решения. «Немногие осознают, что он (Толстой – Ред.) направил свой гений в социальную сферу жизни, – замечает Д. Рэдферн в книге «Толстой. Принципы мирового порядка» (1993), – что, в сочетании с литературным мастерством, сделало его великим рассказчиком, несущим большую практическую пользу. Он был одним из тех немногих представителей девятнадцатого века, кто ясно видел те слабые места в устройстве общества, которые и привели впоследствии к катастрофе двадцатого. Более того, он имел ряд конкретных предложений о том, как изменить мир к лучшему». ¹¹⁰ И в этом он опирался на публицистическое слово, которое очень ценил.

В трудный для него – последний – 1910 год, прочитав статью В.Г. Короленко («Русское богатство». № 3, 4) «Бытовое яв-

ление (Заметки публициста о смертной казни)», Лев Николаевич взволнованно писал её автору: «...Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и главное по чувству – превосходную статью. **Её надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья**».¹¹¹ К такой высокой оценке публицистического слова приходит Толстой к концу жизни.

Примечания

1. Градовский Г. К 200-летию печати. Возраст русской публицистики // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати. 1703 – 1903. СПб., 1903. С. 153.
2. См.: подробно о партийной печати, которая выходила главным образом за рубежом: Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков. Уч. пос./ Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб., 2003.
3. История русской литературы: Литература 70 – 80-х годов XIX века. Кн. 1. М., Л., 1956. С. 238.
4. Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОСПЭН, 1996. С. 5.
5. Там же. С. 9.
6. См. наиболее подробное в советской литературе освещение проблемы: Куницын Г.И. В.И. Ленин о партийности и свободе печати. М., 1971. – 280 с.
7. Милоков П.Н. Объективное и социологическое обоснование свободы печати // В защиту слова. Сб. ст. СПб., 3-е изд., 1905. С. 22 – 23.
8. Герасимов Л. (Сиротский Ф.Г.) Наша литература и пресса после революции // Образование. 1908. № 2. С. 2 (паг. 3).
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 10; Т. 6. С. 89, 161.
10. Там же. Т. 5. С. 11.
11. Там же. Т. 44. С. 79.
12. Клейнборт Л. Политическая эмиграция прежде и теперь // Современный мир. 1909. Ноябрь. II часть. С. 65.
13. См.: Жирков Г.В. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы // Журналистика русского зарубежья... С. 4 – 8.
14. Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк. 1953. С. 100.
15. Клейнборт Л. Указ. соч. С. 52.

16. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.I. М., 1990. С. 277, 290.
17. О В.Г. Черткове и его отношениях с Л.Н. Толстым существует большая и противоречивая литература. Так, необъективную характеристику проблемы содержат книги историка РПЦ, священника Георгия Ореханова «Жестокий суд России: В.Г. Чертков в жизни Л.Н. Толстого». М., 2009; «Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой». М., 2010.
18. Отчет книгоиздательства «Свободное слово» В. и А. Чертковых за период 1897 – 1900 г. V. Tchertkoff. Christchurch. 1901. С. 22 – 23; Гладышева С.Н. Периодические издания «Свободного слова» (1898 – 1905): История, особенности функционирования. Автореф. канд. дисс. Ростов н/Д. 1999; Бережной А.Ф., Жирков Г.В. В борьбе за демократию // Журналистика русского зарубежья... С. 149 – 161; Donskov A. Leo Tolstoy and the Canadian Doukhobors an historic relationship. CRCRR: Carleton University, 2005; наиболее подробно: Жирков Г.В. Л.Н. Толстой и цензура. СПб., 2009. С. 193 – 209.
19. Поссе В.А. Мой жизненный путь. М.; Л., 1929. С. 252.
20. Новые материалы об отлучении Л.Н. Толстого (к 150-летию со дня рождения) / Публикация М.Н. Курова // Вопросы научного атеизма. Вып. 24. М., 1979. С. 270;
21. «Русские ведомости»: 1863 – 1913. Сб. ст. М., 1913. С. 43.
22. Елпатьевский С.Я. Литературные воспоминания. М., 1916. С. 125.
23. Короленко В.Г. Черточка из биографии // «Русские ведомости»... С. 310 – 311.
24. Розенберг Вл. А. «Русские ведомости» (Исторический очерк) // Русские ведомости... С. 44.
25. Таблица составлена по данным (в сокращении): Литошенко Л. Читатели «Русских ведомостей» (По данным анкеты) // Русские ведомости... С. 113 – 126.
26. Жирков Г.В. Нравственная публицистика Л.Н. Толстого // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы межвуз. науч.- практ. конф. СПб., 2006. С. 187 – 190.
27. Короленко В.Г. Черточка из биографии... С. 311.
28. См. подробнее: Жирков Г.В. Русское богатство // Деятельность XIX века. Т. II. Кн. 5. СПб., 2006. С. 1039 – 1041. Русские ведомости. 1895. №№ 288 – 314.
29. Короленко В.Г. Черточка из биографии... С. 309.
30. Л.Н. Толстой о литературе: статьи, письма, дневники. М., 1955. С. 607.
31. См.: Середа Н.Д. Газета «Русские ведомости» в 1860-е – 1870-е годы. Канд. дисс. филол. наук. М., 2001. В дисс. исследуется период 1863 – 1881 гг.

32. О нём см.: М.Я. Герценштейн. Биография. Речи. Похороны. Убийство. М.Я. Герценштейн в Думе. СПб., 1906; Дедков Н. Герценштейн Михаил Яковлевич // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 148 – 149; Родионова Т.С. Деятели печати и первая Государственная Дума России. М., 2007. С. 8 – 9.
33. См. наиболее полную историю: Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма. СПб., 2003; Горчева А.Ю. Политический менеджмент: исторический опыт России. М., 2002.
34. Дело. 2006. 24 июля. (Териоки – ныне Зеленогорск).
35. О нём см.: Обнинский В.Г. Иоллос // К 10-летию I-ой Государственной Думы: 27 апреля 1916 г. Пг., 1916; Дедков Н. Иоллос Григорий Борисович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 227 – 228; Родионова Т.С. Деятели печати и первая Государственная Дума России. М., 2007. С. 13 – 14.
36. Цит. по: Дедков Н. Иоллос Григорий Борисович // Политические партии России... С. 227.
37. Это уникальное письмо извлечено из архива историк А.В. Шевцов: Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 92.
38. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906 – 1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 155; Otto Hoetzsch. Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte von 1904 bis 1912. Berlin. 1912. S. 140 – 141; Marc Szeftel. The Russian Constitution of April 23, 1906. Bruxelles. 1976. P. 200 – 250.
39. В таблице даны наиболее значительные издания. Печать партий активно изучается: Смирнов С.В. Легальная печать в годы Первой русской революции. Л., 1981; Шевцов А.В. Указ. соч.; Ахмадулин Е.В. 1) Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов. Ростов-на-Дону, 2001; 2) Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов. Ростов-на-Дону, 2001.
40. Гоголевский А.В. Русский конституционализм на путях к парламентской монархии // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. Сб. док. М., 2001. С. 7.
41. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 245.
42. Второй Всероссийский съезд делегатов Конституционно-демократической партии. СПб., 1906. Бюллетень № 5. С. 2.
43. Там же. Бюллетень № 3. С. 5.
44. Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Т. 1. М., 1994. С. 143. Об этой деятельности кадетов см.: Горчева А.Ю. Политический менеджмент: исторический опыт России. М., 2002.

45. См. подробнее: Шевцов А.В. Указ. соч. С. 38 – 40.
46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 346; Т.14. С. 122.
47. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. М., 1983. С. 297 – 309; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973. С. 181; Шевцов А.В. Указ. соч. С. 55.
48. Шевцов А.В. Указ. соч. С. 57.
49. Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 221.
50. См.: Помимо названной литературы о партийной печати, Менделеев А.Г. «Роковая родная страна...»: Кадетская газета «Речь» и её люди 1906 – 1917 гг. М., 2005 (книга вышла как научно-популярное издание, носит публицистический характер).
51. Хайлова Н. «Речь» // Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.:РОСПЭН, 1996. С. 506.
52. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 238, 290.
53. Милюков П.Н. С.-Петербург, 23 февраля // Его же. Год борьбы: Публицистическая хроника 1905 – 1906 гг. СПб., 1907. С. 497.
54. Винавер М.М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907.
55. Речь. 1906. 2, 19, 23, 31 марта.
56. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 238, 290.
57. См.: Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов. Ростов-на-Дону, 2001. С. 86 – 97.
58. См.: Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952.
59. Отчёт Центрального комитета Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) за два года: с 18 октября 1905 г. по октябрь 1907 г. СПб. 1907. С. 43, 76.
60. Мускатблит Ф.Г. Первый русский парламент: избирательная кампания и её итоги. Одесса. 1906. С. 30 – 31.
61. К десятилетию 1-ой Государственной Думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916. Пг., 1916. С. 3.
62. Смирнов С.В. Легальная печать в годы Первой русской революции. Л. 1981. С. 61.
63. Федоров М.В. Печать партии социалистов-революционеров // Журналистика русского зарубежья... С. 102 – 103.
64. Волин М. Ленинская «Искра» (1900-1903). М., 1964; Ленинская «Искра» (К 70-летию со дня выхода первого номера). Сб. М., 1970; Тарновский К.Н. Революционная мысль, революционное дело (Ленинская «Искра» в борьбе за создание марксистской партии в России). М., 1983 и др.
65. Ложкин В. «Искра» // Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.:РОСПЭН, 1996. С. 229.

66. Рубакин Н. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. 1909. № 12. 2 отд. С. 10, 3.
67. См. о приёмах распространения: Малинин Г. «Свяжите нас с “Вавилоном”! (Из истории распространения произведений В. И. Ленина в Саратовской губернии)». Саратов, 1973.
68. Горчева А.Ю. Указ. соч. С. 102.
69. Иоффе А.М. Издательская деятельность большевиков в 1905 – 1907 гг. М., 1971. С. 14, 126; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 477; В.И. Ленин и Сибирь: Хроника. Новосибирск, 1972. С. 11, 24 – 27; Глущенко Н.А. Большевицкая печать Дальнего Востока в годы Первой русской революции. Владивосток. 1970. С. 77.
70. Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 106 – 107.
71. Станчинский А. «Звезда» за 1910 – 1912 гг. // Книга и пролетарская революция. М., 1933; Бережной А.Ф. История партийно-советской печати. Дооктябрьский период. М., 1897 и др.
72. Алферов В.Н. Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР. М., 1970. С. 49.
73. Розенталь И. «Звезда» // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 215.
74. Большевицкая печать в тисках царской цензуры. 1910–1914. Газеты «Звезда», «Правда». Сб. док. Л., 1939. С. 18.
75. Петряков Г.В. Коллективный агитатор, пропагандист и организатор. М., 1967; Логинов В.Т. Ленинская «Правда» (1912 – 1914). М., 1972; Андронов С.А. Боевое оружие партии. Газета «правда» в 1912 – 1917 гг. Л., 2-е изд., 1984; Бережной А.Ф. История партийно-советской печати. Дооктябрьский период. М., 1897 и др.
76. Сталин И.В. К десятилетию «Правды» // Правда. 1922. № 98. 5 мая.
77. Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1947. С. 248 – 249.
78. В.И. Ленин и «Правда»: 1912 – 1962. Сб. М., 1962. С. 7 - 8.
79. Большевицкая печать в тисках царской цензуры... С. 18; В.И. Ленин и «Правда»: 1912 – 1962. Сб. М., 1962. С. 7.
80. Романов А. «Правда» – газета людей труда (1912 – 1962). М., 1962. С. 10; Алферов В.Н. Указ. соч. С. 52.
81. Баскевич И.З. Издания оппортунистического направления // Русская литература и журналистика начала XX в. 1905 – 19017. Большевицкие и общедемократические издания. М., 1984; Максимова Т.О. Газета «Луч» // Вопросы истории. 1991. № 6; Бережной А.Ф. В борьбе за рабочего читателя // Его же. Углубляясь в историю печати. Статьи. СПб., 1996. С. 47 – 55; Меньшевики. Документы и материалы: 1903 – 1917 гг. М., 1996; Меньшевики и меньшевизм. Сб. М., 1998 и др.

82. Максимова Т. «Луч» // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 325.
83. См. подробно: Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906 – 1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 81 – 161.
84. Кокошкин Ф.Ф., С.А. Муромцев и земские съезды // С. А. Муромцев. М., 1911. С. 223 – 225.
85. Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив Русской революции. Т. XXII. Берлин. С. 210 – 225.
86. Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 152.
87. См. об этом: Горчева А.Ю. Политический менеджмент: исторический опыт России. Уч. пос. М., 2002 (В книге Горчевой, вышедшей как учебное пособие, впервые исследуется эта тематика); Родионова Т.С. Деятели печати и первая Государственная Дума России. М., 2007.
88. О цензуре и свободе печати (Из Протоколов заседаний первой Государственной Думы Российской Империи. Сессия 1, заседание 26. 13 июня 1906 г.) // Родионова Т.С. Деятели печати и первая Государственная Дума России. М., 2007. С. 102, 109 (Приложение).
89. Горчева А.Ю. Указ. соч. С. 54.
90. См.: Демин В.А. Государственная Дума России (1906 - 1917): механизм функционирования. М., 1996; Горчева А.Ю. Указ. соч. С. 54. К сожалению, эта сторона деятельности Думы по-настоящему не изучена и требует уточнения.
91. Горчева А.Ю. Указ. соч. С. 51 – 52.
92. Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. СПб., 3-е изд., 1906. С. 9 – 10; Родионова Т.С. Указ. соч. С. 6. Родионова приводит список редакторов и издателей-депутатов 1-ой Государственной Думы. – С. 6 – 34.
93. Блок А. Записные книжки. 1901 – 1920. М., 1965. С. 114.
94. О журнале «Нива» см.: Жирков Г.В. Журналистика 1880 – 1890-х годов: Журналы // История русской журналистики XVIII – XIX веков. СПб., 2003. С. 570 – 572.
95. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 томах. М., 1928 – 1963. Т. 52. С. 6. В дальнейшем все сноски на это собрание сочинений – в тексте (Т., стр.); Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1993. С. 188. Э.Г. Бабаев в своей интересной монографии подробно исследует, как романы Толстого были встречены прессой России, критиками и публицистами, какие проблемы обсуждались в связи с их появлением.
96. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 72. С. 164.
97. Никитина Н.А. Лев Толстой как великий транслятор коммуникативных смыслов // Л.Н. Толстой в мировом коммуникативном процессе. Тезисы межвуз. научн. конф. ф-та журналистики СПбГУ / Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб., 2008. С. 58.

98. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 194.
99. Толстой Л.Н. К политическим деятелям. СПб. 1906. С. 1, 17 18. – Обращение редакции «Всемирного вестника» было помещено на второй странице обложки.
100. Толстой Лев. Пора понять. Избр. публиц. ст. (1880 – 1910 гг.). М., 2010. С. 134. (Подчеркнуто нами. – Г.Ж.)
101. Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С. 316.
102. См. по этой теме: Кузминская Т. Отношение графа Льва Николаевича Толстого к войне вообще. Петроград, 1915; Варшавский С.Л. Н. Толстой и русско-японская война // Литературный современник. 1934. № 4. С. 143 – 163; Чубаков С.Н. Лев Толстой о войне и милитаризме. Минск, 1973.
103. Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого. Т. IV. М., 1922. С. 93.
104. Литературное наследство. Т. 75. Лев Толстой и зарубежный мир. Кн. 2. М., 1965. С. 46 – 49.
105. Цит. по: Муратов М.В. Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков в их переписке. М., 1934. С. 327.
106. Гудзий Н.К. Комментарии // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1992. С. 606.
107. Толстой Лев. Пора понять. Избр. публиц. ст. (1880 – 1910 гг.). М., 2010. С. 194 – 195.
108. Там же. С. 228.
109. См. подробнее: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 2-е изд., 1971. С. 240 – 251.
110. Redfearn. Tolstoy. Principles of a New World Order. Shephard-Walwin. London. 1992. - Рэдферн Д. Толстой. Принципы мирового порядка. М., 1993. С. 1.
111. Л.Н. Толстой о литературе... С. 607.

ГЛАВА VI. ДУХОВНОЕ СЛОВО РОССИИ

«Духовная деятельность есть величайшая, могущественнейшая сила. Она движет миром. Но для того, чтобы она была движущей миром силой, нужно, чтобы люди верили в её могущество и пользовались ею одною, не примешивая к ней уничтожающие её силу внешние приёмы насилия...».

Л.Н. Толстой (36, 154)

6.1. Духовная коммуникация и её особенности

Русская журналистика имела истоком Духовное слово, отражённое в публицистике и литературе Древней Руси, значение которого в развитии нашей культуры, развитии русского общества, литературы и журналистики очень велико. Длительное во времени воздействие на русское общество Духовного слова, затем – его дифференциация на духовно-духовное и духовно-светское, его сосуществование в последующие времена со светской литературой и публицистикой, появление блестящей плеяды духовных писателей и публицистов привело к особой роли духовного в русском менталитете.

При этом важно учитывать историческое обстоятельство: Церковь и Слово – двуединство. Церковь тесно связана с проповедческим словом. Ею накоплен богатейший опыт общения с паствой с помощью вербальной, рукописной и печатной публицистики. Проповедники, церковные ораторы, публицисты оставили яркое и интересное наследие. На протяжении многих веков сосуществуют два литературных направления – духовное и светское, которое отпочковалось от первого. Вся грамотная Россия читала «Четьи-Минеи» святителя Димитрия Ростовского, произведения митрополита Московского Филарета (Дроздова), архи-

епископа Иннокентия (Борисова), епископа Феофана (Говорова) и многих других.¹

Духовное слово Русской Православной Церкви (РПЦ) всегда представляло собой целенаправленный, единый синтез устной, рукописной, а затем и печатной коммуникации, символов и знаков, особого изобразительного ряда, музыки, если иметь в виду храм. В этом состоит особенность Духовного слова, это его качественное отличие, что естественно сказывалось и сказывается на всех типах коммуникаций. Духовная коммуникация долгий исторический период была основной во взаимодействии власти с народом Руси. При этом рыночная составляющая информационного процесса, сотворившая, по выводу М. Маклюэна,² западного человека, заработала на русских просторах не сразу. И смысл этого явления не в отсталости русского общества, а в его своеобразии, его духовной наполненности, которая влияла на всю его культуру и бытие.

Словесно-изобразительный синтез духовной коммуникации, нашедший воплощение в духовной книге, дал впоследствии обществу и литературу, и публицистику, и живопись. Её традиции сделают достоянием литературного процесса России высокую духовность, нравственность, пророчество. Вспомним корифеев XIX века Соловьева, Достоевского, Толстого.

С XVIII в. русская журналистика развивалась в единстве как система, состоящая из двух подсистем – духовной (церковной)³ и светской. Духовная составляющая коммуникации в России будет оставаться основной и на протяжении XVIII столетия. Пётр Великий был, по мнению многих историков, западником. А.Н. Шлосберг, к примеру, писал в 1911 г.: «Пётр в отношении прессы произвёл нас в “бытие”, пересадив её с Запада в уже готовом виде». Такой вывод слишком примитивен. Опираясь на мировой опыт и преодолевая сопротивление значительной части священнослужителей, Пётр I реформировал информационное пространство страны, создал светскую печать, её материальную базу⁴, однако он же сохранил ту традицию, которая существовала ранее: духовная коммуникация оставалась основной во взаимодействии с народом.

Это очень важный момент, который отличал нашу журналистику от других качественно и на том этапе, и на последующих. Одним из существенных итогов петровских реформ в информационном процессе станет наличие в нём с этого исторического периода двух подсистем печати. Духовную подсистему традиционно представляли устная коммуникация, проповеди и рукописные и печатные книги. Духовная периодика возникает в первой четверти XIX в. К 1860-м гг. складывается определённая сеть журналов РПЦ, с этих лет создаётся сеть епархиальных ведомостей. На рубеже XIX – XX вв. появляется частная церковная периодика.

Вообще исторически сложившиеся подсистемы русской печати взаимодействовали довольно трудно, с большими противоречиями. В соответствии с их наличием на практике сложилась и цензура из двух институтов: духовного, более древнего, и светского. Существовало и определённое разделение их труда. Духовная контролировала духовную жизнь общества, духовную и нравственную сторону информационного процесса. В этом было заложено, пожалуй, главное противоречие между двумя подсистемами печати. Оно сдерживало развитие диапазона информации светской журналистики и консервировало диапазон информации в духовной.

Охранительный консерватизм РПЦ экстраполировался на характер её печати. С появлением в 1860-е годы наиболее распространённого типа церковных изданий – епархиальных ведомостей – постоянно возникали дискуссии об их содержании, во время которых говорилось, как правило, о недостатках этих официозов, выполнявших главным образом служебную роль, их аморфности и типовой неопределённости⁵. Находясь под двойной цензурой – Синода и епархиальных архиереев, которые лично их просматривали, они превратились по большей части в безликие издания. Через 20 лет после их появления – 21 мая 1880 г. «Церковно-общественный вестник» (Санкт-Петербург) писал о том, что их редакторы всего боятся и характеризовал епархиальные ведомости как издания, «дышащие духом крайней нетерпимости», «тощенькие серенькие тетрадки».

Прошло ещё 20 лет. Несмотря на возникшую потребность в более тесной связи изданий этого типа с аудиторией, ситуация с епархиальными ведомостями мало в чём изменилась. В 1897 г. Н. Торков в статье «Епархиальные ведомости и духовенство» утверждал: «Одни епархиальные управления за то, чтобы епархиальный орган был на высоте своей задачи, хотя бы для этого пришлось увеличить расходы на издание. К сожалению, большинство смотрит на дело не так: не только не оказывает нравственную поддержку, не желая помещать в нём статей, но и обязательную материальную. Большинство «Епархиальных ведомостей», предоставленные сами себе, не отражают жизни епархии, поневоле публикуют статьи общего характера». Мнение Торкова разделял другой автор «Вологодских епархиальных ведомостей» И. Попов, считавший, что местные церковные газеты должны «чутко прислушиваться к жизни прихода и взять из неё не только внешние впечатления».⁶

В 1898 г. редактор «Ярославских епархиальных ведомостей» Н. Корсунский направил оберпрокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву записку «О придавленности епархиальных ведомостей», объясняя эту придавленность тем, что местные цензурные комитеты постепенно были закрыты, последний – в Ярославле в 1896 г., а субъективизм цензуры, которую вели назначаемые епархиальным преосвящённым цензоры, «решительно заедал» жизнь епархиальных редакций.⁷ На самом деле, как свидетельствуют факты истории духовной печати, дело состояло в другом. Для нас важно здесь отметить констатацию Корсунским ситуации с епархиальными ведомостями.

В церковной периодике во время проведения 200-летнего юбилея русской печати прошла дискуссия на тему: «Какими должны быть епархиальные ведомости». В ходе её возник ставший главным вопрос о соотношении в этом издании богословского и «практического», то есть церковной и светской информации. Уже тогда остро ощущалась диспропорция в содержании епархиальных ведомостей, заложенная синодальными рекомендациями ещё при их организации: полное господство, говоря современным языком, специализированной информации, то есть

всего того, что касалось сугубо церковной жизни, которая отделялась от мирской, светской.

Редактор «Архангельских епархиальных ведомостей» А. Ежов замечал в 1904 г., что в церковных изданиях этого типа «довлеют статьи отвлечённого содержания по богословским вопросам над заметками из практической жизни». «Забайкальские епархиальные ведомости» перекладывали вину в «бессодержательности ведомостей» на духовенство, которое «многого требует, ничего взамен не давая». «Олонецкая церковная газета» называла епархиальные ведомости «сборниками случайных статей», выдвигая в качестве причины их такого характера то, что их редакции «не в состоянии иметь особых корреспондентов в провинции».⁸ К местной прессе присоединил голос в ходе дискуссии «Церковно-общественный вестник»: «Прозябающие повсюду епархиальные издания представляют собой часто не более как скорбный листок своей епархии, а между тем должны быть её художественной духовной фотографией»⁹.

Таким образом, дискуссия о характере епархиальных ведомостей показала, что развитие этого типа издания упиралось в незыблемые установки управления РПЦ. В цензурной деятельности Святейший Синод постоянно проводил разграничительную черту в содержании периодики РПЦ между духовным и светским. Основная установка Церкви в этом отношении отражена во многих руководящих документах. Её можно представить обобщённо по одному из них: «...Вообще соединение в одном журнале двух отделов (духовного и светского), различных по содержанию и характеру, и помещение статей духовного содержания, особенно таких, как рассказы из земной жизни Спасителя, или объяснение евангелий – наряду со статьями, ...как то: повестями (в стихах и прозе), баснями, сказками, анекдотами и т.п., было бы весьма неуместно и могло бы неблагоприятно действовать на религиозно-нравственное чувство народа, способное возмутиться столь неосторожным и неразборчивым смешением предметов священных с мирскими и тщетными».¹⁰ Или более резко: «Святейший Синод находит неуместным вообще соединение в одном журнале статей духовного и светского содержа-

ния, весьма различных по своему характеру, преимущественно для чтения православному народу...»¹¹. Данная установка Синода, отражавшая стремление Церкви к сохранению некоторой автономности, касалась всей периодики РПЦ.

Но при этом надо иметь в виду два обстоятельства. Первое: Церковь как древнейший институт общества, обращенный к духовной сфере человека, отличается консервативным традиционализмом. Второе: Русская Православная Церковь со времени Петра Великого была прикреплена к государству. Её священники были фактически в составе бюрократического аппарата страны. Так, в 1891 г. в армии и на флоте насчитывалось 569 военных духовников, 272 церкви. В ходе Первой мировой войны на армейской службе состояло (по данным на 1915 г.) более 5 тысяч священников РПЦ, а были в армии ещё муллы, ксендзы, раввины (на каждый военный округ по 1)¹². Эти обстоятельства сказывались на том, что в деятельности Церкви так или иначе проявлялись тенденции отстаивания собственной автономии. В этом преуспевал институт духовной цензуры, который долгое время расширительно воздействовал на информационный процесс общества, включая светскую журналистику, литературный процесс (попытки предать анафеме А.И. Герцена,¹³ критика классиков русской литературы, особенно Л.Н. Толстого)¹⁴.

В этом смысле деятельность оберпрокурора К.П. Победоносцева – ока государева, на деле осуществлявшего идеалы самодержавия, воплощённые в триаде: самодержавие – православие – народность, можно рассматривать позитивно. Такой подход способствовал развитию духовной коммуникации, печати РПЦ, на которую нельзя смотреть упрощённо, как на копию светской. Если последняя взаимодействовала чаще всего с элитарным читателем, то православная печать была рассчитана на всех, с прерогативой общения с народом. И эту прерогативу власть и иерархи охраняли от всяческих посягательств на неё, особенно интеллигенции.

6.2. Журналистика Русской Православной Церкви

В итоге к XX столетию журналистика Церкви в России представляла собой значительную по влиянию на общество силу.¹⁵ Она имела самостоятельные мощные издательские центры, опиравшиеся на традиции, восходящие к рукописному периоду: Петербургская и Московская Синодальные типографии, типографии Киевской и Казанской духовных академий. Издательская деятельность осуществлялась Лаврами – Троице-Сергиевой, Почаевской и др., епархиями, братствами и т.д. В 1894 г. Санкт-Петербургская синодальная типография, например, отпечатала 5 миллионов 740 тысяч книг, брошюр, номеров церковных ведомостей и прочей продукции, состоявшей из 21 миллиона печатных листов. Первая Всероссийская выставка печатного дела (1895 г.) преподносила как чудо издание молитвы Господней «Отче наш» на 324 языках¹⁶.

Своеобразная сеть изданий, сложившаяся на этой материальной базе на рубеже веков и бурно развивающаяся в начале XX столетия, отражала разные стороны духовной жизни общества и состояния аудитории. Она во многом дублировала типологию светской, официальной журналистики. В Петербурге и Москве выходил ряд органов Синода, на местах – епархиальные ведомости: к 1917 г. их насчитывалось 71.¹⁷ Журналы Церкви расширили географию от столиц, Казани, Киева, как это было в XIX в., до Одессы, Рязани, Тифлиси, Харькова, Ярославля. К 1913 г. Церковь обладала наиболее разветвлённой в государстве системой печати, включавшей 1764 журнала и газеты общим тиражом 5 731 тысяча экземпляров¹⁸. При этом именно начало XX в. стало наиболее интенсивным периодом роста периодики РПЦ. По сравнению с периодом 1881 – 1905 г. сеть её изданий разных типов в 1905 – 1917 гг. увеличилась более чем в 2 раза. Если в 1881 – 1905 гг. вышло 85 журналов, 2 газеты, 6 листков (всего – 93), то в 1905 – 1917 гг. соответственно – 142, 20 и 39 (201).¹⁹ Общая для развития духовной печати тенденция соответствовала тенденции, присущей тогда и светской журналистике: росло число изданий, рассчитанных на более массовую аудиторию (листки, газеты, тонкие журналы). К этому следует добавить выходившие массовыми тиражами листовки, брошюры, календа-

ри – месяцесловы, святцы; (именно этот тип издания положил начало русской печати: в 1702 г. И.Ф. Копиевский выпустил в свет «Святцы или календарь»²⁰), и др. В 1910 г. в России были изданы на 21 языке 674 типа календарей, включая и значительную долю церковных.²¹

«Для пастырского окормления церковного народа большое значение – возможно, даже большее, чем церковная проповедь, – пишет историк А.Н. Кашеваров, – имела также назидательная литература».²² По своему характеру, содержанию и форме, она была вполне доступна народу. Наибольшее распространение среди него получили небольшие по размеру и цене брошюры (отдельные издания в переплете – книга), а также «народные» издания, охарактеризованные историком И.К. Смоличем, как «письменная проповедь». Таковыми были «Троицкие листки», начало издания которым положил в 1879 г. монах Троице-Сергиевой лавры Никон (Рождественский). Это были копеечные издания книжного формата, состоявшие из не более 10 страниц, нередко раздававшиеся бесплатно. Они содержали жития святых, краткие поучения, пояснения к молитвам и богослужению, отрывки из проповедей. К началу XX в. их тираж достигал до 450 тыс. экз. «Троицкие листки» выходили до 1917 г. включительно. В 1886 г. появились такого же типа «Почаевские листки».²³

Особое место в системе печати РПЦ занимали «Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Синоде»²⁴. Такое название имел первый номер журнала от 1 января 1888 г. Его редактором был назначен настоятель кафедрального Исаакиевского собора протоиерей Пётр Алексеевич Смирнов (1831 – 1907). Объём еженедельного журнала составлял 1,5 печатных листа. Синод считал, что церковная жизнь России достигла такого широкого развития, когда возникает необходимость передачи из Центра на места точной, документальной, официальной информации, отражавшей его позицию. В 1890-е годы тираж «Церковных ведомостей» составлял 40 тысяч экземпляров. В последующий период Синод поддерживал тираж своего печатного органа на этом уровне.

Процесс дифференциации духовной журналистики, отражая развитие аудитории, углубляется в конце XIX – начале XX вв. Она включает в себя официальные, церковно-педагогические, религиозно-назидательные, миссионерские издания, местную духовную периодику, печатные органы духовных академий и семинарий, наконец, частную православную прессу.

Периодика РПЦ 1821 – 1917 гг.²⁵ дифференцировалась по следующим основаниям.

По издателю:

- 1) *официозы – всего – 119 (32 %): столичные – 17 и местные – 102 (епархиальные);*
- 2) *церковных обществ – 116 (30 %);*
- 3) *частные – 67 (18 %);*
- 4) *духовно-учебных заведений – 23 (6 %);*
- 5) *монастырские – 17;*
- 6) *приходские – 7.*

По содержательному признаку:

- *церковно-общественные, апологетические – 117 изданий, включая церковных обществ – 63, частные – 30, местные – 17 и др.*
- *информационные – 90 изданий, главным образом – епархиальные – 71;*
- *религиозно-назидательные – 54 (частные – 26, монастырские – 11, церковных обществ – 9 и др.);*
- *церковно-исторические – 49 (32 – церковных обществ, 7 – местных, по 5 – духовно-учебных заведений и частных и др.);*
- *миссионерские – 29, в их числе: 18 – церковных обществ, 5 – частных, 4 – местных и др. (Издания, направленные против раскола, ересей, сектантства: «Православный путеводитель», «Миссионерское обозрение», «Миссионерский сборник» и др.).*
- *церковно-педагогические – 17, включая официозы столичные – 10, частные – 2 и др. (В 1905 г. в стране было 42695 церковно-приходских школ; журналы «Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь» и др.).*

- *богословско-философские* – 9 («Богословский вестник» – орган Московской духовной академии, «Труды Киевской духовной академии», «Православный собеседник» – орган Казанской духовной академии, журналы «Вера и Церковь» (Москва), «Вера и Разум» (Харьков) и др.).

Сущность типов изданий РПЦ значительно отличалась от светских. Их проблемно-тематический комплекс был сосредоточен на духовно-нравственных вопросах. Воспитание в преданности православию, духовное и нравственное воспитание паствы – кардинальные задачи РПЦ и её журналистики. Поэтому же её публицистика имела морализующий, назидательный характер. Духовная журналистика выполняла важные для церкви, государства и общества функции, такие, как духовно-нравственное воспитание и просвещение народа, защита его от новых идейных веяний самого широкого диапазона, особенно марксизма; борьба с отступлениями от догм Православия и пр. Так, в программной статье редакция богословского журнала «Вера и Церковь» (Москва. 1899. №1) ставила задачу «отвечать на запросы религиозной мысли и духовной жизни современного общества и противодействовать рационализму и неверию». При этом церковная печать относилась к рационализму и неверию очень многое. Напомним хотя бы ее ожесточенные выступления против взглядов и творчества многих крупных писателей: Л. Толстого, Н. Лескова, А. Чехова. М. Горького и др.²⁶

Как показывает исторический опыт, любой монополизм на что-то, включая и церковный, всегда встречает сопротивление. Духовная жизнь достаточно развитого общества не является прерогативой Церкви, определённой конфессии. В стремлении быть единственной выразительницей духовности РПЦ встретило естественное противодействие части интеллектуальных сил России, составляющей ей в этом смысле конкуренцию. Пожалуй, наиболее резко и отчетливо это проявилось в отношениях, сложившихся между Русской Православной Церковью и великим писателем Л.Н. Толстым, основным полем деятельности которого с 1880-х гг. стала не просто литература, а духовная жизнь общества.

6.3. Определение Святейшего Синода о Л.Н. Толстом

«В сущности, его учение – безбожие; всё сводится лишь к земле и её благополучию; дальше земли и земного он ничего не желает и знать».

Н. Ивановский

«Мысль его парила над землею и подчинялась не ей, а вечному порыву к совершенству».

В.А. Мякотин

Эта деятельность Толстого, с одной стороны, предвосхитила постановку многих её проблем, с другой, инициировала всеобщее внимание к ним. Но, так или иначе, в основе деятельности и Толстого, и той интеллектуальной силы страны, которая была им разбужена, лежала неудовлетворённость организацией жизни русского общества. Перед ними вставал вопрос: так что же в связи с этим делать? Поэтому весь фокус оппозиционности был нацелен на власть и официальную Церковь.

Для культурной, духовной жизни страны, развития общественной мысли, русской журналистики творчество Толстого и его общественная деятельность имели двойственное значение. Его творческие поиски вызвали ответное стремление заново понять и разобраться в самых сложных проблемах духовности, человеческого существования, человеческого сообщества. Не менее мощной на такие выступления Толстого была реакция Русской Православной Церкви и консервативной части общества. Она выразилась в принятии *«Определения Святейшего Синода от 20 – 22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам православные грекороссийские церкви о графе Льве Толстом»*, свидетельствовавшего о его отпадении от Церкви, и его поддержке паствой.

24 февраля документ появился на страницах «Церковных ведомостей» в № 8 от 25 февраля, в воскресенье, – большинства газет страны на первых полосах без каких-либо комментариев.²⁷ Некоторые издания («Русское слово» – наиболее распространённая газета, «Московские ведомости») напечатали его в разделе

«Телеграммы Русского телеграфного агентства». Одновременно с этим документом Синода было разослано распоряжение Главного управления по делам печати «О непоявлении в печати сведений и статей по поводу определения Синода».²⁸

В Определении Толстой называется «новым лжеучителем», «в прельщении гордого ума своего дерзко восставшим на Господа и Христа Его и на святое Его достоинство, явно пред всеми отрекшийся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной»; фанатиком, проповедующим “ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской...”». Далее в тексте Определения следовал перечень того, что Толстой отвергал. Документ свидетельствовал, что, во-первых, никакие попытки со стороны РПЦ вразумить Толстого не имели успеха; во-вторых, Толстой сам отпал от Церкви. Св. Синод оставлял писателю надежду: «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею».

Непосредственную и точную реакцию современника Толстого на этот документ РПЦ содержит дневник В.Г. Короленко, записавшего 25 февраля 1901 г. в нём: «Акт беспримерный в новейшей русской истории! Правда, беспримерны также сила и значение писателя, который, оставаясь на русской почве, ограждённый только обаянием великого имени и гения, так беспощадно и смело громил бы “китов” русского строя: самодержавный порядок и господствующую церковь. Мрачная анафема семи российских “святителей”, звучащая отголосками мрачных веков гонения, несётся навстречу несомненно новому явлению, *знаменующему огромный рост свободной русской мысли*».²⁹ (Курсив наш. – Г.Ж.)

Н.А. Бердяев писал: «Всеми признаётся, что зачинателем религиозного брожения в России является Л. Толстой, он пробил брешь в религиозном индифферентизме русской интеллигенции, и запросы религиозного сознания поставил в центре внимания. За это он был отлучён от церкви, именно за свои религиозные искания, так как людей просто индифферентных от церкви не отлучают».³⁰ Вердикт Святейшего Синода, воспринятый обще-

ством как отлучение великого писателя от РПЦ, для русской интеллигенции стал знаковым событием. Архимандрит Сильвестр (Братановский) писал в 1903 г. в богословско-философском журнале «Вера и разум» (Харьков): «Светские наши мыслители заговорили о свободе совести со времени отлучения гр. Л. Толстого от Православной Церкви, это событие в действительности и породило этот вопрос. Все заговорили тогда о свободе совести, заговорили – вкривь и вкось, на разных языках».³¹

Обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев предпринимал все меры, чтобы погасить бушевавшее пламя вокруг анти-толстовского документа. 22 марта 1901 г. он писал главному редактору «Церковных ведомостей» протоиерею Л.А. Смирнову: «Какая туча озлобления поднялась за “Посланием”»³². Главное управление по делам печати пыталось воспрепятствовать распространению приветствий Толстому, издав в связи с этим ряд распоряжений от 24 февраля, 26 марта, 22 июня 1901 г., 29 января 1902 г. Так, 26 марта 1901 г. оно направило губернаторам секретный циркуляр № 2519, в котором говорилось: «После обнародования послания Святейшего Синода о графе Л.Н. Толстом газеты стали усиленно печатать телеграммы и известия, выражающие сочувствие этому писателю. В виду того, что выражение в печати сочувствия графу Толстому при настоящих условиях приобретает характер как бы протеста против послания Святейшего Синода, Главное управление по делам печати, по приказанию г. Министра внутренних дел, имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о том, чтобы подобного рода телеграммы и известия не были дозволяемы к печати в повременных изданиях».³³

Официальная церковь уже на протяжении 1880 – 1890-х гг. вела в духовной печати антитолстовскую кампанию, опирающуюся на главную силу церкви – устную коммуникацию, непосредственный контакт с паствой. Эта кампания достигает апогея после акта Святейшего Синода 1901 г. об отпадении Л.Н. Толстого от РПЦ. Был запущен в ход весь пропагандистский, информационный механизм от философского фронта – журналов духовных академий, «Вера и разум» при Харьковской

духовной семинарии, «Философский трёхмесячник» А.А. Козлова в Киеве – до специальных изданий, направленных на борьбу с ересью, и епархиальных ведомостей.

Одним из важнейших центров антитолстовской кампании стал журнал «Миссионерское обозрение», стартовавший в 1896 г. Он представлялся как ежемесячный, противосектантский духовный орган, «посвящённый всестороннему исследованию и обличению русского сектантства рационалистического (духоборства, молоканства, жидовства, субботства, штундобаптизма, пашковщины, толстовства и др.) и мистического (хлыстовства, скопчества, мармонства и шалопутства), а также раскола старообрядчества). Он был утверждён Св. Синодом как орган внутренней миссии Русской Православной Церкви. Имел объём – 86 страниц книжного формата и 18 страниц рекламы о духовных книгах и изданиях, рассчитанных не только на церковников, но и вообще народ.

У журнала было приложение – «трёхмесячник» – 4 книги в год и повременные выпуски «Миссионерских листков» в форме «Ответы из Слова Божия» и рассказов. Много внимания редакция уделяла разделу **Народные чтения**, выпускала насчитывавшую 60 названий **народно-миссионерскую библиотечку для внецерковного чтения** грамотному народу и для внеклассного чтения школьникам старшего возраста; для даровой раздачи во время собеседований в качестве памяток дешёвые по цене листки «Миссионерское зёрнышко» с «библейскими и святоотеческими изречениями по тому или другому пререкаемому вопросу».

В журнале постоянно сотрудничали проф. Н.И. Ивановский, миссионеры-борцы с расколом М.П.Чельцов, свящ. о. В. Прозоров, о. И. Полянский, о. К. Попов, о. Александров. Цензором журнала был архимандрит Владимир, старший цензор С.-Петербургского духовного цензурного комитета.

Редактором-издателем «Миссионерского обозрения» являлся один из крупных деятелей миссионерства и церковной периодики, духовный публицист, чиновник особых поручений при Обер-прокуроре **В.М. Скворцов**, сыгравший особую организаторскую роль в антитолстовской церковной кампании. В 1897 г

на 3-ем Всероссийском миссионерском съезде, состоявшемся в одном из духовных центров страны – Казани, он поставил вопрос о необходимости усиления борьбы с толстовщиной, поскольку к этому времени толстовское движение якобы оформилось в *«религиозно-социальную секту»*.³⁴ Съезд рекомендовал усилить в проповедях священников наступление на «яснополянского отщепенца» с тем, чтобы «открыть глаза огромной массе ослеплённых почитателей Л.Н. Толстого». Он принял решение *об осуждении Толстого и толстовства*, утверждённое Св. Синодом. В нём Толстой назывался антихристом. Оно призывало «возвысить свой голос и открыто засвидетельствовать миру, в чём заключается религиозное лжеучение Льва Толстого и как относится к нему церковь».³⁵

В предисловии к сборнику статей «Миссионерского обозрения» Сворцов свидетельствовал о том, что решения этого съезда дали толчок распространению полемической литературы о Толстом. «Мы хотим, – писал он, – противопоставить толстовскую тьму свету Христову, возбудить негодование к яснополянскому богохульнику вместе с отвращением к его противохристианскому мудрованию». Духовная печать должна разъяснить «огромной массе слепых почитателей Толстого, какой великий еретик и страшный враг Христа и Церкви их яснополянский кумир».³⁶ «Стремясь быть чутким и жизненным литературным органом внутренней миссии Церкви, – подчеркивал редактор, – «Миссионерское обозрение», естественно, должно было зорко следить и своевременно откликаться на все перипетии толстовской эпопеи, и наш журнал, волею-неволей, стал *первым* лицом к лицу с яснополянской ересью».³⁷

Полемика-борьба с учением Л.Н. Толстого и взглядами его последователей занимала в деятельности журнала существенное место. Статьи об этом публиковались почти в каждом номере и в разных отделах. Периодически появлялась рубрика «Открытые письма к другу-интеллигенту, увлекающемуся учением Л.Н. Толстого», печатались церковные документы о толстовстве, критические письма к философу и писателю, обращения рассказавшихся «толстовцев». Так, в 1901 г. в «Миссионерском обозре-

нии» появилось «Открытое письмо графу Л.Н. Толстому от бывшего его единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода» М.А. Новосёлова. Вокруг книги другого отступника М.А. Сопоцько «Плоды учения графа Л.Н. Толстого» была проведена дискуссия: В. Тихомиров «Новые плоды учения графа Толстого», проф. А.А. Козлов «Религия графа Л. Толстого, его учение о жизни и любви», Евг. Бобров «Этические воззрения графа Л.Н. Толстого и философия их кри-тики» и др.

По инициативе В.М. Скворцова было подготовлено бесплатное приложение в виде сборника статей журнала **«По поводу отпадения от Православной церкви графа Льва Николаевича Толстого»**, выдержавшего три издания в 1903 – 1905 гг. каждый раз с дополнениями новых статей и материалов (1904 г., 569 страниц). В нём были помещены акт Синода, Ответ Толстого на него (с купюрами), важнейшие выступления публицистов «Миссионерского обозрения», в качестве введения большой, почти на 40 страниц, «общий очерк» проф. Н. Ивановского «Граф Лев Николаевич Толстой и его учение», статья В.М. Скворцова, помимо его предисловия, «Как и когда совершилось отпадение графа Льва Николаевича Толстого от Православной церкви», «Протест графини С.А. Толстой против Синодального определения», «Письмо графини С.А. Толстой к митрополиту Антонию», «Ответ на письмо графини С.А. Толстой митрополита Антония», отклики и письма по поводу всех этих документов, включая «бывших единомышленников Толстого» (М. Новосёлова и М. Сопоцько).

В очерке о Толстом проф. Н. Ивановский проводит центральную мысль всего сборника: «В сущности, его учение – безбожие; всё сводится лишь к земле и её благополучию; дальше земли и земного он ничего не желает и знать». Богослов категорично утверждает: «У Толстого нет ни Бога, ни бессмертия, и за пределами земли он ничего не хочет прозревать, кроме разве памяти в потомстве».³⁸

Редактор «Миссионерского обозрения» придавал большое значение публикации Ответа Толстого на Определение Синода,

от которого он добился разрешения напечатать Ответ в третьем издании книги без сокращений. «"Ответ" открыл глаза огромной массе ослеплённых почитателей Льва Николаевича, – считал В.М. Скворцов, – понявших тогда впервые, какой, действительно, великий еретик и страшный враг Христа и Церкви их яснополянский кумир». Скворцов с гордостью замечал, что «Миссионерское обозрение» стало «единственным органом для обмена мыслей по данному вопросу».³⁹

Сборник «Миссионерского обозрения» был с одобрением встречен околицерковной общественностью. Его появление послужило стимулятором антитолстовской кампании. Он стал своеобразной хрестоматией, пособием материала по отношению Церкви к Толстому и его сторонникам. Книга была дополнена ценным в этом смысле приложением. Редактор журнала считал, что в «тяжбе толстовства с Православием» писатель «не дремлет и сам подливает масла в огонь своими позднейшими, крайне дерзкими... трактатами».⁴⁰ Поэтому в приложении дан анализ двух брошюр Толстого «Обращение к духовенству» (1902) и «Разрушение ада и восстановление его» (легенда, 1902). В качестве главного оппонента здесь выступал отец Иоанн Кронштадтский.

Участие в антитолстовской кампании такого популярного на всю Россию пастыря как *протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте отец Иоанн* свидетельствовало о том, что процесс поляризации интеллектуальных сил российского общества конца XIX – начала XX вв. проявлялся не только в его политической, но и его духовно-нравственной атмосфере. С. Булгаков даже писал: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь».⁴¹

Русская Православная Церковь не смогла противостоять этому процессу. Наоборот, нетерпимость к иноверию, обрядово-бытовой консерватизм, прикреплённость к государству – всё это вело к оппозиционным настроениям против Церкви, способствовало росту эмиграции из страны. По религиозным мотивам из России выехали с 1828 г. по 1915 г. более 4,5 миллиона человек.⁴² Некоторые черты РПЦ, приобретённые и необходимые в

далёком прошлом, например, нетерпимость к иноверию, ожесточённая борьба с ересями, как бы законсервировались и стали традиционными.

6.4. Журналистика и духовный поиск интеллигенции России

«Попробуйте выразить одной формулой религиозность преп. Сергия и прот. Аввакума, митр. Филарета и Достоевского. А что, если прибавить сюда православный фольклор и религию Толстого?».

*Г.П. Федотов*⁴³

Большинством общества Определение Св. Синода было воспринято как отлучение Толстого от Церкви, что явно не соответствовало тексту документа. Иерархи учитывали и состояние общества тех лет, и осознавали, какую интеллектуальную силу имел Лев Толстой, и его мировой авторитет. Но они понимали и силу обнародованного ими документа; то, что «во имя Божие» он будет способствовать разжиганию страстей против еретика Толстого и его сподвижников, а это заставит их раскаяться и вернуться в лоно истинной Церкви.

Действительно, Толстой стал получать немало писем не только с выражением сочувствия, но и с угрозами в его адрес. Они приходили в Ясную Поляну вплоть до смерти писателя.

Полемика вокруг Определения Синода разгорелась ещё интенсивнее. М.Л. Казимбек, начальница Казанского Родионовского института благородных девиц, свидетельствовала, что «не было в Петербурге ни одного дома, где бы не происходило жарких дебатов на эту тему». Наиболее ярким выражением возмущения решением Синода были поступок и отправленное 16 марта 1901 г. обер-прокурору письмо отставного казачьего офицера-подъесаула Кавказской армии И.К. Дитерихса, который за связь с духоворами и помощь им был выслан за пределы кавказского края. В письме офицера разоблачалась политика правительства и Церкви на Кавказе, впервые столь откровенно и публично обли-

чались лживость и фарисейство К.П. Победоносцева. Оно было напечатано в газетах разных стран, а сам его поступок – выход из лона Церкви – послужил примером для других.

На весь мир прозвучал в защиту Толстого голос европейских писателей. Более 40 литераторов, включая Золя, Маргерит, Матерлинка, продемонстрировали симпатии Толстому, выступив со статьями, эссе и очерками о нём в сборнике “*La Plume*” («Перо»), который вышел во Франции.

Среди многочисленных откликов на неординарное событие следует отметить публикации массовых сатирических изданий. Так, писатель и драматург П.П. Гнедич вспоминал: «Во французских карикатурных журналах Толстой был изображён с нимбом вокруг головы, в позе святого. «Деканонизация» обращена была в шутку – и от деканонизированного Толстого шли лучи. Я вырезал карикатуру и послал Л.Н., – не знаю, получил ли он. Не знаю также, получен ли им рисунок из немецкого «*Jugend*». Там изображен Толстой, извлекаемый из храма. Фигура громадная. Приходится распиливать пополам здание, чтобы извлечь его...».⁴⁴

Всё это брожение в обществе, переписка, выступления, письма, поддерживающие Толстого и осуждающие его, имели большое общественное значение. «Отверженец церкви провёл неизгладимую борозду в сознании не только отдельных богословов, но и в истории русского богословия вообще», – пришел к выводу ещё в 1908 г. духовный публицист, известный деятель Церкви А.В. Карташев.⁴⁵

Не только целый государственный институт противостоял одному Человеку: Церковь принимала направленные против его деятельности особые документы, вела мощную против него кампанию в журналистике и с трибун храмов, подходила к нему как к конкуренту по воздействию на народ. Всё это свидетельствует о большой роли Толстого в духовной жизни страны тех лет. Всё это обостряет в обществе интерес к духовной жизни, её урою, её качеству.

Определение Синода и Ответ Толстого на него, отклики на них стимулировали поиски выхода из духовного кризиса общества, характеризовавшегося падением авторитета РПЦ и усиле-

нием социалистического радикализма разной интенсивности (социалистов-революционеров, критических марксистов, социал-демократов, христианских социалистов). Поиск решений социальных проблем общества к этому времени привёл часть интеллигенции к марксизму, к его радикальной форме – русскому социал-демократическому движению. Наиболее энергичные, устремлённые в практическое преобразование жизни его представители, в первую очередь, В.И. Ульянов (Ленин) (1870 – 1924), суживали на практике марксизм до политики, рассматривая его как учение, обосновывающее борьбу пролетариата за свои права и власть. При этом не учитывалась нравственная, духовная сторона жизни, всегда определявшая природу русского менталитета.

В явлении оппозиции марксизму на русской почве важную роль сыграла философская, публицистическая деятельность Толстого, что вполне осознавалось его современниками. Так, в статье «Поэзия личности», напечатанной в 1902 г. «Санкт-Петербургскими ведомостями» под псевдонимом «Н. А.» – её автор, пребывавший в ссылке, – историк, политик и публицист В.А. Мякотин⁴⁶ сопоставляет деятельность и взгляды К. Маркса и Л.Н. Толстого: «В истории человеческой мысли... нет контраста более глубокого и богатого по своему содержанию, как контраст между Карлом Марксом и гр. Л.Н. Толстым. Они стоят на разных полюсах человеческого духа. Первый создал философию земли; в будущее он повёл нас грубым, материальным путём, веря в нравственную силу земных, создаваемых человеком благ, веря в духовно-созидательное значение процесса производства. Философия эта укладывалась в простую схему, в легко усваиваемую формулу».

«Л.Н. Толстой, так же, как и Маркс, стоял на аванпостах жизни, но на противоположной стороне. Вся сила и слава гениального художника помимо её поразительного анализа заключается в его идеализме, как вечном стремлении в высоты добра и нравственной красоты – этих верховных начал жизни. Мысль его парила над землёю и подчинялась не ей, а вечному порыву к совершенству. Если для Маркса человек был

ничтожным винтиком механизма, работавшего по определённой схеме, то для Толстого человек является независимым целым, самоопределяющейся единицей, драгоценным сосудом, в который должны быть собраны высшие дары Божества». ⁴⁷

Акт Синода, направленный против Толстого, дал толчок оппозиционной интеллигенции к переосмыслению своих программ и действий, «соединению политической оппозиционности с религиозно-философской активностью». ⁴⁸ Наиболее отчётливо и определённо это выразилось в становлении и развитии на отечественной почве такого философского, политического течения, которое имело самоназвание «критический марксизм» или «практическая философия» социализма. Оно было представлено В.И. Лениным как «легальный марксизм». Оно, как и русский марксизм, тоже ставило задачу изменения существующего порядка во имя свободы и социализма. «Социализм господствовал в русском “ренессансе” почти 20 лет жизни (с 1890-х до конца 1900-х гг.)». ⁴⁹ В авангарде этого направления философской и политической мысли стояли известные публицисты: С.Н. Булгаков (1871 – 1944), П.Б. Струве (1870 – 1914), С.Л. Франк (1877 – 1950), Н.А. Бердяев (1874 – 1948) и др. Представители этого философского и политического течения активно искали решение задачи соединения политического освобождения с достижением свободы совести. На этой почве появляются журнал П.Б. Струве «Освобождение»; сборник статей «Проблемы идеализма», ставший манифестом нового идейного направления; самоопределяется христианский социализм С.Н. Булгакова; организуется Христианское Братство Борьбы во главе с его создателями В.Ф. Эрном (1882 – 1917) и В.П. Свенцицким (1879 – 1931).

Своеобразным итогом духовных поисков интеллигенции стал выход в свет в 1902 г. сборника трудов *«Проблемы идеализма»*, который положил начало процессу духовного обновления общества. В нём ставилась задача «отстоять необходимое разнообразие запросов и задач человеческого духа». ⁵⁰

Сборник имел по тем временам немалый тираж – 3 тыс. экземпляров и разошёлся всего за год. ⁵¹ Под обложкой

«Проблем идеализма» выступили такие известные публицисты, как инициатор и организатор сборника П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.И. Бердяев, С.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, академик-востоковед С.Ф. Ольденбург.⁵² Книга свидетельствовала об обособлении в русской общественно-политической мысли нового течения – идеализма. Бывший марксист С.Н. Булгаков подчёркивал: **«...Детерминизм должен почтительно посторониться, чтобы дать место нравственному деянию».**⁵³

Большой интерес представляет влияние, оказанное Толстым на рубеже веков не только на философские теоретические взгляды, но и сам характер русской философии. Её называли «практической философией». В сборнике «Проблемы идеализма» С.Н. Булгаков уже обобщал это явление на отечественной почве: «Ни один великий философ не становился спиной к действительности и её задачам...». Булгаков в качестве примера берёт классическую немецкую философию, как идеал философа-гражданина Фихте, Гегеля. Он видит в марксизме «самую яркую версию теории или религии прогресса». «И современная философия, – подчёркивает Булгаков, – должна стать лицом к великой социальной борьбе наших дней, быть её выразительницей и истолковательницей; она не должна замыкаться от жизни в кабинете, чем грешит современная немецкая философия...».⁵⁴

«Практические философы», поддавшись веяниям времени, выработали «христианскую политику» христианско-социалистического толка. Булгаков выдвигает идею христианского социализма. Её реализацией и пытается заняться активная студенческая молодежь: В.Ф. Эрн и В.П. Свенцицкий создают в Москве Христианское Братство Борьбы, которое в 1905 г. позиционирует себя как партия. В одной из листовок тех лет говорилось: «В России образовалась новая политическая партия, именующаяся “Христианское Братство Борьбы”. Братство имеет целью активное проведение в жизнь вселенского христианства».⁵⁵

Новые настроения и процесс демократизации российского общества в начале XX в., так или иначе, затронули и Церковь. В практике её журналистики наметилась общая тенденция на сближение, как это тогда сформулировали, Православия и действительности. Например, редакция «церковно-общественного» журнала «Христианское чтение» (Петербург) ещё в 1894 г. подчёркивала, что в отличие от духовных изданий, служащих академической богословской науке и предлагающих статьи, «не всегда приносившие к насущным вопросам и живым интересам общества», она предпримет меры для «большей связи с обществом». Журнал «Странник» (1899) писал о том, что «нет силы, равной в нравственно-воспитательном отношении художественному творчеству», поэтому редакция будет уделять немало внимания вопросам литературы и искусства: «игнорировать их духовной журналистике, как представительнице интересов Церкви и Религии в литературе, представляется прямо не соответствующим высоте её назначения»⁵⁶.

Но всё-таки общая тенденция в отношении Церкви к светской журналистике, публицистике и литературе, пытавшимся ставить религиозные вопросы, духовно-нравственные проблемы, была традиционной, соблюдающей конфессиональную чистоту типа издания и в этом смысле последовательной и справедливой, о чём говорит опыт журнала **«Новый путь» (1902 – 1904)**, редакция которого обратилась к проблемам «широкого религиозного творчества», «борьбы за духовное освобождение».⁵⁷ «Новый путь» возник на основе учреждённых в Петербурге в 1901 г. Религиозно-философских собраний, стремившихся содействовать **«обновлению русского Православия»** – эта формула отражала общее стремление значительной части религиозной общественности. На Собраниях, по словам Н.А. Бердяева, произошла «встреча русской интеллигенции верхнего культурного слоя с представителями православного духовенства».⁵⁸ Она состоялась с санкции Св. Синода. На этой встрече председательствовал ректор С.-Петербургской Духовной академии епископ Сергей (Страгородский), тон задавали литераторы и священнослужители: Д.С. Мережковский (1865 – 1941), В.В. Розанов (1856 –

1919), В.А. Тернавцев (1866 – 1940), Н.М. Минский (1855 – 1937), А. В. Карташов (1875 – 1960) и др. На Собраниях обсуждались отношения христианства к миру и жизни, церкви к культуре и общественной жизни; взаимоотношения интеллигенции и религии. Интеллигенция ставила проблемы нового христианского сознания, новой эпохи в христианстве, что вызывало оппозицию у священнослужителей. «Для представителей духовенства христианство давно стало повседневной прозой, – замечает Бердяев, – искавшие же нового христианства хотели, чтобы оно было поэзией».⁵⁹

Несколько позже, в январе 1907 г. газета «Новое время» напечатала получившую широкую известность статью М.О. Меньшикова «Две России». В ней, обобщая духовные поиски русской интеллигенции на рубеже веков, публицист рисует жёсткую картину духовного кризиса официальной Церкви того исторического периода. Один из учредителей религиозно-философских собраний, Меньшиков, оставил потомкам свидетельство, раскрывающее атмосферу этих раутов и показывающее их участников: «Кроме достойнейшего председателя, архиепископа Сергия, в котором кротость и скромность обличают истинного христианина, все остальные отцы, в клобуках и без клобуков, производили впечатление людей, давно вышедших из церкви, напичканных светским чтением, преимущественно таким, которое не рекомендует правилами св. отец. Мы, писатели, несильные в богословии, вели спор на светской почве, на началах германского знания, римской силы, греческой красоты. Наши духовные оппоненты старались превзойти нас в светскости. Один архимандрит (ныне епископ) выражался так, что у него почти сплошь текли иностранные слова. “Концепция утилитаризма резюмирует собой элементарный факт трансцендентной психики”. Иногда подобный набор слов что-нибудь значил, чаще – бил в нос именно светской учёностью. Один богослов в рясе объяснял слова Христа о браке цитатами из “*Psychopatia sexualis*” (“Сексуальная психопатия”) Крафта-Эбинга. Другой богослов, ученик здешней академии, написавший брошюру “Мировая

драма” и подписавшийся “Атеист такой-то”, доказывал во всеуслышание, что слова “св. Духа” следует читать “Святая Духа”, ибо третье лицо св. Троицы, по соображению почтенного богослова, – женского рода...».

Трудно заподозрить Михаила Осиповича, отстаивавшего устои русской государственности и Православия, в предвзятости и очернении тех интеллектуальных сил Церкви, которые участвовали в полемике Собраний. Но он в итоге пришёл к выводу о том, что «религиозность нашей богословской школы» находится в кризисе.

Его статья была построена на сопоставлении двух России – Святой Руси, во многом уже утерянной, и России начала столетия; святой и поганой. Первую, – неотделимую от Бога и его природы, создал сам народ. Поганая же нашла откуда-то со стороны... Святая Русь – тут всё: и солнце красное, и колокольный звон, и вечные до сих пор липовые лапти, и безумный восторг души женской перед Христом». Здесь Меньшиков вспоминает тонкие строки поэта Ф.И. Тютчева:

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В красоте твоей смиренной...⁶⁰

(неточное, возможно специально, цитирование последней строки).

Завершается этот эскиз о первой России призывом: «Запомните же: есть настоящая Россия, святая Русь. Это необходимо твёрдо помнить, чтобы бороться с наваждением фальшивой и поганой России, подобно потопу, наплывшему на народ и загрязнившему нашу древнюю суть».⁶¹

Основная часть статьи Меньшикова посвящена анализу искажённого лика святой Руси, того духовного кризиса, который переживало общество. В этом повинен кризис деятельности Русской Православной Церкви. Вот первый изначальный тезис публициста: «Несомненно, поганой Россией пахнет глубокое расстройство церкви и священства, выражаемое неопишными

теперешними скандалами... Гораздо тревожнее религиозное разложение школы, светской и церковной».

В статье приводятся конкретные факты, иллюстрирующие то, что «духовенство вообще, и законоучители в особенности, по всей России сделались предметом травли со стороны юнцов. Дошло до того, что в одном месте на замечание о неприличии курить в церковной ограде два мальчика выхватили револьверы и начали стрелять в батюшку. По всей России прошёл бунт семинарий, духовных училищ, духовных академий. Целый ряд семинарий был закрыт за непрерывный кошачий концерт учителям, за побои воспитателей, за разгром классной мебели...» и т.д.⁶²

Приводимые автором конкретные, более значимые или менее значимые, факты были следствием того состояния, в котором Церковь пребывала уже много лет. Молодое поколение её служителей было поражено «безверием»: «Духовные студенты в своих траурных мундирах были с головы до ног светские молодые люди. Чувствуя на себе презрение остального студенчества, поповичи из кожи лезли, чтобы не отстать в радикализме от товарищей с Васильевского острова или с Забалканского проспекта. Чуть не поголовно все собирались по окончании академии выйти из духовного звания куда угодно: в учителя, в чиновники, в конторщики, – лишь бы не оставаться в ненавистном сословии, в ненавистной профессии. Говорю “ненавистной”, нимало не сгущая краски».⁶³

Вторая часть «духовной молодежи» смотрела «на академию как на порог к служебной карьере. Эти заранее высчитывали немногие годы, отделявшие их студенческую фуражку от митры архимандрита и архиерея». Далее автор характеризует наставников этой молодежи из духовных академий, «очарованных немецкой богословией». Автор не встречал среди этих «учёных» набожных священников, исключение составляет о. Иоанн Кронштадтский, но он вышел полвека назад из другой академии, когда «наше богословие ещё не было просто немецкой компиляцией».⁶⁴

Заключает статью «Две России» очерк-портрет «Сухое сердце», который носит можно сказать обвинительный характер. В нём представлены судьба и плоды деятельности обер-прокурора св. Синода К.П. Победоносцева. По сравнению с тем, что было о нём написано, как правило в разоблачительном тоне, Меньшиков на четырёх страницах книжного формата сумел нарисовать образ сухого сердца – действительно ёмкий портрет сложной исторической фигуры.⁶⁵ Он не комментировал уход из жизни Победоносцева, когда журналистика «буквально забросала его грязью». Для примера напомним, что А.В. Амфитеатров написал целую брошюру «Победоносцев как человек и как государственный деятель», где называл обер-прокурора «вездесущим, всевидящим, всеслышащим, всеотравляющим туманом кровососной власти»; «политическим, моральным, религиозным палачом-бюрократом – палачом над казнимыми, палачом над судьями, палачом над палачами» и т.д.⁶⁶

«Молчание – всего пристойнее в минуту смерти, – подчеркивает Меньшиков, – а что в этом человеке умирал целый исторический период наш, сомнений не было». Публицист останавливается на биографических вехах Победоносцева: судьба благоволила к Константину Петровичу. Он «преподавал законы двум поколениям русских государей, не говоря о нескольких великих князьях. Каждому ли удаётся к 40 годам быть сенатором, к 45 – членом Государственного Совета, к 50 с небольшим – светским патриархом, куда более могущественным, нежели вселенские патриархи Востока? – задаётся вопросом автор статьи и отвечает: – Тут много можно сделать добра. В нашем же духовном ведомстве через 26 лет святительства г. Победоносцева получилось то, что я имел честь докладывать».

Публицист отдаёт должное Победоносцеву: он был искренно верующим человеком, но «загадочным» в том смысле, что соединял в себе это качество и «глубокое презрение... к чужой искренности в чувстве веры». «Таким двуликим для меня этот государственный деятель и остался, – подводит Меньшиков биографический итог обер-прокурора. – ...Странное дело! – этот

попович, сделавшийся диктатором церкви, напоминает передовых поповичей-критиков, например, Чернышевского, только переведённых на задний ход... Радикальному нигилизму совершенно отвечает нигилизм ретроградный... В общегосударственной жизни он (Победоносцев. – *Ред.*) сумел задержать Россию на четверть века».⁶⁷

Обобщая, Меньшиков, пожалуй, как никто из других публицистов, рисует точную и печальную картину плодов деятельности русского папы: «На глазах г. Победоносцева “святая Русь” разваливалась, её заливало чем-то смрадным и поганым. Духовенство перерождалось в революционеров и немоляк. Нравы народные быстро портились. Преступность ужасающе росла. Пьянство, семейное распутство, крушение родительского авторитета, карточная игра, озорство, разбой, босячество – всё это росло и росло, и г. Победоносцев не делал даже попыток остановить зло».

Обер-прокурор занялся преследованием молокан, штунды, «ужасным выселением духоборов»... Он не остановил «варварство наших реставраторов, истребляющих древние иконостасы и заменяющих их дешёвеньким ренессансом», плохих архитекторов, строивших «русские храмы вроде павильонов минеральных вод», живописцев, писавших «образа на декадентский манер», регентов, вводивших «пошлые оперные напевы» и т.д.

С болью в душе Меньшиков замечал: «И г. Победоносцев не мог даже с этой стороны остановить разрушение древнего исторического обличья, то старое “лицо церкви”, морщины которого так дороги народу... На глазах г. Победоносцева развился неслыханный карьеризм среди духовенства и священники-академисты позаписались в эсеры и эсдеки».

Возможно, произведению Меньшикова здесь уделено излишне много внимания, но именно глазами человека, пережившего далёкие для нас времена, человека, глубоко и искренне верующего, государственника, патриота, можно более отчётливо увидеть ту пропасть, на краю которой оказалась страна перед первым историческим уроком XX века –

революцией 1905 г. Однако и на том историческом этапе Церковь не была готова пойти на встречу интеллигенции в её религиозных, духовных исканиях. Религиозно-философские собрания просуществовали до 5 апреля 1903 г. и были запрещены Синодом как рассадник ереси. Иерархи РПЦ настороженно встретили и появление нового журнала, претендующего на своеобразное толкование религиозно-философских вопросов, сближение светского общества и Церкви. Попытки редакции соединить тип традиционного толстого, общественно-политического, литературного журнала с религиозными проблемами не увенчались успехом. Изданию в связи с этим не хватало цельности, самим литераторам явно недоставало чуткости и такта, о чём свидетельствует характер стихов Бальмонта, Гиппиус, Сологуба и др., которые соседствовали под одной обложкой с проблемными статьями и отчётами с Религиозно-философских собраний. Именно в «Новом пути» Бальмонт декларировал:

Мне чужды ваши рассуждения.

«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог»... (1903, № 6)

Или:

Я ненавижу человечество,

Я от него бегу, спеша,

Моё единое Отечество –

Моя пустынная душа. (1903, № 6)

Гиппиус живописала на страницах журнала:

Я в тесной келье – в этом мире.

И келья тесная низка.

А в четырёх углах – четыре

Неутомимых паука... (1903, № 9)

И хотя «Новый путь» объединил вокруг себя мощные интеллектуальные силы, его платформа, идеи его редакции не получили поддержки ни у Церкви, ни у интеллигенции и даже ни у самодержавия. Парадокс заключается в том, что журнал был вполне лояльным по отношению и к самодержавию, и к православию, представителями которых он, тем не менее, восприни-

мался как чуждое явление. З. Гиппиус, один из инициаторов издания, писала редактору П.П. Перцову ещё по поводу задержки с разрешением на выпуск «Нового пути»: «Меня возмущает непонимание, что наш журнал *им выгоден*, они совоинственников записывают вместе с мятежниками. Какое самоослабление и неразумие!». ⁶⁸ Заявление Гиппиус симптоматично.

Столь же симптоматично и назидательное выступление перед богомольцами отца Иоанна Кронштадтского, опубликованное «Миссионерским обозрением» в 1903 г. (№3), сказавшего: «Только Господь открыл людям: Кем и для кого всё было сотворено, в Ком нужно почерпать каждый день свою силу и свою жизнь. Умники неумные, вроде Толстого и его последователей, хотят найти другой путь и, сбившись с истинного пути, находят путь заблуждения, отвержения Христа; не хотят веровать в то, что веками установлено, Самим Богом открыто и возведено; отвергают Церковь, таинства, руководство священнослужителей и даже выдумали журнал “Новый путь”. Этот журнал задался целью искать Бога, как будто Господь не явился людям и не повёдал нам истинного пути... Это сатана открывает эти новые пути, и люди... не понимающие, что говорят, губят и себя, и народ, так как свои сатанинские мысли распространяют среди него». ⁶⁹

Эта встреча интеллигенции и представителей Церкви в религиозно-философских собраниях завершилась непониманием друг друга. Её итоги показывают всю сложность и обострённость проблем сущности, особенностей творчества, сосредоточенного на освещении вопросов духовной жизни общества; типа такого издания, которое пытается со светских позиций освещать, разрабатывать вопросы Церкви, религии и в этом смысле участвовать в духовном воспитании общества. Решение и специфических проблем печати требовало модернизации управления Церковью. Это ощущали и лучшие её представители, о чём свидетельствует развернувшаяся в начале 1900-х гг. в духовной периодике дискуссия. ⁷⁰

В 1903 г. в журнале Московской Духовной академии «Богословский вестник» была напечатана статья профессора этой академии, специалиста по церковному праву Н.А. Заозерского

«О средствах усиления власти нашего высшего церковного управления» (Т. 1, № 4). Автор с горечью констатировал: «Наша иерархия правит народом православным чрез посредство канцелярий, чрез посредство бумаг, не входя с ним в непосредственное живое соприкосновение, вследствие этого все меры иерархии – законодательные, административные, судебные не имеют в глазах народа не только нравственного авторитета, не действуют на сердце или совесть его, но и не достигают должной общеизвестности, популярности». Этот канцелярский, замкнутый на себе принцип ведения церковного управления на всех его звеньях требует изменения.

Разговор об этом был продолжен статьёй профессора, специалиста по истории философии П.В. Тихомирова «Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению» (1904, Т. 1, № 1). Введённый Петром I порядок церковного управления, по словам автора, постоянно вызывал не только скрытое недовольство, но и открытую критику и протест, что особенно отчётливо проявилось в последние 30 – 40 лет. П.В. Тихомиров ставил проблему реформирования синодальной системы и возрождения в церковной жизни «канонической соборности».

Острая проблема получила развитие в журналистике РПЦ революционного периода – Ф.И. Янковского «О преобразовании Русской Православной Церкви» («Христианское чтение»), А. Чирецкого «О церковной реформе», Н. Попова «По вопросу о составе предстоящего церковного Собора», Д.К. Силина «К вопросу об оживлении церковно-общественной деятельности» («Богословский вестник») и др.⁷¹ И.В. Преображенский обобщил выступления по этой теме в книге «Периодическая печать о церковной реформе вообще и о реформе высшего церковного управления» (СПб., 1908). Однако практического результата в тех конкретных условиях журналистика не добилась. Всё осталось на прежних местах.

Таков контекст эпохи религиозно-философских исканий русской интеллигенции, Л.Н. Толстого, их влияния на неё. «Политика – условия самодержавного режима – была нашим

первым жизненным интересом, – писала в «Истории моего дневника» Зинаида Гиппиус, – ибо каждый русский культурный человек, с какой бы стороны он ни подходил к жизни и хотел того или не хотел, непременно сталкивался с политическим вопросом».⁷² Такова эпоха политизированного общества, когда вся интеллигенция России была озадачена поиском новых форм жизни, новых форм управления обществом, новых форм духовного бытия.

Это, однако, не означает, что в условиях кризиса вся церковная жизнь находилась в упадке. Традиция всегда несёт в себе и рациональное зерно, веками передающееся от потомства потомству: находятся её блестящие представители, черпающие в ней моральную силу, извлекающие из неё жизненные уроки. Среди них на рубеже XIX – XX вв. особенно ярко проявил себя отец Иоанн, названный по месту деятельности – Кронштадтским.

6.5. Отец Иоанн Кронштадтский – духовный публицист

Вся деятельность мыслителя и литератора **Иоанна Кронштадтского** (Иоанн Ильич Сергиев, 1829 – 1908), протоиерея Андреевского собора в Кронштадте была тесно связана с духовным словом.⁷³ Сама его жизнь была подвигом нравственности, так как он жил для других, вёл огромную благотворительную работу, был целителем душевных травм и тяжких болезней. Всё это находило живейший отклик в народной душе.

Иоанн закончил духовную академию кандидатом богословия и был направлен на должность священника в Кронштадтском соборе во имя Св. Апостола Андрея Первозванного (Андреевский собор). С 1855 г. вся его жизнь была связана с Кронштадтом. Город-остров был тогда местом административной ссылки из столицы бродяг, нищих и вообще разного сброда, что сыграет особую роль в судьбе отца Иоанна, даст ему возможность прийти к истине, которой он будет верен всю жизнь: «Но нельзя смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нём, потому что Божий образ в нём все-таки сохраняется».⁷⁴

Одновременно с проповедничеством о. Иоанн преподавал с 1857 г. в местном городском училище, а затем с 1862 г. – в классической гимназии. Он жил богатой духовной жизнью, постоянно читал богословскую литературу, Писания Ветхого и Нового Завета, вёл дневник, в котором, по его словам, «записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу, свои благодарные чувства о избавлении от искушений, скорбей и напастей».⁷⁵

Жалованье священника, которое он раздавал бедным и нищим, огромной толпой стекавшихся на его проповеди, было небольшим. Отец Иоанн осознавал всю тщету своей помощи нуждающимся. Его раздумья привели к мысли о Доме трудолюбия. Тогда и бедные могут сами себе помочь. Надо объединить их усилия, дать им возможность трудиться, проявить себя. Дом трудолюбия и должен стать основой для этого. В 1868 г. о. Иоанн обратился к городской Думе с предложением о создании такого Дома для бездомных Кронштадта, но не получает на него отклика.⁷⁶ Тогда он обращается к обществу. В 1872 г. о. Иоанн выступает с духовным Словом в печати. Оно было опубликовано в «Кронштадтском вестнике» (№ 3). В нём он ставит острейшую общественную проблему нищеты значительной части городского и сельского населения, с которой он был хорошо знаком. Его даже обвиняли в том, что именно его проповеди способствовали сосредоточению большого числа «тёмного люда» в Кронштадте.

Духовный пастырь и публицист, анализируя состав нищих, перечисляет главные причины нищеты и бедности: «бедность от рождения, бедность от сиротства, бедность от разных бедственных случаев, например, от пожара, от кражи, бедность от неспособности к труду по причине старости или болезни, или калечества, или по маловозрастности, бедность от потери места, бедность от лени, бедность от пристрастия к хмельным напиткам и в наибольшей части случаев от недостатка труда и от недостатка средств, с которыми бы можно было взяться за труд: порядочной одежды, обуви, насущного хлеба, инструмента или орудия».

Конечно, многие люди стараются просто не замечать нищих, не смотреть на них. «Не гнушайтесь, – увещевает о. Иоанн, – ведь это члены наши, ведь это братья наши, хотя и непривлекательные, по наружному виду». Он рисует правдивую «картину»: «...Представьте себе сырые, далеко ушедшие в землю, подвалы домов некоторых улиц, в которых по преимуществу помещаются наши нищие; тут помещается по 30, 40 и 50 человек в жилье, иногда положительно как сельди в бочонке; тут старые и взрослые, и малые дети, тут и младенцы, сосущие сосцы, в сырости, в грязи, в духоте, в наготе, а часто в голоде. Интересующийся сам может проверить истину этих слов».

Автор призывает общество понять, что для решения проблемы недостаточно лепты, вносимой на приют, в богадельню. Он предлагает «соединёнными силами заботиться о приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища». Публицист понимает всю сложность задачи: «Не пугайтесь, господа, громадности предпринимаемого дела, доброму делу поможет Бог, – а где Бог, там скоро явится всё как бы из ничего». Уповая на Бога, о. Иоанн, тем не менее, в очень удачной и тактичной форме подсказывает пути решения проблемы: «Начальство города, конечно, будет этому содействовать и, если можно, уступит братству одно или два из ненужных казённых зданий, например, соляной, пустой магазин против дома Касаткина, или одно из пустых зданий за канавой близ Летнего сада, т.к. братство будет содействовать предначертаниям самого правительства о водворении между нищими труда и довольства».

Священник подчёркивает, что общество заинтересовано в том, чтобы «занять этих праздных людей», потенциально являющихся источником «неизбежных зол, воровства, грабительства». Им нужно дать занятие, иначе «мирные граждане не будут безопасны везде и всегда».

Через некоторое время в «Кронштадтском вестнике» (№ 18) появляется новое Слово о. Иоанна. В нём он проводит мысль о том, что человек создан Богом «для общежития, и всё множество людей должно, по намерению Божию, составлять одно тело, а порознь – члены...». При этом каждый наделён опре-

делённой способностью, талантом, умением. Для наглядности публицист намеренно подробно перечисляет: «...иному власть, искусство, силу управлять людьми, другому искусство и власть учить и назидать других; иному сочинять, составлять планы и проекты, а другим приводить их в исполнение, иному искусство нападать на неприятеля или защищаться от него, тому умение вести торговлю, этому производить заводское или фабричное мастерство; иному дан талант ковать или отливать; другому владеть долотом, топором и пилою; иному шить сапоги, а другому умение шить одежду; иному прясть, ткать или вязать, иному варить и печь».

Кронштадтское общество, считает о. Иоанн, обладает всем этим многообразием талантов, каждый может делать добрые дела, как записано: *«сильные должны носить немощи немощных»* (Рим. 15, 1).⁷⁷ Духовный публицист снова повторяет идею о том, что для них необходимо соорудить «помещение и дав каждому из них дело», «тем более, что многие из них способны к разным мастерствам». Вместе с делом они получают необходимый «им хлеб и всё нужное». Он снова призывает помочь этим бесприютным беднякам. Поскольку для этого нужны материальные затраты, автор обращения «делал почин»: он будет вносить ежегодно в кассу общества «семьдесят рублей, с тем, чтобы не подавать на улицах и у церкви нищим». В этом Слове публицист уже конкретизирует, на что будут потрачены собранные средства, впервые называет Дом Трудолюбия, который помог бы людям и «нравственно подняться».

Публицистическое Слово пастыря было соединено с делом: потребовались огромные организационные усилия по сбору средств и строительству, созданию мест занятости и др. Во всём участвовал о. Иоанн. Закладка строения состоялась 23 августа 1881 г. Было выстроено 4-х этажное, хорошо оборудованное здание. 12 октября 1882 г. один из первых в России Домов трудолюбия был открыт. Он представлял собой трудовое объединение людей, состоял из целого ряда учреждений:⁷⁸

- пенькощепальная мастерская с рабочими местами на 25 тысяч человек;

- женская мастерская из трёх отделов: модного, белошвейного, вышивки и метки белья;
- сапожная мастерская, где под руководством опытного мастера мальчики обучались сапожному ремеслу;
- народная столовая, в которой за небольшую плату отпусkaliсь обеды, а в праздничные дни устраивались бесплатные обеды на несколько сот человек;
- ночлежный приют, взимавший за ночлег 3 копейки... (Перечень занимает целую книжную страницу).

В Доме Трудолюбия была домовая церковь, книжная лавка. При нём были возделаны огороды для снабжения овощами учреждений Дома. В 1888 г. с помощью о. Иоанна был отстроен трёхэтажный дом для ночлежного приюта.

Можно было бы перечислять ещё далее, что принесла обществу инициатива о. Иоанна. В конечном итоге она заложила основу целому направлению благотворительности.⁷⁹ Кронштадтский Дом Трудолюбия стал моделью для других учреждений такого типа и рабочих домов. В начале века в столице было несколько таких домов – мужских, женских, детских. Царица Александра Фёдоровна образовала над ними попечительство, а о. Иоанн стал его почётным членом. В статье «Завещание отца Иоанна» (1908 г.) известный публицист М.О. Меньшиков подчёркивал: «Благочестие и труд – вот единственно, что завещал великий священник России». Меньшиков противопоставлял бездеятельность аппарата страны и упорный труд на её благо И. Кронштадтского: «Представьте себе на минуту, что в состав правительства вошли люди такой кипучей энергии, как отец Иоанн. Он – один – в течение десятков лет – составлял целое “министерство благотворительности!” Вот тогда бы в России было бы деятельное правительство, которое сумело бы втянуть гигантские силы народные в бесчисленные турбины, и вся земля загудела бы богатырским трудом. А труд даёт богатство, освобождающее от рабства».⁸⁰

Основной деятельностью о. Иоанна была проповедническая. «С первого же дня своего служения св. Иоанн положил за правило в каждый воскресный и праздничный день произносить

в церкви проповеди, часто собственного сочинения». Андреевский собор был рассчитан на 5 тысяч человек. Он не вмещал всех желавших послушать духовного пастыря. Ежегодно Кронштадт посещало более 20 тысяч паломников, их число позднее достигало 80 тысяч. На одной первой неделе Великого поста собиралось до 10 тысяч человек.⁸¹ Духовное слово о. Иоанна сеяло в сердце слушателя семена доброты и любви, стремления помочь ближнему. Каждый день «на его адрес приходило более тысячи писем и денежных переводов». По подсчётам Н. Киценко, в последние годы жизни о. Иоанна лишь исходящая от него корреспонденция насчитывала в среднем 15 тысяч писем в год. Около 10 тысяч писем к нему хранится лишь в Центральном государственном историческом архиве.⁸²

Общение с проповедником было целительным. «По его молитвам стали происходить чудотворения, и слухи о них распространялись в Кронштадте и Петербурге; около 1879 г. их стали публиковать и обсуждать в печати. «Санкт-Петербургские ведомости», «Кронштадтский вестник», «Петербургский листок», «Странник», «Душеполезное чтение» и многие другие газеты и журналы помещали тысячи описаний чудесных случаев пастырской деятельности отца Иоанна».⁸³ Особую роль в этом сыграла публикация письма 16 благодарных за исцеление молитвами о. Иоанна в авторитетной газете «Новое время» 20 декабря 1883 г., где говорилось: «...Сообщаем и для других единственный, преподанный нам пагубной тяги к спиртным напиткам многодостойный пастырем-исцелителем, высоко-врачующий спасительный совет жить по Божьей правде и как можно чаще приступать ко Св. Причастию».⁸⁴ «Он зажёл священный огонь в тысячах душ; он спас от отчаяния тысячи опустошённых сердец; он возвратил Богу и в ограду церкви тысячи гибнущих чад...» – обобщал в Слове об отце Иоанне в Андреевском соборе протоиерей Иоанн Восторгов 6 декабря 1907 г.⁸⁵

Организаторская, проповедческая и публицистическая деятельность отца Иоанна была направлена на духовное просвещение народа. Он активно выступал в печати: в «Душеполезном чтении» (1860 – 1917), «Русском паломнике» (1885 – 1917),

«Миссионерском обозрении» (1896 – 1916), «Кронштадтском вестнике» (1861 – 1917) и др. В каждом номере иллюстрированного еженедельного журнала «Кронштадтский маяк» (1906 – 1912) помещались его поучения, велась хроника его жизни и деятельности.

В 1893 г. вышли в свет дневники отца Иоанна – трёхтомная книга «Моя жизнь во Христе», имевшая более чем тысячу страниц. В 1897 г. она была переведена на английский язык и получила широкий отклик в английской и американской прессе («Manchester Guardian», «Globe», «Bradford Observer», «The National Observer and British Review», «Church Standart», «Christian Intelligence» и др.).⁸⁶ Иоанн Кронштадтский писал в дневнике откровенно и сокровенно: «Я человек, и во мне непрерывно действует милость, истина и правда Божия. Бог то милует и утешает, то наказывает и печаливает меня скорбями за внутренние, противные Ему душевные движения. Но подобных мне людей – полна земля. Значит, и в них Господь являет Свою милость, истину и правду, подобно как во мне. Он *действует вся во всех*».⁸⁷

С 1896 по 1908 г. регулярно издавались «Слова и поучения» Кронштадтского, составившие 13 книг его проповедей. Кроме того, были опубликованы 3 тома его бесед, слов и речей. Всего Кронштадтским было написано около 4,5 тысяч печатных страниц.⁸⁸ «Книжки его хороши. Тут светлые мысли души, живущей в Боге. Читайте их, перекрестясь», – советовал святитель и затворник, епископ Феофан.⁸⁹

Профессор-нейрохирург И.А. Сикорский, хорошо знавший о. Иоанна, писал: «**Специальность о. Иоанна – нравственное усовершенствование себя и других.** Его труды записаны не в книгах, но в миллионах сердец; записаны и запечатлены так прочно, как не всегда запечатлевается в нашем уме то, что мы видим, слышим, читаем. Этот живой носитель и проповедник идеалов, проводящий ежедневно 15 – 20 часов в сутки то в храме, то под открытым небом, то в многолюдном собрании, словом, делом, примером, а более всего своей личностью воспитывает общество. Он преподаёт науку жизни».⁹⁰

Процесс политизации социальной жизни России естественно наложил определённый отпечаток и на творчество И. Кронштадтского. В.М. Дорошевич построил некролог-эссе об отце Иоанне на раздвоенности его образа:

«Затем появился другой о. Иоанн Кронштадтский.

Уже митрофорный протоиерей.

Иоанн Кронштадтский воинствующий, анафемствующий, делающий политику».⁹¹

Действительно, отец Иоанн вёл яростную борьбу с вероотступниками, иноверцами, сектантами; активно обличал еретиков, имея в виду и либеральную интеллигенцию; был одним из вдохновителей борьбы с Толстым. Неоднократно выступал против него в периодике. Он поддерживал связи с Союзом русского народа, хотя и не участвовал в его деятельности. Он выступил в защиту притесняемых евреев, против погромщиков.⁹² Политизация проповедей о. Иоанна, часто печатавшихся в официальной прессе начала XX в. («Ведомости С.-Петербургского градоначальника», «Московские ведомости» и др.), вызывала внутренний протест той части паствы, которая стремилась к обновлению политического и духовного строя жизни: «Читая слова Вашей проповеди против графа Л.Н. Толстого, помещённой в полицейской газете (хорошее место для таких проповедей), приходишь в полное недоразумение. Неужели это возможно: Иоанн Кронштадтский и – такая проповедь. Перед читателем рисуется не просвещённый и гуманный пастырь, а изувер с самым узким кругозором, не только религиозного мышления, но и просто логического».

Приведя слова о. Иоанна о том, что нужно при помощи веры с корнем вырвать из сердца враждебность к своему ближнему, другой корреспондент с недоумением замечал: «Мне случилось ознакомиться с Вашими обличительными словами, произносимыми в Божием храме и часто воспроизводимыми на страницах Ведомостей СПб градоначальства, направленными против графа Л. Т., кроме того, мне случилось прочесть копию с Вашего письма г-ну ректору Юрьевского Ун-та, в коем Вы громом

обрушиваетесь на сего последнего, оскорблясь одновременным избранием Вас и графа почётными членами Университета. И вот я не нахожу душевного покоя: как примирить Ваши обличительные речи, столь чуждые духу христианского незлобия, терпимости и всепрощения и Ваше карающее письмо, с прекрасными словами, кои я при сём прилагаю?».⁹³

Публицистическая деятельность Ионна Кронштадтского показывает, насколько глубоко охватила политизация помыслы и настроения общества тех лет. Но уже тогда росла и оппозиция этому процессу.

6.6. Религиозно-общественная журналистика

Пусть не приводит ни к чему вся
эта борьба публициста и политика
за бесконечно любимое и дорогое.
Если бы этой борьбы не было – не
было бы *самого главного*, чем
дорог человек, *не было бы сердца*
у его *внутренней музыки*.
Е.Н. Трубецкой (Из прошлого. 1917)

Именно Серебряный век русской культуры, синтезировавший в себе её высшие достижения и давший миру её новые достижения, стал почвой религиозного ренессанса, возникновения религиозной общественности, религиозно-общественного движения, опиравшегося на идеи и творчество её корифеев, выступивших на арене «практической философии», в жанре философской публицистики (С.Н. и Е.Н. Трубецкие, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др.).

Организационное оформление религиозное общественное движение получило в создании обществ: Религиозно-философские собрания, Московское религиозно-философское общество памяти В.С. Соловьёва, такого же типа общества в С.-Петербурге и Киеве, Христианское Братство Борьбы, Братство Ревнителей Церковного обновления и др.; особого направления печати, сети периодических изданий, выпуске публицистической ли-

тературы, одухотворявшей это движение. У его истоков стояли журналы: «Вопросы философии и психологии» (1889 – 1918. – Орган Московского психологического общества, редактор – Н. Я. Грот), «Освобождение» (П.Б. Струве, Штуттгарт – Париж, 1902 – 1905), «Новый путь», «Вопросы жизни» (С. Булгаков, Н. Бердяев, Д. Жуковский, Петербург, 1905), «Полярная звезда» (П.Б. Струве, 1905, дек. – 1906, 20 марта).

При этом в общественной деятельности Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, С.Л. Франк и др. публицисты-философы опирались на журналистику, с помощью которой пропагандировали свои идеи. «Ближайшей и важнейшей задачей союза (имеется в виду – христианской политики – Г.Ж.), – писал в разгар революции в 1905 г. С.Н. Булгаков, – является создание литературы и газетной прессы, распространяющих идеи христианской общественности». «Печати в истории русских философских направлений, – пришел к выводу современный исследователь М.А. Колеров, – принадлежала столь же первостепенная роль, сколь и в истории политических организаций».⁹⁴

Уже на страницах «Нового пути», куда редакция, исчерпавшая свои возможности, пригласила к сотрудничеству публицистов во главе с С.Н. Булгаковым, участвовавших в выпуске «Проблем идеализма», эти литераторы продолжили в журнале разработку вопросов, поставленных в нашумевшем сборнике.⁹⁵ В результате последние номера «Нового пути» были заполнены их статьями. Булгаков, выступая под рубрикой «Без плана», проводил мысль о том, что идеализм – «наиболее прочный и широкий фундамент для всяких прогрессивных программ».⁹⁶ Бердяев вёл «дневник публициста» «Философия и жизнь», где проповедовал на языке того времени идею о «внутренней связи свободы политической со свободой метафизической»; о том, что «будущее принадлежит... мистицизму и демократии».⁹⁷ П. Новгородцев призывал вернуться «на старый, испытанный путь философского познания, чтобы здесь искать ответов на мучительные *вопросы жизни*».⁹⁸

В результате симбиоза старых литературных сил «Нового пути» и пришедших в него публицистов (кроме уже названных,

Н. Лосский, С. Франк, А.С. Волжский, М.О. Гершензон и др.) в журнале вырос новый журнал, получивший название из слов, прозвучавших в конце статьи Новгородцева, – «Вопросы жизни».

«Вопросы жизни» выходили весь 1905 г. и стали предтечей целого ряда религиозно-общественных изданий. Его редакторами были С. Булгаков, Н. Бердяев, Д. Жуковский, с середины года – Н. Лосский. В этом журнале ещё была сильна литературная составляющая. Беллетристический отдел по сравнению с таким же отделом в «Новом пути» был даже усилен. В нём появились известный роман Ф. Сологуба «Мелкий бес», произведения А. Ремизова, В. Брюсова, А. Блока, А. Белого и др. «Выдвинутая лидерами «Вопросов жизни» идея «общественности в религиозной её постановке» (Бердяев) стала осью большинства социально-политических выступлений журнала и сказалась в его литературной критике», – замечает историк литературы И.В. Корецкая.⁹⁹

Собственно это соответствовало программе издания. Она была обнародована Булгаковым в статье «"Вопросы жизни" и вопросы жизни». Её автор считал, что в условиях кризиса русской жизни «общественное служение» – это «идеал-реализм»: равное внимание к духовным и материальным запросам бытия – «не одним хлебом живёт человек», но «он не может жить без хлеба».¹⁰⁰ Редакция журнала в связи с этим ставила актуальные задачи:

- политическое раскрепощение,
- экономическое возрождение,
- культурный ренессанс,
- религиозная реформация.

Опираясь на наследие в области русской этико-философской мысли, Булгаков обвинял русскую журналистику в равнодушии к религиозным вопросам: «...После Толстого, Достоевского, Соловьева непозволительно уже не понимать значение религии как силы социального прогресса».¹⁰¹ «Вопросы жизни» пытались осуществить, по замыслу Булгакова, синтез религии, философии и общественности. Характерно, что редакция, воплощая этот замысел, стремилась создать единство деяте-

лей религиозной интеллигенции, установила контакты с Христианским Братством Борьбы, газетой «Народ».¹⁰² Аудиторию журнала, по несколько ироничным словам А. Белого, составляли: «священники, социалисты-революционеры, сектанты, эстеты, марксисты, студенты, доценты и нищиеанцы».¹⁰³ С позиций программы, предложенной в «Вопросах жизни» Булгаковым, и будут выстраиваться издания религиозно-общественной журналистики.

Таблица

Религиозно-общественная периодика

Название издания	Тип	Годы выхода	Тираж экз.	Число №№	Редактор
«Московский еженедельник»	Журнал	1906, 7.03 – 1910, 28.08	1906 – 12000, 1907 – 3500	227	Е.Н. Трубецкой
«Накануне»	Журнал, еженед.	1906, 19 февр. – 5 марта	–	3	В.К. Агафонов
«Народ», Киев	Газета еженед.	1906, с 2 апр.	–	7	В.Н. Лашнюков, С.Н. Булгаков, А.С. Волжский
«Век»	Газета еженед.	1906, 12 нояб. – 1907, 8 июля	до 4200	–	В.А. Никольский

Помимо указанных в таблице изданий, sporadически возникали близкие этому направлению на 1 – 2 номера другие: «Факелы» (1905) – альманах Г.И. Чулкова; «Встань, спящий!» (1906, 27 апр. – 5 июня, 4 номера) – газета священника Ионы Брехничева (1879 – 1968);¹⁰⁴ «Живая жизнь» (1907, № 1 – ноябрь; 1908, № 2 – 30 янв.); её продолжение – журнал «Религия и жизнь» (1908, № 1, 1500 экз., № 2, 3000 экз.) и др. Вообще лишь два журнала выходили в свет несколько дольше других.

«Московский еженедельник» (1906 – 1910), общественно-политический орган, был рождён на волне революционных событий и поиска нового пути развития России, обновления и реформирования всех сторон жизни.¹⁰⁵ Первые 14 номеров позиционировались как газета, с 15 номера – журнал объёмом 3 – 4 печатных листа. Его появление было облегчено тем, что он соз-

давался на базе погибшей в результате цензурных репрессий газеты «Московская неделя» князя С.Н. Трубецкого. За «критику государственного строя» первые три номера газеты за 12 – 24 мая 1905 г. были арестованы, а против редактора возбуждено судебное преследование, но С.Н. Трубецкой 29 сентября умер.

Его брат Е.Н. Трубецкой, профессор философии права Московского университета, статский советник, член Государственного Совета (1907 – 1908), подхватил эстафету и приступил к выпуску журнала. Евгений Николаевич был основной, идейной и литературной силой еженедельника, вокруг которого он смог объединить большой интеллектуальный потенциал. В 1907 г. с № 8 в качестве второго редактора объявлялся Г.Н. Трубецкой.

Ведущими сотрудниками «Московского еженедельника» были Н.В. Давыдов, А.А. Кауфман, С.А. Котляревский, Н.Н. Львов, В.А. Маклаков, П.Б. Струве. Особое значение имело активное участие в журнале религиозных философов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.С. Волжского (Глинки), Д.В. Filosofova, священников К.М. Аггеева, С.Н. Щукина, проф. Московской духовной академии И.М. Громогласова, Н.Ф. Каптерева, П.В. Тихомирова.

Как и вся периодика этого направления, журнал не был коммерческим предприятием. Его пайщиками были Е.Н. Трубецкой и представители торгово-промышленной буржуазии М.К. Морозова, А.С. Вишняков, Г.И. Петухов, либеральные помещики. При финансовых затруднениях редакция обращалась к В.П. Рябушинскому, С.И. Четверикову, А.И. Коновалову. Это позволило редакции выпускать еженедельник почти четыре года. Его тираж в 1906 г. доходил до 12 тыс. экз., в 1907 г. упал до 3500 экз., но он распространялся по всей России и за границей (Берлин, Вена, Лондон, Париж, Ницца).

Программа «Московского еженедельника» была сосредоточена на идее мирного обновления жизни России, включая и духовную сферу.¹⁰⁶ Редакция декларировала внепартийность, но в числе её сотрудников было достаточно много видных кадетов, представителей партии мирного обновления, одним из лидеров которой будет и Е.Н. Трубецкой.¹⁰⁷ Редакция выступала за

консолидацию либеральных сил, «без крайних левых и без крайних правых». Политическая проблематика в журнале занимала больше места, чем философско-религиозная, хотя со временем окажется, что именно последняя составит славу изданию.

Таблица

Проблематика «Московского еженедельника»
(1907 – 1910), число статей¹⁰⁸

Год	Внутр. политика	Гос. Дума	Вопросы:		
			аграрный	нацио- нальный	религиоз- ный
1907	86	8	23	5	24
1908	14	19	12	16	18
1909	21	12	16	8	19
1910	4	7	1	4	—
Всего:	125	46	52	33	61

Контент-анализ показал, что лишь одна пятая статей была посвящена проблемам религиозного обновления. Впрочем, в революционный период трудно было бы представить иную картину. Первый номер «Московского еженедельника» вышел в канун выборов в I Государственную Думу. Редакция активно вела избирательные кампании во все Думы, освещала их деятельность всесторонне и достаточно полно. С 27 апреля по 8 июля 1906 г. изо дня в день редакция печатала хронику под рубрикой «Издания Государственной Думы (от нашего корреспондента)», статьи под рубриками «Из Думы», «Государственная Дума». Внутриполитическое обозрение имело рубрики: «Думская хроника» – авторская рубрика А.В. Васильева, освещавшего деятельность III Государственной думы (с № 44 1907 г. по № 25 1908 г.), «Парламентская неделя», «Хроника местного управления». Внутреннее обозрение было постоянным разделом журнала с № 6 1906 г. по № 14 1908 г. Редактор журнала Е.Н. Трубецкой, откликаясь на политическую злобу дня, напечатал на его страницах около 300 передовых статей.¹⁰⁹

У еженедельника был непосредственный контакт уже с I Государственной Думой, так как в её состав входили его сотрудники Н.Н. Львов, С.А. Котляревский, А.В. Васильев, М.Я. Герценштейн и др. В политических статьях основное внимание уделялось борьбе с революционным насилием вне и в самой Думе, осуждались методы революционного насилия в преобразовании общества.

«Отказ Государственной Думы от осуждения революционного движения – политический промах, нравственное самоубийство», – считал Е.Н. Трубецкой (1906, №30. С. 10). Он обратился к редактору газеты «Дума» с «Открытым письмом», в котором призвал либералов осудить «политические убийства».¹¹⁰ Респуск I Государственной Думы Трубецкой рассматривал как «неконституционный акт», «акт безумия», загубивший «последнюю надежду на мирное обновление России». Виновниками происшедших событий он считал правительство и П.А. Столыпина.

Вместе с борьбой за созыв II Государственной Думы, что рассматривалось как «единственный путь умиротворения России», ряд сотрудников «Московского еженедельника» участвовал и в борьбе за власть под лозунгом «думское министерство». В годы революции они (М.Я. Герценштейн, С.А. Котляревский, Н.Н. Львов, Е.Н. Трубецкой и др.) вели переговоры с лидерами политических партий о привлечении последних к управлению государством. В этой Думе журнал представляли В.А. Маклаков, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков.

С первых же номеров еженедельника, наряду с политическими вопросами, на его страницах шла работа над проблемами по обновлению духовной жизни общества, реформирования Русской Православной Церкви, за пересмотр отношений между государством и Церковью. Тема «религия и политика» была в центре внимания Е.Н. Трубецкого. Профессор Московской духовной академии И.М. Громогласов выступил со статьёй программного характера «Наше общественно-политическое обновление и современные задачи церкви» (1906, № 5), за которую был уволен со службы.

Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой продолжали в своей публицистике осмысление проблем «нового» религиозного сознания, воплощения христианства в жизни, приоритета духовного над материальным; продолжали вести борьбу с «материализмом» (радикальным марксизмом), начатую в сборнике «Проблемы идеализма». ¹¹¹ «Богочеловечество» рассматривалось Трубецким как «начало, середина и конец мирового прогресса». Бердяев писал о том, что «органическая творческая религиозная эпоха» – венец всей истории человечества. Путь достижения на Земле «града Божьего» был лейтмотивом его публицистики тех лет. Этот путь – «религиозная революция», снимающая с повестки дня «революцию эмпирическую». ¹¹² В решении духовных проблем сотрудники журнала уповали на «религиозную общественность».

Это творчество публицистов «Московского еженедельника» заложило основы программы репертуара издательства «Путь», а также основы идей будущего сборника «Вехи».

Второе издание родственного «Московскому еженедельнику» направления, выходившее около года, с 12 ноября 1906 г. по 8 июля 1907 г., – журнал «Век», имевший в титуле подзаголовки «еженедельный журнал политики, церковно-общественной жизни и литературы». Тип этого издания был несколько неопределённым. Редакция называла «Век» то журналом, то газетой, в некоторых номерах – «журнал-газетой». Историк К.Е. Нетужилов, исследуя его, пришёл к выводу, что «Век» является по характеру публикаций, их обычному размеру, газетой. ¹¹³ Номер этого еженедельника состоял из 12 – 14 книжного формата страниц. «Век» имел два приложения – еженедельник «Церковное обновление» и «Библиотеку “Века”» (раз в две недели). Стоимость трёх выпусков составляла 5 рублей в год, в розницу – 5 коп. Тираж «Века» в 1907 г. достиг 4200 экз. ¹¹⁴

Необходимая сумма на его издание, по словам редакции, была собрана вскладчину среди «подписчиков-учредителей», большинство которых было членами Братства Ревнителей Церковного обновления (группа «32-х» священников), находившегося под покровительством петербургского митрополита Анто-

ния (Вадковского). «Век» выходил в С.-Петербурге при ближайшем участии профессора столичной духовной академии архимандрита Михаила (Семёнова), её доцента А.В. Карташева, бывших фактическими руководителями редакции. Издателем его был С.Г. Мамиконянц. Редакторами были В.А. Никольский, с 1907 г. – А.В. Попов. В журнале активно сотрудничали представители Братства К.М. Аггеев, М.П. Чельцов, Н.В. Цветков и др.; известные деятели религиозно-общественного движения Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, В.П. Свенцицкий, П.А. Флоренский, В.Ф. Эрн.

Программа «Века» была изложена в первом же номере в статье его редактора, священника В.А. Никольского «Христианская политика»: «...Освобождение Русской Церкви от подчинения государству, осуществление соборного начала в церковной деятельности нашей и... устройство Русской Церкви на началах вселенского христианства». Никольский подчёркивал, что и в Церкви существуют круги, идущие навстречу идеям светской, религиозной интеллигенции: «Русская религиозно-общественная жизнь... выдвинула на первое место задачу примирения христианских воззрений с современною культурой, задачу церковного обновления и христианского возрождения, из которой естественно вытекают все сложные вопросы христианской политики». Такие, как «полное гражданское равноправие, свобода личности», «выборное самоуправление общин, замена личного пользования собственностью общинным пользованием и широкое развитие трудовых союзов», социалистическая организация хозяйства.¹¹⁵

Содержание «Века» было политизированным. Новым явлением для такого типа издания было печатание в нём фельетонов на общественно-политические темы. Проблемы конфессиональной политики государства, реформирования деятельности РПЦ, церковные вопросы в Государственной Думе занимали в содержании еженедельника до 30 %. Кроме того, острой полемике с печатью Союза Русского народа, критике взглядов, проводимых им, и его действий было посвящено не менее 20 % пуб-

ликаций «Века». 10 – 15 % его статей было отведено статьям о подготовке Поместного Собора.¹¹⁶

Причиной закрытия «Века» послужила поддержка его редакцией такой программы церковного обновления, при которой церковь отделялась от государства. Приказом градоначальства редакция была оштрафована на тысячу рублей за № 26 от 8 июля 1907 г., издание журнала на основании Постановления о чрезвычайной охране было приостановлено на 3 месяца.¹¹⁷ Потеря подписки и в итоге большие материальные потери заставили редакцию прекратить выпуск «Века».

Таким образом, как отдельное издание по длительности выхода лишь «Московский еженедельник» смог оставить ощутимый след в истории русской печати. О журналистике религиозного общественного движения есть смысл говорить в целом, как об особом типе печати, имеющем свои отличительные качества. Она была типологически разнообразной: от листовок и брошюр до газет и сборников. Основным типом изданий всё-таки оставался журнал («Московский еженедельник», «Накануне», «Век» и др.).

Но наиболее конкретное выражение программа этой печати получила при выпуске в свет семи номеров «большой, ежедневной», религиозно-общественной газеты **«Народ»** (Киев, 1906, апрель, официальный редактор В.Н. Лашнюков). Это издание – детище С.Н. Булгакова, одного из главных теоретиков и практиков религиозно-общественного движения, христианской политики, религиозно-философской печати. В газете предполагалось сотрудничество почти всех причастных к религиозно-общественному движению, а также многих видных литераторов, политиков, философов.¹¹⁸

В разгар революционных событий в Киеве, где Булгаков в 1901 г. работал профессором политехникума и приват-доцентом университета, а интеллигенция хорошо его знала, он готовит вместе с А.С. Волжским (Глинкой) к выпуску первый номер газеты «Народ». В письме к Карташеву 1 апреля 1906 г. Волжский, приглашая его к сотрудничеству, сообщал о замыслах «в широких размерах своей газеты, не областной, а всероссийской. Не

знаем, что выйдет, но хочется большого, настоящего». ¹¹⁹ Об этом можно судить даже по приложению к № 1 – многоцветному литературно-художественному, где были опубликованы работы художников М.В. Нестерова и М.А. Врубеля и мемориальная статья о Врубеле, прекратившем тогда творческую деятельность из-за болезни.

Но особый интерес имеет программа газеты «Народ» тщательной разработкой проблематики, дающей представление в целом о проблемно-тематическом комплексе журналистики этого типа.

Редакция ставила основной «своей задачей всенародную религиозно-общественную проповедь». При этом она исходила из «идеалов вселенского христианства», вослед Владимиру Соловьеву «полагая, что христианская правда должна проникать не только в личную жизнь, но и область общественных отношений». Редакция собиралась решать следующие задачи:

- «отстаивать народную свободу»;
- «раскрывать неправду капиталистической эксплуатации и современных земельных отношений»;
- «настойчиво бороться против национальной вражды»;
- добиваться «преодоления недолжного отделения религии от жизни, унаследованного нами из предыдущей исторической эпохи, когда сложилась внерелигиозная и духовно-мёртвая общественность, а ей противопоставлялась лжехристианская проповедь человеконенавистнической, тупой реакции и насилия»;
- создать христианскую общественность, не только литературно раскрывая её идеалы, но и творчески реализуя их в жизни;
- открыть страницы газеты «для обсуждения нужд начинающегося религиозно-общественного движения»;
- «пристально следить за развитием церковно-освободительного движения», уделяя «особое внимание вопросам, связанным с предстоящим церковным Собором»;
- служить задачам христианского возрождения, которое «требует не только внешней реформы церкви, но и углубления и прояснения религиозно-философского сознания, религиозного освещения запросов и нужд современной культуры». ¹²⁰

Кроме того, Булгаков планировал с помощью газеты организовать Союз христианской политики, а также попытаться установить связь между духовенством и интеллигенцией. В одной из статей в газете «Народ» говорилось: «Если теперь русское духовенство хочет стать живой, творческой силой в великом деле культурного возрождения русского народа, оно не должно выделять себя из рядов светской интеллигенции, должно приобщиться к её культурным приобретениям и взять на себя часть её нелегкого труда... Для нас нет сомнения, что огромная часть приходского духовенства не сразу, конечно, а постепенно, как это было и со светским обществом, перейдёт в ряды борцов духовного освобождения русского народа и во всяком случае не будет становиться ему поперёк дороги».

Пройдут годы, и один из участников газеты В.В. Зеньковский назовет «Народ» «церковно-социалистической газетой».¹²¹

Естественно, даже в тех условиях такая газета не могла открыто издаваться долго. Цензура быстро поняла вредоносность такого издания для существующего порядка. Оно было закрыто. Этот кратковременный опыт издания газеты «Народ» был первой сознательной попыткой русских философов проводить в ежедневной газете конкретные философские идеи.

И всё-таки наиболее эффективной формой воздействия практическими философами на общественное мнение были выпускаемые ими **сборники – общественно-политические манифесты**. Получила широкую известность серия таких сборников: «Проблемы идеализма» (М., 1902), «Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции» (М., 1909), «Из глубины» (М., 1918), а также им оппонирующие сборники «Интеллигенция в России» (1910), «Великая Россия» (М., 1910-1911), «"Вехи" как знамение времени» и др.¹²² Первый сборник «Проблемы идеализма» предопределил деятельность части русской интеллигенции, обратившейся к духовному поиску, на предреволюционные и революционные годы начала XX в., когда произошло сближение философии и практики, философии и публицистики.

«Русская культура породила странный тип философа: с одной стороны, погружённого в мистические созерцания, – замеча-

ет исследователь А.А. Носов, – с другой – не только не сторонящегося мирских забот, но, напротив, энергичного *общественного деятеля* в самом широком смысле этого слова». ¹²³ Многие из этих публицистов стали организаторами религиозно-общественного движения и религиозно-общественной журналистики. Эта журналистика не могла быть в тех условиях какой-то целостной системой. Она была средостением между двумя подсистемами русской печати: светской и духовной. И она оставила след не только в истории русской журналистики, но и имела продолжение в журналистике русского зарубежья. ¹²⁴ «Такие эпохи религиозно-философского творчества, какое было в России до революции, – говорит проф. Н.А. Струве, – а особенно просияло в эмиграции, тоже случается не каждое столетие». ¹²⁵

Этот своеобразный фазис истории русской журналистики был завершён выходом в 1909 году нового манифеста «Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции». Вот его содержание:

Предисловие. М. Гершензон.

Н.А. Бердяев. Философская истина и интеллигентская правда.

С.Н. Булгаков. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции).

М.О. Гершензон. Творческое самосознание.

Б.А. Кистяковский. В защиту права (Интеллигенция и правосознание).

П.Б. Струве. Интеллигенция и революция.

С.Л. Франк. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции).

А.С. Изгоев. Об интеллигентной молодёжи (Заметки об её быте и настроениях).

«Вехи» посвящены исследованию «с разных сторон мировоззрения интеллигенции». Авторы пишут «с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны». ¹²⁶ В сборнике, с одной стороны, подводились итоги, во-первых, революционных потрясений 1905 – 1907 гг., во-вторых, последствий духовного кризиса общества рубежа веков, в-третьих, этапа осмысления интеллигенцией русского пути. С другой стороны, «Вехи» ставили перспективные проблемы, вставшие перед об-

ществом: интеллигенция и народ, политика и нравственность, новое религиозное сознание и др.

Если М.О. Меньшиков в статье «Две России» рассматривал духовный кризис по долгу службы – в церковной ограде, то авторы «Вех» исследовали его по зову сердца – за церковной оградой. Интеллигенция увлеклась политической борьбой, рассматривая её как нечто независимое и внешнее. Допустила господство политики над духовностью и нравственностью. Путь праведной жизни: борьба за «благо народа» – оказался тупиковым. Между народом и интеллигенцией царит непонимание друг друга. Борьба интеллигента «за народное счастье» была отвергнута самим народом.

«Вехи» стали вехами в процессе духовного обновления общества, начатого под впечатлением духовно-нравственной проповедческой публицистики Л.Н. Толстого манифестом «Проблемы идеализма». В предисловии к новому манифесту утверждалось то, что «общей платформой» его авторов «является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» (23). Идеология интеллигенции, построенная «на признании безусловного примата общественных форм», ошибочна. Она противоречит «естеству человеческого духа», практически бесплодна, то есть не может привести к цели, поставленной самой интеллигенцией, – «к освобождению народа». Авторы «Вех» призывали к отказу от старого пути и открывали обществу новый путь – путь духовного обновления.

При этом интеллигенция, по Булгакову, должна совершить «религиозный подвиг, незримый, но великий», её исцеляющий (83). «Мы освободимся от внешнего гнёта лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда

народится новая душа интеллигенции» (42). – Этими словами завершается статья Н.А. Бердяева.

Сборник имел оглушительный успех. В печати вокруг проблем, поставленных в нём, прошли массовые дискуссии. Он подвергся резкой, чаще всего несправедливой критике, неприятию высказанных в нём идей. Лишь за год на появление «Вех» (1909) откликнулось более 300 статей.¹²⁷ Его первый тираж в 3000 экземпляров сразу же разошелся: в первые два дня было продано 2853 экз. Общий тираж нескольких изданий сборника за 1909 г. превысил 16 тысяч экземпляров.¹²⁸

Сопоставляя высказанные мысли, прозвучавшие идеи в статьях публицистов «Вех» с творчеством Л.Н. Толстого, утверждавшего: «Нравственные законы уже есть, человечество только уясняет их себе, и уяснение это кажется неважным и незаметным для того, кому не нужен нравственный закон, кто не хочет жить им. Но это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества» (23, 225 – 226. Подчеркнуто нами – Г.Ж.),¹²⁹ – можно сказать, что веховцы встали именно на этот путь – уяснения нравственного закона.

Завершая жизненный путь, Толстой именно в этот исторический период выступил с *духовным завещанием* – трактатом «Закон насилия и закон любви», который был написан им с января по май 1908 г., впервые опубликован с цензурными пропусками в газете «Киевские вести» в 1909 г. в трёх февральских номерах.¹³⁰ Полный же его текст вышел тогда же в Англии в «Свободном слове».

Начало этого произведения взаимосвязано с *политическим завещанием* Толстого – статьёй «Не могу молчать!»: «Пишу я то, что пишу, только потому, что, зная то одно, что может освободить людей христианского мира от тех страшных телесных страданий и, главное, от того духовного развращения, в которых они всё дальше и дальше погрязают, я, стоя на краю гроба, *не могу молчать*».¹³¹

Определяя задачи итогового сочинения, Лев Николаевич видит их в том, чтобы ещё раз раскрыть «высший смысл жизни, веры и вытекающего из него руководства поведением». С этой

целью людям необходимо усвоить «христианское учение в его истинном смысле», открытом ещё 19 веков тому назад, – понимание жизни и вытекающего из него руководства поведением. Особенно ценным у Толстого является подчёркивание единства веры и поведения, смысла жизни и поведения.

На заре XX века, за шесть лет до мировой бойни писатель так характеризует духовный кризис человеческого сообщества: «Государства христианского мира не только дошли, но перешли в наше время тот предел, до которого доходили перед своим распадением государства древнего мира. Это особенно ясно видно из того, что в наше время всякий шаг вперёд в технических усовершенствованиях не только не содействует общему благу, но, напротив, всё с большей и большей очевидностью показывает, что все эти усовершенствования могут только увеличить бедствия людей, но никак не уменьшить их».

«Жизнь христианских народов теперь ужасна, – приходит к выводу мыслитель, – и в особенности по отсутствию какого бы то ни было нравственного начала, соединяющего их, и по неразумности своей, сводящей человека, несмотря на все его умственные приобретения, в нравственном отношении на степень низшую, чем животные, и, главное, по той сложности установившейся лжи, которая всё более и более скрывает от людей всю бедственность и жестокость их жизни». Публицист в трактате выступает по современной терминологии как «разгребатель» (макрейкер) этой лжи.

Говоря о философском содержании произведения Толстого, современный учёный А.А. Гусейнов отмечает, что он в нём «свидетельствует правду жизни такой, какой он её продумал своим беспощадным умом и выстрадал своей богатой возможностями и искушениями личной судьбой... речь идёт о самоочевидных истинах, с которыми в глубине души согласен каждый честно думающий человек и которые сформулированы во всех развернутых религиозно-нравственных учениях, но полнее всего в учении Иисуса Христа, чьим последователем и считает себя Л.Н. Толстой».¹³²

Трактат, где небольшие главки открываются 2 – 3 эпиграфами – голосами апостолов, философов, учёных, поддерживающих размышления Толстого, представляет собой прощальную беседу Льва Николаевича с теми, с кем он вёл непрерывный диалог на протяжении более четверти века. В нём он снова возвращается к своим важнейшим проблемам, определяющим смысл жизни. Завершается беседа так, как будто автор видит тех, с кем говорит: «Вот всё, что я хотел сказать».

Хотел сказать я то, что мы дожили в наше время до того положения, в котором нам нельзя долее оставаться, и что, хотим мы или не хотим этого, мы должны вступить на новый путь жизни... нужно только одно: освободиться от суеверий как лжехристианской веры, так и государственного устройства». ¹³³

Как бы выходя за дверь от собеседников, Толстой последний абзац трактата заканчивает на доверительной ноте: «И если ты несчастлив, – а я знаю, что ты несчастлив, – подумай о том, что то, что предлагается тебе здесь, выдуманно не мною, а есть плод духовных усилий всех высших, лучших умов и сердец человечества, и что в этом одном единственное средство избавить тебя от твоего несчастья и получить величайшее благо, доступное человеку в этой жизни».

Вот это я и хотел, прежде чем умереть, сказать своим братьям».

Духовное завещание Толстого – документ, устремлённый в будущее, но время – понятие, изобретенное человеком. Возможно, потребительское общество несколько растянуло его в XX столетии. Духовный кризис человеческого сообщества протянулся через него: политические пробы не увенчались успехом. Возможно, в новом веке, наконец, его разрешение пойдёт по другому – нравственному пути. Так, как завещал людям, великий писатель, мыслитель, философ и публицист Лев Толстой.

Словно в ответ на эти размышления великого русского писателя философы-публицисты организуют центр издательской деятельности религиозно-общественного движения – «ориентированное на создание и пропаганду духовных ценностей» **издательство «Путь»** (1910 – 1919). ¹³⁴

Как показала практика создания религиозно-общественной печати, выпуска сборников-манифестов, несмотря на всю её актуальность и важность, не могла удовлетворить полностью творческий, духовный поиск публицистов-философов. Она несла на себе след неизбежной в тех условиях политизации идей. Периодическая печать была для них испытательным полигоном их теоретических раздумий и разработок, выходом в практическую жизнь. Так, духовные искания Е.Н. Трубецкого привели его к выводу о необходимости освободиться от бремени еженедельного издания ради углублённых занятий философией и научным творчеством, возможности более полно реализовывать собственный духовный и интеллектуальный потенциал, иметь большую свободу для осуществления своего стремления к религиозно-общественному служению, к «деятельному христианству».

В августе 1910 г. в письме к своей сподвижнице и близкому другу М.К. Морозовой Трубецкой подчёркивал: «Писать о чём-либо текущем я сейчас не могу без насилия над собою... воскреснуть нам надлежит в новом виде: форма Еженедельника обветшала».¹³⁵

Маргарита Кирилловна Морозова¹³⁶ (1873 – 1958) – владелица, учредитель и организатор издательства «Путь» – одна из предпринимательниц-просветительниц России, много сделавшая для развития русской культуры. Она была широко образованной, знала французский и немецкий языки, была пианисткой-ученицей А.Н. Скрябина и Н.К. Метнера. Как вдова крупного московского промышленника Морозова имела капитал и финансировала многие культурные предприятия: Религиозно-философское общество, в котором участвовала; журнал «Вопросы философии и психологии», издательство «Мусaget» и др.¹³⁷ Она была основной вкладчицей средств в начатое новое предприятие, но и остальные участники по возможности делали свои вклады, некоторую финансовую поддержку оказывал Московский университет.¹³⁸ Е.Н. Трубецкой называл Морозову «собирательницей и вдохновительницей» «Пути», соединившей в издательстве «всё, что теперь есть наиболее значительного в русской религиозной мысли».¹³⁹

30 марта 1910 г. состоялось собрание, как говорится в переписке, редакционного Комитета, положившее начало деятельности этого предприятия. Издательство «Путь» было основано как орган московского Религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьёва, по словам Бердяева, «центр религиозно-философской мысли и духовных исканий».¹⁴⁰

Само Общество начало проводить публичные заседания осенью 1905 г. Они пользовались огромным успехом, на некоторых встречах участвовало до 600 человек. Основатели Общества: Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Г.А. Рачинский, П.А. Флоренский – стали основателями и издательства «Путь», которое выпускало рефераты и доклады, произнесённые на заседаниях; книги членов Общества, переводную литературу. Вся эта продукция, издательские проекты обсуждались и оценивались своеобразным редакционным советом Общества. Под грифом «Пути» публиковались произведения А.А. Блока, Б.Н. Бугаева (Андрея Белого), М.О. Гершензона, В.В. Зеньковского, Вяч.И. Иванова, Л.М. Лопатина, Н.О. Лосского, Н.В. Устрялова, П.А. Флоренского и др.

Фактическими руководителями «Пути» были Трубецкой и Морозова, большую организационную работу вёл С.Н. Булгаков, по мнению Н.А. Струве, «главный двигатель издательства».¹⁴¹ Но официально «Путь» возглавлял Г.А. Рачинский, председатель московского Религиозно-философского общества, родственник Морозовой. Программа издательства была сформулирована во вступительной статье к «Сборнику первому: О Владимире Соловьёве» (1911 г.):¹⁴²

- борьба с духовным, «затяжным» кризисом: «Старые устои жизни и традиционные формы самосознания разбиты или же разбиваются на наших глазах историей, а новое только зарождается в мучительной борьбе и проходит через начальную стадию развития».

- определение новых духовных основ русской общественной и государственной жизни, формирование новой национальной идеологии, основанной на началах христианской религиозности, патриотизма и демократии; («Нашему поколению предстоит за-

ново ориентироваться в своём прошлом и настоящем, пересмотреть своё идейное наследие и сознательно отнестись к основным явлениям духовной жизни современности».)

- возрождение Православия как активной социальной и культурной силы, способствующей решению насущных проблем России;

- «всестороннее осуществление вселенского христианского идеала» как «общей религиозной задачи России и её призвания послужить (ему – Г.Ж.) в мысли и в жизни».

«Путь» утверждал приоритет этико-религиозного фактора в историческом процессе. «Критичность по отношению к официальной церковности и интерес к внецерковной религиозности не только органически соединялись с православными убеждениями членов «Пути», – утверждает Е. Голлербах, – но и обогащали их, освобождали от лишнего догматизма в постижении христианских ценностей, давали возможность плодотворного богословского и философского творчества». «Деятельность “Пути” была попыткой создать идеологию мирного эволюционного обновления государства и общества и была категорически враждебна любому политическому радикализму». Это совпадало с общественным интересом постреволюционного периода, нацеленного на восстановительные процессы после революционных потрясений. «Теоретики “путейства” утверждали необходимость сильного русского национального государства, которое имело бы всенародный характер, было бы свободно от амбиций отдельных классов, союзов и групп и осуществляло бы власть внеклассовую, внепартийную, во имя высших христианских идеалов (как они тогда понимались)».¹⁴³

Уже в декабре 1910 г. вышли в свет первые книги «Пути» – двухтомники: Полное собрание сочинений И.В. Киреевского и «Два града» С.Н. Булгакова. Всего же издательство выпустило 45 томов, которые по проблематике и содержанию соответствовали заявленной программе и не имели коммерческой цели. Тем не менее авторитет участников предприятия сказался на том, что тираж его книг обычно составлял 2 – 3 тысячи экз. Репертуар «Пути» включал:

- неперIODические коллективные сборники статей на важные, актуальные в программном смысле темы. Кроме «Сборника первого», уже названного, был выпущен «Сборник второй. О религии Льва Толстого» (1912). Остальные проекты такого рода реализовать Комитету не удалось.

- монографии и монографические сборники ведущих авторов «Пути» по религиозно-философским проблемам: «Философия свободы» Н.А. Бердяева (1911); «Два града» (1910), «Философия хозяйства» (Ч. 1 – 1912), «Свет вечерний» (1917) С.Н. Булгакова; «Миросозерцание» Вл.С. Соловьёва (1913), «Два мира в древнерусской иконописи» (1916), «Метафизические предположения познания» (1917) Е.Н. Трубецкого; «Столп и утверждение истины» П.А. Флоренского и др.

- памятники литературно-философского наследия: сочинения И.В. Киреевского, Вл.С. Соловьёва, П.Я. Чаадаева, В.Ф. Одоевского («Русские ночи») и др.

- серия монографий «Русские мыслители» – «Духовные портреты крупнейших представителей русской религиозной мысли и русского самосознания»¹⁴⁴ (Н.А. Бердяев о А.С. Хомякове, С.А. Алексеев о А.А. Козлове, В.Ф. Эрн о Г.С. Сковороде и др.).

- книги по западной философии: «Этическое миросозерцание Спинозы» С.Ф. Кечекьяна, «Интуитивная философия Бергсона» Н.О. Лосского (состоялось два издания – 1913, 1914), книги В.Ф. Эрн о Розмини и Джоберти.

- научно-популярные книги, брошюры для самой широкой аудитории: произведения духовного публициста священника С.Н. Щукина – «Около церкви». Сб ст., «Божеское и человеческое» – тираж 10 тыс. экз.; С.Н. Дурылина «Церковь невидимого града», А.С. Глинки «В обители преподобного Серафима», Е.Н. Трубецкого «Смысл войны» и др.

Кроме того, участники «Пути» вели большую общественную работу. Они организовали Школу имени Соловьёва (1911), детский приют (1914), Библиотеку-музей памяти Соловьёва (1916); вели активную лекционную работу, выступали на митин-

гах, устраивали дискуссии, крестные ходы, коллективные молебны, особенно в период Первой мировой войны.

Таким образом, издательство «Путь» – живой, творческий организм Серебряного века русской культуры, ставший влиятельным центром духовной мысли и философии, проложивший пути их расцвету в Русском зарубежье 1920 – 1940-х гг. и через него передавший эстафету современной России. Особую роль этот центр сыграл в утверждении целого направления русской публицистики – по характеру религиозно-философского и практического, соединявшего глубину мысли и популяризацию.

В этом смысле грань между тем и другим издательство смогло держать при той требовательности и том такте, которые предъявлял к его продукции князь Е.Н. Трубецкой: «Чтобы оказывать глубокое духовное влияние, мысль должна очиститься и углубиться. Должны зародиться новые духовные силы. Нам нужно не дилетантское богоискательство Бердяева и не постное масло Булгакова, а нечто более глубокое и сильное. Публицистика, как я её понимаю, должна питаться философией и углублённым религиозным пониманием! Стало быть, философия – первая задача, а публицистика вторая или даже третья!». ¹⁴⁵ Полемический задор интимного письма Трубецкого к Морозовой августа 1910 г. – времени организации совместного предприятия – понятен: надо не уронить знамя, держать престиж и качество. Но, как говорится, каждому овощу своё место и своё время. Вероятно, тот Бердяев и тем более тот Булгаков были тогда как раз ко столу и времени.

Именно их усилиями был совершаем выход философской публицистики в общественную жизнь. В русской журналистике начала XX в., отличавшейся богатством типологии, содержательностью информации и проблемно-тематического комплекса, творческим разнообразием форм, свою нишу занимала и журналистика религиозного общественного движения. Многие её издания в тех условиях были недолговечны, но её появление, её общественно-политические манифесты, печать издательства «Пути», философская публицистика оставили значительный след в развитии духовной жизни России.

Процесс демократизации российского общества в начале XX в. касался всех сфер жизни, включая духовную, демократизация которой проходила особенно сложно и противоречиво. Это объясняется целым рядом причин: в их числе наиболее существенную роль играл традиционный консерватизм Русской Православной Церкви, своеобразный её монополизм на руководство духовной жизнью человека и общества, контроль за нею, что поддерживалось самодержавной властью. Но в условиях революции 1905 г. власть решила провести церковную реформу. На повестку дня были поставлены вопросы о восстановлении канонического устройства и патриаршества в РПЦ, о возможности проведения Поместного Собора, не собиравшегося в синодальный период более 200 лет. 13 марта в Петербурге прошло совещание столичных священников, вошедших в историю как «группа 32-х». Они заявили о необходимости восстановить автономию, соборность и единство церкви и создали в Петербурге в 1906 г. Братство Ревнителей Церковного Обновления. 17 апреля 1905 г. был обнародован императорский Манифест о веротерпимости. 19 октября ушёл с поста обер-прокурора К.П. Победоносцев, ощутивший, что в создающихся условиях он не может работать. Его уход в отставку символизировал начало новой эпохи в истории Церкви.

К этому историческому периоду русская культура и её светский элемент испытывали расцвет и органично вписывали в себя отражение и воспроизведение духовного мира, что получало воплощение в творчестве русских литераторов и публицистов. Такие мощные фигуры русской культуры, как В.С. Соловьёв, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, каждый по-своему обогащали её духовность. Их деятельность протекала в русле древних традиций, но одновременно соотносилась с идущим процессом демократизации общества: это ставило её в оппозицию официальной церковности.

В период русских революций начала XX в., в условиях политизации общества, противодействуя радикальным настроениям, управление РПЦ усиливает духовную цензуру. Сама полити-

ка Церкви стала иметь оттенок цензуры. 28 октября 1905 г. Св. Синод издал указ о чтении во всех православных церквях России особой молитвы против революции, обратился к обществу с призывом прекратить революционное движение и верно служить царю. 14 декабря Синод приказал проводить во всех церквях молебствия о прекращении революции. При этом активно использовалась церковная печать. 9 сентября 1906 г. в «Церковных ведомостях» митрополит Антоний публикует циркулярное письмо епархиальным архиереям с призывом всеми силами препятствовать распространению «пагубных учений», возбуждающих «к восстанию против законных властей и государственного порядка». В 1907 г. «Церковные ведомости» напечатали своеобразный рекомендательный список – подробный обзор противосоциалистической литературы.

После смены власти в феврале 1917 г. С. Булгаков произнёс перед собранием московских литераторов в Художественном театре 16 марта провидческую речь «О даре свободы»: «...В эти дни, когда безраздельно царит политика, интересуют только политические программы, и кипят партийные страсти, я чувствую потребность и даже долг призывать Родину и к тому, чтобы прислушиваться и к глубине народной души... Я чувствую потребность говорить *о свободе не как о факте, а как о задаче и духовном подвиге*» (Подчеркнуто нами. – Г.Ж.).¹⁴⁶

Но свобода пошла по другому пути.

Примечания

1. Афанасьев В., Воропаев В. Святитель Игнатий Брянчанинов и его творения // Литературная учёба. 1991. Кн. 4. С. 110.
2. Маршалл Маклюэн. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2003.
3. Термин «духовная журналистика» используется здесь в соответствии с практикой того исторического периода, когда употреблялись термины «духовная публицистика», «духовная цензура», «духовный журнал» и т.д.
4. См.: Жирков Г.В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб., 2003. – 206 с.

5. См.: Жирков Г.В. Духовная журналистика: история, традиции, опыт // Журналистика – Церковь – Просвещение. Сб. Вып. 2. СПб., 2002. С. 88 – 91. О епархиальных ведомостях см.: Нетужилов К.Е. История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб., 2009. С. 153 – 165.
6. Торков Н. Епархиальные ведомости и духовенство // Вологодские епархиальные ведомости. 1897. № 1; Попов И. Чем должны быть епархиальные ведомости? // Там же. № 7.
7. Фирсов С.Л. Церковные издания и издательская деятельность Русской Православной церкви (глава 5) // Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С. 412.
8. Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 3. С. 105; № 7. С. 244.
9. Там же. 1904. № 3. С. 105.
10. Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре ведомства Православного исповедания с 1720 по 1870 год. СПб., 1870. С. 206 – 207.
11. Там же. С. 209.
12. Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. СПб., 1897. С. 12.
13. Лялина Г.С. Цензурная политика церкви в XIX – начала XX в. // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 475.
14. См.: Жирков Г.В. Л.Н. Толстой и цензура. СПб., 2009. – 320 с.
15. См. об эволюции духовной журналистики подробно: Нетужилов К.Е. История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб., 2009. – 352 с.
16. Обзор Первой Всероссийской выставки печатного дела. 1895. № 3. 27 февр.
17. Там же. С. 243.
18. Кашеваров А.Н. Русская Православная церковь и её печать // Журналистика – Церковь – Просвещение. Сб. Вып. 2. СПб., 2002. С. 55.
19. Нетужилов К.Е. Указ. соч. С. 246.
20. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 289.
21. Маршгупа Г.С., Сахарова Л.Г. «Правдив сей календарь...». К 300-летию первого русского печатного «Брюсова календаря». Буклет к выставке в Государственном историческом музее 18 дек. 2008 г. – 28 февр. 2009 г. М., 2008. С. 34. Блестяще исполненный буклет. К сожалению, авторы позабыли о календаре И.Ф. Копиевского.
22. Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. – СПб., 2004. С. 31.
23. См. подробнее: Там же. С. 32 – 34.

24. См.: Круглова С.О. Из истории «Церковных ведомостей» Синода // Журналистика – Церковь – Просвещение. Сб. Вып. 2. СПб., 2002. С. 32 – 38; Тимофеева Е.С. «Церковные ведомости» (1888 – 1918). История издания. Автореф. к. дисс. М., 2007.
25. Число изданий по: Нетужилов К.Е. Указ. соч. С. 242.
26. См.: Корецкая И.В. «Новый путь», «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика... С. 179 – 273; Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. М., 2001. С. 168 – 170.
27. В дальнейшем: Определение. Его текст – Толстой Л.Н. ПСС (юбил.). Т. 34. М., 1952. С. 244 – 249.
28. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891 – 1910. М., 1960. С. 370 – 371.
29. Короленко Владимир. Дневник. Т. IV. Киев, 1928. С. 211.
30. Бердяев Н. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900 – 1906 гг.). СПб., 1907. С. 138.
31. Сильвестр, архимандрит. Современные искания полной свободы совести пред судом Православной Церкви и государства (опыт критического решения этого вопроса) // Вера и разум (Харьков). 1903. № 3, 31 августа.
32. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. М., – Л., 1936. С. 613.
33. Русские ведомости. 1911. 6 ноября.
34. Там же.
35. По поводу отпадения от православной церкви графа Льва Николаевича Толстого. Сб. ст. «Миссионерского обозрения». СПб., 2-е, доп. изд., 1904. С. 60.
36. См.: По поводу отпадения от православной церкви графа Льва Николаевича Толстого. Сб. ст. «Миссионерского обозрения». СПб., 1904.
37. Скворцов В.М. Предисловие издателя // По поводу отпадения от православной церкви графа Льва Николаевича Толстого. Сб. ст. «Миссионерского обозрения». СПб., 1905. С. IX.
38. По поводу отпадения от православной церкви графа Льва Николаевича Толстого. Сб. ст. «Миссионерского обозрения». СПб., 1903. С. 15.
39. По поводу отпадения от православной церкви графа Льва Николаевича Толстого. Сб. ст. «Миссионерского обозрения». СПб., 1905. С. XI.
40. Там же.
41. Булгаков С. Автобиографические записки. Париж, 1946. С. 80.
42. Костиков В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 38.
43. Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. В 2-х томах. Т. 2. СПб., 1992. С. 182.
44. Гнедич П.П. Книга жизни. Воспоминания. М., – Л., 1929. С. 203.

45. Карташев А. Толстой, как богослов // Речь. 1908. 28 авг. См. перепечатку: Из истории русской литературы и журналистики. Ежегодник. М., 2009. С. 280 – 289. (Публикация И.В. Петровицкой).
46. См.: Гомина И.И. Мякотин Венедикт Александрович // Русские писатели. 1800 – 1917. Биогр. словарь. Т. 4. М., 1999. С. 192 – 194; Лев Толстой и русская печать. Сб. газетно-журнальных материалов 1902 – 1903 гг. / Сост., предисл. и др. Петровицкая И.В. М., 2003. В сборнике помещена цитируемая нами статья В.А. Мякотина (С. 59 – 61).
47. Лев Толстой и русская печать... С. 60 – 61.
48. См. об этом подробнее: Колеров М.А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902 – 1909. СПб., 1996.
49. Колеров М.А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902 – 1909. СПб., 1996. С. 5.
50. Проблемы идеализма. М., 1902. С. VII.
51. Александрович Ю. После Чехова. Т. II. М., 1909. С. 112.
52. Подробный анализ истории выхода сборника «Проблем идеализма» и полемики вокруг него см.: Колеров М.А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902 – 1909. СПб., 1996.
53. Проблемы идеализма... С. 45 – 46.
54. См. там же.
55. Цит. по: Колеров М.П. Указ. соч. С. 108 – 109.
56. См. об этом: ГигOLEV Г.М. Церковные издания // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890 – 1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1992;
57. Об этих журналах есть обстоятельная литература: Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930; Корецкая И.В. Указ. соч. и др.
58. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века – начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 243.
59. Там же. С. 244.
60. Меньшиков М.О. Вечное воскресение (Сб. ст. о церкви и вере). М., 2003. С. 117 – 118.
61. Там же. С. 118.
62. Там же. С. 119.
63. Там же. С. 120.
64. Там же. С. 121 – 122.

65. См. такого рода разоблачительные произведения: К.П. Победоносцев: Pro et contra. Антология. СПб., 1996. К сожалению, для статьи О.М. Меньшикова в антологии места не нашлось.
66. Амфитеатров А.В. Победоносцев как человек и как государственный деятель // К.П. Победоносцев: Pro et contra. Антология. СПб., 1996. С. 326 – 327. Статья вышла в брошюре: Амфитеатров А. и Аничков Е. Победоносцев. СПб., 1907.
67. Там же. С. 125 – 126.
68. Крайний Антон (З. Гиппиус). Литературный дневник. 1899 – 1907. Пб., 1908. С. VI.
69. Эти слова о. Иоанна Кронштадтского с небольшим и сдержанным комментарием редакция «Нового пути» опубликовала в журнале: 1903. № 3. С. 253.
70. См. об этом: Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. – СПб., 2004. С. 24 – 28.
71. Христианское чтение. 1906. № 2. С. 88 – 97; Богословский вестник. 1906. № 7 – 8. С. 448 – 498; № 5. С. 88 – 97; № 9. С. 16 – 170, 324 – 347.
72. Декадентская Мадонна. История моего дневника // С.-Петербургские ведомости. 1995. 9 сент.
73. Здесь дан очерк деятельности отца Иоанна с учётом той большой роли, которую он играл в духовной жизни русского общества конца XIX – начала XX вв., и в связи с отсутствием необходимой литературы о ней. В 2000 и 2006 г. вышла в свет содержательная монография профессора истории Госуниверситета штата Нью-Йорк в Олбани (США) Надежды Киценко «Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ» (М., 2006. – 392 с.). Однако и её выход не снимает существующей проблемы.
74. Тверской М.А. Святой праведный Иоанн Кронштадтский // Небесные покровители Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 160.
75. Горбачева Н.Б. Иоанн Кронштадтский. М., 1999. С. 18.
76. Киценко Н. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 100.
77. Послание к Римлянам св. апостола Павла, гл. 15, ст. 1.
78. См. об этом: Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский. В 2-х т. М., 1994. С. 32 – 34.
79. Православное богословие и благотворительность (диакония). Сб. статей. СПб., 1996; Горчева А.Ю. Нищенство и благотворительность в России. М., 1999. В монографии Горчевой, к сожалению, не замечена деятельность о. Иоанна Кронштадтского.
80. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 102

81. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 153; Тверской М.А. Святой праведный Иоанн Кронштадтский // Небесные покровители Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 159.
82. Киценко Н. Указ. соч. С. 16, 18. В монографии Киценко подробно исследуется переписка о. Иоанна с паствой.
83. Святой праведный Иоанн, Кронштадтский чудотворец. СПб. 1997. С. 26 – 27. Это – Житие, принятое Поместным Собором Русской Православной Церкви 7 – 8 июня 1990 г.
84. Новое время. 1883. 20 дек. № 2807. С. 3.
85. Восторгов Иоанн. Слово // Новые грозные слова отца Иоанна (Кронштадтского). «О страшном поистине Суде Божиим грядущем и приближающемся». Приложение к журналу «Кронштадтский маяк». 1908. № 27. С. 120.
86. См. об этом: Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский. В 2-х т. М., 1994. С. 69 – 74.
87. Горбачева Н.Б. Иоанн Кронштадтский. М., 1999. С. 1.
88. Афанасьев Н.И. Сергиев, о. Иоанн Ильич (о. Иоанн Кронштадтский) // Афанасьев Н.И. Современники: Альбом биографий. Т. I. СПб. 1909. С. 357 – 359.
89. Новые грозные слова отца Иоанна (Кронштадтского). Приложение к журналу «Кронштадтский маяк». 1908. № 27. С. 130.
90. Цит. по: Горбачёва Н.Б. Иоанн Кронштадтский. М., 1999. С. 7 – 8. Подчёркнуто нами. – Г.Ж.
91. Русское слово. 1908. 21 дек.; Дорошевич В.М. Воспоминания. М., 2008. С. 440.
92. Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в Кишиневе // Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. I. Дубоссарские и Кишинёвские дела 1903 года. Петроград, 1919. С. 352 – 353.
93. Цит. по: Киценко Н. Указ. соч. С. 313.
94. Колеров М.А. Указ. соч. С. 163, 5.
95. См. подробнее: Корецкая И.В. Новый путь. Вопросы жизни // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890 – 1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 228 – 233.
96. Новый путь. 1904. Т. X. С. 262.
97. Там же. С. 286 – 287, 294.
98. Там же. С. 67.
99. Корецкая И. В. Указ. соч. С. 232.
100. Вопросы жизни. 1905. Т. II. С. 350.
101. Там же. Т. I. С. 36.
102. Колеров М.А. Указ. соч. С. 108, 211 – 213.

103. Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. С. 230.
104. Иона Брихничев – публицист, издатель, поэт – в 1908 – 1909 гг. издаёт ряд народных газет и журналов в Ростове-на-Дону – «Пойдём за ним», «К свету»; в Царицыне – «Царицынская мысль», «Царицынская жизнь», «Город и деревня», «Слушай, земля». См. о нём: Магомедова Д.М., Белодубровский Е.Б. Брихничев Иона Пантелеймонович // Русские писатели 1800 – 1917. Биограф. сл. Т. 1. М., 1992. С. 328 – 329.
105. Балашова Н.А. Российский либерализм начала XX века (Банкротство идей «Московского еженедельника»). М., 1981. Содержательная монография, но её автор, что вполне естественно, рассматривает деятельность журнала в духе советского времени, о чём можно судить даже по названию книги. О каком банкротстве может идти речь, когда идеи развиваемые в «Московском еженедельнике» получают развитие, как в том времени, так и в отдаленном от него полувеке? В целом, говоря об этом историческом периоде, следует иметь в виду, что историки тогда обычно делали акцент на революции, обходя стороной позитивное развитие общества и негативно относясь к тому, что мешало революции. Такой подход к истории носит не только идеологизированный, но и односторонний характер.
106. Н. Хайлова в статье энциклопедии «Политические партии России» делает попытку представить «Московский еженедельник» как партийное издание, неофициальный орган партии мирного обновления. Такой подход обедняет программу журнала и его деятельность. Точнее было бы говорить о его близости к этой партии. См.: Хайлова Н. «Московский еженедельник» // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 371 – 372.
107. См. об этом подробнее: Хайлова Н. Указ. соч.
108. Контент-анализ журнала Н.А. Балашовой. См.: Балашова Н.А. Указ. соч. С. 149.
109. Носов А.А. Вступительная статья. Из истории русской общественной мысли: Князь Е.Н. Трубецкой. О христианском отношении к современным событиям. Статьи. Письма // Новый мир. 1990. № 7. С. 198.
110. Дума. 1906. 4 мая.
111. «Московский еженедельник». 1906. № 3. С. 66; № 13. С. 388; 1907. № 44. С. 25 и др.
112. «Московский еженедельник». 1906. № 11. С. 334; 1908. № 25. С. 16; № 35. С. 22 – 23. См.: Балашова Н.А. Указ. соч. С. 87 – 88.
113. Нетужилов К.Е. Указ. соч. С. 233.
114. Колеров М.А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902 – 1909. СПб., 1996. С. 262.

115. О реакции светской, религиозной интеллигенции на программу «Века» см.: Там же. С. 246 – 250.
116. Нетужилов К.Е. История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб., 2009. С. 233 – 234.
117. Там же. С. 234.
118. Колеров М.А. Указ. соч. С. 206 – 210. Автор подробно перечисляет предполагаемых сотрудников, показывает подготовку к выпуску первого номера «Народа».
119. Цит. по: Колеров М.А. Указ. соч. С. 206.
120. Там же. С. 207 – 208.
121. См.: Там же. С. 213.
122. Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909 – 1910. М., 1991; В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992; Вокруг «Вех»: Poleмика 1909 – 1910 гг. // Вопросы литературы. 1994. № 4. С. 120 – 172; № 5. С. 122 – 170; № 6. С. 74 – 117; Колеров М. А. Указ. соч. С. 294 – 300.
123. Носов А.А. Вступительная статья. Из истории русской общественной мысли: Князь Е.Н. Трубецкой. О христианском отношении к современным событиям. Статьи. Письма // Новый мир. 1990. № 7. С. 198.
124. См. Жирков Г.В. 1) Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920 – 1940 годы). СПб., 1998 С. 132 – 146; 2) Духовная журналистика // Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков / Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб., 2003. С. 276 – 289.
125. Осколок старой России. Интервью Н.А. Струве // Общая газета. 1996. № 22 (150). С. 14.
126. Гершензон М. Предисловие // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 22. В дальнейшем цитирование по этой книге в тексте: (страница).
127. Коцюбинский Д. Страх и трепет русского радикализма. К 85-летию выхода в свет философско-публицистического сборника «Вехи» // Час пик. 1994. 11 мая.
128. Колеров М.А. Указ. соч. С. 296, 300.
129. См.: Жирков Г.В. Нравственные основы толерантности: уроки из жизни Л.Н. Толстого // Ценностное содержание журналистики: культура социальных отношений и межкультурное взаимодействие в обществе. Материалы научн.-практ. конф. СПб., 2008. С. 191 – 213.
130. Киевские вести. 1909. 17, 19 и 22 февр.
131. Толстой Лев. Пора понять. Избр. публиц. статьи. М., 2004. С. 382. Подчеркнуто нами. – Г.Ж.
132. Гусейнов А.А. Евангелие от Толстого (О трактате «Закон насилия и закон любви») // Философия ненасилия Л.Н. Толстого: точки зрения. Ека-

- теринбург, 2002. С. 87. В этом сборнике воспроизведено произведение Л.Н. Толстого «Закон насилия и закон любви».
133. Толстой Лев. Пора понять... С. 387 – 388.
 134. Голлербах Е.А. Религиозно-философское издательство «Путь» (1910 – 1919 гг.) // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 152. Е.А. Голлербах провёл полное, подробное, на архивном материале исследование деятельности «Пути» – см.: Голлербах Е.А. 1) Религиозно-философское издательство «Путь» (1910 – 1919 гг.) // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 123 – 165; № 4. С. 129 – 163; 2) К незримому граду: религиозно-философская группа «Путь» (1910 – 1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000; 3) Издательство «Путь» // Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С.276 – 288.
 135. Голлербах Е.А. Религиозно-философское издательство «Путь» (1910 – 1919 гг.) // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 124, 154 – 155.
 136. О ней см. подробнее: Там же. С. 129 – 131.
 137. См.: Франк С. Возрождение славянофильства // Русская мысль. 1911. Кн. X (Отд. 3). С. 27 – 30.
 138. Издательство «Путь» // Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С.277.
 139. Голлербах Е.А. Религиозно-философское издательство «Путь» (1910 – 1919 гг.) // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 130.
 140. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Paris. YMCA-Press. 1971. С. 237.
 141. Письма С.Н. Булгакова к М.К. Морозовой / Публ. и прим. Н.А. Струве // Вестник Русского христианского движения. 1985. Вып. I – II. № 144. С. 123.
 142. От издательства «Путь» // Сборник первый: О Владимире Соловьёве. М., 1911. С. 1.
 143. Голлербах Е.А. 1) Религиозно-философское издательство «Путь» (1910 – 1919 гг.) // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 127; 2) Издательство «Путь» // Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С. 277.
 144. От издательства «Путь»... С. 1.
 145. Цит. по: Голлербах Е.А. Религиозно-философское издательство «Путь» (1910 – 1919 гг.) // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 134.
 146. Русская свобода. 1917. № 2.

ГЛАВА VII

Журналистика Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.)

7.1. От «народной» войны к народной трагедии

Первая мировая война – одна из самых кровопролитных боёв в истории человечества. Экономический кризис мирового сообщества привёл к столкновению интересов большого числа государств. Их правящие круги нашли предлоги, «идеалы», оправдывавшие необходимость войны для данной страны, определявшие якобы справедливый её характер. Впервые на мировом уровне развернулась информационная война, в которой участвовали пропагандистские аппараты всех стран, конкурируя друг с другом в манипулировании общественным мнением, обучаясь друг у друга ведению информационной войны.

В этом основную роль играла журналистика, которая в начале XX в., обогатившись новыми информационными технологиями – кинематографом, радиотелеграфом, фотожурналистикой, пластинкой с граммофоном – можно сказать, встала на путь превращения из политической в боевую силу. Постулат известного историка Клаузевица «Война есть продолжение политики, но другими средствами» стал подразумевать и обратное: политика – тоже война, но ведущаяся особыми средствами.

К началу войны массовые коммуникации в большинстве стран её участников получили большое развитие, особенно это касается Европы и США. Германия, Англия, США с помощью агентств Гавас и Рейтер и др. распространяли информацию благоприятную для них, удобную им, повышающую их авторитет, добывали сведения разведывательного характера в экономической, финансовой сфере, отчасти о политической ситуации в обществе той или иной страны. Охранное отделение России отслеживало иностранную деятельность такого рода. В «Записке по охранному отделению» 1916 г. констатируется: «Одним из сильнейших орудий, которым Германия борется за политическое

и экономическое владычество, является тонкая обработка общественного мнения путём соответственных закулисных влияний, конечно, главным образом непосредственно на проведение общественного мнения – прессу». Немецкое Бюро печати фабрикует данные, которые через подставных и купленных лиц и журналистов распространяет в других странах и в русской печати, не только столичной, но и провинциальной.¹

Каждая из воюющих стран имела управленческие структуры массовыми коммуникациями. Необходимость в этом вытекала из роста роли информации в обществе, массовизации информационного процесса, прогресса информационных технологий. С этого исторического периода в XX в. в условиях развития политизации всех сторон общественной жизни в пропаганде наблюдался существенный прогресс, пропаганда стала профессией. Руководитель Управления печати Верховного командования германских вооруженных сил (1914 – 1918 гг.), подполковник В. Николаи подчеркивал: «Печать представляет собой силу, и, как всякая сила во время войны, она должна находиться в руках правительства».²

Тогда это могли заявить руководители любой страны. Генерал Людендорф в воспоминаниях высказал кредо военачальника тех лет: «Хорошо поставленная пропаганда должна далеко опережать развитие политических событий. Она должна расчищать путь и формировать общественное мнение, не подавая вида, что она это делает. Прежде чем политические намерения превратятся в действия, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности».³

В Германии Верховное командование создало специальный печатный орган «Германские военные известия». Немецкая военная печать включала 28 газет на Западном фронте, 11 – на Русском, 6 – на Балканском, 1 – на Турецком. Кроме того, выпускались немецкие газеты на оккупированных территориях: на Западном фронте – 4, на Восточном – 9, на Румынском – 2.⁴

С помощью массовых коммуникаций, включая новейшие информационные технологии такие, как синематограф, радиотелеграф, пропаганда стала охватывать значительные слои обще-

ства. «Пропаганда, подобно бомбам, обрушивалась на боевые зоны, на неукреплённые города и будила миллионы умов, – замечал американский писатель Р. Роуан. – Артиллерия требовала снарядов, пропаганда – бумаги и чернил. Пропаганда велась посредством рисунков, пьес и песен для тех, кто предпочитал слушать, а не думать».⁵

7.2. «Народная» война

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России, превратив этим самым локальную войну Австро-Венгрии, начатую против Сербии, в мировую войну, в которой участвовало более 30 стран. В ходе её более подготовленные к ней государства стали широко применять средства массового поражения, включая не только модернизированное скорострельное вооружение, танки и авиацию, но и отравляющие газы. Все это привело к гибели около 10 млн. человек, искалечило около 20 млн.

Никакие антивоенные протесты не останавливали политические силы разных государств, стремившихся под разными предлогами поживиться за счёт других народов, получить экономические, территориальные дивиденды, перераспределить сферы влияния и колонизации. Россия в этом смысле не составляла исключения. Панславянские настроения, проявлявшиеся обычно в кризисных условиях, были использованы и в этом случае. Как утверждает историк А.Б. Асташов, «идеология неославизма» была широко распространена в общественном мнении и «в целом принята руководством России перед войной».⁶

15 июня 1914 г. в Сараево в Сербии был убит австрийский престолонаследник эрц-герцог Франц-Фердинанд. Это трагическое событие послужило поводом для развязывания Первой мировой войны. Австро-Венгрия под предлогом борьбы против терроризма установила в июле полный контроль над Сербией. В России была проведена мобилизация армии. Германия якобы в ответ на неё объявила России войну. В итоге, в мире сложилось два военных, противостоящих друг другу блока: германо-австро-венгерский с примкнувшими к нему Турцией и Болгарией и Ан-

танта – Англия, Франция, Россия и примкнувшие к ним позднее Италия, Япония и США.

Накануне этих событий Россия жила в режиме ожидания войны. Отражая настроения, царившие в обществе, орган партии октябристов – газета «Голос Москвы» (1906 – 1918) ещё до начала войны 12 – 17 июля 1914 г. публиковала подборки сообщений под заголовками и рубриками «Накануне войны», «Война или мир?», «Накануне европейской войны». 17 июля последовал Высочайший указ об общей мобилизации. 18 июля хорошо информированная о намерениях правительства редакция «Голоса Москвы» распространила специальный выпуск газеты «Война неизбежна». 19 июля вышло «экстренное – вечернее – прибавление» к «Газете-Копейка» с названием «Война». Листок содержал сообщение о том, что градоначальник Петербурга объявил столицу и её пригороды на военном положении. 20 июля, в воскресенье, массовая газета «Петербургский листок» рассказывала: «...Вчера весь Петербург почти не спал. До рассвета по улицам столицы ходили манифестанты».

20 июля 1914 г. в «Правительственном вестнике» в ответ на объявление Германией войны России был обнародован Высочайший Манифест Николая II с объяснением причин вступления страны в войну: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования». В связи с нападением Австрии на Сербию и «бомбардировкой беззащитного Белграда» Россия предприняла «меры предосторожности»: перевела вооружённые силы на военное положение, прилагая при этом «все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров». Однако Германия начала войну. Манифест содержал призыв «забыть внутренние распри» и «укрепить ещё теснее единение Царя с Его народом».⁷

Этот же мотив тогда прозвучал из уст руководителей всех государств.

Германия. Кайзер Вильгельм II: «Роковой час настал для Германии. Всюду завидующие нам народы принуждают нас к справедливой защите. Меч вложен в наши руки насильно...». Кайзер подчеркнул, что в этих условиях для него не существует больше партий.

Франция. Парламент, поддержав войну, объявил «union sacrée» – «священное единение».⁸

Англия. Накануне войны газета «Deily News» (1914. 29 июня) писала: «С нашей стороны самым действенным средством для сохранения мира будет открытое заявление, что ради русской гегемонии в славянском мире не будет принесено в жертву ни единой жизни». Но, вступив в войну против Германии, английские власти призвали все партии «сплотить ряды» («Times». 1914. 29 июля), что было сделать нелегко. «Наиболее деликатная задача заключалась в том, чтобы вызвать в английском обществе дружеские чувства к России, – писал Гарольд Лассуэлл. – Традиционной угрозой Империи в течение многих лет была Россия, а не Германия, и рассказы о русском абсолютизме замораживали кровь в жилах этой нации, которой был привит парламентаризм».⁹

В России конфликтовавшие до войны Правительство, партийная оппозиция и Государственная Дума безоговорочно приняли выступление царя. 20 июля было опубликовано воззвание ЦК партии конституционных демократов с призывом к политическим силам страны: «Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделявшие нас разногласия».¹⁰ 26 июля были созданы Государственный Совет и Государственная Дума. Перед их заседаниями Николай II встретился с членами высших органов страны в Зимнем дворце. Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко на этом приёме сказал: «Мы все хорошо знаем, что Россия не желала войны, что русский народ чужд завоевательных стремлений, но самой судьбе угодно было втянуть нас в военные действия. Жребий брошен, и во весь рост встал перед нами вопрос об охране целостности и единства государства».¹¹

IV Государственная Дума и Государственный Совет на заседаниях 26 июля, названных впоследствии историческими, продемонстрировали полное единство правящих кругов в поддержке решения Николая II. «Без различия мнений, взглядов и убеждений Государственная Дума от лица Русской земли, – заявил Родзянко, – спокойно и твёрдо говорит Царю: «Государь, русский народ с Вами и, твердо уповая на милость Божию, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство России не будет ограждено». Лидер кадетов – наиболее влиятельной партии страны – П.Н. Милюков поддержал выступление Председателя Государственной Думы: «...Наш первый долг – сохранить нашу страну единой и неразделимой... Отложим же внутренние споры».¹²

Это же воинственное настроение царило в печати. В передовой статье «С нами Бог!» газета прогрессистов «Утро России» 20 июля с восторгом восклицала: «Свершилось». Она призывала отказаться обсуждать «домашние» и внешние вопросы, считая, что «сейчас в России нет национальностей», нет «ни правых, ни левых, ни правительства, ни общества, а есть один-единственный русский народ». «Россия не обманет надежд, возлагаемых на неё Государем, – заверяла 21 июля редакция «Голоса Москвы» в передовой статье «Война», – и, конечно, в эту минуту у нас уже нет ни партий, ни внутренних раздоров». 25 июля в газете было помещено интервью с Валерием Брюсовым, отъезжавшим на фронт. Известный поэт сказал: «Забудьте обо мне, я еду простым чернорабочим... Будем верить в победу над германским кулаком. Славянство призвано ныне отстаивать гуманные начала, культуру, право, свободу народов».

Война была объявлена всенародной. Это получило поддержку во всех слоях населения. «Народ принял войну, война популярна. В этом не было сомнений уже в первые дни мобилизации, – говорилось в статье «Русских ведомостей» 3 сентября. – В эти дни не было впечатлений, – было единое впечатление, сливавшее в себе все остальные. Армия шла к границам. Её тяжёлая и мерная поступь была тем единым общим впечатлением, в котором тонули остальные».¹³ Кадетская газета «Речь» писала

в передовой статье 7 сентября о том, что с самого начала война стала народной: «До самых глубоких слоёв всколыхнула она океан – Россию. Трудящиеся люди: крестьяне и рабочие пошли на эту войну сознательно, приняли её как веление судьбы».

На первых порах войны эмоциональные публицисты пытались назвать её второй Отечественной и даже Великой войной. 28 сентября в газете «Русское слово» было помещено составленное И. Бунинным воззвание «По поводу войны. От писателей, художников и артистов». В нём интеллигенция заявляла о поддержке курса правительства на освобождение народов мира от «тевтонского варварства», на единение внутренних сил страны; выражала уверенность в победе России. Воззвание было подписано И. Бунинным, М. Горьким, А. Серафимовичем, С. Скитальцем, Н. Телешовым, И. Шмелёвым и многими другими литераторами.¹⁴

В конце 1914 г. журналисты провели в стране День печати. В воззвании они, называя себя *«второй, по иному мобилизованной армией великой России»*, подчёркивали: «Дело печати в эти дни – подойти к каждой двери и настойчиво стучать в неё и непрестанно напоминать о тех неотложных обязанностях, каких требует от всех нас живая жизнь».¹⁵ В ноябре в столице журналисты при участии Главного управления по делам печати организовали выставку «Война и печать», имевшую 5 разделов: лубки, географические карты, портреты, сатира и открытки. На выставке были представлены издания за четыре месяца войны. Дежурный сбор с выставки предназначался «в пользу раненых и больных воинов».¹⁶ Все мероприятия проходили под лозунгом единения и внепартийности. Это коснулось даже кампании подписки на печать. Так, редакция «журнала красивой жизни» «Столица и усадьба» в рекламе о подписке особо заявляла: «Всякая политика, партийность, классовая рознь будут абсолютно чужды журналу».¹⁷

Вторая, по иному мобилизованная армия России – журналистика, опираясь на традиционный миф,¹⁸ уходящий корнями в далёкое прошлое Руси, родивший одно из общественно-политических течений – славянофильство и получивший отра-

жение в манифесте царя, развернула антинемецкую истерию в печати, рисуя сатирическими красками образ врага. Панславянские настроения, подогреваемые общественным мнением и партийной пропагандой, разжигали ненависть к конкретному врагу – Германии.

Внешнеполитическая линия этих настроений была направлена на решение так называемой проблемы Босфорского вопроса.¹⁹ Она совпадала с желаниями Николая II. Ещё 16 (29) февраля 1903 г. военачальник А.Н. Куропаткин записал в дневнике о далеко идущих планах императора, которые включали и «захват не только Босфора, но и Дарданелл».²⁰ Такого рода «мечты» овладели многими капиталистами и политиками. В журнале «Промышленность и торговля» (1914, № 21) была помещена статья «Петроград и проливы», отражавшая настроения буржуазии. В ней со всей откровенностью говорилось о том, что Россия должна добиться полного контроля над Босфором и Дарданеллами, иначе жертвы, предстоящие в войне, будут напрасными.

Лидер кадетов П.Н. Милюков за свою приверженность к этой теме в выступлениях печати и с трибуны на собраниях и митингах был даже прозван «Дарданелльским». Необходимость захвата проливов и Балкан политики-публицисты этой партии обосновывали освобождением Россией «малых народов, поглощаемых сильными».²¹ А.А. Кизеветтер считал, что владение проливами нужно для экономического и политического развития России, и это якобы будет для страны «выходом к прогрессу и свободе».²² Такого рода настроения вели к представлению о том, что война закончится быстро и победоносно. Ф. Сологуб заявлял.²³

Прежде чем весна откроет ложе влажное долин,
Будет нашими войсками взят заносчивый Берлин.

Свою лепту в эти умонастроения вносили и духовные публицисты. С. Булгаков рассматривал войну как искупление маловерия, распространённого в русском обществе, поэтому проливаемая на фронте «священная кровь» ведёт к «духовному возрождению России», а подвиг ратный русского воинства «есть и подвиг духовный».²⁴ Большую активность в обосновании спра-

ведливого характера войны со стороны России проявил князь Е.Н. Трубецкой. Широкую известность получила его речь в Городской думе в конце 1914 г., появившаяся сразу и в виде брошюры «Национальный вопрос, Константинополь и Святая София». Трубецкой рассматривает овладение Дарданеллами и Константинополем как вопрос «о нашем хлебе насущном», «нашем политическом могуществе», «о нашей культурной миссии» и «о самом духовном в России».²⁵ В статье «Война и мировая задача России» публицист подчёркивает: «Задача всеобщего освобождения народов может быть разрешена лишь через нашу победу – через такую победу, которая отдаёт нам в руки мировую гегемонию».²⁶

Вся мировая пропаганда была охвачена шовинизмом, доходившим до крайностей. Публицист В. Майский исследовал европейскую, особенно немецкую, журналистику и выступил в журнале «Русские записки» со статьёй «Германия во время войны». В ней он рассказал о разгуле шовинизма в европейской прессе, об атмосфере подозрительности, шпиономании, которая установилась на воюющем континенте. Немецкая печать «ударила в националистические кимвалы и, точно сорвавшаяся с цепи свора собак, в один голос завопила: Крови! Крови! Крови!». Газета «Post» призывала: «Топчите врага! Рубите черепа на куски! Будьте безжалостны, как того требует час!».²⁷

Русская пропаганда в этом смысле мало отличалась от немецкой. Радостные толпы манифестантов в Петербурге в первые же дни войны разгромили германское посольство на Исаакиевской площади. «С флагами и портретами обожаемого монарха» толпы прошли по улице Гоголя, «по пути забросав камнями редакцию газеты «S. Petersburg Zeitung», побив витрины в кафе «Рейтер» и в магазине «Венский шик».²⁸ Из столицы были выселены немцы и австрийцы. 14 августа в печати появилось от имени общества ходатайство о «восстановлении русского исторического названия столицы с тем, чтобы «исправить ошибку предков» и «сбросить последнюю тень немецкой опеки». 18 августа последовало Высочайшее повеление о переименовании С.-Петербурга в Петроград. 20 августа газета столицы вышла под

названием «Петроградские ведомости». 21 августа изменили титул «Петербургская газета» и «Петербургский листок».

Все это было лишь преамбулой к разжиганию ненависти к врагу. В «Биржевых ведомостях», к примеру, Германия была представлена как страна безумцев (Tolland). В статьях «По следам отступающих немцев», «Путиами крови и побед», «Германские звери в Калише» и др. рассказывалось о преступлениях врага.²⁹ Со страниц «Биржевых ведомостей» раздавались призывы С. Городецкого, объяснявшего читателю, что немцы понимают лишь язык пушек: «Бить немцев как можно сильнее – вот лозунг специфической любви к немцу тех, кто ей подвержен». В кадетской «Речи» В. Гессен убеждал: «С врагом можно делать все» – «безжалостно убивать» и «жестoko обращаться».³⁰

Особенно изошрялась пресса крупной буржуазии, выступавшая с крайних шовинистических позиций. Так, «Утро России» обличало всю немецкое: культура Германии – презренная, народ – бездушный (по сравнению со славянством); у немцев, по мнению публициста газеты Т. Ардова, всегда готов для других «бронированный кулак», они – «народоубийцы».³¹

Сведения о «зверствах немцев» регулярно фиксировались. В заметке «Регистрация насилий над ранеными» в официальной военной газете «Русский инвалид» 24 ноября 1914 г. сообщалось о том, что Комитет попечения о раненых, состоявший под Августейшим покровительством Её императорского Величества княгини Милицы Николаевны, командировал в район боевых действий для сбора такой информации специального уполномоченного и тот запротоколировал на полях сражений, часто в момент боёв, 100 случаев зверского отношения немцев к нашим раненым. Собранный таким образом материал направлялся Верховному Главнокомандующему, военному министру, министру иностранных дел и обер-прокурору Святейшего Синода.

В начале 1915 г. была создана Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК). Собирая документы о преступлениях врага, она широко использовала фотографии. Ею были подготовлены 8 иллюстрированных сборников «Наши враги», вышедших до 1 января 1916 г. Если первый из них имел тираж 10 тысяч экз., то 52

тысячи второго сборника были направлены в действующую армию, 100 тысяч в резервные части, 1 миллион – в тыловые организации. По сообщениям чиновников ЧСК, сборник «охотно раскупается публикой».³²

Одновременно газеты изо дня в день рисовали негативную картину в стане врага. Ф. Крюков замечал в обзоре печати о том, что, по словам журналистов, «в неприятельских войсках голод, тиф и холера, раздоры в командном составе, в стране – недовольство правительством, непомерная дороговизна предметов первой необходимости, а хлеба и вовсе нет». Такие сообщения до поры, до времени тешили сердце читателя. Несмотря на то, что военное положение России ухудшалось, газеты продолжали сообщать о деморализации в неприятельских армиях, о тифе и дизентерии в их рядах, о сумасшествии Вильгельма. Но читатель стал уже сомневаться в достоверности газетной информации. «Наша задорная уверенность стала остывать, – пишет Крюков. – Не то, чтобы мы усомнились в конечном нашем успехе, а поняли, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».³³

Сложившаяся в итоге ситуация была чревата конфликтами, нестабильностью и неуверенностью общественного мнения в возможность руководства страны и армии вести Россию к победе над врагом. Всё это снижало эффективность воздействия образа врага, создаваемого печатью.

Особую роль в укреплении и проведении курса на народную войну, единение сил народа сыграло заседание Государственной Думы от 19 июля 1915 г., посвящённое годовщине текущей войны и обозначившее её новую фазу. Председатель Думы М.В. Родзянко в своей речи подчеркнул: «Переживаемая война не является уже единоборством армий, но властно требует участия в ней всего нашего народа». Развивая эту же мысль, лидер партии кадетов П.Н. Милюков заявил: «Война была всенародной по духу; она должна стать всенародной на деле».³⁴

19 августа 1915 г. газета «Русское слово» поместила интервью с М.Н. Родзянко, который в нём определил «новую фазу войны» как тяжёлую. Задача Государственной Думы в этих условиях состояла в «организации народного духа»: «В пережи-

ваемый момент необходимо, чтобы мощно прозвучал голос народных представителей. Положение тяжёлое, но тем твёрже должен быть народный дух».

Этот курс власти на народную войну нашёл всестороннее отражение в журналистике.

7.3. Контрпропагандистская деятельность России в годы войны

Информационная война не застала врасплох службы безопасности России. К этому времени власти страны вполне осознавали важность и необходимость пропагандистской и контрпропагандистской деятельности; рассматривали журналистику как влиятельную силу, инструмент управления обществом. Совет Министров за годы войны на контрпропаганду потратил около одного миллиона рублей. 14 августа Совет Министров принял Положение об осуществлении мероприятий по распространению в нейтральных государствах «истинных и благоприятных известий о России и действиях нашей армии».³⁵

Организацией контрпропаганды занималось Министерство иностранных дел. В августе 1914 г. при нём было создано Международное совещание по выработке мер для борьбы негласным путём против распространения за границей вредных для наших государственных интересов ложных сведений о России и русской армии. Оно состояло из представителей МИДа, Военного и Морского министерств, Главного Управления по делам печати при МВД, Министерства Финансов, Санкт-Петербургского телеграфного агентства (ПТА). В его задачи входило:³⁶

- определение направлений контрпропагандистской деятельности (предполагалось сосредоточить её в Стокгольме, Христиании, Копенгагене, Берне, Бухаресте, Риме, Вашингтоне и Гааге;
- обеспечение использования заграничной печати в пользу России;
- привлечение к этому за денежное вознаграждение иностранных журналистов.

В структуре МИДа был Отдел печати и осведомления. Его сотрудники готовили обзоры печати; информационную продукцию, рассчитанную на население нейтральных стран с целью создания у него благоприятного мнения о России. С манифестами, воззваниями, листовками к народам Австро-Венгрии и Польши обратились Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич и военное командование России. В них обещались «свобода, справедливость и возрождение», «свобода веры и языка», предлагалось встать на сторону России, разоблачалась захватническая политика Германии – её вековая традиция «*Drang nach Osten*». В листовках, обращенных к славянам, русские воины преподносились как освободители от тевтонского ига. Они распространялись довольно большими тиражами на польском, чешском, сербском, словацком, словинском, румынском языках. Всего было подготовлено более 40 листовок. В 1915 г. было отпечатано более 100 тысяч экземпляров листовок.³⁷ Кроме того, во время войны был налажен выпуск газет «Прикарпатская Русь» и «Голос народа» (тираж 30 тысяч экз.). Особое значение в контрпропаганде имела газета «*Temps*», субсидируемая Министерством финансов России.³⁸

Всю пропагандистскую деятельность координировала Ставка Верховного главнокомандующего в лице начальника Генштаба генерала Н.Н. Янушкевича. При Генеральном штабе был Отдел генерал-квартирмейстера (Огенквар), который распространял полученные из Ставки сведения о ходе военных действий и «боевые эпизоды» как в России, так и за границей. При этом высказывались рекомендации о «нежелательном толковании военных вопросов, связанных с упомянутыми данными. По мнению полковника Огенквара А.М. Мочульского, такое толкование всегда может иметь место в печати даже при наличии военной цензуры». Здесь же «по соглашению с Министерством иностранных дел», составлялись и редактировались с военной точки зрения неофициальные брошюры для распространения в нейтральных государствах с целью поднять интерес к России в общественном мнении и сообщить благоприятные для нас воен-

но-политические и экономические данные в противовес распускаемой нашими врагами лжи».

Сотрудники Огенквара готовили «Вестник Генерального штаба», передаваемый через ПТА. В августе 1915 г. при Ставке было открыто собственное телеграфное агентство «Nord-Sude». Оно находилось в Петрограде. Сначала распространяло информацию на Скандинавию, Балканы, Румынию, затем – и на Швейцарию. Под руководством В.П. Залесского его сотрудники готовили на основе газет и материалов отдела бюллетени.³⁹ Особое IV делопроизводство Огенквара во главе с генералом Н.М. Потаповым занималось организацией контрпропаганды на Австро-Венгрию.⁴⁰

На внешнеполитическом уровне, информационную разведку и контрпропаганду вели специальные подразделения: разведотделение Управления генерального штаба, военно-цензурное отделение при Ставке Верховного главнокомандующего и др. Разведотделение, как свидетельствует переписка чиновников, имевших к нему отношение, ставило задачи:

- «удерживать, не останавливаясь перед расходами» и при содействии сторонников союза с Россией независимые органы иностранной печати «от перехода к немцам»;
- «помогать отдельным журналистам, которые нам полезны»;
- «время от времени субсидировать издание брошюр с целью пропаганды и для поддержания здесь (в нейтральных странах – Г.Ж.) враждебного австро-германцам настроения».⁴¹

В переводе с языка дипломатии разведотделение занималось в период войны подкупом печати нейтральных стран с тем, чтобы она освещала ход войны в пользу России. Так, в 1915 г. по неполным данным с этой целью иностранным газетам было выплачено 30 000 руб., в 1916 г. было ассигновано на подкуп 100 000 руб. Одна из бухарестских газет, прознав об этой практике, запросила 3 000 франков и, получив их, перешла от критической информации о России к позитивной.⁴² Была организована подготовка и распространение специальной контрпропагандистской литературы. При вступлении русских войск в Галицийскую

Русь для ознакомления офицеров с её состоянием была разослана в штабы брошюра «Современная Галичина». Знакомство с нею должно было помочь установить отношения армии с местным населением. В ней рекомендовалось опираться на ту его часть, которая сознательно идёт навстречу интересам России (члены галицкого Русского Народного совета, сторонники Русской Народной партии, Русской дружины, часть униатских священников и др.).

В мае 1915 г. была выпущена на шведском языке тиражом 30000 экз. брошюра «Ответ на “Слово предостережения” Свена Гедина» (“Svar pa” “Ett varnin gsord” af Sven Hedin. “Russalard framtrangande till Arlanten och de Rusk-Svenska relationernas tramtid”, Ingenior Nikolaj Emelijanoff, 1915). В брошюре объяснялось, что шведы напрасно опасаются возможной агрессии России.

Летом того же года издателю военной литературы В.А. Березовскому была отпущена 1 тысяча рублей для напечатания на немецком языке брошюры «Воюющая Германия», рассчитанной на население нейтральных стран. К сентябрю Березовский отпечатал 11000 экз. этой брошюры. Она была разбросана и в Германии.⁴³

Важнейшим звеном пропаганды и контрпропаганды было Петроградское телеграфное агентство. Оно было обеспечено надежными с точки зрения военачальников и профессиональными кадрами, так как состояло из журналистов газет «Нового времени» и «России». По материалам дипломатических представителей России его сотрудники писали телеграммы и распространяли их в нейтральных странах с целью опровержения ложных известий. Основное внимание по установке МИДа ПТА обращало на обеспечение информацией Швеции, Дании, Румынии, Болгарии, с лета 1915 г. – Швейцарии и Голландии. По распоряжению МИДа ПТА посылало официальные и неофициальные сообщения в посольства, миссии, консульства, дипломатические агентства и императорские миссии в Афины, Берн, Бухарест, Каир, Копенгаген, Лондон, Софию, Стокгольм, Христианию, Салоники и др. По поручению Главного Управления Генштаба ПТА посылало военные известия и сообщения штабов агентам в Европе,

Азии, Америке. Собственной информацией ПТА обеспечивало большинство телеграфных агентств мира.⁴⁴

Министерство иностранных дел имело в своём распоряжении Балканское телеграфное агентство (БТА), расположенное в Румынии. Им руководил В.М. Богацкий, заведующий политическим отделом «Русского слова» и петроградский корреспондент газет – французской «Temps» и голландской «De Telegraf». БТА в качестве абонентов имело почти всю французскую прессу – около 80 парижских и провинциальных газет. Через Париж информация БТА попадала в печать на Балканы.⁴⁵

«В годы Первой мировой войны пропаганда получила широкое распространение, потому что средства массовой коммуникации стали к тому времени уже частью общественной жизни всех стран, участвовавших в этой войне», – обобщает теоретик информационных войн Пол Лайнбарджер. Он считает, что именно в этой войне «психологическое оружие, применявшееся до этого от случая к случаю, превратилось в ведущее и позже даже было названо оружием, которое выиграло эту войну». В этом явно есть преувеличение теоретика, но действительно начало массированному манипулированию общественным мнением, характерному XX столетию, было положено.

7.4. Система контроля за деятельностью печати в России

В стране на внутривнутриполитическом уровне в период войны была организована *целая система контроля за деятельностью печати, публичными выступлениями, индивидуальными мнениями общественных и партийных деятелей*.⁴⁶ Её основным звеном был Отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Занимаясь контрпропагандой, отдел готовил для популяризации Ставки статьи для русской печати, где они помещались «под видом редакционных». ⁴⁷ Ко всей этой работе были подключены его 6-е делопроизводство – печать, возглавляемое полковником А.А. Носковым, и Военно-цензурное отделение.

Между военной властью и гражданской в контроле за журналистикой был тесный, взаимноинтересованный контакт. В

совершенно секретном письме на имя начальника Генерального штаба председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин (январь 1914 г. – январь 1916 г.) рекомендовал: «Военная цензура, просматривая предназначенный к выпуску в свет газетный материал, должна оценивать последний не с одной лишь узковоенной точки зрения, а и с общеполитической».⁴⁸

Работа над системой контроля на случай войны велась с 1912 г. Она включала ряд официальных документов:

- ***Закон, одобренный 5 июля 1912 г. Государственным Советом и Государственной Думой.*** Он значительно расширял представление о государственной тайне, измене и шпионаже, а также о гласности в военных вопросах. Министр внутренних дел получил право запрещать публикацию в печати информации о внешней безопасности России, её вооруженных силах и военных сооружениях. Это положение вошло и в цензурный устав (статья 113), что реставрировало отменённую в 1905 г. 140 статью цензурного устава.⁴⁹

- ***Положение о военных корреспондентах в военное время (1912 г.).*** Этот документ, ограничивающий журналистскую инициативу и самостоятельность на фронте, ставил под контроль военных властей весь информационный процесс.⁵⁰ Тем не менее, его появление было уже неким знаменем времени, так как он расширял возможное информирование общественности о положении на фронте и военных действиях. В нём синтезировался накопленный опыт по освещению войн, которые вела Россия ранее.

Положение имело конкретный характер. В русскую армию допускались 20 военных корреспондентов, включая 10 иностранных, и 3 фотографа. Кандидатура каждого журналиста рассматривалась и утверждалась начальником Генерального штаба, то есть журналист должен был иметь безупречную с точки зрения военачальника репутацию. Редакция, посылавшая его на фронт, вносила залог: за отечественных корреспондентов 25 тысяч руб., за иностранных – 75, за фоторепортера – 10. При несоблюдении журналистом Положения его могли лишить звания военного корреспондента и отослать в тыл, при этом редакция

наказывалась невозвращением залога. Это приводило и редакции, и журналиста к самоцензуре передаваемой информации.

Деятельность журналистов, согласно Положению, строго регламентировалась. Корреспондент носил на левом рукаве опознавательную повязку. Он не имел права отлучаться из штаба Главнокомандующего, должен был использовать только те сведения, которые считал нужным давать ему офицер штаба, специально предназначенный для этой работы.

За допущенные нарушения корреспондент мог быть предан суду: за отлучку из рекомендованного ему расположения, непредставление в цензуру уже напечатанной статьи или иллюстрации, за неимение на рукаве повязки и др.; система наказаний за нарушения включала штраф до 10 тысяч руб., административное взыскание, лишение звания военного корреспондента с высылкой в отдаленные от фронта губернии и под надзор полиции до прекращения срока действия военной цензуры.

- *Перечень сведений, запрещённых помещать в печати по соображениям военной безопасности.* Он был опубликован 28 января 1914 г. Это был первый документ такого рода.

- *Положение о полевом управлении войск в военное время.* Оно было подписано Николаем II 16 июля 1914 г. По нему военное министерство и Главнокомандующий получали право закрывать органы печати без объявления их проступков, ограничиваясь указанием соответствующей статьи этого «Положения».⁵¹

- *Временное положение о военной цензуре,* утверждённое Именным Высочайшим указом 20 июля 1914 г.⁵² Оно было подготовлено заранее, о чём свидетельствуют публикации журнала «Право» (1914. № 30, 32, 44, 45).

- *Перечень сведений, касающихся внешней безопасности России или Вооружённых её сил или сооружений,* предназначенных для военной обороны страны, сообщение коих в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается на основании статьи 11 закона 20 июля 1914 г. о военной цензуре. Высочайше утверждённое 20 июля 1914 г. положение Совета Министров.⁵³ Это был новый, расширенный перечень, но

и его оказалось недостаточно. 26 июля появляется перечень с новыми дополнениями: нельзя стало писать «о содержании писем и телеграмм», «потерях в личном и материальном составе армии и флота», «о волнении среди жителей»; письма, направляемые из армии в редакции, должны были задерживаться на почте.⁵⁴

Представленный список документов определял готовность России к информационному обеспечению военных действий и охране её военных интересов. Основополагающим в этом смысле было *Временное положение о военной цензуре*, которая рассматривалась в нём как «мера исключительная», имевшая «назначение не допускать по объявлении мобилизации армии, а также во время войны, оглашения и распространения путём печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов сведений, могущих повредить военным интересам государства» (статья 1).⁵⁵

Триумвират министров – военного, морского и внутренних дел – получил право при необходимости изменять это положение. Такое же право было дано Главнокомандующему или командующему отдельной армией «в отношении подчинённых им местностей». Эти права военачальников опирались на ранее появившийся указ царя, в котором говорилось: «Представить Главнокомандующему или командующему отдельной армией, в случае необходимости, для успеха ведения войны право воспрепятствовать на определённый срок собственной властью в подчиненной им местности какие бы то ни было собрания и приостанавливать повременные издания, а также передачу почтовых отправок и телеграмм».⁵⁶

Временное положение санкционировало появление новых цензурных структур:

1. **Главной военно-цензурной комиссии** при Главном управлении генерального штаба. Она состояла из председателя, секретаря и 7 членов-представителей министерств – военного, морского, иностранных дел, юстиции, Департамента полиции, Главных управлений по делам печати, почт и телеграфов министерства внутренних дел.

2. **Местных военно-цензурных комиссий** при штабах военных округов. В них, помимо перечисленных, включался представитель местной гражданской администрации. Военно-цензурные комиссии были учреждены в Петрограде осенью 1914 г., в Москве – весной 1915 г.

3. Основным действующим лицом военной цензуры был **военный цензор**, имевший самые широкие полномочия, подробно изложенные в IV, VI и VII главах временного положения. Под цензуру попадали все массовые коммуникации общества, произведения печати, кино, публичные выступления, почтово-телеграфная корреспонденция.

Таким образом, военные власти в своих руках сосредоточили все цензурные функции в регионе, переведённом на военное положение, там, где они действовали, а также в значительной степени контролировали информационный процесс страны в целом. Наказания за преступления печати были ужесточены. Без разрешения военных властей нельзя было открыть типографию. С другой стороны, военачальники и губернаторы выступили в качестве добровольных цензоров. Они запрещали и ограничивали распространение в воинских частях либеральной и любой партийной литературы.

Та часть общественного мнения, которая находилась под влиянием Союза русского народа и правых консерваторов, подталкивала правительство к ужесточению цензурного режима. 27 – 29 августа 1915 г. в Саратове состоялось совещание монархистов, которое приняло обращение «Ко всем монархическим союзам и деятелям». Как единственно возможный путь «обуздания» журналистики, оно предложило усилить борьбу с крамолой, особенно зорко следить за местной печатью, не допускать в прессе статей, «возбуждающих против правительства и лживых статей».⁵⁷ В унисон с этими требованиями прозвучали речи от лица выразителей этой части общественного мнения в Государственной Думе. За всей этой кампанией политических речей и статей стояла проблема введения в государстве режима чрезвычайного положения.

Председатель Совета Министров Горемыкин в связи с этим откровенно говорил: «Разрешение такой задачи неосуществимо на почве общих законоположений о печати». Следствием этих настроений стало усиление цензуры. Журналистика попала под полный контроль военачальников. Главнокомандующий армией Северного фронта генерал Н.В. Рузский 26 сентября 1915 г., утвердил секретные «Правила по организации и исполнению военной цензуры в пределах Северного фронта», разработанные на основании 11-ой статьи «Временного положения о военной цензуре». В них предлагалось особое внимание уделять корреспонденции, адресованной в редакции газет; все сообщения военных корреспондентов и участников сражений в газеты из действующей армии должны получить разрешение «начальствующих лиц» на публикацию.⁵⁸ Попытки общественности ввести произвол военачальников, хотя бы в некоторые рамки, не увенчались успехом.⁵⁹

В сфере цензуры периода войны всё больше и больше властью стал использоваться принцип кнута и пряника, в качестве такого был так называемый рептильный фонд – прямая материальная поддержка угодных власти изданий (см. график).⁶⁰

График

Динамика прямой финансовой поддержки печати

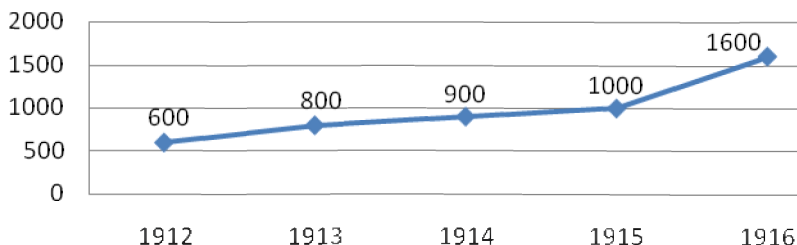

График показывает, что сумма субсидий печати в начальный период войны выросла в полтора, а затем более чем в 2,5 раза. Только две газеты «Армия и флот» и «Русский рабочий», предназначенные для ведения правительственной пропаганды в массовой аудитории, получили в 1916 г. более 400 тысяч руб., в 1917 г. (до революции) – 300 тысяч руб.⁶¹ Из этих сумм покры-

вался дефицит газет «Земщина» (144 тысячи руб.), «Московские ведомости» (17), «Голос Руси» (45), «Свобода и порядок» (14), «Русское знамя» (25), «Колокол» (13). Из этого же фонда получали дотации провинциальные газеты: «Южное слово», «Русская речь», «Киев», «Двуглавый орёл», «Волга», «Витебский вестник», «Кузьма Минин», «Минская мысль» и др. В годы войны владельцы банков тоже стали выделять определённые суммы на поддержку конкретных газет, в которых они были заинтересованы:

Русско-французский – «Новое время»,
Азовско-Донской – «Речь»,
Банкирская контора Лесина – «День»,
Текстильный синдикат Рябушинских – «Утро России».

Наконец, дело дошло до покупки правительством прав авторитетной газеты. Речь идёт о «Новом времени» – одной из газет-долгожителей. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов (с сентября 1915 г.) предложил Совету Министров проект секретного внедрения сторонников правительства в какую-нибудь из крупных столичных газет, чтобы подчинить её власти. С этой целью были скуплены акции «Нового времени» и затем по указанию Хвостова они были распределены по составленному им списку акционеров. Сделка состоялась в конце 1916 г. Несмотря на сопротивление министра финансов П.Л. Барка, по настоянию императрицы и Распутина была выдана ссуда на 160 паёв газеты, принадлежавшей Михаилу Суворину, по 5500 руб. за пай.⁶²

С нарастанием недовольства в обществе ходом военных действий власти, цензурное ведомство стало прибегать к старому методу запрета публикаций на острые темы: было запрещено печатать речи депутатов Государственной Думы; 31 мая 1915 г. Совет министров постановил «Устранить повсеместно в России из обсуждения в печати вопрос о досрочном созыве законодательных учреждений и о возможности образования коалиционного правительства»; в начале февраля 1917 г. последовало указание министра внутренних дел на запрет сообщений о забастовках на предприятиях и т.д.⁶³

7.5. Реорганизация системы журналистики

Преобразования в цензурном режиме государства сопровождались реорганизацией системы журналистики. «Может быть, никогда не было такой всеобщей жажды слышать и знать правду о том, что делается там, где бьются за Родину миллионы близких сердцу родных людей», – замечал в 1914 г. публицист Ф. Крюков на страницах «Русских ведомостей». ⁶⁴ Провинциальная пресса сообщала о повышенном интересе читателей к новостям с фронта: «Во многих деревнях грамотные и неграмотные крестьяне вкладчину выписывают газеты и по очереди ходят в волостное управление к приходу почты за ними, а затем собираются всей деревней в одну избу и читают вслух». ⁶⁵

Для удовлетворения этой потребности аудитории были использованы не только традиционные массовые коммуникации: листки, листовки, газеты, журналы, альманахи, сборники, брошюры, книги, но и только *зарождавшаяся система средств массовой информации*. С другой стороны, война, приведшая к искусственной активизации населения Земли, активизации толпы, заставила власти искать новые средства управления массами, воздействия на них, способствовала развитию новых массовых коммуникаций, радиосвязи и радиотелеграфа, кинематографа, фотоинформации.

Кинематограф. В период войны русский кинематограф бурно развивается. К 1912 г. он охватил все круги общества и проник повсюду. «Телефон, автомобиль и кинематограф только за последние десятилетия окончательно вошли в обиход жизни, стали подлинно её плотью и кровью», – констатировал В. Брюсов. ⁶⁶

Растёт киносеть, число фирм, выпускавших фильмы, увеличивается производство самих кинокартин, посещаемость кинотеатров. На 1916 г. в стране было более 1500 кинематографов, в том числе в Петрограде – 134, в Москве – 107. Первый русский кинооператор и фабрикант А.О. Дранков в 1914 г. выпустил до 80 картин. Особое место в кинопроизводстве заняло самое крупное в России акционерное общество по производству хроникальных, научно-популярных, игровых и мультиплика-

ционных картин – фирма А.А. Ханжонкова (1877 – 1945). Основной капитал фирмы в 1916 г. доходил почти до двух миллионов рублей, общий оборот кассы составил свыше трёх миллионов, объём производства кинофабрики – более 3 000 000 метров картин. В 1916 г. фирма выпустила 99 игровых фильмов.⁶⁷

Дадим слово свидетелям тех лет. «К темам разговоров тех дней о войне, о Распутине, Государственной Думе, театрах прибавилась новая – о кино. Появились пророки его... Появилась своеобразная кинотерминология: «король экрана», «звездочка полотняного неба...», – вспоминает И.Н. Перестиани.⁶⁸ Кино становится обыденным явлением. «За год до войны я видел аншлаги в кинематографе провинциального города: «Кровавая драма в 540 метров... – пишет журналист С. Елпатьевский. – Теперь кровавая драма развёртывается на протяжении не одной тысячи верст – страшная, как никогда, где кровь льётся, как никогда не лилась, где ужасы и зверства и геройство проявляются так, как не придумает никакой сочинитель, что может пресытить сердце самое жадное к пожарам, к кровавым зрелищам...».⁶⁹

Одной из важнейших составных успеха кино в тех условиях была актуализация его репертуара, который был военизирован. Кино документально и образно показывало то, что происходило на фронте. К этим причинам успеха русского кинематографа добавилось то, что был затруднён прокат иностранных картин из-за военных трудностей их ввоза. В это время кинематограф обретает характер массовой коммуникации: начинается выпуск хроникальных и событийных фильмов о боевых действиях армии, о подвигах её героев. В 1914 г. правительство создает Военно-кинематографический отдел **Скобелевского комитета** – единственную, государственную киноорганизацию, одновременно имевшую благотворительные цели: извлечение средств для оказания помощи раненым и увечным воинам. Этот комитет стал ведущим звеном в системе благотворительных учреждений военных лет (Земский союз, Союз городов и др.). В стране была создана сеть его отделений

на местах, которые устраивали благотворительные вечера, концерты, многочисленные аукционы-балы и т.п.

Его издательский отдел развернул бурную деятельность, наладив печатание патриотической, массовой литературы о войне, патриотических открыток и альбомов. Главной задачей Военно-кинематографического отдела был выпуск патриотических, военных, пропагандистских картин. Он имел монопольное право на производство военной хроники. В его составе было всего лишь 5 операторов-хроникёров. На передовых позициях снимали боевые действия войск четверо – П. Новицкий, П. Ермолов и два иностранца Эрколь и Доред. Пятый оператор Н. Топорков был прикомандирован к штабу Верховного Главнокомандования и занимался «штабной» хроникой.⁷⁰

В конце 1916 г. была предпринята попытка расширить съёмку боевых действий армии. 8 декабря по настоянию Начальника Штаба Ставки генерала М.А. Алексеева было принято решение отказаться от монополии Скобелевского комитета в производстве кино и фотоснимков в районе боевых действий. Главнокомандующие армиями получили право разрешать частным фирмам и предприятиям такие съёмки при том условии, что они не будут использовать иностранных кинооператоров и «лиц, не заслуживающих доверия».⁷¹

Съёмка в боевых условиях усложнялась громоздкостью киноаппаратуры, которая весила около трёх пудов. При этом трудно было рассчитывать на полноту съёмки, композиции кадров, что естественно сказывалось на качестве кинопродукции. Однако первые кинооператоры с честью выполняли свои задачи. Средства от проката фильмов Скобелевского комитета, в их числе было незначительное количество художественных картин, также шли на благотворительные цели.

Частные фирмы Ханжонкова, Патэ, Томона и др. производили фильмы другого содержания: о госпиталях, санитарных поездках, о раненых, беженцах, обучении солдат, т.е. показывали внутреннюю жизнь страны. Выходили тогда и художественные картины, непосредственно отражавшие войну и

имевшие тоже пропагандистский, политизированный характер: «Под грохот пушек», «Беженцы», «Дочь истерзанной Польши», «Умер, бедняга, в больнице военной», «Кровавый Восток» и др. В них описывались страдания, разлуки, зверства, насилия, любовь и дружба, взаимопомощь. Нередко такие фильмы использовали приёмы детектива, боевика; имели сенсационный, мистический и порнографический элементы.⁷²

Одновременно с развитием кинематографа появляется и кинопечать. В начале века выходило более 20 посвящённых проблемам кино журналов и газет в 8 городах страны, в Петербурге – 4 еженедельника и ежедневная газета, в Москве – журналы «Кинемо» (1909 – 1910 гг.) и «Кинематограф» (1910 г.), газета «Киолисток» (1913 г.).

Фотожурналистика. Воздействие синематографа на информационный процесс общества имело последствием усиленное развитие изобразительной информации и фотоинформации. Содержание журналистики включило в себя фотоинформацию как обязательный компонент. Единый процесс массовизации культуры общества был тесно связан с расширением аудитории журналистики за счёт массового читателя с потребностью к зрелищной информации; информации, обращённой к его чувствам. Эти обстоятельства привели к развитию репортажной фотографии и жанра фоторепортажа. Газеты и массовые, тонкие журналы («Нива», «Огонек», «Искры», «Солнце России» и др.) переключились на военную фотоинформацию. На начальном этапе войны это были снимки бесконечных патриотических манифестаций, «светских раутов по сбору пожертвований», посещений лазаретов особами царствующего дома, заседаний Государственной Думы. После поражений на страницах печати замелькали снимки солдат в окопах, беженцев в пути, переполненных лазаретов, захваченных трофеев, картины разрушенных городов.

Это была документальная фотография. Для отображения военных событий использовались «протокольные снимки с проработанными деталями», в потоке хроники встречались и репортажные кадры. Так, на обложке еженедельника «Искры»

(1915. № 6) был помещён фотоэтиюд «Наш чудо-богатырь», изображавший солдата в бекеше с винтовкой на фоне снежной равнины, – типичный постановочный портрет, как этот жанр потом назовут. На центральном развороте журнала была дана подборка фронтовых сюжетов из 12 снимков репортажного характера. В совокупности подборку фотографий, хотя и снятых в разное время, уже можно назвать репортажем.

«Фоторепортажа, снятого в бою, – замечает историк В.Т. Стигнеев, – не было, тогдашняя аппаратура не располагала к съёмке в боевых условиях». ⁷³ Однако операторам удавалось и тогда снять репортажные сюжеты, особенно в кадрах ближнего тыла: госпиталь, солдатская кухня, отдых роты на бивуаке, в жанровых сценах типа «добродушные русские солдаты угощают пленных табаком». ⁷⁴ На обложке «Огонька» (1916. № 42), например, был опубликован репортажный кадр «Погребение на позиции офицера и нижнего чина одного из полков»: у могилы – священник, строй солдат с винтовками, наготове – деревянные кресты. Журнал содержал и типичную для него полосу «Герои и жертвы войны 1914 – 1916 гг.» – фотомонтаж из снимков погибших.

Фотолетопись военных событий – итог труда корреспондентов впечатляет: опись фотоснимков и зарисовок, произведённых на фронтах войны за 1914 – 1916 гг., занимает 56 листов. ⁷⁵ Впервые изобразительная информация в журналистике была столь представительной. *Это время было переходным периодом к массовой фотоинформации в журналистике.* Профессия фотожурналиста, фоторепортёра, фотопортретиста становится в полном смысле узаконенной. Она была вписана в штатное расписание редакций, а главное – в официальный документ – Положение о военных корреспондентах в военное время, которое неожиданно на практике оказалось стимулирующим рост рядов военных фотокорреспондентов, так как за такого журналиста редакции вносили залог в 2,5 раза меньший, чем за военного корреспондента (соответственно – 10 и 25 тысяч руб.).

В мае 1915 г. «по Высочайшему соизволению» был сформирован «особый военно-художественный отряд», который был направлен на фронт. Его начальником назначили делопроизводителя военно-походной канцелярии гвардии полковника В.К. Шенка. В отряд вошли профессор батальной живописи Н.С. Самокиш, ученики высшего художественного училища при академии П. Котов, П. Митурич, П. Покаржевский, К. Трофименко и Рудольф Ференц, фотограф А. Штюрмер, матросы А. Герасин и П. Линник, ратники А. Селиверстов и А. Молодцов.⁷⁶ Чуть позже к отряду присоединился художник И.А. Владимиров. Об интенсивности труда мастеров живописи говорит выставка картин Владимирова, состоявшаяся 23 августа 1915 г. в залах Императорского общества поощрения художеств. На ней было представлено 125 работ Владимирова разных жанров. Только за 1915 г. в журнале «Нива» было напечатано 52 его произведения о войне.⁷⁷

В эти годы появились настоящие мастера фотографии. В их числе – династия Буллы, родоначальником которой был классик фотографии Карл Карлович Булла (1853 – 1929 гг.) и его сыновья Виктор и Александр, проявивший себя во время войны мастером фотографии. А. Булла был послан на фронт военным фотокорреспондентом редакцией журнала «Солнце России», где в 1915 г., к примеру, появились 46 его снимков разных жанров. Он активно публиковался и в журнале «Летопись войны». Здесь в том же году было помещено 32 его снимка.⁷⁸

Если К. К. Булла шёл к снимкам на военную тематику от классической фотографии, то другой известный фотокорреспондент – штабс-капитан А.В. Мартынов как художник – от рисунка. Рисунок в информационном процессе общества – наиболее древняя коммуникация, всегда лежавшая в основе его изобразительного ряда. В период войны Мартынов выступал в своеобразном амплуа художника-фотокорреспондента. В журналах печатались его репортажные рисунки, фронтовые зарисовки и снимки, отличавшиеся образностью сюжетов. Особенно редакциями ценились его фотоэтюды. Он сотрудничал

в журнале «Искра». Его произведения, посвящённые военному быту, героям войны помещались под рубрикой «Жизнь на фронте».

Боевой офицер С.А. Корсаков стал настоящим явлением именно в военной фотожурналистике, профессионалом военного репортажа. Четверть его работ – это снимки, фиксирующие боевые действия. Его произведениям как произведениям военного специалиста характерны взгляд изнутри, динамичный сюжет («Атака», «Атака конницы», «Перебежка», «Атака усадьбы» и др.), внимание к человеку, психологической стороне войны, показ войны и её солдат реалистично.⁷⁹

Потребность аудитории в изобразительной информации; появление корпуса фотожурналистов; востребованность их произведений, за которые редакции хорошо платили, а за выдающуюся фотоинформацию – платили огромные суммы; (в этом смысле рекорд поставила редакция лондонского журнала «The Sketch», по сообщению «Искры» (1915, № 14), оценив в 11 фунтов стерлингов (около 100000 руб.) снимок штыковой атаки)⁸⁰ – всё это вело к типологическим и содержательным изменениям в иллюстрированной журналистике:

- иллюстрированные еженедельники увеличивают на своих страницах объём фотоинформации и расширяют её диапазон;
- выходит в свет большое число новых иллюстрированных приложений к журналам и газетам;
- появляется новый тип издания для журналистской практики – альбом, близкий по характеру тому, что давно практиковалось во Франции как – увраж (ouvrage) – роскошное художественное издание большого формата, обычно состоявшее из гравюр. В России оно было приспособлено к массовому спросу. Так, альбом «Великая война» можно было заказать с разным числом снимков – от 25 до 5000.⁸¹
- налаживается массовое производство фото-изоткрыток; например, специализированное издательство «Мир и война» выпускала серию открыток «Война 1914 г.»;
- жанровая палитра фотоинформации обогащается. В журналах появляются целые портретные галереи героев войны.

В № 46 «Огонька» за 1914 г. им отведено под рубриками «Герои и жертвы Отечественной войны 1914 г.», «Герои Отечественной войны» более 4 страниц, вместивших 307 портретов.

- в журналистику вливается значительный отряд энтузиастов фотолюбителей. В журнале «Солнце России» в 1915 г. были помещены произведения 47 авторов.⁸²

Редакция журнала «Огонёк» (1914. № 45) писала: «Театр нынешней грандиозной и славной для России войны так обширен, что никакие специальные корреспонденты не в состоянии обслужить его и дать исчерпывающий фотографический материал, рисующий самоотверженную и полную геройства и лишений жизнь наших родных воинов». Редакция призывала воинов помочь журналистам «нарисовать яркую и подробную картину разыгрывающихся величайших событий»: «Ценен каждый штрих, каждая характерная особенность. Присылайте в журнал «Огонёк» фотографии с театра войны».

Другой вариант обращения редакция (1914. № 16) адресовала корреспондентам – художникам, фотографам – профессионалам и любителям. В нём перечислялась возможная тематика изобразительной информации: госпиталя, лазареты, эвакуация раненых, забота о них местного общества, работы общественной помощи жертвам войны, торжества по случаю побед, быт военнопленных и др.

На переходном этапе грань между фотопрофессионализмом и любительством не была ощутима. Военные условия положили начала фоторепортажу; определили становление одного из важнейших направлений фотожурналистики – её документализм, что соответствовало потребностям аудитории тех лет в оперативной, изобразительной информации. Эти тенденции получили развитие в ходе Великой русской революции и гражданской войны (1917 – 1920 гг.).

Радио и телеграф. Среди новых СМИ начинает проявлять себя и радио. Война способствовала консервации **радио в России как средства связи, телеграфа**. В этом смысле наблюдался большой прогресс радио. Именно в военные годы в стране сло-

жились три сети наземных стационарных радиостанций, принадлежавших:

- **военному ведомству.** Сеть включала в себя самые мощные радиотелеграфные станции – Царскосельскую под Петроградом (300 киловатт), Ходынскую такой же мощности в Москве, в Николаеве, Ташкенте и др.

- **военно-морскому ведомству.** Сеть состояла из береговых станций, державших связь друг с другом и кораблями военно-морского флота.

- **Главному управлению почт и телеграфов** Министерства внутренних дел. Это была служба гражданской радиосвязи, охватывавшая, во-первых, станции тех населенных пунктов Дальнего Востока, куда ещё не был проложен проволочный телеграф; во-вторых, станции на Крайнем Севере, предназначенные для передачи метеосводок; в-третьих, станции, расположенные в европейской прибрежной полосе и поддерживавшие радиосвязь с судами коммерческого флота.⁸³

К началу 1913 г. морской флот России насчитывал 167 судовых и 52 береговых радиостанции. Кроме того, в ведении почтово-телеграфного ведомства находились 16 радиостанций в разных городах страны, на Камчатке. В 1914 г. были построены первые искровые полярные радиостанции в Архангельске, на Югорском шаре, острове Вайгач и в Марре-Сале. Вступили в строй 100-киловаттная радиотелеграфная станция в Николаеве, мощные радиопередатчики под Петроградом и в Москве. В Твери начала работать специальная приемная радиостанция международных сношений.⁸⁴

В целом радиотелеграф использовался, по выводу историка В.Н. Ружникова, в качестве средства «узкой связи»: радиосообщения дублировали проводной телеграф, пересылая с помощью нового, более совершенного технического средства информацию телеграфного (служебного или частного) типа. Связь устанавливалась между двумя её участниками. Полностью была исключена возможность связи с массовой аудиторией. Радиостанции обслуживали ведомственные нужды. В масштабах страны не было единого органа управления ими, в общем объёме радиосвязи до-

минировала военная (более трёх четвертей).⁸⁵ В армии были созданы радиотелеграфные роты. Стал использоваться радиоперехват информации. Сообщения Германской главной квартиры ежедневно перехватывались Царскосельской радиостанцией и передавались по Морзе в Главное Управление Генерального Штаба.⁸⁶

Так или иначе, и тогда радио уже было необходимым звеном массовых коммуникаций. Из Зимнего дворца передавали сообщения государственной важности и высшего руководства страны; распоряжения царя и правительства, имевшие и политико-воспитательное, пропагандистское значение: радиотелеграммы шли на все фронты, где полевые типографии печатали их содержание в информационных бюллетенях, листках и листовках, военных газетах.⁸⁷

Таким образом, в этот исторический период впервые на практике журналистика стала функционировать как *система массовых коммуникаций, средств массовой информации*.

Печать. Конечно, основную роль в ней играла печать. И, в первую очередь, на обслуживание войны была мобилизована сеть официальной периодики. Дважды в сутки в Петрограде расклеивали информационные бюллетени «Правительственного вестника». Многие губернские, провинциальные газеты тоже выпускали экстренные телеграммы, информационные иллюстрированные приложения. Главное внимание уделялось мобильным, оперативным типам изданий – листкам, бюллетеням, листовкам, плакатам и др. В Петрограде только за полгода войны было выпущено 600 различных такого типа изданий тиражом около 11 млн. экз. Некоторые листовки печатались невиданным ранее тиражом – один млн. и более экз.⁸⁸

Издатель И.Д. Сытин наладил массовое производство патристических и разоблачающих врага плакатов (серия «Немецкие зверства»). Он привлёк к сотрудничеству таких блестящих художников, как Н.И. Рерих и Д. Моор. Получил широкое распространение плакат «Враг рода человеческого» с изображением германского императора Вильгельма II в виде чешуйчатой гадены, державшей в каждой руке по черепу с названием города, за-

хваченного немцами.⁸⁹ Император России наоборот был показан на плакатах как идеализированный, мудрый руководитель, а русские воины как герои, совершающие подвиги: «Рядовой Давид Выжимок под сильным огнём», «Женщины на войне» – о сестре милосердия Корокиной, плакат о подвиге Козмы или Кузьмы Крючкова, о котором много писали в газетах. Об этом легендарном казаке, первым полным георгиевским кавалером была выпущена целая серия брошюр: «Геройский подвиг казака Кузьмы Фирсовича Крючкова», «Славный герой казак, доблестный сын вольного Дона Кузьма Крючков, уложивший один в славном бою на смерть одиннадцать врагов-немцев», В. Вишняков «Первые герои в нашу войну. Былина о казаке Крючкове и казаке Соколове» и т.д.

Тот же Сытин с первых дней войны стал выпускать популярные брошюры патриотического содержания: «Фельдмаршал Суворов и его наука побеждать», «Наши герои в современной войне», «Наши братья славяне», «Храбрая Бельгия», «Россия борется за правду» и др. Только за первый год войны было выпущено более 50 таких книжек.⁹⁰

Правительство учитывало необходимость более широкой информированности общества: система периодики, особенно в начале войны, стала расти, что показано в следующей таблице:

Динамика роста новых изданий в годы войны
(число изданий)⁹¹

Год	1914	1915	1916
Газет	431	200	110
Журналов	411	280	240

По данным Министерства внутренних дел, в стране издавалось в 1915 г. следующее число газет и журналов:

Таблица

Статистика печати России 1915 г.
по языку:

	Газет	Журналов	Всего
Русский	715	1075	1790
Польский	35	110	145
Латышский	35	29	64

Эстонский	24	27	51
Немецкий	14	21	35
Армянский	14	18	32
Грузинский	17	13	30
Татарский	9	11	20
и др.			

по тематике:

	Газет	Журналов (инояз.)
Публицистика, политика, литература	569	128
То же – иноязычные	177	107
Церковная публицистика	10	136
Промышленность	2	101
Сельское хозяйство	3	72 (8)
Медицина	–	48 (6)
Сатира и юмор	1	32 (17)
Земское хозяйство и благоустройство	6	25
Торговля	10	16 (6)
Финансы	5	21 (1)
Спорт	7	13 (5)
Театр	5	15 (1)

Кроме того, выходило 10 газет и 1 журнал по рекламе, журналов: кинематограф – 11, мода – 11, миссионерское дело – 8, музыка – 8, богословские – 6, фотография – 6 и др.⁹²

В агитационно-пропагандистской работе в этот период власть взяла курс на развитие соответствующей идее народной войны *печати для низовой аудитории – армии и народа*. Уже в июле 1914 г. при Главном управлении по делам печати из представителей министерства внутренних дел и Главного управления землеустройства и земледелия был создан **Комитет народных изданий**, который должен был не только организовывать выпуск «полезных изданий», народной литературы, распространять её, но и контролировать её содержание. Министр внутренних дел предложил губернаторам и подведомственным им учреждениям «принять меры к наиболее целесообразной организации дела бесплатной раздачи сельскому населению посвящённых воен-

ным событиям народных изданий высочайше утвержденного комитета».⁹³

В начале 1914 г. стал выходить двухнедельный иллюстрированный военно-литературный журнал **«Армия и флот»**, дополнивший сеть официальных изданий. Для низших чинов армии предназначался листок **«Военная летопись»**, имевший достаточно широкую программу. Постановке текущих проблем его редакция посвящала передовые статьи. В листке были отделы: «Военные известия», «С театра войны», «Вести с Родины», «Известия из вражеской земли», «Немецкие трофеи», «Смесь» и др. Под рубрикой «Русские герои» в «Военной летописи» рассказывалось о подвигах русских чудо-богатырей, благодеяниях царя-батюшки и царицы-матушки и, наоборот, описывались чудовищные преступления, зверства немцев – врага-супостата.

В 1915 – 1916 гг. сеть печати, ориентированной на войну, расширилась. Получает развитие военная журналистика.⁹⁴ Возникает печать воинских соединений, выходят газеты – фронтовые и армейские: «Наш вестник» (Западный фронт), «Армейский вестник» (Юго-Западный фронт), «Вестник Кавказской армии», «Армейский листок» (II армия), «Последние армейские известия» (III армия), «Боевые новости» (V армия), «Известия» (XI армия) и др. Появились газеты: «В дни войны», «Великая война в образах и картинах», «Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза», «Вести с театра великой войны» и др. Для армии издавались журналы: «Воин и пахарь», «Дружеские речи», «Военный сборник», «Верность» и др.

Война со стороны России получила полное одобрение Русской Православной Церкви. В войне участвовало более пяти тысяч священников, которые не только благославляли на бой воинство, но и порой сами сражались. В листке «Военная летопись» был помещён цикл «Писем пастыря на театр войны духовному сыну». В «письмах» говорилось о том, что война не противна христианскому человеколюбию, что Бог оградит защитников святой веры – русских воинов. Проповедник-публицист призывал «нанести поражение» «врагам, попирающим святую веру нашу».⁹⁵

Духовное правление при протосвитере военного и морского духовенства издавало «Вестник военного и морского духовенства» (СПб., 1888 – 1917). В 1914 г. Святейший Синод приступил к изданию в Петрограде ежедневного «Приходского листа» (1914 – 1916, редактор проф. М.А. Остроумов; затем – П.П. Мироносицкий), рассчитанного на массовую аудиторию – сельское население, крестьян и духовенство. Он имел ежемесячное бесплатное приложение «Приходское чтение».

Печать РПЦ рассматривала войну как столкновение двух культур. Так, «Полтавские епархиальные ведомости» говорят о столкновении «культуры внутренней, духовной, зародившейся и воспитанной под животворным... влиянием духа Вселенского Православия в недрах славянских народностей» с немецкой, католической, которая такими достоинствами не отличается. «Новгородские епархиальные ведомости» вообще видят сущность последней в стремлении к «возвеличиванию бронированного кулака». ⁹⁶ Печать РПЦ благославляла паству на ратные подвиги во имя Родины, славил подвиги воинов-героев.

Широко использовалась в армии не только духовная журналистика, но и массовая по тем временам патриотическая печать разных политических направлений. В циркуляре Штаба Верховного Главнокомандования от 31 июля 1914 г. говорилось о «крайне желательном скорейшем снабжении воинских частей газетами патриотического направления и бюллетеней о событиях на всех театрах военных действий – нашем и наших союзников, дабы все воинские чины до передовых частей включительно имели возможность быть осведомлёнными об общем положении дел». ⁹⁷ В начале августа 1914 г. командующие фронтами получили приказ царя срочно организовать снабжение войска газетами и бюллетенями о боевых действиях. По решению генерала Н.В. Рузского с 16 декабря во всех воинских частях Северо-Западного фронта газета «Голос русского» (Москва) получалась бесплатно. Командующий Московского военного округа рекомендовал подчиненным ему частям выписывать иллюстрированный еженедельный журнал для солдат «Илья Муромец». ⁹⁸ Поддержку военачальников получало издательство В.А. Бере-

зовского, выпускавшего журналы «Разведчик» (1889 – 1917), «Вестовой» (1894 – 1918), «Витязь» (1907 – 1916) – журнал, рассчитанный на малограмотного солдата.⁹⁹

Патриотическое земство, создавшее 30 июля 1914 г. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, выпустило в 1915 г. более 120 изданий,¹⁰⁰ обращённых к сельскому населению, крестьянам. Пафос этой печати хорошо отражён в речи князя Г.Е. Львова (1861 – 1925 гг.), председателя Всероссийского земского союза, а после объединения осенью 1915 г. этой организации с Всероссийским союзом городов, образованным 8 – 9 августа 1914 г., и председателем Земгора. Львов на съезде земских и городских деятелей (1915 г.) сказал: «Ещё не поздно, и пока не поздно, нам нужно мобилизовать наши силы. Вся Россия должна слиться в единую военную организацию. На каждое требование армии она должна иметь один ответ: "Готово", "Есть". И для этого необходимо полное единение всех русских сил».¹⁰¹

Фактически вся пресса России поддержала военный курс правительства. «Подъём патриотических чувств, охвативший всю Россию после объявления войны с Германией, отразился, – сообщала агентура начальнику Главного управления по делам печати, – прежде всего в прессе, которая вся без различия направлений объединилась в горячих призывах к борьбе с врагом».¹⁰²

Особый успех в этот период выпал на долю тонкого иллюстрированного журнала «Огонёк». Его редактор В.А. Бонди, учитывая сложившуюся конъюнктуру, новые технические возможности, стал печатать в журнале галерею портретов награждённых воинов, раненых и погибших. У журнала сразу же увеличилась аудитория: в неё включились не только сами офицеры, но и их родные и знакомые.¹⁰³ К 1915 г. тираж «Огонька» достиг 800 тысяч экз.

В период войны испытывали расцвет в связи с особенностями типа издания альманахи и сборники. Их можно было выпускать по мере накопления литературного материала; привлекать к ним разных по мастерству авторов; публиковать в них са-

мые разнообразные в жанровом отношении произведения. В 1914 г. появилось 140 альманахов и сборников, в 1915 – 64, 1916 – 61, 1917 – 70. При этом военная тематика получила отражение в трети изданий 1915 г.¹⁰⁴ В эти годы вышли в свет альманахи: «Война» (сентябрь 1914 г.) с участием В. Арцыбашева, В. Брюсова, А. Куприна, Ф. Сологуба, А. Толстого и др.; в 1915 г. – «В тылу» и «Невский альманах. Жертвам войны» (Петроград), «В эти дни» (Москва), «Отзвуки войны» (Острогожск) и др.; сборники: «Немецкое зло», «Великая война», «История великой войны», «Вопросы мировой войны», «Клич» (16 марта 1915 г.) – самый большой, роскошно напечатанный и высокохудожественный по литературному уровню, и др.

Все альманахи и сборники выходили с благотворительными целями. Составители «Клича» сообщали: «Все участвующие в сборнике – писатели, художники и композиторы – дали свои произведения безвозмездно»; издательские, книжные, бумажные и типографские фирмы по подписке приняли на себя все расходы по напечатанию книги, нот и рисунков; редакции газет и журналов поместили бесплатно объявления; вся вырученная от продажи сборника сумма (34 020 руб.) поступила полностью на помощь жертвам войны.¹⁰⁵

Наибольшие сложности в это время встали перед **книгоизданием**: сильно выросли расходы по производству и распространению книг, сократилась сеть магазинов. Один из документов тех лет констатирует: «Бумага повысилась в цене..., её достать все труднее и труднее, бумаги для обложек совсем нет, необходимые краски нельзя получить, цинк для клише поднялся в цене втрое и стал плохого качества...»¹⁰⁶ Всё это привело к удорожанию книг и уменьшению их выпуска в свет. (См. таблицу)¹⁰⁷

Таблица

Падение производства книжной продукции в годы войны

год	1913	1914	1915	1916
названий книг (тысяч)	34	32	26	16

Как видно по таблице, число названий выпущенных книг сократилось почти вдвое. Существенные изменения претерпел книжный репертуар. Резко возросло число книг военной проблематики. В 1915 г. было издано военной литературы 1959 названий общим тиражом 18836000 экземпляров.¹⁰⁸ О войне писали многие известные писатели и поэты: М.А. Кузмин «Военные рассказы» (Пг., 1915), Е.Н. Чириков «Эхо войны» (М., 1915), В.А. Гиляровский «Грозный год» (М., 1916), Н.С. Гумилёв «Колчан» (М., Пг., 1916), Ф.К. Сологуб. «Войне» (Пг., 1915) и др. И. Бунин в интервью 26 апреля 1916 г. говорил: «С начала войны все ударились в военные темы. Потом, конечно, сбавили тон.». Действительно, начиная со второй половины 1915 г., наблюдался спад военно-литературного энтузиазма. Зинаида Гиппиус как обычно иронизировала:

А после, вдруг, таков у нас обычай, –
Военный жар исчез.
Изнемогли они от всяких кличей,
От собственных словес.

Периодика по сравнению с книжным делом наоборот испытывала подъём. **Газета** была доминирующим звеном журналистики тех лет. Наиболее авторитетными изданиями, «влиятельными» не только в России, но «особенно на Западе», как замечал В.В. Филатов, сотрудник «Русского слова», в официальной записке «О пользовании печатью» (1916 г.), подготовленной им для военного командования, были газеты: «Русское слово» (тираж более 700 тыс. экз.), «Новое время», «Русские ведомости», «Речь», «Биржевые ведомости», которые выходили двумя выпусками – утренним и вечерним. В структуре «Биржевых ведомостей» (издатель С. Проппер) были отделы: «Сведения о ходе боевых действий», «Мелочи войны», «Телеграммы», «Герои», «Из писем в редакцию», «На море», «На Ближнем Востоке», «Лазареты» и др. В газете сотрудничали видные публицисты и литераторы П. Струве, А. Измайлов, А. Аверченко, Н. Бердяев, В. Тан-Богораз, И. Ясинский и др.

Газета **«Новое время»** пользовалось в армии наибольшей популярностью. Армейское офицерство традиционно входило в её аудиторию. В период войны «Новое время» (редактор – М.А. Суворин) и «Вечернее время» (редактор – Б.А. Суворин) «пользовались особым вниманием Ставки Верховного и других штабов». ¹⁰⁹ Военачальники внимательно читали газету. Так, в ней была помещена большая статья «Поселянин», рассказавшая о трёх героях войны Панаевых. После её появления военный министр подписал рескрипт о даровании матери братьев Панаевых ордена св. Ольги и 3000 руб.

Журналисты суворинских изданий пользовались поддержкой военачальников. Военный корреспондент «Вечернего времени» Алексей Ксюнин стал одним из наиболее активных репортёров, добывавших самую оперативную информацию. Его корреспонденции и репортажи регулярно печатались в газете, а затем издавались и в виде книг. Большое распространение получила, к примеру, его книга-репортаж «Народ на войне», имевшая более 240 страниц. Автор посвятил её «Подвигам и служению русского солдата». Разошлось 6 тысяч экземпляров только её первого издания. В 1916 г. вышло второе. ¹¹⁰

Творчество Ксюнина типично для того времени. Журналист ведёт летопись войны страница за страницей, показывая патриотизм русского воина, его самоотверженность, готовность к подвигу. О динамичности, движении потока войны говорят уже заголовки его произведений: «Люблин», «По следам отступавших австрийцев», «Сандомир», «С парохода», «На Варшаву», «Ракитно», «Лодзь», «Бои вокруг Лодзи», «Вдоль окопов», «После ночных атак», «В штабе полка», «Перед Бзурой», «Против немецких батарей», «Под Варшавой», «Мёртвый город», «В Карпатах», «Из Варшавы», «В горах», «В Тарновце», «На Дунайце», «Горлице», «Ясло» и т.д.

Ткань военных корреспонденций и репортажей включает эпизоды боёв, зарисовки военного быта, диалоги, документы, дневники военнопленных, наблюдения автора, пейзажи в противопоставлении – мирные и военные, рисующие последствия сражений, на их фоне раскрываются страдания людей. ¹¹¹

В военном репортаже Ксюнин пытается представить воюющий народ во всех ракурсах: в бою, на привале, в походе, в отступлении, в окопах. Основным его героем является солдат: «Войска вписали в историю великой войны Красник, Янов, Красностав..., имена генералов Иванова, Алексеева, Рузского, Радко-Дмитрова, Брусилова и Лечицкого и, главное лицо – русского солдата».

Такие публикации, как репортажи и корреспонденции Ксюнина, отражавшие прозаические реалии войны, сближали газету с военной аудиторией.

«Русское слово». В период войны «Русское слово» установило рекордные для русской журналистики тиражи: 1914 г. – 500 – 600 тыс. экз., 1915 – 655, 1916 – 739, 1917 – 1 200. Газета лидировала на информационном рынке страны. Её редакция добилась ещё большей оперативности информации. Её издатель Сытин пошёл на новые затраты – нанял для связи с телеграфным агентством специального курьера, которого посадили на белую лошадь. И Москва наблюдала, как этот примечательный курьер доставлял в «Русское слово» самую свежую информацию, последние известия с фронта.¹¹² При мощных информационном и распространительном аппаратах газета получала сведения отовсюду, опережая сообщения официальных изданий.

Её официальный редактор Ф.И. Благов в переписке с военным министром и Московским цензурным комитетом прямо заявлял о патриотической позиции «Русского слова»: редакция стремится поддерживать в народе «бодрость духа и высокопатриотическое настроение», рассказывая о доблести русских воинов, их героических подвигах на фронте.¹¹³ Тем не менее, редакция с большим трудом добилась возможности иметь военных корреспондентов. Лишь в сентябре 1915 г. на фронт были допущены два её репортера и «художник-иллюстратор». Конечно, журналисты «Русского слова» всеми возможными способами и ранее добывали необходимую информацию о военных событиях.

Редакция создала определённую сеть информаторов, поставляющих её. Активно стал публиковаться в газете опытный военный корреспондент-писатель Василий И. Немирович-

Данченко, находившийся тогда за рубежом. Сам шеф-редактор «Русского слова» В.М. Дорошевич, можно сказать, на основе включённого наблюдения создал серию очерков, совершив путешествие навстречу потоку беженцев с Запада, где шли сражения, и провёл исследование, показав страдания тысяч людей, оставшихся без крова и пищи. Очерки не только публиковались в газете, но и вышли в виде книги «Крестный путь», переведённой на английский язык и изданной в Лондоне и Нью-Йорке в 1916 г.

На службу фронту редакция поставила не только содержание «Русского слова», но и всю свою деятельность. Она выпускала бесплатный информационный бюллетень с оперативными сводками о раненых; организовала бюро для выдачи справок о тех, кто во время войны оказался за границей; устроила за свой счет лазарет; собирала пожертвования и подарки для воинов. Многие сотрудники газеты, типографские рабочие делали взносы из зарплаты в фонд помощи раненым и увечным.

В период войны наблюдалось оживление партийной журналистики, среди которой преобладала кадетская пресса. Активизировалась печатная деятельность буржуазии. По подсчетам В.И. Ленина, а он умел учитывать силы идейных противников, 90 % политических газет России принадлежало «кадетско-октябрьскому блоку».¹¹⁴ Социал-демократическая печать в массе российской журналистики выглядела ручейком. Её легальные издания выходили кратковременно, по несколько номеров. Выпускались подпольные гектографированные и печатные (реже) бюллетени, брошюры, агитационная литература. Всего за годы войны вышло 27 разного типа изданий социал-демократов, 9 из них – легально, 600 различных листовок и прокламаций общим тиражом два млн. экз.¹¹⁵ Около половины листовок было напечатано типографским способом.

Зарубежная русская политическая печать в условиях войны численно уменьшилась. Её отдельные издания в Европе выходили с большими трудностями. Так, газета «Наше слово» (Париж, 1915 – 1916 гг.), по словам Л.Д. Троцкого, её сотрудника, «под ударами дефицита и цензуры, исчезая и немедленно появляясь под новым именем», «просуществовала в течение 2 лет».¹¹⁶ Под

давлением русской дипломатии она была закрыта. В Париже в эти же годы издавались газеты «Призыв» как общий орган социалистов, в 1916 г. – эсеровские «Отклики жизни». У большевиков продолжала выходить газета «Социал-демократ». Она издавалась нерегулярно тиражом 500 – 1500 экз., всего за годы войны появилось 26 номеров. В Нью-Йорке с 1911 г. по 1917 г. группой эмигрантов регулярно выпускалась газета «Новый мир» («Novy Mir»), ставшая прибежищем многих политэмигрантов (Ф.И. Дан, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, А.М. Коллонтай и др.). Она занимала оборонческую позицию.¹¹⁷

7.6. Показ журналистикой патриотического движения общества

Проблемно-тематический комплекс журналистики военного времени, находившийся под жестким давлением цензуры и на первом этапе войны – общественного мнения, охватывал:

- пропаганду справедливого характера войны со стороны России и её союзников;
- пропаганду идеи единения русского народа, его общественно-политических сил в отстаивании интересов России и показ борьбы за её воплощение в жизнь;
- рассказ о героических подвигах русских воинов, их смелости и мужестве; патриотическом движении помощи тыла фронту;
- репортаж с полей сражений и из «ближнего тыла»;
- хронику военных и дипломатических событий;
- сообщения о военных действиях войск союзников, о патриотическом отношении населения союзных стран к борьбе с врагом;
- показ негативного образа врага, раскрытие его коварных замыслов и захватнической политики, разоблачение его зверств и т.п.

Единение общества получило практическое выражение во всесторонней помощи тыла фронту. В журналистике была развёрнута мощная агитационная кампания, показывающая и пропа-

гандирующая это патриотическое движение. Была создана сеть специальных изданий:

- **столичных** – «Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов» (Петроград, 1914 – 1916 гг., ежемесячник); «Еженедельник Комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» (Москва, 1914 – 1915 гг.); «Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам» (Москва, 1914 – 1917 гг. Периодичность – 2 раза в месяц); «Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам» (Москва, 1914 – 1917 гг. Периодичность – 2 раза в месяц) и др.

Эти издания имели однотипное содержание. В них рассказывалось о деятельности учреждений и организаций по призрению семей воевавших, раненых и погибших воинов, об устройстве и обслуживании госпиталей, лазаретов, питательных и распределительных пунктов, складов тёплых вещей и перевязочных средств, организации санитарных поездов; печатались сведения о пожертвованиях, расходовании средств, поступивших в распоряжение названных организаций и учреждений, о помощи русским военнопленным за границей, обзоры и списки рекомендательной, профильной литературы и др.

- **провинциальных** – «Известия Казанского комитета Российского общества Красного Креста», учреждённого чинами Казанского учебного округа для помощи раненым и больным воинам (1914), «Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии» (Красноярск, 1915 – 1916 гг.); «Вестник помощи призванным на войну» (Омск, 1914 – 1916 гг.), «Вестник Царскосельского района» (Царское село, 1916 – 1917 гг., ежемесячник) и др.

- практиковался выпуск **однодневных листов и газет, листовок** – «Помощь раненым» (1914. 21 октября – газета Екатеринбургского управления Российского общества Красного Креста); «Красный Крест» (1915 – листок Попечительного совета Забайкальской общины сестер милосердия Российского обще-

ства Красного Креста в Чите); «Студенческий день» (1915 – газета комитета Томского студенческого благотворительного кружка) и др.¹¹⁸

Эту журналистскую кампанию помощи больным и раненым воинам возглавляла одна из старейших газет России – *«Русский инвалид, или Военные ведомости»* (1813 – 1917. Петербург, орган Военного министерства, в 1813 – 1842 гг. как «Русский инвалид»). Газета – военная, политическая и литературная, выходила в двух частях – официальной и неофициальной. В 1914 г. имела вечернее издание. Уже 22 июля 1914 г. наряду с Манифестом императора в газете было помещено сообщение об открытии по велению Государыни в залах Эрмитажа – Императорского Зимнего дворца склада вещей для раненых и больных воинов, где будут не только приниматься пожертвования вещами и деньгами, но и эти вещи изготавливаться, а также предоставляться работа на дом. В течение всей войны «Русский инвалид» будет подробно рассказывать о такого рода деятельности царской семьи.¹¹⁹

24 июля в газете было опубликовано обращение Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Общество находилось под покровительством Императора. Оно насчитывало около 800 местных организаций во всех регионах страны. Общество призывало граждан активно участвовать в его деятельности. Оно обращалось ко «всем русским гражданам, не могущим стать в ряды армии, русским женщинам» с просьбой объединиться в работе по оказанию братской помощи семействам уходящих на защиту Родины воинских чинов. Под рубриками «Общественная жизнь», «Внутренние известия», «Общественная хроника» «Русский инвалид» регулярно информировал о разных формах помощи фронту. Вот типичная подборка информации, помещённая в газете 29 июля:

- В Костроме Федоровская община формирует госпиталь на 200 кроватей, при которых состоят 5 врачей и 30 сестер милосердия.

- В Херсоне настоятель Бизюкова монастыря открыл лазарет для раненых на 150 кроватей и организует санитарный отряд из монахов.
- Во Владимире губернском сформирован этапный лазарет из 50 кроватей в составе заведующего, двух врачей, 6 сестер милосердия и 10 санитаров.
- В Могилеве на губернском собрании предводителей дворянства и депутатов дворянства постановили для облегчения бедствий, вызванных войной, произвести общедворянский сбор на нужды военного времени в размере 5 копеек с десятины дворянских земель и приспособить Дом дворянства в Могилёве для нужд армии.
- В Могилёвской, Херсонской, как и других губерниях, приняты меры по уборке урожая и посеву озимых всех крестьянских семейств, где в войска призваны единственные работники.
- В разных местах продолжают приниматься меры против искусственного, недобросовестного повышения цен на предметы общего потребления.

Подробно «Русский инвалид» показывает работу Красного Креста, в состав врачебных учреждений которого входило более 5000 мужчин и 4000 сестры милосердия.¹²⁰ Много места отводит эта газета и информированию о деятельности Русской Православной Церкви, направленной на помощь фронту: об открытии лазарета Святейшего Синода, учебе священников на курсах братьев милосердия, о госпиталях и лазаретах в монастырях. К примеру, 12 августа 1914 г. в заметке «О помощи монастырей на нужды военного времени» сообщается о том, что Александро-Невская лавра устраивает для больных и раненых воинов госпиталь на 100 человек, женский Иоановский монастырь в Петрограде – лазарет на 50 кроватей. Московские монастыри решили ежемесячно отпускать 12000 рублей на содержание лазарета. Во многих мужских монастырях отводятся помещения под лазареты, рассчитанные на 100-300 кроватей.

Большим разнообразием отличались сообщения «Русского инвалида» и вообще печати на тему «культура – фронту»: о благотворительных спектаклях и концертах, которые стали назы-

вать инвалидными концертами. В них участвовали Л.А. Собинов, Е.В. Гельнер, князь А.Н. Сумбатов, Ф.И. Шаляпин и др. Сбор средств от них шел на помощь раненым.¹²¹ Редакция «Русского инвалида» не только пропагандировала движение, но и организовывала его, публикуя аналитические и критические статьи.

19 августа 1914 г. в «Русском инвалиде» обстоятельно исследовались проблемы помощи семьям запасных, призванных в ряды защитников Отчизны. «Помощь русского общества, русского народа грандиозна. Но ещё грандиознее нужда. Миллионы работников, миллионы кормильцев семей ушли, оставив свои семьи без материального обеспечения, надеясь исключительно на помощь Божию и людскую. Эта надежда должна быть оправдана. Это долг русских граждан, долг всех оставшихся здесь...». В статье перечислялось то, что делает общественность: создаются бесплатные столовые; выплачиваются деньги семьям запасных; в их пользу, решая жилищный вопрос, организации предоставляют здания школ, складов. Но всего этого недостаточно. В статье предлагалось:

- поставить каждой обедающей семье за правило звать к обеду хоть одну из жён запасных; этим будет прокормлена не одна тысяча женщин и детей;
- военному ведомству хотя бы часть освободившихся на время войны казарм предоставить в распоряжение жён запасных;
- частным лицам предоставлять семьям запасных одну или две, а иногда и больше комнат в своих домах и квартирах.

К этому времени в «Русском инвалиде» уже печатались списки таких предложений от частных лиц:

«Графиня А. Капнист и М. Гишман в имении Болтосовке Хорольского уезда Полтавской губернии – дом-особняк с шестью палатами, столовой, кухней, прачечной и помещениями для фельдшера и сестры милосердия и сиделок, с полным оборудованием, содержанием и платой фельдшеру, сестре милосердия и сиделкам.

Шипунова, В.(асильевский) О.(стров). 17 линия, 10 – для 2 офицеров (без содержания) и 4 нижних чинов.

Фон-Ренкуль, Жуковская, 59, кв. 20. Для 10 раненых (если продукты не вздорожают, с содержанием)».

15 августа такой список занимал полторы колонки страницы. 18 августа в «Русском инвалиде» появилась статья, в которой подробно рассказывалось об устройстве патронатов для раненых и больных нижних чинов армии и их правовой базе.

7.7. Борьба за влияние на массы

Весна 1915 г. началась с поражения русской армии в Галиции, затем были оставлены Варшава и ряд других городов. В стране росли цены на продукты питания, процветала спекуляция. Политике внутреннего мира и единения народа угрожал кризис. Военный министр объявил Отечество в опасности. Министр внутренних дел в письме от 8 мая в Департамент полиции предложил обратить «самое серьезное внимание на настроение фабрично-заводских рабочих», выясняя при этом причины их недовольства.¹²²

В период кризисных ситуаций войны правительство для усиления своих позиций, для воздействия на общественное мнение и для нейтрализации оппозиционных настроений и социалистической пропаганды организовывало выпуск новых изданий под прикрытием частных. В конце 1915 г., когда, по мнению военного историка А.М. Зайончковского, «результаты кампании на Русском фронте вплотную поставили вопрос о положении России»,¹²³ власти стремились установить более тесные связи с народом через новую такого рода народную газету. 2 декабря в Петрограде вышел первый номер *«Русского рабочего»*, еженедельной газеты, посвящённой интересам фабрично-заводских служащих и рабочих. Инициатором её создания была группа рабочих-членов государственной Думы. Редактор – Е.А. Борк, одновременно возглавлявший газету «Свобода и порядок» (1913 – 1917). «Русский рабочий» издавался П.А. Москалюком и В.В. Зборовским в 1915 – 1917 гг.

Программная передовица первого номера отражала стремление редакции, то есть определённой и большей части рабочих, к стабилизации положения в обществе: «Теперь рабочие сознали сами пользу мирного труда и вред политических забастовок, раздирающих не только страну и отечественную промышленность, но и самих рабочих». Газета создавалась с целью восполнить пробел существовавший тогда в периодике. Для рабочих «крайне обидно и стыдно не иметь своей рабочей газеты». Она должна:

- выражать «действительное настроение большинства»;
- быть оппозицией «агентов немецких социалистов», которые натаскивают рабочих «на безумные проявления уличного социализма по программе Маркса»;
- пропагандировать «путь постепенного культурного развития рабочих и мирного труда» – именно он даёт рабочим желательный результат.

Социал-демократические идеи, «чуждые духу русского народа», сравнивались в передовой статье с немецкими ядовитыми газами, отравляющими душу рабочего. Газета выступала против «надоевших рабочим политиканства и партийности». Используя опыт социалистических изданий, редакция «Русского рабочего» приглашала читателей к сотрудничеству в газете.

Заявленную программу редакция активно претворяла в жизнь. Об этом говорят даже заголовки статей газеты: «Мы – русские рабочие, а не социал-демократические пролетарии», «Что такое социализм мечтательный, научный и уличный», «Рабочий народ и война», «Социал-демократический нарыв», «Кто издаёт левые рабочие газеты», «Ужасы революции и правления социал-демократов» и др. Столь откровенное антисоциалистическое направление «Русского рабочего» даже в условиях войны вызывало обвинение газеты в зависимости от Департамента полиции, что существенно снижало эффективность её выступлений.¹²⁴

Само появление проправительственной газеты с таким названием знаменательно. Правительство, наконец, в полном объёме осознало социальный слой – рабочих как силу, без воздейст-

вия на которую не возможен успех в проведении внутренней политики, тем более в условиях войны. К этому времени за влияние на эту часть массы (толпы) велась борьба всеми партиями. Рабочие естественно отстаивали интересы Отечества. Ориентированные на них наиболее известные, бывшие ранее в оппозиции власти политические лидеры: Г.В. Плеханов, основатель русского марксизма, и его ближайшее окружение, Н.С. Чхеидзе и его сторонники социал-демократы (меньшевики), лидер кадетов П.Н. Милюков и лидер анархистов П.А. Кропоткин и др. выступили с патриотическими призывами в поддержку войны.

В оппозиции по-прежнему оставалась незначительная группа социал-демократов (большевиков) во главе с энергичным и дальновидным лидером В.И. Лениным (Ульяновым). С опережением во времени борьба за влияние в рабочей среде была открыта социал-демократами, исповедовавшими марксизм. Она сначала проходила внутриутробно в самой социал-демократии. В период войны, когда осложнилось положение государства, она вышла наружу и в неё включились и власть, и представители капитала, что нашло отражение и в системе журналистики.

Рабочий вопрос, его проблемы выплеснулись на страницы прессы. Особый интерес здесь представляла дискуссия о военно-промышленных комитетах, то есть за единение в ведении войны производительных сил страны. Собственно эта проблема была составной частью общей дилеммы – за войну или против неё. Успешная оборона России была возможна при единстве производительных сил общества, направленных на укрепление военного потенциала государства, главную пружину которых и составлял слой рабочих.

Поражения армии на ратных полях заставили правительство страны сосредоточить усилия на развитии военно-промышленного комплекса. Находившийся на фронте публицист и литератор Г.Д. Гребенщиков образно писал в «Русских ведомостях»: «Главнее и замысловатее всего – наполнить каждый день бездонный желудок тысячеверстного русского фронта. И нет ничего на свете тленного и нетленного, чтобы не принимал и не сваривал этот желудок. Туда идут хлеб и железо, сталь и кожи, чу-

гун и овёс, мясо и свинец... Да где тут перечесать!... И все миллионами, миллионами».¹²⁵

Эти стремления правительства совпадали с интересами представителей капитала, которые к этому времени и в России осознали себя как общественную силу и созрели для участия во власти. В новой обстановке проявились властные настроения в среде буржуазии. В мае 1915 г. лидеры октябристов и прогрессистов (М.В. Родзянко, А.И. Гучков, П.Н. Рябушинский) впервые с начала войны поставили вопрос о доступе их партий к государственному управлению, включая участие в правительстве. В одном из выступлений председателя биржевого комитета П.Н. Рябушинского, по свидетельству начальника Московского охранного отделения, прозвучала мысль: поскольку правительство не способно «сорганизовать страну для победы», постольку возникает «необходимость для всех общественных элементов своевременности вступления на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти».¹²⁶

Газета «Утро России» 26 мая 1915 г. подчёркивала: «Впереди всех по ответственности возлагаемых на него упований должен стать производительный торгово-промышленный класс». Война с Германией была более всего выгодна именно русской буржуазии, объявившей себя защитницей экономических интересов страны. Война устранила конкуренцию на внутреннем рынке со стороны немецких промышленников и торговцев.

Укрепление позиций буржуазии в начале XX столетия вело к росту её изданий, росту их влияния в обществе. К «Торгово-промышленной газете» (1892 – 1918 гг.), газете «Утро России», имевшей с 4 по 27 сентября 1914 г. вечерний выпуск; журналу Совета Съездов представителей промышленности и торговли «Промышленность и торговля» добавляется «Финансовая газета», первый номер которой вышел 5 августа 1915 г. В этом издании сотрудничали многие видные экономисты, учёные, государственные деятели. В 1915 г. на страницах «Финансовой газеты» выступили с проблемными, аналитическими статьями: академик В.М. Бехтерев – «Институт народного хозяйства», профессора В.П. Генуель – «Русский рубль», М.В. Бернацкий – «Финанси-

рование войны на Западе и в России», И.М. Кулишер – «Введение подоходного налога», товарищ председателя Государственной Думы А.Д. Протопопов – «Налог на военную прибыль», председатель бюджетной комиссии Шубин-Поздеев «Бюджет Петрограда на 1916 год», автор книги «Финансы России» С. Хрулев – «Финансы России и её промышленность» и др. 2 января 1916 г. в газете было помещено обозрение-диалог «Наши торговые отношения с союзниками во время войны». В диалоге участвовали В.И. Тимирязев, В.Г. Дарси, Ю.В. Руммель. Каждый из них охарактеризовал отношение с одной из союзнических стран. В итоге обозрение создавало целостную картину этих отношений.

Выход в свет «Финансовой газеты» редакция журнала «Промышленность и торговля» приветствовала так: «Появление нового органа печати, посвящённого обсуждению назревших экономических вопросов – «Финансовой газеты» – как нельзя более отвечает требованию переживаемого момента, выдвинувшего перед общественным сознанием задачу немедленного и быстрого развития нашей промышленности».¹²⁷

Сам журнал «Промышленность и торговля» ставил проблему экономической самостоятельности наиболее глубоко по сравнению со многими изданиями. «Ликвидация немецких предприятий не изменит условий русского промышленного рынка. Эта мера имеет только политическое значение. **В России необходимо создание национальной экономической политики**», – говорилось в одной из статей журнала (1915. № 2. С. 69. Подчеркнуто нами. – Г.Ж.). С разрешением этой задачи был связан комплекс проблем. В их числе проблема координации возможностей промышленности, финансов и торговли. Об этом речь шла в статьях «Война», «Финансовая мобилизация», «Русская промышленность исполнит свой долг» (1914. № 15, 16).

Эти же вопросы обсуждались также «Утром России» и «Финансовой газетой», но уже с политической подоплекой: поставить национальную экономику может только сильная буржуазия – деятель нового типа – «просвещённый организатор, руководитель, созидатель». В передовой статье «Промышленность и

политика» редакция «Финансовой газеты» подчеркивала: «В среде промышленников должна быть образована и чисто политическая организация». В другой передовице «Интересы промышленности и партии» редакция прямо ставит вопрос о создании партии, отражавшей интересы буржуазии.¹²⁸

Такая постановка вопросов была связана и с поражениями русской армии на фронте, и с неспособностью властных сил изменить сложившуюся ситуацию. Газета прогрессистов «Утро России», выдвигая идею «правительства национальной обороны», в составе которого должны быть и «общественные элементы», писала 24 мая 1915 г. о том, что «наступил исторический момент, от умелого и сознательного использования которого зависит многое в будущих судьбах России». В другой статье редакция подчеркивала то, что «русская промышленность сумеет найти людей, которым вверит огромное государственное дело, а вместе с тем и свою судьбу как класса».¹²⁹

Редакция «Утра России» проводила идею о том, что наступило время, когда торгово-промышленный класс должен проявить волю и включиться в руководство государственным строительством (статьи «Политическая идеология либеральной русской буржуазии», «С кем идти?» и др.).¹³⁰ 3 сентября 1915 г. в газете была опубликована программа-декларация представителей промышленного и финансового капитала, которую они будут проводить с помощью печати и по которой их задачами были:

- величие и неделимость России,
- укрепление господствующего положения русской народности,
- введение конституции,
- децентрализация управления,
- расширение гражданских прав иностранцев,
- развитие народного образования,
- ограничение иностранной конкуренции и защита от нее «национального труда»,

- дальнейшее обеспечение «сельского населения землей путем укрепления в собственность уже владеемых участков и планомерной колонизации свободных земель на окраинах»,
- в социальной области – самодеятельность общества: свобода профессиональных организаций и буржуазии, и рабочих; отказ от государственного регулирования взаимоотношений между трудом и капиталом и др.

Эта декларация стала в период войны платформой деятельности буржуазии страны и её прессы. Её осуществление было возможным при условии единения всех сил России. Кадетская «Речь» писала 2 июля 1915 г.: «В последние дни на столбцах органов самых разнообразных направлений и от имени лиц и групп, настроенных в политическом отношении прямо противоположно, точно по предварительному сговору началось обсуждение одной и той же темы: как довести до народа, как сделать объявленный в недавнем рескрипте лозунг «всенародной» борьбы с врагом действительно всенародным лозунгом?».

Одним из шагов в решении этой проблемы было создание 22 августа после ряда совещаний представителей фракций в Государственной Думе под эгидой кадетов Прогрессивного блока для удовлетворения нужд, вызванных войной, устранения партийных разногласий и единения всех сил общества.¹³¹ 25 августа была опубликована Декларация Прогрессивного блока, где подчёркивалось, что «только сильная, твёрдая и деятельная власть может привести Отечество к победе и что такую может быть власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан».¹³² Декларация представляла собой программу демократизации общества.

В конце 1915 г. состоялся торгово-промышленный съезд, обсуждавший проблемы развития экономики в связи с необходимостью усилить снабжение армии вооружением и техникой. Ключевой проблемой, без решения которой не возможно было решить остальные, была проблема мобилизации всех производительных сил общества, в первую очередь, рабочих. Журналистика активно обсуждала этот вопрос.

В результате поисков реализации выдвинутых жизнью проблем была найдена новая организационная форма общественного сотрудничества – *военно-промышленные комитеты (ВПК)*, которые должны были сосредоточить все силы страны на помощи фронту. В мае 1915 г. сначала в Петрограде и Москве, затем в крупных городах страны были образованы ВПК. В июле состоялся Первый съезд ВПК, и на нём среди основных вопросов обсуждался вопрос о привлечении в ВПК рабочих. После этого в октябре на предприятиях состоялось выдвижение в ВПК представителей-рабочих.

Большинство социал-демократов с пониманием отнеслось к участию рабочих в ВПК. Всю печать в сентябре 1915 г. обошло воззвание за подписями Г.В. Плеханова, Н.Д. Авксентьева, П.Б. Аксельрода, Л.Г. Дейча и др. видных политических деятелей, которые подчёркивали: «Мы, подписавшиеся под этим воззванием, принадлежим к различным направлениям российской социалистической мысли. Мы расходимся во мнениях... Но мы решительно сходимся в том, что поражение России в борьбе с Германией явилось бы также поражением её в борьбе за свободу».¹³³ Авторы воззвания считали, что «положение таково, что к свободе нам нельзя прийти иначе, как идя по пути национальной обороны», поэтому рабочие должны участвовать в обороне страны.

В это же время в Петрограде и Москве прошли совещания социалистов-оборонцев. В декларации оборонцев Петрограда говорилось: «Защита страны, угрожаемой разгромом, есть кровное дело пролетариата. Защита страны есть социалистический долг и обязанность русских рабочих...».¹³⁴

В выпущенном тогда сборнике-манифесте «Самозащита» был объединён весь цвет социал-демократической легальной печати. Он открывался статьей старейшины социал-демократического движения Веры Засулич «О войне», призывавшей понять, что война грозит всему Отечеству, что от победы Германии больше всего пострадал бы рабочий класс. В центре статей этого сборника – двуединая задача: оборона страны и участие в ней рабочих.

Социал-демократы (меньшевики) организовывали при ВПК рабочие группы. Такая группа была создана и при центральном ВПК. Она выпускала воззвания, обращения, листовки и социал-демократический двухнедельный журнал «Путь» (1 окт. – 22 дек. 1916, 4 номера).

«Рабочие предприятий, работающие на оборону, – констатировала газета «День» (1915, 13 октября), – находят, что голос их представителей в ВПК будет ценен и полезен для будущего страны».

Вокруг выборов представителей рабочих в ВПК развернулась инициированная большевиками, выступавшими против участия пролетариата в этих организациях, ожесточённая борьба. Однако значительная часть рабочих во главе с социал-демократом К.А. Гвоздевым, рабочим петроградского завода «Эриксон», поддержала идею ВПК. Гвоздев был автором проекта установления гражданского мира между рабочими и буржуазией. Движение оборончески настроенных рабочих получило название гвоздévщина.¹³⁵ Легальная периодика социал-демократов (газеты «Рабочее утро», «Наш голос», журнал «Объединение» и др.) писала о том, что ВПК спасут страну от разгрома.¹³⁶ В социал-демократической печати развернулась полемика, в которой диссонансом звучал голос сторонников В.И. Ленина – пораженцев, принципиально выступавших за поражение царского правительства в войне, что может привести к столь желаемой большевиками революции.

Другую силу в ВПК, от которой во многом зависел исход войны, представляли промышленники и финансисты – буржуазия. Её выразителем на уровне власти стал А.Д. Протопопов – товарищ председателя IV Государственной Думы, председатель Совета съездов металлообрабатывающей промышленности. В сентябре 1916 г. он был назначен управляющим министерством внутренних дел и главным начальником Отдельного корпуса жандармов, а в декабре министром внутренних дел. А.Д. Протопопов попытался в видах правительства провести широкую систему мер для улучшения функционирования журналистики.

Министр стал практиковать написание писем в столичные газеты, где высказывал свое кредо: «Бичуя злоупотребления, разумная публицистика должна с любовью относиться к высоко-полезной народной предприимчивости, торговле и промышленности. Наивные предубеждения наших народников второй половины XIX века против капитализма должны быть оставлены. У России нет иного пути прогресса, как через капитализм... Пора понять и значение так называемых буржуазных свобод».¹³⁷ С этой целью у Протопопова возник проект газеты, принципом которой должна была стать идея «Единение всех – сила государства, залог победы».

14 ноября 1916 г. «Русские ведомости» сообщали: «Составление проекта организации новой прессы, а также изыскание специальных средств для этого взял на себя министр внутренних дел». Газета должна была иметь либеральное направление с тем, чтобы «подавить остальные влиятельные петроградские газеты и затем, оставшись единственным крупным ежедневным изданием», встать на защиту «интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде».¹³⁸ Предполагалось создать сеть таких изданий в столицах и крупных промышленных центрах.

Министр получил поддержку со стороны финансистов и промышленников, объединившихся в общество «Печать», утвержденное правительством, и собиравшихся получить в свои руки авторитетный политический орган. Новое издание обильно ими финансировалось. По словам газет, на него шли миллионы рублей. Ещё 15 июля 1916 г. Протопопов заключил соглашение с банками об ассигновании ими 5 млн. руб. – на сумму, превышающую смету любого другого предприятия, в три раза – всю смету репильного фонда на столичную и провинциальную периодику. В соглашении участвовало 10 крупных банковских объединений, но опекать будущее издание стали банки – Международный Коммерческий, Русский по внешней торговле и Санкт-Петербургский учётный, контролировавшие 43 крупных предприятия русской промышленности.

Протопопов стал не только основателем, учредителем газеты *«Русская воля»* (декабрь 1916 – октябрь 1917), но и её редактором. Вместе с ним её учредителями были профессор и ректор Петроградского университета Э.Д. Гримм, член ЦК партии кадетов, бывший товарищ председателя I Государственной Думы, профессор Н.А. Гредескул.¹³⁹ Учредители предполагали вокруг газеты объединить известных талантливых литераторов и публицистов, и этим обеспечить ей как можно большее число читателей. Газета *«Русская воля»* вышла в свет 15 декабря 1916 г. Ставший её видным сотрудником Леонид Андреев так характеризовал газету в письме к брату: «Я вошёл в члены редакции новой, большой и очень богатой петроградской газеты, основанной целой ассоциацией капиталистов и банков. Вошёл я лишь после того, как убедился, что газета будет широко прогрессивного направления, обеспечил свою самостоятельность и влияние на физиономию газеты».¹⁴⁰ Действительно, *«Русская воля»* имела вполне привлекательную программу, которая сводилась к следующим положениям:¹⁴¹

- «быть последовательными и непоколебимыми сторонниками беспощадной борьбы против Германии вместе с нашими союзниками – борьбы до конца, резкими противниками сепаратного мира»;
- «быть сторонниками органичного союза России с Англией и Францией после войны»;
- выступить «вполне солидарно с заграничной группой русских писателей, борющихся с так называемым пораженческим течением»; в связи с этим редакция называла Г.В. Плеханова уважаемым публицистом, который «удачно и остроумно определяет задачу словами "завершение реформы Петра Великого"»;
- однако в поданной заявке на издание газеты одной из основных её задач называлась «защита интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде»;¹⁴²
- быть в области внешней политики «сторонниками внепартийной прогрессивно-демократической программы»;
- быть в области социальной политики «сторонниками широкого социального законодательства прогрессивного характера,

защищая прежде всего интересы трудящихся масс»; редакция давала гарантии в том, что на страницах «Русской воли» не найдут поддержки «никакие классовые интересы промышленности, не совпадающие с общегосударственными и демократическими интересами России»;

- в области экономической «защищать мысль о необходимости широкого развития производительных сил страны и под углом этой основной мысли оценивать интересы как промышленности, так и сельского хозяйства, не отражая односторонних тенденций капитала, но имея в виду благо трудящихся масс».

Редакция «Русской воли» подчёркивала в первом номере газеты: «В тяжёлый момент, переживаемый нашей Родиной, мы считаем полемику неуместной... Мы выходим на арену общественной работы... с надеждами и планами положительного творчества». Успехом организаторов газеты было привлечение в число её творческих руководителей известного писателя и драматурга Л.Н. Андреева, создавшего при газете сильный литературный актив. Он руководил тремя отделами: беллетристики, критики и театра. По его словам, в них он имел полную самостоятельность, имел в газете «как бы собственный журнал по вопросам наиболее ему близким и важным».

При этом, поскольку у редакции был богатый денежный фонд, Андреев по договору получал в год за заведование отделом и статьи 36 тысяч рублей, за беллетристику – 1500 руб. за печатный лист и вырабатывал, таким образом, до 40 – 50 тысяч руб. в год. Кроме того, он мог иметь сколько угодно помощников и приглашать кого угодно, «независимо от редакции».¹⁴³ В газете сотрудничали А. Амфитеатров, И. Бунин, А. Куприн, В. Муйжель, В. Князев, Ф. Сологуб, известные публицисты, историки, профессора и др.

Л. Андреев в период войны испытывал творческий подъём и стал одним из певцов войны. Он даже обратился с призывом к литераторам думать о войне и посвящать ей стихи, пьесы, прозу. В статье «Пусть не молчат поэты!» Андреев укорял тех литераторов, которые не писали о войне: «Война занимает слишком малое место в духовной жизни русской интеллигенции. Это –

опасно. Это признак омертвления». ¹⁴⁴ Сам Андреев выступал с патриотической публицистикой во многих изданиях – «Биржевых ведомостях», «Дне», «Утре России», «Отечестве» и др. В 1915 г. вышел сборник его статей «В сей грозный час». С 13 апреля 1917 г. Андреев занял пост главного редактора «Русской воли». ¹⁴⁵

Опыт издательской деятельности промышленно-торговой и финансовой буржуазии периода войны показывает углубление процесса капитализации журналистики, роста роли в ней информационного рынка. Складывавшиеся отношения между капиталом и журналистикой известный публицист С. Мельгунов тогда же образно обобщал: «Как щупальцы спрута, всё теснее и теснее охватывают печать, а вместе с тем и писателя (напомним, здесь подразумевался и журналист – Г.Ж.), различные промышленные и банковские синдикаты, всё чаще и чаще писатель начинает просто котироваться по биржевой цене». ¹⁴⁶ С горечью констатирует М.К. Лемке: «Да, за десять лет после революции 1905 года газетное дело стало выгодным, обратилось в доходную профессию неучей и окончательно выкинуло за борт мечты об общественной кафедре, с которой ещё недавно люди моего поколения работали за меньшие вдесятеро гонорары и были горды своей деятельностью». ¹⁴⁷ Слова опытного журналиста и редактора фиксируют смену парадигмы русской журналистики в начале XX в.; те изменения, которые произошли не только в профессии, но и типологии печати, её контенте, её связях с аудиторией.

7.8. Военные корреспонденты

На самом деле, Андреев несколько преувеличивал, говоря о признаке омертвления. Хроника войны, военный репортаж и очерк занимали на полосах газет ведущее место. В прессе были введены новые рубрики «От нашего военного корреспондента», «Впечатления» и др. Однако в начале войны реализация обнародованного *Положения о военных корреспондентах в военное время* тормозилась военачальниками, которые регулярно отказывали редакциям в посылке на фронт журналистов. 20 июля

1914 г. начальники штабов военных округов получили от военного командования краткую и категоричную телеграмму: «Корреспонденты в армию допущены не будут». 16 августа главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Н.И. Иванов приказал «принять к исполнению, чтобы ни в какие штабы и войсковые части не допускались никакие посторонние лица, особенно корреспонденты». Многочисленные просьбы редакций «Нового времени», «Вечернего времени», «Вестника Европы», «Нивы», «Газеты-Копейки», провинциальных изданий зачислить военным корреспондентов их сотрудников получали отказы военного командования.¹⁴⁸

Лишь в конце сентября 1914 г. Верховное командование решило допустить в армию военными корреспондентами 10 журналистов (из них 4 иностранных). Они поступили в подчинение штаб-офицеру генерального штаба полковнику А.А. Носкову. В их числе оказались С.Ф. Бельский, Н.И. Кравченко, В.И. Немирович-Данченко, К.Н. Соломонов (Шумский), С.Н. Сыромятников («Сигма» от «Правительственного вестника»), А.М. Федоров, иностранные журналисты: японский – Оба, английский – Вильтон, Перс и Мьюз, французский – Нодо, американский – Вашбурн. 29 сентября «Новое время» поместило отчет «Военные корреспонденты у Верховного главнокомандующего», где проводилась мысль о содружестве командования и журналистов, готовности военных предоставлять обществу правдивую и точную информацию. Однако такого содружества не получилось.

М.К. Лемке, тогда штабной офицер и цензор, свидетельствовал о том, что вся информация была под контролем назначенного штабом офицера, который на практике требовал осуществления следующих наставлений, записанных Лемке дословно:

- начатая нами и не закончившаяся военная операция по возможности должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана;
- разгаданная нами операция врага не должна быть выяснена ему, чтобы обмануть противника своим поведением о замысле;
- всякий наш успех должен быть одобрен вполне;

- всякий наш неуспех в отражении удара – только в общих, неясных выражениях;
- наши потери и неудавшиеся операции и манёвры обходить полным молчанием;
- когда мы бьём немцев – писать «германцев», а если австрийцев – противника;
- фамилий нашего командного состава и названий частей не упоминать;
- взятых нами пленных подсчитывать почаше на разные даты, чтобы создавать иллюзию более значительного успеха;
- результаты действия неприятельских аэропланов обходить молчанием.¹⁴⁹

Этот своеобразный кодекс наставлений показывает уровень достоверности военной информации, поступавшей тогда в печать; сложность работы добросовестного журналиста в создаваемых военачальниками условиях. В конце 1915 г. при Ставке было образовано Бюро печати, которое должно было установить более плодотворные связи военного командования и печати, её военных корреспондентов. Оно расширило число военных корреспондентов в армии, но, по сути, не внесло никаких изменений в характер военной информации, поставляемой в периодику. В основных газетах страны появились военные обозреватели: Михайловский – в «Русском слове», К. Шумский в «Биржевых ведомостях», А. Ксюнин – в «Новом времени», И. Оглин – в «Русских ведомостях», Н. Владиславлев и Г. Перетц – в «Речи». В суворинских газетах «Новое время» и «Вечернее время» под разными псевдонимами («Я», «Вещий») выступал, получая от редакции хорошие гонорары, полковник управления генерал-квартирмейстера Ставки А.А. Носков, контролировавший деятельность всей печати.¹⁵⁰

Естественно, возможности сокрытия информации в военных условиях также ограничены. И при полном контроле военачальниками информационного процесса, сведения о войне достигают обывателя через слухи, свидетельства очевидцев, раненых, пленных, отпускников, беженцев, самих военнослужащих и т.д. Поэтому в зависимости от хода военных действий росло

число военных корреспондентов на фронте, изменялся и сам контроль за диапазоном информации печати. Так или иначе, он постепенно расширялся. Проблемно-тематический комплекс журналистики существенно модернизировался. На первый план в нём вышли темы:

- характер и новый образ войны;
- создание негативного образа врага;
- борьба за единение усилий всего общества в обороне страны;
- помощь тыла фронту;
- показ героики русской армии, подвигов конкретных солдат и др.

Война поставила военного корреспондента лицом к лицу с её реальностью. Журналистам пришлось осмысливать судьбу Родины, роль государства, трагедию народа, русские традиции, патриотизм и его исторические корни и т.д. Алексей Толстой писал позднее в автобиографии: «Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год)... Я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя застегнутый наглухо черный сюртук символизма. Я увидел русский народ».¹⁵¹

Реальная жизнь ворвалась в сознание молодого столичного литератора: «Я видел разрушенные города и деревни, изрытые траншеями, покрытые маленькими крестами, крестьян, молчаливо копавшихся в остатках пожарищ или идущих за плугом, просматривая – далеко ли ещё от него разрываются снаряды, и женщин, которые протягивают руку на перекрестке дорог, я видел сторожевые посты на перевалах Карпат и огромные битвы по берегам Сана, я слушал как вылетают из ночной тишины гранаты, я смотрел на наши войска в тылу и на месте работы». «Война раскрыла огромные темы, но у меня было плохое оружие, чтобы проникнуть в их глубину», – признавался А. Толстой, который был тогда молодым литератором.¹⁵²

Но войну он рисует точным публицистическим пером как общенародное дело, в котором находят выход силы народа, выполняющего «предначертанную волю». «Народ поднялся на войну, – пишет публицист, – без всякой романтической аффек-

тации, а как бы принялся за необходимое дело, притом, за самое привычное и наиболее умелое – хлебопашество (серпы пошли жать). И так, именно по-деловому, вёл себя русский солдат в течение всех трудных лет, проявляя «отношение к бою, как к работе». А. Толстой противопоставляет народу индивидуализм интеллигенции, её опустошенность и моральное падение (статья «Без крыльев»).

¹⁵³

Жажда творчества нашла воплощение в постоянном движении публициста. В его очерках «Письма с пути», печатавшихся в «Русских ведомостях», читатель побывает на полях Галиции, в городах Англии, на Кавказе. Путевые заметки Толстого отличаются наблюдательностью автора, художественным мастерством и высокой культурой литературного стиля. Толстой как художник слова буквально рос на глазах читателей. Ему становилась доступна любая сложная тема.

Газету «Русское слово» на фронте представлял, как его называли, первый русский профессиональный военный корреспондент, имевший богатый опыт участия в освещении войн, Василий Иванович Немирович-Данченко (1844 – 1936 гг.). В конце сентября 1914 г. он был включён в первую группу военных корреспондентов, созданную по решению Великого князя Николая Николаевича, и выехал на фронт.¹⁵⁴ В своём творчестве публицист выступает как патриот России: защита Отечества для него священная цель войны народов России, Франции, Англии против австро-германского милитаризма. Россию он представляет, следуя традиции, как защитницу славянских народов. В 1915 г. выходят в свет его большие статьи «Героическая Сербия», «Фердинанд – предатель и его спадассины», где он осуждает Болгарию, оказавшуюся в стане врага. Особенностью публицистики Немировича-Данченко было умелое переключение событий во времени, проведение исторических параллелей, реминисценция с прошлыми войнами. Немирович-Данченко послал в печать с фронта не менее 300 произведений.

В ряды журналистов влился большой отряд писателей и поэтов. Пошли на фронт с оружием в руках Н. Гумилев и А. Куприн. А. Серафимович служил как доброволец братом милосер-

дия. В. Брюсов, Е. Чириков, С. Городецкий писали о войне, будучи сотрудниками газет. В печати выступали как публицисты многие политики. Среди их голосов особенно авторитетно звучал голос Г.В. Плеханова. В феврале 1915 г. он обратился к обществу с воззванием: «Русских народ защищает свободу и независимость всех европейских стран, международное право и справедливость... Как бы ни была тяжела война, каких бы жертв она ни требовала, нельзя складывать оружие до тех пор, пока хоть один немецкий солдат остается на почве русской ли, французской, бельгийской или сербской – всё равно».¹⁵⁵

Сотрудничество в журналистике тех лет большого числа литераторов сделало её отличительной чертой сильное публицистическое начало. Однако журналистика под воздействием установившегося военного цензурного режима не могла дать достаточно правдивую картину, происходящих событий и царящих в обществе настроений. Цензурные ограничения вели к сокрытию негативных фактов: о промахах военного командования, огромных военных потерях, о росте народного возмущения войной, о забастовках рабочих, о жульничестве снабженцев и наживании на войне недобросовестными банкирами, промышленниками и торговцами капиталов и др.

И в этих условиях журналисты сумели показать не только героизм, проявленный русским воином, но и страдания, которые несла война человеку. Вместе с ходом войны информация такого рода, несмотря на цензуру, всё больше и больше проникала на страницы печати. Однако главное состояло в том, что негативная с официальной точки зрения информация циркулировала в обществе на уровне слухов, а также, хотя и в меньшей степени, её распространяла оппозиционная, подпольная и нелегальная печать. В условиях затянувшейся войны, тех поражений, которые несла армия России, сокрытие властью правды и её доставка читателю по названным информационным каналам вели к усилению негативного отношения в обществе к этой власти.

Примечания

1. Цит. по: Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975. С. 17.
2. Потапов Н.М. Печать и война. М., Л., 1926. С. 9. Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920.
3. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914 – 1918 годы. В 2-х т. Т. 1. Пг., 1924. С.306. Ludendorff, general. Mein Erinnerungen. Berlin, 1919.
4. Потапов Н.М. Указ. соч. С. 37 – 38.
5. Роуан Р. Разведка и контрразведка. М., 1937. С. 61.
6. Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 10.
7. Хрестоматия по отечественной истории (1914 – 1945 гг.). М., 1996. С. 10.
8. Ласвель Гарольд (Lasswell Harold D. – современный перевод фамилии – Лассуэлл). Техника пропаганды в Мировой войне. М., 1929. С. 61 – 62.
9. Там же. С. 113.
10. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915. С. 242.
11. Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 97.
12. Государственная Дума. IV созыв. Стеногр. отчёт заседания 26 июля 1914 г. Отдельный оттиск. Стб. 26.
13. Е. С. Популярная война // Русские ведомости, 1914. 3 сент.
14. Федотов А.С. Первая мировая война в русских литературно-художественных альманахах и сборниках (1914 – 1916) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – начала XX в. Сб. науч. трудов. Вып. II. М., 1990. С. 268.
15. Вечерний курьер. 1914. 10 окт.
16. Русский инвалид. 1914. 24 ноября; Колокол. 1914. 21 ноября.
17. Новое время. 1914. 9 дек.
18. См. подробно: Янов А.Л. Россия против России: Очерки истории русско-го национализма. 1825 – 1921. Новосибирск, 1999. – 363 с. Автор называет вступление России в войну с Германией в 1914 г. «во имя помощи сербам, имея в виду при этом и захват Константинополя» актом прямого самоубийства (с. 249).
19. См. подробно: Айрапетов О.Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление Николая II // Последняя война императорской России. Сб. ст. М., 2002. С. 158 – 261.
20. Дневник А.Н. Куропаткина. М., 1923. С. 36.
21. Русская мысль. 1914. № 12. С. 80.
22. Русские ведомости. 1915. 15 февр.
23. Современная война в русской поэзии. Пг., 1915. С. 160.
24. Там же. С. 115.

25. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика. 1994. С. 355.
26. Русская мысль. 1914. № 12. С. 91.
27. Майский В. Германия во время войны // Русские записки. 1914. № 1. С. 273.
28. Петербургский листок. 1914. 20 июля.
29. Биржевые ведомости. 1914. 1 – 5 авг.
30. Там же. 2 дек.; Гессен В. С врагом можно делать всё // Речь. 1914. 4 авг.
31. Утро России. 1914. 27 июля; см. подробнее: Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975. С. 76 – 79.
32. Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29. 4. 1915 по 1. 1. 1916. Т. 1. Пг., 1916. С. 3. См.: Нагорная О.С. Позитив и негатив: визуализация образов российских военнопленных Первой мировой в русской и немецкой пропаганде (1914 – 1917 гг.) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Сб. ст., Челябинск, 2008. С. 115 – 128.
33. Крюков Ф. Около газет (Из цикла в глубоком тылу) // Русские ведомости. 1914. 26 окт.
34. Государственная Дума. IV созыв. Сессия четвертая. Стеногр. отчет. СПб., 1915. Стб. 2, 93.
35. Асташов А. Б. Указ. соч. С. 55, 45.
36. Там же. С. 44.
37. Там же. С. 16 – 17.
38. Там же. С. 48.
39. Там же. С. 50 – 51.
40. См.: Лазаревский В. Россия и чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914 – 1918 гг. Париж, 1927; Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914 – 1920. Париж; Прага, 1928; О генерале Н.М. Потапове (1871 – 1946) см.: Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 75 – 78.
41. Лемке М. 250 дней в царской ставке 1916. Минск, 2003. С. 667.
42. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914 – 1915. Минск, 2003. С. 409, 415 В дальнейшем при цитировании: Лемке М. К. Указ соч. 1914 – 1915. С.; Лемке М. К. Указ. соч. 1916. С. 667.
43. Лемке М.К. Указ. соч. 1914 – 1915. С. 263 – 264, 225.
44. Асташов А.Б. Указ. соч. С. 47.
45. Там же. С. 48.
46. См. подробнее: Лемке М.К. Указ. соч. 1916. С. 29 – 140. Автор приводит множество цензурных документов, проектов, анализирует деятельность военачальников и цензурного ведомства; Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2-х частях. Ч. 2. СПб., 2003. С. 3 – 128.
47. Лемке М.К. Указ. соч. 1916. С. 9.

48. Цит. по: Дегтярев А.М. Печать молчания, или эпизод из истории одного московского интеллигентского общества начала XX в. // Вестник Московского ун-та. Сер. Журналистика. 1996. № 1. С. 68.
49. Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975. С. 18.
50. Лемке М.К. Указ. соч. 1914 – 1915. С. 164 – 173.
51. Бережной А.Ф. Указ. соч. С. 19.
52. Документы см.: Русская журналистика в документах: История надзора / Сост. О.Д. Минаева. – М., 2003. С. 231 – 242.
53. Документ см.: Там же. С. 229 – 231.
54. Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1914, отд. 1, № 203. С. 3097.
55. Русская журналистика в документах... С. 233.
56. Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1914, отд. 1, № 192. С. 3017.
57. Союз русского народа. По материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Пг., 1917. С. 326.
58. См. подробно: Лемке М. 250 дней в царской ставке 1916. Минск, 2003. С. 98 – 103.
59. См. подробнее: Жирков Г.В. От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914 – 1918 годов. СПб., 2012.
60. График составлен по данным: Падение царского режима. Стеногр. отчёты... В 7-ми т. Л., М., 1924 – 1927. Т. 3. С. 122.
61. Книга в России, 1895 – 1917 г. СПб., 2008. С. 48.
62. Падение царского режима... Т. 4. С. 126; Переписка Александра и Николая Романовых. Т. III. С. 501; Оксман Ю. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. Т. 2. М., 1932. С. 166 – 167.
63. Падение царского режима... Т. 1. С. 220 – 225; Лемке М.К. Указ. соч. 1916. С. 67 – 68.
64. Крюков Ф. Около газет (Из цикла в глубоком тылу) // Русские ведомости. 1914. 26 окт.
65. Смоленский вестник. 1914. 16 окт.; об этом же см.: Нижегородский листок. 1914. 11 окт.
66. Брюсов В. Избр. соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1955. С. 335.
67. Мыльников В. История издания одной книги (переписка А.А. Ханжонкова с В.Е. Вишневским) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 10. М., 1992. С. 415.
68. Перестяни И. 75 лет жизни в искусстве. М., 1962. С. 247 – 248.
69. Елпатьевский С. Перед грозой // Русские ведомости. 1915. 1 янв.
70. Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 181.

71. Асташов А.Б. Указ.соч. С. 59.
72. Зоркая Н.М. У истоков массового искусства в России 1900 – 1910 годов. М., 1976. С. 230 – 233.
73. Стигнеев В.Т. Век фотографии. 1894 – 1994. Очерки истории отечественной фотографии. М.: КомКнига, 2005. С. 26. К сожалению, в книге периоду Первой мировой войны отведено менее двух страниц.
74. Там же. С. 27.
75. Смородина В.А. Русский военный фоторепортаж на фронтах Первой мировой: особенности развития и персоналии // Последняя война императорской России. Сб. ст. М., 2002. С. 134.
76. Лемке М.К. Указ. соч. 1914 – 1915. С. 182.
77. Баторевич Н.И. «Всю жизнь я служил России...»: Жизнь и творчество художника И.А. Владимирова. СПб., 2013. С. 139, 140.
78. Смородина В.А. Указ. соч. С. 124 – 125.
79. См. подробнее: Там же. С. 127 – 130. Деятельность А.В. Мартынова и С.А. Корсакова впервые описана В.А. Смородиной.
80. Искра. 1915. Там же. С. 118.
81. Вся Москва: адресная и справочная книга на 1916 год. М., 1916. Стб. 736 – 737.
82. Смородина В.А. Указ. соч. С. 126.
83. Ружников В.Н. Так начиналось: Историко-теоретический очерк советского радиовещания, 1917 – 1928. М., 1987. С. 28 – 29.
84. Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Уч. пос. Ч. 1. М., 1972. С. 18.
85. Ружников В.Н. Указ. соч. С. 31 – 32.
86. Асташов А.Б. Указ.соч. С. 60.
87. Радиожурналистика. Учебник / Под ред. А.А. Шереля. – М., 2000. С. 17.
88. Владиславлев И.В. Русская литература о войне 1914 г. (оттиск «Библиогр. Еженедельника»). М., 1915.
89. См. репродукцию плаката: Временник русской книги. 1934. № 4. С. 225.
90. Коничев К. Русский самородок. Л., 1966. С. 256.
91. Подсчёт историка А.Ф. Бережного. Бережной А.Ф. Указ. соч. С. 27, 41. Данные не полные, кроме того, без учета закрытых изданий.
92. Все цифры по: Статистика произведений печати, вышедшей в 1915 году. Петроград. МВД. 1916. С. 89, 96 – 99.
93. Приходской листок. 1914. 20 сент.
94. О военной печати см.: Белов С.В. Издательство В.А. Березовского (Из истории военной литературы в России) // Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 85 – 90; Белогуров С.Б. Военная периодическая печать в России начала XX века // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 80 – 85.

95. Военная летопись. 1914. 10 окт.
96. Новгородские епархиальные ведомости. 1914. 12 сент. См.: Бережной А.Ф. Указ. соч. С. 29.
97. Потапов Н.М. Печать и война. М., Л., 1926. С. 45 – 46.
98. Лемке М. Указ. соч. 1914 – 1915. С. 152 – 153.
99. Белов С.В. Издательство В.А. Березовского... С. 85 – 90.
100. Земское дело. 1915. № 17. С. 1295.
101. Северные записки. 1915. № 5-5. С. 241.
102. Цит. по: Бережной А.Ф. Указ. соч. С. 34.
103. См.: Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М., Л., 1926. С. 308.
104. Федотов А.С. Указ. соч. С. 261.
105. Там же. С. 264.
106. Открытые письма и другие художественные издания Общины Св. Евгении Красного креста. Пг., 1915. С. 390.
107. График составлен по цифрам, приведенным в: Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX вв. М., 1931. С. 206,
108. Там же. С. 194.
109. Лемке М. Указ. соч. 1916. С. 61.
110. Ксюнин Алексей. Народ на войне (Из записок военного корреспондента). Пг., изд. 2-е (шестая тысяча), 1916. – 242 с.
111. См. подробнее: Жирков Г.В. От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914 – 1918 годов. СПб., 2012.
112. Рууд Чарльз. Русский предприниматель, московский издатель Иван Сытин. М.: Терра; Издательский дом «Экономическая газета», 1966. С. 198.
113. Там же. С. 199.
114. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 346.
115. КПСС. Справочник. М., 3-е изд., 1971. С. 90 – 91; Большевики в годы империалистической войны. М., 1939. С. 90, 204 – 205.
116. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 1., М., 1990. С. 277-290.
117. См. подробнее: Журналистика русского зарубежья XIX – XX вв. / Под ред. Г.В. Жиркова. – Уч. пос. СПб., 2003. С. 169 – 171.
118. Русская военная периодическая печать (1702 – 1916). Библиогр. указатель. М., 1959. С. 139 – 155; Горчева А.Ю. Нищенство и благотворительность в России. М., 1999. С. 130, 142.
119. При разработке этого сюжета использовано дипломное сочинение В.А. Яроновецкой «Тема общественной благотворительности на страницах русской печати» (науч. рук. Н.Л. Волковский). СПбГУ, 2002.
120. Деятельность Красного Креста // Русское слово. 1914. 23 июля.
121. Русский инвалид. 1914. 23, 29 окт., 4, 9 дек.
122. Цит. по: Бережной А.Ф. Указ. соч. С. 34.

123. Зайончковский А.М. Первая Мировая война. СПб., 2000. С. 476.
124. Газета «Русский рабочий» и её влияние на аудиторию не исследована. В советской литературе при разговоре о рабочей печати она использовалась в качестве «мальчика для битья».
125. Гребенщиков Г. Странички военного быта (Прощёное воскресенье) // Русские ведомости. 1916. 17 марта.
126. Буржуазия накануне Февральской революции. М., Л., 1927. С. 2.
127. Промышленность и торговля. 1915. 15 авг. С. 152.
128. Финансовая газета. 1915. 25 окт., 7 ноября.
129. Утро России. 1915. 30 мая.
130. Утро России. 1915. 3, 4 сент.
131. См. подробно: Гайда Ф.А. Прогрессивный блок в оценке русской либеральной оппозиции. 1915 – 1917 // Последняя война императорской России. Сб. ст. М., 2002. С. 92 – 114.
132. Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 253 (Приложение).
133. Современный мир. 1915. № 10. С. 195 – 200.
134. День. 1915. 6 окт.
135. Голостенев М. Гвоздев Кузьма Антонович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 144.
136. Объединение. 1915. № 14. С. 3.
137. Цит. по: Оксман Ю. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. Т. 2. М., 1932. С. 180.
138. Падение царского режима. Стеногр. отчёты... В 7-ми т. Л., М., 1924 – 1927. Т. 4. С. 472. О планах А.Д. Протопопова см. подробнее у Бережного А.Ф. Указ. соч. с. 59 – 60.
139. Былое. № 23. С. 226.
140. Андреев Л. Письма // Русский современник. 1925. № 4. С. 148.
141. Программа «Русской воли» обнаружена в архиве А.Ф. Бережным. Цит. по: Бережной А.Ф. Указ. соч. С. 61 – 62.
142. Оксман Ю. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. Т. 2. М., 1932. С. 179.
143. Андреев Л. Письма // Русский современник. 1925. № 4. С. 148.
144. Биржевые ведомости. 1915. 18 окт.
145. Чуваков В.Н. Андреев Леонид Николаевич // Русские писатели 1800 – 1917. Биогр. словарь. Т. 1. М., 1992. С. 69.
146. Мельгунов С. О современных литературных нравах. М., 1916. С. 4.
147. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1914 – 1915. Минск, 2003. С. 109.
148. См.: Лемке М.К. Указ. соч. С. 174 – 176.
149. Там же. С. 65.
150. Лемке М.К. Указ. соч. 1914 – 1915. С. 97, 409; Лемке М.К. Указ. соч. 1916. С. 667.

151. Толстой А. Собр. соч. в десяти томах. Т. 1. М., 1958. С. 57.
152. Толстой А. Полн. собр. соч. Т. 13. М., 19 . С. 566.
153. Там же. Т. 3. С. 10 – 11; Т. 2. С. 516.
154. Лемке М. Указ. соч. С. 175 – 176.
155. Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России. 1914 – 1917 гг. М., 1973. С. 53.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XX в. происходит обособление журналистики от литературного процесса, что является результатом качественных накоплений и изменений в информационном процессе общества, интенсификации происходивших процессов в нём и в целом в цивилизации. Это было время, определившее смену парадигмы журналистики. Технизация информационного процесса обогатила его новыми информационными технологиями, новыми изобретательными возможностями (развитие полиграфии, кино, фото, радио), заложило основы будущей системы массовых коммуникаций или средств массовой информации и средств массового общения.

Общемировые процессы – урбанизации, капитализации, социальной и географической миграции – сказывались на состоянии потенциальной аудитории журналистики, превращая её постепенно в реальную. Процесс капитализации освобождал информационный рынок от опеки государства, которая в России в связи с её геополитическими особенностями была особенно сильной и во многом определявшей состояние, качественные характеристики русской журналистики. Первая русская революция 1905 – 1907 гг. дала резкий толчок развитию демократизации информационного процесса. Власть при всём её стремлении вернуть статус-кво в журналистике не могла уже этого сделать в новых условиях обновлённого строя государства.

На новом информационном рынке происходило сближение информационных потоков – элитарного и самодеятельного, народного, который всё больше определял характер информационного продукта, способствовал массовизации информационного процесса, удовлетворению потребностей всё более массового читателя и зрителя. Это вызвало значительные изменения в типологии журналистики России. На информационном рынке ока-

залась первая кинопродукция, массовые журналы – развлекательные (бульварные, жёлтые и т.п.), рекламные, спортивные, рассчитанные на разные социально-демографические, профессиональные группы (женские, детские, молодёжные, для рабочих, среднего сословия, крестьян и др.).

Одновременно революционные преобразования общества сопровождались бурным, долго сдерживаемым властью процессом политизации всех сторон бытия россиян. Внутренняя политика самодержавия невольно подготовила качественную сторону этого процесса, его стремительность и стихийность, незрелость. Политика пронизала все сферы русской культуры, что повлекло за собой решающий сдвиг в информационном процессе – обособление журналистики от литературного процесса. Произошла профессионализация журналистики: место литераторов заняли репортёры, публицисты, хроникёры, политики и т.д. В системе печати появились новые политизированные типы изданий – партийные.

Проблемно-тематический комплекс периодики включил весь спектр политической тематики. Он расширился и за счёт последствий капитализации информационного процесса – экономической, спекулятивной, биржевой и т.п. информацией. Существенные изменения наблюдались и в русской публицистике. Процесс секуляризации общества получает возможность поставить в повестку дня качественные изменения в духовной сфере, переживавшей тогда в связи с состоянием Русской Православной Церкви, её прикреплённостью к государственным структурам кризис. Русская публицистика выходит на уровень философских, социально-политических обобщений, нашедших отражение в творчестве Л.Н. Толстого, П.А. Кропоткина, В.И. Ленина, которое вывело отечественную философскую и политическую мысль на мировую арену.

Оппозицией безудержной политизации общества стал поиск интеллигенции именно в духовной сфере жизни общества. Этот поиск был открыт нравственной публицистикой Л.Н. Толстого и завершился на том этапе появлением религиозной обще-

ственности, религиозно-общественной журналистики, практической философии и философской публицистики (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой и др.). Этот поиск получит продолжение уже в условиях постреволюционной эмиграции.

Всё вышесказанное позволяет назвать исторический период русской журналистики 1900 – 1914 гг. – её Золотым веком. Эпоха начала XX столетия, отличавшаяся стремлением общества к свободе и совершенствованию жизни человека и государственного строя страны, отличавшаяся творческим поиском интеллигенции России, давшим Серебряный век русской культуры, вынесла на своих плечах не только идеи Великой русской революции 1917 – 1920-х гг., но и уникальный эксперимент строительства нового (социалистического) общества; создала предпосылки для организации цивилизации на основе нравственного закона, духовно-нравственных принципов жизни человека.

Общество России начала XX столетия жило в предощущении надвигающейся катастрофы, революционных перемен. Фактически это время оказалось в обрамлении двух русских революций 1905 г. и 1917 г. Уроки Первой русской революции не пошли впрок власти, которая была убаюкана успешным экономическим развитием страны, расцветом её культуры. Наоборот, опираясь на них, власти России ввязались в Первую мировую войну.

«Для нас, не чистых политиков, людей, не ослеплённых сложностью внутренних нитей, для нас, не потерявших ещё человеческого здравого смысла, одно было ясно: *война для России при её современном политическом положении*, – пишет в своих дневниковых записях З. Гиппиус, – *не может закончиться естественно. Раньше конца её будет революция*. Это предчувствие, более, это знание, разделяли с нами многие» (Курсив наш. – Г.Ж.).¹

Такие настроения в обществе ширились и углублялись не только потому, что русская армия несла поражения, но потому что обществом всё более осознавался сам характер идущей войны, этой человеческой бойни, её бесперспективности, напрасных

жертвах: в обществе всё более созревало представление о неуправляемости государства, необходимости смены старой власти. Как обычно, в поэзии всё это находит лаконичное выражение. Вот строки отрезвления, созданные в январе 1917 г. поэтом Валерием Брюсовым, который сам пошел добровольно на войну и ранее воспевал её:²

Призывы светлые забыты
Первоначальных дней борьбы,
В лесах грызутся троглодиты
Под барабан и зов трубы!
... Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник...
И всё нелепей, всё нестройней
Крик о победе, дикий крик!

1 ноября 1916 г. лидер кадетской партии П.Н. Милюков в эмоциональной речи, произнесённой с трибуны Государственной Думы, подверг резкой критике деятельность правительства, возглавляемого Б.В. Штюрмером, фактически обвинив его в измене интересам России. Критика касалась и императрицы: «Я вам назвал этих людей: Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Эта та «придворная партия», победой которой, по словам «Neue Freie Presse» было назначение Штюрмера и которая группировалась вокруг молодой царицы».³ Хотя цензура и запретила публикацию этой речи, её текст разошёлся по стране в миллионах копий. 10 ноября Штюрмер был уволен в отставку. Вскоре последовало ещё одно событие, спровоцированное выступлением Милюкова и сыгравшее важную роль в настроениях общества.

«В ночь на 17 декабря 1916 г., – пишет в воспоминаниях бывший Председатель Государственных Дум М.В. Родзянко, – произошло событие, которое по справедливости надо считать началом второй революции – убийство Распутина».⁴ Революция действительно незамедлила себя ждать.

Первая мировая война, с одной стороны, завершила значительный этап истории России – правления династии Романовых,

с другой стороны, открывала неизвестную её страницу, но прежде, чем эта страница была открыта, страна была ввергнута в жестокую междоусобную борьбу. Трагедия получила продолжение в Великой русской революции 1917 – 1920-х гг., а журналистика структурно и содержательно отразила текущий революционный процесс.

Примечания

¹ История моего дневника // «Декадентская Мадонна». Публикация редакции // Санкт-Петербургские ведомости. 1995. 9 сент.

² Брюсов В. Тридцатый месяц // Его же. Избранное. М., 1979. С. 180.

³ Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 264 (Приложение).

⁴ Там же. С. 198.

Научное издание

ЖИРКОВ ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

**ЖУРНАЛИСТИКА РОССИИ:
ОТ ЗОЛОТОГО ВЕКА ДО ТРАГЕДИИ.
1900 – 1918 гг.**

Верстка и оригинал-макет – А.Ф. Семёнов
Авторская редакция
Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать Формат 60x84 ¹/₁₆
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 22,2. Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 150 экз. Заказ №

АНО «Ижевский институт компьютерных исследований»
426034, г. Ижевск, ул. Кооперативная, д. 5.
<http://shop.rcd.ru> E-mail: mail@rcd.ru
Тел./факс: +7(3412)50-02-95